ISSN 0236-2910

ВЕСТНИК
МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4. 2009

СЕРИЯ
ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ

Основан в январе 1990 г.

Выходит один раз в квартал

№ 4
2009

Серия
«Юридические науки»

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель Мордовский университет

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором), свидетельство ПИ № ФС77-38-554

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Сушкова Ю. Н. К вопросу о правовом статусе коренных народов Российской Федерации 7
Дудко И. Г. Конституционные преобразования в постсоветских государствах 10
Аймкин С. Н. Конституционные основания социальной ответственности бизнеса в России в условиях реформ 14
Любушкин В. А. Конституционно-правовой статус Республики Мордовия 17
Саннна П. В. Законодательное регулирование организации и функционирования системы стратегического планирования в регионе 21
Пилипенко С. Г. Официальная российская концепция местного самоуправления и содержание Европейской хартии местного самоуправления 1985 года 25
Потапов А. П. Правовое регулирование жилищной политики субъектов Российской Федерации в рамках реализации национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» 28
Потапова С. В. О развитии жилищного законодательства в субъектах Российской Федерации в свете реализации приоритетного национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» (на примере Приволжского федерального округа) 33
Алехин А. Е., Артемьева И. В. Проблемы реализации национального проекта «Образование» в Российской Федерации и ее субъектах 39
Еремин А. Р., Останков Д. Б. Проблемы временных ограничений конституционного права граждан Российской Федерации на участие в референдуме 44
Потапов А. П., Потапова С. В. Правовое регулирование жилищной политики субъектов Российской Федерации в рамках реализации национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» 50

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Луконькина О. В. Формы отмены правовых актов по российскому законодательству 59
Осипова Т. А. Общественная экспертиза: теоретико-правовой анализ 62
Степайкина Е. В. Ответственность государственных гражданских служащих: теоретико-правовой анализ 65

Уздимаева Н. И. Самозащита в трудовом праве Российской Федерации 67
Сухов Э. В. Современная теория естественного права в трудах российских ученых 70
Хохлова Е. М. Функции субъективного права в механизме правового регулирования: теоретические аспекты 73
Гладышева И. П. К вопросу о формах реализации юридического отказа по российскому законодательству 76
Назаров А. П. Правовой статус актов Общественной палаты Российской Федерации 80
Худойкина Т. В., Садина О. В. Ювенальная юстиция как гарантия правового статуса несовершеннолетнего 82
Червонюк В. И. Юридические технологии («правовая инженерия»): методологическое значение, природа, соотношение с юридической техникой, статус в системе правоведения 87
Лезина Е. П., Вилайкин А. В. Судебная система Франции 94

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Смирнова В. В. Ответственность за неосторожное лишение жизни человека по российскому законодательству (X — начало XX века) 97
Петрикова С. В. Преступления против жизни по Закону об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран 101
Худойкина Т. В., Шекшаева Е. В. Становление российского законодательства в сфере борьбы с коррупцией 106
Крапивина О. Н. Особенности правового регулирования порядка организации и проведения антикоррупционной экспертизы в субъектах Российской Федерации (на примере отдельных регионов) 109
Ямашкины А. С. Взаимодействие в процессе расследования побега из мест лишения свободы 114
Назарова Н. Б. Преступность несовершеннолетних. Пути преодоления 119
Подольный Н. А. Формы воспрепятствования расследованию со стороны молодежных преступных группировок 125
Анощенкова С. В. Усиление уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних 128
Чебуренков А. А. Проблемные аспекты гносеологической сущности деятельности по расследованию преступлений 132
Помнина С. Н. Уголовная ответственность за неуважение к суду 137
Малышкин П. В., Чукуров А. В. Тактические особенности предварительной проверки сообщений о криминальных банкротствах и их выявления 141

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Бурдина Е. В. Роль юридической науки в совершенствовании судебной системы на современном этапе становления информационного общества 146
Кусляйкин В. Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве 150
Пальчикова М. В. Сущность и значение постановлений и определений суда первой инстанции 152
Калинкина Л. Д. Повторное рассмотрение уголовного дела в кассационном порядке 154
Жадяева М. А. Кассационное производство как гарантия обеспечения прав и законных интересов личности в российском уголовном судопроизводстве 158
Якомаскина В. В. Существенное нарушение уголовно-процессуального закона в системе кассационных оснований к отмене или изменению судебного решения 162
Мамаев И. Н. Обеспечение прав подсудимого в ходе судебного разбирательства 167
Мухудинова Н. Р., Крысин В. В. Указания прокурора в российском уголовном судопроизводстве 171
Сухова О. А., Сафонова Л. И. К вопросу о расширении диспозитивных начал в механизме возбуждения надзорного производства по уголовным делам 175
Митяева Е. В. Непосредственность исследования доказательств по уголовному делу 179
Сухова О. А., Сардаева О. Г. К вопросу о совершенствовании установленного уголовно-процессуальным законом порядка непосредственного исследования доказательств в стадии кассационного производства 183

Шигуров А. В. Проблемы реализации принципа осуществления правосудия только судом 188
Шигурова Е. И. Некоторые проблемы, связанные с прекращением уголовного дела за примирением сторон 191
Фалеева Е. И. Рассмотрение уголовных дел коллегиальным составом суда по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации и Уголовно-процессуальным кодексам стран СНГ: сравнительный анализ 194

ГРАЖДАНСКОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Жоткина И. Н. Вопросы взаимодействия и координации деятельности природоохранных органов (на примере Республики Мордовия) 199
Абрамов В. Г. Концепция экологического правонарушения на современном этапе развития социологии и юриспруденции 203
Крылова Ю. А. Некоммерческие организации: теоретические и практические проблемы ... 206
Чудайкин В. А. Соотношение частного и публичного в правоотношениях несостоятельности (банкротства) 211
Нестерова Т. И. Правовой статус комнат в бывших общежитиях: границы правомочий собственника (нанимателя) 215
Родионова О. М. Гражданско правовая деятельность по созданию нормы гражданского права 218

ХРОНИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Монографии и учебные пособия юридического факультета 223

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 226

Главный редактор **С. М. Вдовин**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Шапкарин К. И. (зам. гл. ред.),
Черкасов В. Д., Полутин С. В., Мартынова М. Д., Прытков Ю. Н., Секин П. В., Арсентьев Н. М., Сидоркина Т. Н., Усанова А. А., Ерофеев В. Т., Реан В. В., Нищев К. Н., Чучаев И. И., Мосин М. В., Сушкова Ю. Н., Гуляев И. В., Железникова О. Е., Гуськова Н. Д., Буренина Н. В., Фомин А. П.

Ответственный за номер: *Кранцкина О. Н.*

Адрес редакции: 430005, Саранск,
ул. Большевистская, 68, комната 114.
Телефон: (8342) 24-25-18.
E-mail: vestnik_mrsu@mail.ru

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

В современных условиях обязательное требование времени — быть профессионалом своего дела, компетентным специалистом. А тот, кто умеет передать свой опыт и знания, более значимы и ценны для общества. Юриспруденция, бесспорно, на сегодняшний день одна из наиболее востребованных специальностей. Способность ориентироваться в изменяющихся условиях, находить верный ответ, дать совет в сложной жизненной ситуации — все это характеризует истинного юриста. Обучение на юридическом факультете позволяет познакомиться с правовой системой Российской Федерацией и зарубежных стран, сформировать навыки и приемы юридического мышления, составляет неотъемлемую часть подготовки высококвалифицированного специалиста-юриста, способствует формированию активной жизненной позиции.

Выпускники юридического факультета отличаются традиционно высоким уровнем востребованности и трудоустройства как в Республике Мордовия, так и в других регионах России. В зависимости от избранной сферы юридическая деятельность осуществляется в различных органах государственной власти и органах местного самоуправления. Ни одна организация не обходится без квалифицированной помощи юриста.

История юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева исчисляется с 1976 г. В настоящее время на факультете работают 9 докторов и 55 кандидатов наук.

Научно-педагогическая деятельность юридического факультета осуществляется в рамках следующих кафедр: теории и истории государства и права; государственного и административного права; уголовного права; криминалистики и криминологии; уголовного процесса; правосудия и прокурорского надзора; гражданского права и процесса; международного и европейского права; правовых дисциплин.

Факультет возглавляет заведующий кафедрой международного и европейского права доктор исторических наук доцент Юлия Николаевна Сушкова.

Кафедра государственного и административного права была образована 23 января 1980 г. С 1995 г. по настоящее время кафедру возглавляет доктор юридических наук профессор Игорь Геннадьевич Дудко.

Кафедра обеспечивает чтение шести основных курсов: «Конституционное право Российской Федерации», «Административное право», «Финансовое право», «Муниципальное право», «Конституционное право зарубежных стран», «Избирательное право». Преподавателями кафедры разработаны и читаются 12 спецкурсов.

Общая тема научного направления кафедры — конституционные основы деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Кафедра теории и истории государства и права создана в сентябре 1976 г. с целью обеспечить преподавание общетеоретических, исторических, государственно-правовых дисциплин, с которых начинается обучение на юридическом факультете. С января 1999 г. заведующим кафедрой является доктор юридических наук профессор Алексей Рональдович Ершин.

На кафедре осуществляется преподавание следующих основных и специальных курсов: «Теория государства и права», «Философия права», «История политических и правовых учений», «История отечественного государства и права», «История государства и права зарубежных стран», «История государства и права Республики Мордовия», «Таможенное право», «Информационное право», «Федерализм: теория и история развития», «Проблемы юридической ответственности», «Проблемы реализации местного самоуправления», «Проблемы правового регулирования отношений в сети Интернет».

Научные исследования членов кафедры проводятся в рамках общей темы — проблемы теории и истории государства и права в современный период.

Кафедра уголовного права, криминалистики и криминологии образована в декабре 1980 г. и до реорганизации в июне 1998 г. именовалась кафедрой уголовного права и процесса. В

настоящее время кафедру возглавляет доктор юридических наук доцент Николай Александрович Подольный.

Кафедра обеспечивает чтение шести основных курсов: «Уголовное право. Общая часть», «Уголовное право. Особенная часть», «Криминалистика», «Криминология», «Юридическая психология», «Уголовно-исполнительное право». Преподавателями кафедры разработаны и читаются 10 спецкурсов.

Тема научных исследований кафедры — совершенствование уголовно-правовых, криминалистических и криминологических мер борьбы с преступностью.

История **кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора** начинает отсчет также с момента создания кафедры уголовного права и процесса. С 30 июня 1998 г. и по настоящее время заведующим кафедрой является почетный адвокат России заслуженный юрист Республики Мордовия кандидат юридических наук доцент Любовь Даниловна Калинкина.

На кафедре читаются следующие основные учебные дисциплины: «Уголовный процесс (уголовно-процессуальное право)», «Правоохранительные органы», «Организация судебной власти в РФ», «Введение в юридическую специальность», «Прокурорский надзор». Преподавателями кафедры разработаны и читаются 7 специальных курсов.

Научная работа ведется в рамках единого научного направления — защита прав и законных интересов личности в уголовном процессе.

Кафедра гражданского права и процесса образована в 1983 г. В настоящее время ею руководит доктор юридических наук доцент Владислав Васильевич Никишин.

Кафедра обеспечивает чтение следующих учебных курсов: «Гражданское право», «Гражданское процессуальное право», «Трудовое право», «Экологическое право», «Семейное право», «Земельное право», «Коммерческое право», «Российское предпринимательское право», «Обязательственное право». Сотрудниками кафедры разработаны и читаются 15 спецкурсов.

Тема научных исследований кафедры — актуальные проблемы цивилистической науки и практики.

Кафедра международного и европейского права создана 5 мая 2008 г. Ее открытие стало важным результатом действия международного проекта Tempus Tacis Bolognia Juris. Заведующим кафедры является доктор исторических наук доцент Юлия Николаевна Сушкова.

Кафедра — образовательный и научно-исследовательский центр юридического факультета в сфере изучения правовой составляющей международных отношений. Ее научное направление — история развития и современное состояние международного и европейского права.

Сотрудниками кафедры осуществляется преподавание следующих учебных дисциплин: «Международное право», «Римское право», «Международное частное право», «Права национальных меньшинств и коренных народов в европейском и международном праве», «Европейское институционное право», «Право внутренних и внешних политик», «Право внутреннего рынка Европейского союза», «Коммерческое право зарубежных стран», «Международное уголовное право». По факультативам предусмотрено введение дополнительных предметов, позволяющих углубить знания студентов по проблемам международного и европейского права.

Кафедра правовых дисциплин образована в сентябре 1991 г. и первоначально называлась кафедрой правовой культуры. С августа 2003 г. кафедру возглавила доктор юридических наук профессор Татьяна Викторовна Худойкина. Кафедра организует преподавание правоведения и других правовых дисциплин на неюридических факультетах, а также преподавание ряда учебных курсов в рамках специальности «Юриспруденция»: «Проблемы теории государства и права», «Юридическая конфликтология», «Права и свободы человека и гражданина», «Юридическое делопроизводство».

Сотрудники кафедры осуществляют научные исследования в рамках общей теории права и юридической конфликтологии, развивая тему «Альтернативное разрешение правовых споров и конфликтов».

Сотрудниками юридического факультета в 2009 г. опубликовано 8 монографий:

1) Емелькина И. А. Теоретические проблемы вещных прав на недвижимое имущество. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. — 184 с.

2) Калинкин Ю. А. Производство по уголовным делам в окружных судах Российской империи. — М. : Юрлитинформ, 2009. — 208 с.

3) Калинкин Ю. А. Компетенция, структура и функции окружных судов Российской империи. — Саранск : Вектор-Принт, 2009. — 56 с.

4) Крашенина О. Н. Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. — М. : Юрлитинформ, 2009. — 240 с.

5) Родионова О. М. Источники гражданского права России : история и современность. — М. : Юрлитинформ, 2009. — 184 с.

6) Судебное производство по уголовным делам : монография / под общ. ред. Л. Д. Калинкиной. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. — 272 с.

7) Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. — 576 с.

8) Фомина Л. Ю. Унификация нормативной правовой терминологии. — Саранск : Вектор-Принт, 2009. — 152 с.

В 2009 г. на факультете был выпущен сборник научных трудов по результатам проведенной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного государства и права» (материалы Всероссийской научно-практической конференции. Саранск, 22—23 мая 2008 г.) / отв. ред. В. В. Никишин и Н. А. Подольный. — М. : Юрлитинформ, 2009.

26—27 ноября 2009 г. прошла Международная научно-практическая конференция «Юридические технологии в современном обществе и проблемы правовой деятельности». Организованы и проведены «круглые столы» совместно с представителями правоохранительных органов, иных государственных и муниципальных органов: «Женская преступность» (17 марта 2009 г.); «Изменения в законодательстве об оплате труда и занятости населения и проблемы их реализации в Республике Мордовия» (20 марта); «Взаимосвязь государственной и муниципальной службы: вопросы теории и практики» (21 мая); «Современный уголовный закон: состояние и вопросы реформирования» (11 сентября); «Обеспечение доступа к информации о деятельности судов в Республике Мордовия: состояние и перспективы» (18 сентября 2009 г.).

Юридическим факультетом МГУ им. Н. П. Огарева совместно с Верховным судом Республики Мордовия создан Научно-консультативный Совет при Верховном суде РМ, в состав которого вошли ведущие специалисты факультета. Совместно с Верховным судом издается журнал «Правосудие в Республике Мордовия». В 2009 г. заключено Соглашение о сотрудничестве с прокуратурой Республики Мордовия, в рамках которого создана Межведомственная рабочая группа. Вышел первый межвузовский сборник научных трудов «Юридическая наука в Республике Мордовия», издаваемый под эгидой юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Активную научно-исследовательскую деятельность ведут студенты факультета. В 2009 г. они приняли участие в научных конференциях и семинарах, проводимых в Москве, Одессе, Саратове, Екатеринбурге, Уфе, Нижнем Новгороде, Тольятти и других городах. Студентка V курса И. Артемьева провела научное исследование в рамках Студенческого малого гранта Саратовского центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции совместно с Университетом Джорджа Мейсона (США). Студентка IV курса О. Петренко является стипендиатом Главы РМ.

Факультет активно сотрудничает с ведущими вузами России: Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова, Казанским государственным университетом, Самарским государственным университетом, Саратовской государственной академией права, Уральской государственной юридической академией, Нижегородским государственным университетом, Нижегородской академией МВД России, Пензенским государственным университетом и другими.

Декан **Ю. Н. Сушкова**

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю. Н. Сушкова

В статье на основе изучения норм международного и национального законодательства анализируются вопросы правового статуса коренных народов Российской Федерации. Рассматриваются основные категории: понятие «этнические права» и обязанности коренных народов Российской Федерации.

Признание прав человека и необходимости защиты окружающей среды привели международное сообщество к признанию прав коренных народов (этносов) на самобытный путь развития. Осознание ценностей культуры традиционных сообществ обусловило необходимость создания механизмов защиты аборигенных народов и их среды обитания. С 1995 г. 9 августа отмечается как Международный день коренных народов мира.

В определении правового статуса коренных народов Российской Федерации особое место принадлежит международно-правовым актам, общепризнанные нормы и принципы которых считаются источниками права. Так, в отношении прав народов одним из первых фундаментальных документов международного характера является Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) [13]. В ней обозначены права, которыми могут пользоваться все «без какого бы то ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения». В рамках Всемирной кампании по общественной информации, начатой Организацией Объединенных Наций в 1988 г., Всеобщая декларация была переведена более чем на 40 языков коренных народов и была широко распространена среди общин коренных народов. В ходе Десятилетия образования в области прав человека Организации Объединенных Наций (1995—2004 гг.) особое внимание также уделяется важности образования в области прав человека для всех, включая коренные народы, с учетом тех проблем, с которыми они сталкиваются в процессе жизнедеятельности. Организация Объединенных Наций официально признала коренные народы в 1982 г., когда в Женеве была создана Рабочая группа по коренным народам, представляющая собой специальный форум экспертов по правам человека, позволяющий представителям организаций коренных народов и правительствам обмениваться мнениями по широкому кругу вопросов.

Помимо декларации, права коренных народов закрепляются в Уставе ООН, международных пактах: об экономических, социальных и культурных правах и о гражданских и политических правах (1966 г.), Международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 г.), Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него (1948 г.), Конвенции о биологическом разнообразии (1992 г.) [7—9; 15]. Непосредственно коренным народам посвящена Конвенция 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (1989 г.), однако она Российской Федерацией не ратифицирована [4].

В России, являющейся членом Совета Европы, действуют нормативно-правовые акты этой организации: Устав Совета Европы (1949 г.), Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств (1995 г.) [2; 14; 19]. В данных документах закрепляются основные права и свободы человека, которые должны обеспе-

© Ю. Н. Сушкова, 2009

чиваться без дискриминации по какому-либо признаку, в том числе этническому и религиозному. Они нацелены на обеспечение развития народов, сохранения их самобытности для утверждения демократической безопасности и мира на европейском континенте.

Основы нормативно-правового регулирования положения коренных народов определены в Конституции Российской Федерации [6]. Нормы Конституции этнического содержания можно подразделить на две группы: 1) нормы, характеризующие права народов в целом; 2) нормы, характеризующие права коренных малочисленных народов. Отдельным блоком представляются положения относительно национально-государственного строительства Российской Федерации. Трудностью в рассмотрении конституционно-правового статуса коренных народов является применение в тексте Конституции различных терминов: «национальные меньшинства», «коренные малочисленные народы», «малочисленные этнические общности».

В преамбуле Конституции Российской Федерации провозглашаются принципы равноправия и самоопределения народов, а также почитания памяти предков, передавших любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость. В Конституции определяется, что многонациональный народ, являясь носителем суверенитета и единственным источником власти, осуществляет власть непосредственно и через органы государственной власти и органы местного самоуправления (ст. 3). Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (ст. 9). В Российской Федерации признается идеологическое, политическое многообразие, запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной розни (ст. 13). Светский характер государства устанавливает запрет на признание какой-либо религии в качестве государственной или обязательной (ст. 14). Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина, в том числе независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений; не могут быть установлены ограничения прав граждан по каким-либо из указанных выше признаков (ст. 19). Каждый имеет право определять и указывать национальную принадлежность, и никто не может быть принужден к совершению данных действий (ст. 26).

К ключевым «этническим правам» можно отнести право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, право замены воинской службы альтернативной гражданской в случае соответствующих убеждений, право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, право на труд без какой-либо дискриминации, (ст. 26, 28, 37, 59). При гарантировании свободы мысли и слова устанавливается запрет на пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, равно как и пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ст. 29).

Помимо прав, государство определяет и обязанности, в том числе заботу о сохранении исторического и культурного наследия, сбережение памятников истории и культуры (ст. 44). Положения Конституции получили развитие в Федеральных законах «О библиотечном деле» [16], «О животном мире» [17], «О национально-культурной автономии» [18], Градостроительном кодексе Российской Федерации [1], «О народных художественных промыслах» [20], Земельном кодексе Российской Федерации [3], «Об альтернативной гражданской службе» [24], «Об охране окружающей среды» [23].

Правовое положение коренных народов тесно связано с формой государства. В рамках федерации как формы государственного устройства в России образованы национальные республики, автономная область и округа (ст. 65). Республики вправе устанавливать государственные языки, которые употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации, гарантируется право народов на сохранение родного языка и создание условий для его изучения и развития (ст. 68). Так, в Республике Мордовия государственными языками признаны русский и мордовский (мокшанский, эрзянский) языки (ст. 13) [5]. Более подробно вопрос о языках регулируется Федеральным законом «О языках народов Российской Федерации» [12]. Местное самоуправление осуществляется гражданами с учетом исторических и иных местных традиций (ст. 131).

Согласно ст. 69 Конституции Российской Федерации права коренных малочисленных народов гарантируются в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными

договорами Российской Федерации. Регулирование и защита национальных меньшинств относится к исключительному ведению Российской Федерации (ст. 71). К совместному же ведению Российской Федерации и ее субъектов относятся защита прав национальных меньшинств, охрана памятников истории и культуры, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей (ст. 72).

Положения о коренных малочисленных народах конкретизируются главным образом в трех Федеральных законах: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [11], «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [21], «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [22]. Законодательно сформулированы некоторые ключевые понятия, такие как «коренные малочисленные народы», «традиционный образ жизни малочисленных народов», «исконная среда обитания малочисленных народов», «общины и иные формы общественного самоуправления», «уполномоченные представители малочисленных народов», «этнологическая экспертиза». Так, коренными малочисленными народами считаются «народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» (ст. 1. ФЗ «О гарантиях...»). В законах закрепляется частичное признание обычая в качестве источника права, устанавливаются возможности его использования в судопроизводстве и, в частности, в сфере регулирования землепользования.

Существенной проблемой в сфере регулирования этнических прав остается отсутствие в законах единого подхода к выработке ключевых понятий: «народ», «коренные народы», «этнические общности», «национальные меньшинства», «религиозные меньшинства» и т. п. Терминологическое обозначение значительно влияет на действие того или иного правового режима. С принятием законодательства о коренных малочисленных народах их правовой статус получил определение, по этого нельзя сказать о национальных и иных меньшинствах, диаспорах, а также о коренных народах, численность которых превышает 50 тыс. чел. Оптимизация механизмов защиты прав народов должна предусматривать комплекс мер социально-экономического, политического, правового характера, ибо одностороннее воздействие не способно разрешить всех проблем, препятствующих жизнедеятельности этносов, сохранению их уникальности при поддержании и возрождении самобытных обычаев, традиций и верований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 7 мая 1998 г. // Рос. газ. — 1998. — 14 мая.

2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод к Протоколы к ней (1950 г.) // СЗ РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.

3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. // СЗ РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.

4. Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957—1990. Т. II. — Женева : Международ. бюро труда, 1991. — С. 2193—2207.

5. Конституция Республики Мордовия. — Саранск : [б. и.], 1995. — 44 с.

6. Конституция Российской Федерации. — М. : Элит, 2009. — 36 с.

7. Международная конвенция о предупреждении геноцида и наказании за него (1948 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1954. — № 12. — Ст. 244.

8. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1969. — № 25. — Ст. 219.

9. Международная конвенция о биологическом разнообразии (1992 г.) // СЗ РФ. — 1995. — № 8. — Ст. 601.

10. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1976. — № 17. — Ст. 291.

11. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : Федеральный закон РФ от 30 апреля 1999 г. // Рос. газ. — 1999. — 12 мая.

12. О языках народов Российской Федерации : Закон РФ от 25 октября 1991 г. // Рос. газ. — 2002. — 14 дек.

13. Права человека. Основные международные документы. — М. : Международ. отношения, 1989. - 160 с.

14. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (1995 г.) // Собрание законодательства. — 1999. - № 11. — Ст. 1256.

15. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. — М., 1956. — Вып. XII. — С. 14–33.

16. Федеральный закон «О библиотечном деле» от 29 декабря 1994 г. // Рос. газ. — 1995. — 17 янв.

17. Федеральный закон «О животном мире» от 24 апреля 1995 г. // Рос. газ. — 1995. — 4 мая.

18. Федеральный закон «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г. // Рос. газ. — 1996. — 25 июня.

19. Федеральный закон «О присоединении РФ к Уставу Совета Европы» (1996 г.) // СЗ РФ. — 1996. — № 9. — Ст. 774.

20. Федеральный закон «О народных художественных промыслах» от 6 января 1999 г. // Рос. газ. — 1999. — 15 янв.

21. Федеральный закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 20 июля 2000 г. // Рос. газ. — 2000. — 25 июля.

22. Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 7 мая 2001 г. // Рос. газ. — 2001. — 11 мая.

23. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. // Рос. газ. — 2002. — 12 янв.

24. Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» от 25 июля 2002 г. // Рос. газ. — 2002. — 30 июля.

Поступила 30.09.09.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

И. Г. Дудко

В статье рассматриваются проблемы конституционных реформ постсоветских стран, их политические (государственнические) и правовые итоги.

Конституционные преобразования 1990-х гг. в постсоветских государствах, имея целью радикальное обновление как выход из коммунистического прошлого, все же не завершены. Нельзя утверждать, что произошло «фасадное» обновление. «Перестроилась» Конституция, но в какой мере это удалось, вопрос остается открытым.

Постсоветские государства пережили сложный и противоречивый период формирования конституционных основ устройства демократического государства и общества. Правовые, а тем более политические, преобразования происходили в борьбе различных социальных сил (не только в столкновении с партийной коммунистической бюрократией), сопровождаемой моральными и значительными материальными потерями и издержками. Взрастить демократию в обществе быстро и безболезненно оказалось невозможным.

Избрав в качестве вектора развития конституционную демократию, постсоветские страны столкнулись с неизбежностью конституционной рецепции. Прежний советский

© И. Г. Дудко, 2009

конституционный опыт как наследие коммунистического режима за редким исключением отбрасывался. Наиболее привлекательным оказывался конституционализм США и стран Западной Европы. Предпочтение, однако, было отдано европейскому опыту. Полагаем, кроме близости социокультурного развития, два фактора стали определяющими.

Во-первых, идеал парламентаризма, который в различных модификациях укоренился в странах Западной Европы. Система являлась наиболее притягательной демократической формой правления, особенно для стран Восточной Европы и бывших прибалтийских республик СССР, ибо предоставляла возможности контроля за исполнительной властью и, тем самым, «снятие» проблемы рецидивов авторитаризма.

Во-вторых, для тех же стран важным был «уход» из имперских «объятий» России. Сделать это можно было, только «преклонив колено» перед Европейским союзом, осуществляя «ожидаемые» конституционные реформы. «Они, конечно, могли пренебречь этими ожиданиями, — замечает В. Осятынский, — что некоторые и сделали, и в итоге столкнуться с такими последствиями, как недопущение в Совет Европы, исключение из него и отказ от перспективы вступления в Европейский союз. Однако если страны желали войти в обозримом будущем в европейскую семью, они должны были адаптировать свои конституции к этим требованиям» [3, с. 55].

Во многом ориентацией на европейское право обусловлено введение в Конституции постсоветских государств новых для них институтов и конституционных положений. Заимствование на конституционном уровне таких институтов как, например, парламент, омбудсмен, Конституционный Суд, получило активное распространение, а положения о народном суверенитете и разделении властей стали неотъемлемой частью новых конституционных текстов. Но даже в случае прямой рецепции новые положения и институты получают «национальную» характеристику. Более того, они приводят к созданию не совсем «типичных» моделей. Например, президенты парламентских республик Болгарии и Литвы избираются на всеобщих и прямых выборах.

Конституционные заимствования наблюдаются во всех постсоветских государствах, но с разной степенью «глубины». Наиболее явственно это проявилось в странах, активно продвигавшихся в Европейский союз (Польше, Венгрии, Чехии и др.); в меньшей степени — в государствах — бывших восточных республиках СССР (Таджикистане, Узбекистане, Туркмении). Последние позиционировали себя как «независимых» участников международного сообщества, без открытого предпочтения тех или иных структур. Именно названные государства постоянно тяготеют к традиционному для Востока авторитарному режиму.

Фактор западного влияния не является определяющим. Опыт показал, что в ходе подготовки проекта Конституции важно реальное распределение власти. Так, победа сторонников Президента России Б. Н. Ельцина в противостоянии с Верховным Советом в процессе выработки новой Конституции России 1993 г. отразилась в конституционном закреплении обширных президентских полномочий. Напротив, незатихающая борьба между Сеймом и Президентом во время разработки новой Конституции Польши привела к ограничению президентских полномочий [1, с. 67].

Не меньшее значение имеют социальный и культурный факторы как сдерживающие влияние западных конституций. «Советский» образ жизни еще сохраняет воздействие. Понятно, что целостный перенос конституционных идей вместе с культурой и сообществом ее носителей обеспечивает глубокое и основательное заимствование, но это исключительный случай, не встречающийся в современной практике. Таким образом, как бы привлекательны ни были положения западных конституций, это не привело к основательному укоренению их в конституциях постсоветских государств.

Почти двадцатилетний опыт показывает, что советское прошлое не стало определяющим для посткоммунистических государств. Крушение СССР обнажило экономические и социальные различия, скрытые рапее под единой маской социализма. Следы разнообразных правовых традиций и культур были заметны и в советскую эпоху. Существовал исторический опыт, предшествующий социалистическому типу права и государства: демократические или полудемократические «воспоминания» у Польши, Венгрии, Чехии и др., только автократическое правление, как в Туркмении, Таджикистане и др. Некоторые страны несли из прошлого долгую историю претензий на самостоятельную государственность. Во многих случаях период постсоветского перехода являлся этапом реконструкции истории, национального самосознания, государственнических традиций.

Наиболее сложной оказалась практика формирования конституционализма, его «внедрения» в общественную среду постсоветских стран. Для укоренения конституцио-

нализма недостаточно нормативного оформления и эпизодической практики; он должен опираться на ценности общества, формируя правовую культуру общества в широком смысле. Очевидно, этот процесс является задачей нескольких поколений при условии легитимного действия власти. Нельзя сказать, что результаты современной практики «внедрения» конституционализма впечатляют достижениями и заставляют поверить в должное качество конституционного регулирования.

В постсоветских государствах сохраняется приоритет политики над правом. Политика, по сравнению с предшествующей социалистической эпохой, изменилась и вылилась в групповую (реже многопартийную) борьбу за власть и контроль за ней. Проблема объясняется отчасти отсутствием устойчивой парламентской многопартийной системы. Традиции политических партий не сложились, как и их деятельность в рамках соответствующей конституционной модели.

Во многих постсоветских государствах парламенты теряют привлекательность и авторитет. Первые симптомы проявились в ролевом «кризисе» верхней палаты. Так, по мнению В. Осятынского, польский Сенат был сформирован в рамках узкой политической задачи — осуществления демонтажа коммунистической системы. Когда же цель была достигнута, необходимость в верхней палате у унитарного государства отпала [3, с. 59].

Российский Совет Федерации, который задумывался как представительство интересов субъектов Федерации, так и не исполнил свою роль в полной мере. Даже после нескольких изменений процедуры формирования он остается «запасной скамейкой» политиков и бизнесменов разного уровня.

Если в ходе преобразований 1990-х гг. парламенты постсоветских стран выступали «мотором» реформ, то по мере вхождения в новую конституционную систему инициативу перехватила исполнительная власть (президент), даже в рамках парламентской республики. На практике сокращаются полномочия большинства парламентов, а полномочия исполнительной власти, напротив, разрастаются. Проблемы парламентаризма усугубляются частыми правками избирательных систем, снижением активности граждан на парламентских выборах и ростом абсентеизма.

Одной из важных составляющих кризиса парламентаризма является нарастание девальвации законодательной деятельности. Результаты, достигнутые в ходе реформации правовых систем постсоветских государств, действительно значимы, но все еще далеки от стандартов, на которых держится демократическое правовое государство. Отсутствие строго выверенной законодательной стратегии, проблема качества законов, нестабильность законодательства — последствия, ответственность за которые лежит прежде всего на парламентариях.

Каждая постсоветская Конституция в той или иной форме постулировала положения о социальных правах или социальном государстве. Суть последнего заключается в создании равных возможностей для всех членов общества, признании за каждым человеком права на необходимый для поддержания здоровья и благосостояния уровень жизни. Конституционные положения о социальных правах как важное наследие предшествующей эпохи были активно поддержаны гражданами в ходе конституционных реформ. Однако надежды на формирование социального государства не оправдались. Ни одна из постсоветских стран не отвечает принципу социального государства [5, с. 53].

Такие составляющие качества жизни, как адекватно оплачиваемый труд, доступ к образованию, медицинскому обслуживанию, нормальному жилью, гарантированные на конституционном уровне, на практике доступны очень немногим. Сложившееся неравенство возможностей создает основу для нестабильности. Идея конституционализма, к которой так активно стремились постсоветские государства, предполагает ясную и устойчивую иерархию норм и возможность путем конституционного правосудия оценивать действующее право. Все отрасли права должны были подвергаться строжайшему конституционному контролю, а их внутренняя система ценностей должна находиться под воздействием Конституции.

Во многих постсоветских государствах создание органов конституционного контроля стало своего рода символом разрыва с устоявшейся практикой социалистического управления и правосудия. В каждой стране конституционный суд мог стать важным игроком на вспахиваемом постсоветском поле. Кроме проверки переходного законодательства, конституционные суды играли легитимирующую роль. В условиях осуществления перемен орган конституционного контроля мог поддержать или дискредитировать первые шаги новых режимов. Следует признать, что в ряде случаев конституционные суды принимали решения, способствующие нарастанию напряженности в обществе и власти, как в России и Литве.

Сегодня конституционный контроль стал частью правовых систем посткоммунистических государств. Избранные структур-

ные модели и полномочия этих органов различны. Несходства в моделях конституционной юстиции, во-первых, свидетельствуют о реальности процесса изменений постсоветских стран; во-вторых, отражают пристрастия и амбиции политической элиты. В одних странах конституционный суд рассматривался как орган, главной функцией которого является разрешение споров между властями, в других — как созданный для защиты прав человека. Естественно, на практике наблюдаются значительные различия органов конституционного контроля (по численности, процедуре назначения и отставки судей).

Критериальным является вопрос о полномочиях суда. Однако заметим, что полномочия конституционного суда не могут быть поняты до применения им всего набора средств, доступных для выполнения задач конституционного контроля. Нормы, закрепляющие полномочия конституционного суда, оказывают определяющее воздействие на конституционное правосудие. Между решениями, вынесенными в процедурах предварительного и последующего контроля, существует значительная разница [4, с. 86]. Различаются решения суда и в зависимости от того, были ли они вынесены при абстрактном или конкретном конституционном контроле. Более того, существуют отличия между решениями в зависимости от того, кто был заявителем, — орган государственной власти или частное лицо.

Другой аспект деятельности суда — нормы процедуры. Далеко не все суды работают по принципу состязательности процесса, в котором не только гражданам, но и ветвям власти могут потребоваться опытные представители. Положения о конституционном статусе суда, его права, процессуальные нормы, а также круг лиц, полномочных обращаться с запросом или жалобой, способны оказывать влияние на конституционные решения. В постсоветских странах можно обнаружить примеры различных вариантов со множеством комбинаций. При этом нельзя сказать, что какое-то одно решение лучше остальных. Одни и те же институциональные и компетенционные модели могут положительно «работать» в одних странах и не «работать» в других [2].

Немаловажное значение имеет и социально-политический контекст действия суда. Суды либо стремятся поддержать равновесие в политике, либо содействуют одному герою на политической сцене. Есть разница между конституционным судом, который дает рекомендации законодателю и использует определенный набор внеконституционных инструментов, и судьями, которые при вынесении решений следуют указаниям высокопоставленных политических игроков. Возможно, существуют суды, которые следуют собственной политике, но нередко их решения являются отражением позиции определенной стороны. Периодически суды, чья задача — охранять Конституцию, совершают ошибки (литовское «дело о Президенте»), российское «дело о наделении полномочиями губернаторов», венгерское «дело о правительственном контроле за радио и телевидением»). Бессмысленно отрицать, что процесс перехода к конституционализму изобилует не «авторитетными» решениями конституционных судов. Все это существенно влияет на общепризнанное значение суда, его легитимацию. Здесь важен вопрос о том, насколько далеко заходит субъективизм суда и в какой мере он затрагивает конституционные устои. Несомненно и то, что конституционные суды формируют часть демократического правового порядка. Действующие суды, их решения есть свидетельство серьезной попытки развития конституционной догмы.

Таким образом, конституционализм как новый тип правопорядка, формируемый в постсоветских государствах, далек от завершения. Требуется достаточно длительный срок, для того чтобы сформировалась среда, адекватная конституционным установкам, а текущее право наполнилось нравственным содержанием и перестало быть уделом исключительно «сиюминутной» политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Гарлицкий Л. Л.** Институт президентства в новой Конституции Польши / Л. Л. Гарлицкий // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. — 1997. — № 3—4. — С. 67—74.

2. Конституционный суд как гарант разделения властей : сб. докл. / Ин-т права и публич. политики ; ред. О. М. Валцева [и др.] ; авт. вступ. ст. А. Бланкенагель. — М. : Ин-т права и публич. политики, 2004. — 286 с.

3. **Осятынский В.** Парадоксы конституционного законотворчества / В. Осятынский // Сравнит. конституцион. обозрение. — 2004. — № 3. — С. 53—67.

4. **Халман Г.** Венгерский Конституционный суд — законотворец или часть судебной системы? / Г. Халман // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. — 1999. — № 3. — С. 86—94.

5. **Шепелин К. Л.** Защита социальных прав с позиций реальной политики / К. Л. Шепелин // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. — 2003. — № 1. — С. 52—66.

Поступила 30.09.09.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ

С. Н. Алямкин

В статье осуществлен сравнительный анализ социально ответственной нормативки европейского конституционного права и Конституции РФ 1993 г. Исследование показало, что основание социальной ответственности бизнеса — система публичного права, представляющая собой концепции общего блага и социальной справедливости, как это присуще романо-германской правовой семье, присутствует в европейских конституциях, но отсутствует в Конституции РФ 1993 г. Автор, продолжая идеи исторической школы права — К. Савиньи и Ш. Монтескье, отмечает ошибочность переноса правовых систем с одной социальной реальности на другую.

Конституция является основой социальной структуры, системой правил высших порядков, регулирующей и контролирующей другие институты. Еще Аристотель назвал право мерилом справедливости, поэтому естественно, что основной закон государства должен включать интерпретацию общественного блага, которая основывается на некоторой концепции справедливости.

Осуществим сравнительный анализ европейских конституций второй половины XX в. и Конституции Российской Федерации 1993 г. с точки зрения содержания в них оснований социальной ответственности бизнеса.

Центральным звеном конституционного права являются права и свободы человека и гражданина. В современной юридической науке получила признание теория трех поколений прав человека:

— свобода: политические и гражданские права;

— равенство: экономические, социальные, культурные права;

— братство: солидарные права коллективов.

По мере роста общественной солидарности формируются права четвертого поколения — права и обязанности культурно-исторических типов и их формы жизни и субъектов.

В Конституции РФ фактически отсутствуют права четвертого поколения. Содержатся положения о праве народов России на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ст. 68); о свободе творчества и охране культуры вообще, но не русской и не этнической культуры (ст. 44) [4]. Полагаем, что для реализации концепции социальной ответственности бизнеса в Конституции РФ необходимо закрепить права четвертого поколения, в частности право русского культурно-исторического типа в составе тюрок, ирано-алан, угро-финнов, евреев, славян-русских на расширенное воспроизводство и соответствующую обязанность бизнеса деятельно участвовать в воспроизводстве русского народа и этносов Евразии. Это будет важным шагом на пути преодоления криминального характера бизнеса, формально зарегистрированного в России, использующего человеческие, природные ресурсы русского культурно-исторического типа, но фактически работающего на экономики стран ЕС и США.

В данном случае следует констатировать значительное концептуальное отставание российского основного закона от развития конституций стран Западной Европы, где коллективные права народов начали закрепляться уже в середине XX в. Так, согласно ст. 131 Конституции Испании 1978 г. допускается планирование общей экономической деятельности для удовлетворения коллективных потребностей, выравнивания и гармонизации регионального и отраслевого развития,

© С. Н. Алямкин, 2009

для содействия увеличению доходов и богатства и их наиболее справедливого распределения. Согласно ст. 35 все испанцы имеют право на труд и на вознаграждение, достаточное для удовлетворения потребностей и потребностей семьи [3].

В Конституции РФ отсутствует базисное условие концепции социальной ответственности бизнеса — право работника на соразмерную заработную плату, достаточную для расширенного воспроизводства дорогой рабочей силы и семьи с двумя-тремя детьми. П. 3 ст. 37 Конституции гарантируется лишь минимальный размер оплаты труда. Представители властных структур признают, что МРОТ в 2008 г. составлял лишь 60 % прожиточного минимума [7]. Основной закон Российской Федерации не проясняет вопроса о существе и содержании права на труд как такового. Право на труд во многом ограничено правом на охрану труда: согласно ст. 37 каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. В ч. 2 ст. 8 Конституции РФ закреплен принцип признания и защиты равным образом разных форм собственности. В то же время содержательный анализ ст. 8, 9, 34, 35, 36, ч. 1 ст. 44 показывает приоритетность института частной собственности в конституционном перечне форм собственности.

В отличие от большинства современных конституций основной закон России не наделил частную собственность социальной функцией. Так, в Конституции ФРГ записано: «Собственность обязывает. Пользование ею должно одновременно служить на благо общества». Конституция Японии провозглашает, что «право собственности определяется законом в соответствии с интересами общественного благосостояния». В итальянской Конституции содержится формулировка: «Частная собственность признается и гарантируется Законом, который определяет способы ее приобретения, пользования ею и границы ее действия, с целью обеспечить ее социальную функцию и сделать ее доступной для всех» [Цит. по: 1].

С концепцией социальной функции частной собственности связана и возможность национализации частной собственности. Так, согласно преамбуле французской Конституции 1946 г. «всякое имущество, любое предприятие, эксплуатация которого имеет или приобретает характер национальной публичной службы или фактической монополии, должно стать собственностью всех» [Цит. по: 3, с. 177]. Речь идет об обязательной национализации, причем о возмещении не говорится. Такая норма жизненно необходима для осуществления реструктуризации неэффективных газового и энергетического монополистов, нефтяного картеля.

Основной закон России не содержит положения о допустимости ректификации частной собственности (термин введен Р. Нозиком [5] и означает исправление несправедливости приобретения и перемещения собственности). Вследствие конституционного приоритета частной формы собственности публичные права регулируются недостаточно полно. В Конституции РФ отсутствуют какие-либо значительные элементы регулирования экономики с учетом социальной природы государства. Отсутствие цели выравнивания уровня жизни всех социальных групп привело к резкой поляризации доходов населения. Это явное нарушение принципа справедливости, введенного Д. Ролзом [6], согласно которому социальные и экономические неравенства должны служить прогрессу наименее преуспевших, бедных слоев населения. Примером законодательной реализации данного принципа является ст. 130 Конституции Испании 1978 г., содержащая цель выравнивания жизненного уровня всех испанцев [3]. Ст. 57 Конституции РФ устанавливает обязанность бизнеса и граждан платить налоги и сборы, при этом не упоминается о прогрессивной шкале налогообложения (работник с небольшой зарплатой и бедствующей семьей должен платить такой же процент налога, как и крупный топ-менеджер, заработная плата которого составляет иногда миллионы в месяц и у которого и после уплаты более высокого налога еще останутся немалые средства для весьма безбедной жизни) [4].

В п. 2 ст. 36 Конституции РФ не содержится признания земли, природных ресурсов, недр государственной собственностью и публичным достоянием. Напротив, закреплено право на свободное от общих экономических нужд владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами, в том числе частным собственником. Согласно ст. 9 земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. При этом отсутствует более важное положение о праве собственности народов на указанные объекты [4].

Конституция Испании 1978 г., как и Конституция РФ 1993 г., провозгласила страну демократическим государством. При этом согласно ч. 1 ст. 128 Конституции Испании «все богатство страны в различных его формах и независимо от принадлежности прав на него подчиняется общему интересу» [Цит. по: 3,

с. 182], в ч. 2 той же статьи закреплена публичная инициатива в экономической деятельности. Ст. 15 основного закона ФРГ 1949 г. предусмотрела, что земля и недра, естественные богатства и средства производства могут в целях обобществления переводиться в общественную собственность или в другие формы общественного хозяйства [3].

П. 1 ст. 34 основного закона России закрепляет право на свободную от экономических потребностей страны предпринимательскую деятельность [4]. Между тем в конституциях развитых стран имеется целеполагание бизнеса на интересы общей экономики. Согласно ст. 38 Конституции Испании 1978 г. публичными властями гарантируется осуществление предпринимательства в соответствии с требованиями общей экономики [3, с. 153]. Констатируя свободу частной хозяйственной инициативы, ст. 41 Конституции Италии 1947 г. предусматривает возможность установления законом программ и мер контроля, предназначенных для направления и координации в социальных целях частной экономической деятельности [3].

В Конституции РФ не закреплено право работника на участие в управлении предприятия, чем нарушается принцип справедливости, предусматривающий честное равенство возможностей всех классов общества, реализацию их вертикальной и горизонтальной мобильности. Согласно преамбуле Конституции Франции 1946 г. каждый работник через делегатов участвует в управлении предприятиями [3, с. 157]. Схожее положение имеется и в Конституции Италии 1947 г.

Проблема защиты потребителя не поднята в России на конституционный уровень, как это сделано в Испании (ст. 51 Конституции Испании 1978 г.) [3], Бразилии (ст. 170 Конституции Бразилии назвала защиту потребителей в числе принципов экономического строя) [3].

Таким образом, отдание приоритета частному собственнику в основном законе России нарушает основополагающий принцип справедливости, закрепляющий реальное равенство прав и свобод всех классов общества, в том числе беднейших, не имеющих собственности. Тем самым существенно ограничивается ответственность бизнеса перед его социальным окружением. Данная парадигма ориентирует бизнес на эгоизм, максимизацию прибыли и приводит к институциональному сдвигу в сторону возрастания финансовой власти бизнес-элит.

Отсутствие в основном законе страны принципов справедливости и концепции общего блага придает декларативный характер признанию Российской Федерации социальным государством (ст. 7) и принципу государственной защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 45); делает неэффективным провозглашение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от имущественного положения (п. 2 ст. 19); затрудняет реализацию принципа недопущения экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (п. 2 ст. 34) и права на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации, права на защиту от безработицы, права на индивидуальные и коллективные трудовые споры, включая право на забастовку (п. 3, 4 ст. 37), права на благоприятную окружающую среду (ст. 42) и бережному отношению к природным богатствам (ст. 58) [4].

Одним из ключевых положений современного конституционализма является тезис о социальном государстве. В Конституции РФ содержание данного термина раскрывается через целеполагание: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7) [4]. Т. Я. Хабриева справедливо отмечает, что содержание социального государства, как оно определено в Конституции РФ, имеет индивидуалистическую формулировку [8, с. 19]. Конституционная формула национального согласия в обществе основана на взаимных интересах государства, бизнеса и граждан, представляющих свои этносы.

Социальное государство понимается нами как государство коллективное, справедливое, ориентированное на общее благо, предоставляющее беднейшим первичные блага, прежде всего образование. Выделим основные его принципы: обеспечение достойной жизни и свободного развития человека; социальная функция частной собственности; социальная ответственность; социальное партнерство; социально-экономическое равноправие и фактическое выравнивание положения индивидов и социальных, национальных, иных общностей, вносящих свой вклад в прогрессивное развитие общества; социальная справедливость.

Социальное государство представляет собой определенную идею права в рамках правовой семьи или системы. В данном случае реализуется исходящий из римского права принцип разделения права (Jus) и закона (Lex). Это особенность романо-германской правовой семьи. В этом смысле социальная

государственность проистекает из римской традиции права, признающей правосубъектность не только за индивидуальными лицами, но и за коллективами, в том числе народами (Jus gentium), существование публичных прав, образующих особую отрасль права, — публичное право и доктрину предпочтения публичных прав над частными (Jura publica anteferenda privatis) [2]. В отличие от романо-германской правовой семьи в англосаксонской доктрине позитивного права право и закон отождествляются в самой ортодоксальной форме, частное право и интересы становятся предпочтительнее коллективных приоритетов общего блага.

Нынешний кризис российской государственности и экономики порожден противоречием между ее многовековой правовой системой романо-германского типа и внедряемым типом рыночной экономики, соответствующим совершенно иной правовой системе — англосаксонской. В связи с этим интересно замечание американского профессора политологии Р. Шарлета: «В Конституции РФ 1993 г. можно увидеть конституционный эквивалент аэробуса, собранного из деталей, изготовленных в нескольких странах» [9, с. 18]. В этом одна из главных причин противоречивости и социальной неэффективности конституционной модели Российской Федерации, закрепленной в основном законе 1993 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Вишняков В. Г.** Конституционные основы социального государства / В. Г. Вишняков // Журн. рос. права. — 2004. — № 8. — С. 11—22.

2. **Казанцев Н. М.** Экономика и право в социальном государстве / Н. М. Казанцев // Право и социально-ориентированная рыночная экономика (проблемы и перспективы) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. ; отв. ред. Н. П. Макаркин. — Саранск, 1998. — С. 16—18.

3. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник. В 4 т. Т. 1—2 / отв. ред. Б. А. Страшун. — М. : БЕК, 1995. — 778 с.

4. Конституция Российской Федерации // Рос. газ. — 1993. — 25 дек.

5. **Нозик Р.** Анархия, государство и утопия / Р. Нозик. — М. : ИРИСЭН, 2008. — 424 с.

6. **Роля Д.** Теория справедливости / Д. Роля. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. — 535 с.

7. Российская газета. — 2008. — 8 февр.

8. **Хабриева Т. Я.** Теория современного основного закона и российская конституция / Т. Я. Хабриева // Журн. рос. права. — 2008. — № 12. — С. 15—23.

9. **Шарлет Р.** Правовые трансплантации и политические мутации : рецепция конституционного права в России и в новых независимых государствах / Р. Шарлет // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. — 1999. — № 2 (27). — С. 18.

Поступила 30.09.09.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

В. А. Любушкин

Исследуется конституционно-правовой статус Республики Мордовия, закрепленный на основе норм Конституций Российской Федерации и Республики Мордовия. Раскрывается содержание слагаемых этого статуса, основой которого является закрепление в Конституции республики предметов собственного ведения региона.

В Конституции Российской Федерации отсутствует статья, определяющая перечень предметов исключительного ведения субъектов государства (сферу общественных отношений, регулирование которой отнесено основным законом к компетенции этого субъекта) [7].

© В. А. Любушкин, 2009

Согласно ст. 77 основного закона РФ система органов государственной власти регионов устанавливается ими самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти, установленных федеральным законом. Самостоятельность субъектов Федерации выражается в том, что они имеют право принимать не противоречащие Конституции РФ собственные основные законы (уставы) и иные нормативные правовые акты, в которых должны закрепляться механизм управления регионом, определяться система и структура, функции и полномочия органов его государственной власти, права и обязанности руководителей и т. п. Другими словами, субъекты Российской Федерации наделены полномочиями учредительной власти. Принципиально важно, что законодательные акты, принимаемые парламентами регионов, не нуждаются в утверждении высшими органами государственной власти. Субъекты Федерации вправе заключать внутрифедеративные договоры, призванные регулировать решение социальных, экономических, культурных, демографических и иных проблем.

Вполне естественно, что в регионах сложились разнообразные системы организации органов государственной власти. Хотя Конституция провозгласила принцип равноправия субъектов Федерации, имеются различия в организации и полномочиях их законодательных и исполнительных органов, а также в структуре и полномочиях органов законодательной власти. Парламенты регионов могут быть как одно-, так и двухпалатными. Различается их численный состав и сроки полномочий. Возможны варианты моделей взаимоотношений законодательной и исполнительной власти.

Органы государственной власти субъектов Федерации работают с учетом основ конституционного строя Российской Федерации и общих принципов организации органов государственной власти субъектов РФ, установленных Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [8], принятым в 1999 г. Однако до июля 2007 г., по подсчетам И. А. Конюховой и И. А. Алешковой, в него 26 раз вносились поправки, которые содержали существенные дополнения, детализирующие статус субъектов РФ, компетенцию их органов государственной власти, разграничение прав с Федерацией; уточняющие и усиливающие ответственность, систему разделения власти внутри субъекта РФ [6]. Существенно скорректированная законом модель федеративного устройства России в сторону его централизации значительно сузила пределы усмотрения субъектов РФ в вопросах самостоятельного формирования и подготовки органов государственной власти. Поэтому в настоящее время наблюдается тенденция перехода от разнообразия системы органов государственной власти субъектов РФ к ее однообразию.

В соответствии со ст. 68 Конституции РФ [9] республика вправе устанавливать государственный язык (языки), который в органах государственной власти и местного самоуправления употребляется наряду с государственным языком Российской Федерации. Федеральный закон от 25 октября 1991 г. «О языках народов Российской Федерации» предписывает государству проявлять заботу о языках всех народов России, создавать условия для их сохранения и развития [1].

Каждая республика, как отмечают отдельные исследователи, имеет Верховный и Высший арбитражный суд, гражданство [7]. Однако с этим трудно согласиться, так как перечисленные суды не относятся к судам субъектов Федерации. Своего гражданства республики также не имеют, так как новая редакция Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» [10] не допускает республиканского гражданства.

Следует отметить, что по вопросам предметов собственного ведения регионов издают нормативные правовые акты. Однако они не составляют большинства из всего массива законодательства субъектов Федерации. Большинство принимаемых документов относятся к предметам совместного ведения государства и его субъектов.

Республика Мордовия, согласно ст. 1 местной Конституции, является равноправным субъектом Российской Федерации [3]. Статус республики определяется ее основным законом в соответствии с Конституцией РФ и может быть изменен по взаимному согласию государства и региона в соответствии с федеральным конституционным законом. Согласно ст. 59 Республика Мордовия выражает согласие об изменении статуса с учетом мнения населения. В соответствии со ст. 60 регион обладает всей полнотой государственной власти в пределах границ за исключением тех полномочий, которые в соответствии с основным законом РФ отнесены к ведению государства, к полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения государства и его субъектов.

Правовые рамки для определения статуса субъектов Федерации установлены Конституцией РФ и федеральным законодательством и в предметах совместного ведения государства и его субъектов. Ст. 62 Конституции Республики Мордовия воспроизводит ст. 72 Конституции РФ, касающуюся предметов совместного ведения. Однако она не указывает, как это установлено в других субъектах Федерации, что полномочия региона по предметам совместного ведения осуществляются органами государственной власти Республики Мордовия за счет средств и бюджета. Та же статья не определяет компетенцию Республики Мордовия по предметам совместного ведения.

Полномочия регионов России по предметам совместного ведения, кроме Конституций и уставов субъектов РФ, определяются и в федеральных законах, принимаемых по каждому предмету совместного ведения государства и его субъектов. Федеральные законы принимаются с учетом мнения законодательных органов субъектов Федерации, поэтому мы не согласны с мнением отдельных исследователей о том, что федеральная законодательная власть в рамках предметов совместного ведения является исходно абсолютной и неограниченной [11]. Указанный федеральный закон является базовым при разграничении компетенции в предметах совместного ведения.

Ряд положений совместного ведения Российской Федерации и Республики Мордовия, в частности вопрос о международных связях субъекта РФ, отражен в конституционном законодательстве региона. Закон Республики Мордовия от 30 марта 2005 г. № 20-З «О соглашениях об осуществлении международных и внешнеэкономических связей Республики Мордовия» [5] определил порядок заключения и официального опубликования соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей республики.

Органы государственной власти региона в пределах полномочий, предоставленных Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством, законодательством республики, имеют право на ведение переговоров, заключение соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей с субъектами иностранных федеративных государств, их административно-территориальными образованиями, международными организациями и специально созданными ими органами для осуществления международных и внешнеэкономических связей.

Республика Мордовия, согласно ст. 1 местной Конституции, с согласия Правительства страны может осуществлять международные и внешнеэкономические связи с органами государственной власти иностранных государств. В целях реализации внешнеэкономических соглашений по согласованию с Министерством иностранных дел РФ регион пользуется правом открывать представительства за пределами страны.

Ст. 61 Конституции Республики Мордовия определила предметы ведения региона:

1) принятие и изменение Конституции Республики Мордовия, законов и иных нормативных правовых актов региона, контроль за их соблюдением;

2) установление системы органов государственной власти республики, порядка их формирования, организации и деятельности;

3) государственная собственность субъекта РФ и управление ею;

4) административно-территориальное устройство Республики Мордовия;

5) ее бюджет;

6) установление налогов и сборов в соответствии с федеральными законами;

7) организация и деятельность государственной службы Республики Мордовия;

8) государственные награды и почетные звания республики;

9) решение других вопросов, в соответствии с Конституцией Российской Федерации не отнесенных к ведению государства и к его полномочиям по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Одной из составляющих правового статуса республики является административно-территориальное деление. Согласно ст. 66 местной Конституции Мордовия состоит из двадцати двух районов и трех городов республиканского значения. Образование, объединение и упразднение районов, городов, районов в городе, сельских населенных пунктов, установление и перенесение административных центров и иные вопросы решаются Государственным Собранием республики с учетом мнения населения соответствующей территории.

Правовое регулирование административно-территориального устройства республики осуществляется в соответствии с Законом от 23 марта 1998 г. № 7-З «О порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Мордовия» [2]. Согласно ст. 5 административно-территориальное устройство Республики Мордовия основывается на следующих принципах:

а) соответствия исторически сложившейся системе расселения в республике и устойчивым тенденциям ее развития;

б) создания условий для социально-эко-

номического развития Республики Мордовия, ее административно-территориальных и муниципальных образований, обеспечения населения здоровой и безопасной средой обитания;

в) демократического решения вопросов административно-территориального устройства.

В соответствии со ст. 9 вопросы административно-территориального устройства решаются по инициативе населения, органов местного самоуправления, Главы Республики Мордовия, Государственного Собрания Республики Мордовия, Правительства Республики Мордовия, федеральных органов государственной власти. Проекты реализуются в порядке, установленном федеральным законодательством для выдвижения инициативы о преобразовании муниципального образования. Ст. 10 предписывает соблюдение пожеланий населения. Его согласие выявляется в порядке, установленном федеральным законодательством для преобразования муниципальных образований и изменения их границ.

Как субъект Российской Федерации Республика Мордовия имеет столицу. Ею, по ст. 116 Конституции региона, является г. Саранск. Статус столицы республики определяется Законом от 5 июля 2004 г. № 52-З «О статусе столицы Республики Мордовия» [4].

В соответствии со ст. 1 столица Республики Мордовия — политический, экономический, научный и культурный центр региона, являющийся местом нахождения органов его государственной власти, представительств субъектов Российской Федерации и субъектов иностранных федеративных государств и административно-территориальных образований иностранных государств, а также местом нахождения территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в случае наличия соответствующего решения данных органов.

Важной составляющей правового статуса субъекта Федерации являются его официальные символы. Ст. 114 и 115 Конституции Республики Мордовия установили, что регион имеет государственные флаг, герб и гимн, выражающие многонациональность, самобытность и традиции его народа. Государственный флаг, герб и гимн Республики Мордовия, их описание и порядок официального использования устанавливаются местными законами.

Таким образом, правовой статус Республики Мордовия состоит из конституционно-правового статуса республики как субъекта Российской Федерации, установленного Конституцией РФ, и конституционно-правового статуса республики, закрепленного в основном законе региона.

На основе конституционных положений можно определить слагаемые правового статуса Республики Мордовия, установленного Конституцией региона: равноправие республики с другими субъектами Федерации, наличие территории Республики Мордовия, возможность изменения ее статуса, компетенция по вопросам совместного ведения, собственные предметы ведения, административно-территориальное деление Республики Мордовия, наличие столицы республики, официальные символы. Эти составляющие правового статуса непосредственно не закреплены в основном законе РФ, но вытекают из его смысла. Конституция РФ при этом установила правовые рамки для субъектов Федерации в определении ими в Конституциях и уставах правового статуса. Мордовский законодатель в полной мере учел эти установления при определении правового статуса республики в местной Конституции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ведомости Российской Федерации. — 1991. — № 50. — Ст. 1740.
2. Закон Республики Мордовия от 23 марта 1998 года «О порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Мордовия» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mordov.vybory.izbirkom.ru. — Загл. с экрана.
3. Известия Мордовии. — 1995. — 22 сент.
4. Известия Мордовии. — 2004. — 6 июля.
5. Известия Мордовии. — 2005. — 31 марта.
6. **Конюхова И. А.** Система государственной власти субъектов Российской Федерации : актуальные проблемы правового регулирования и практика конституционного правосудия / И. А. Конюхова, И. А. Алешкова // Государство и право. — 2007. — № 10. — С. 35—36.
7. **Примова Э. Н.** Конституционно-правовые основы Российской Федерации : концептуальный аспект / Э. Н. Примова. — М. : Университет. книга ; Логос, 2006. — 224 с.
8. Российская газета. — 1999. — 19 окт.
9. Российская газета. — 2009. — 21 янв.
10. Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 22. — Ст. 2031.

11. **Черепанов В. А.** Конституционно-правовые основы разделения государственной власти между Российской Федерацией и ее субъектами / В. А. Черепанов. – М. : МЭ-ПРЕСС, 2003. – 436 с.

Поступила 30.09.09.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РЕГИОНЕ

Н. В. Санина

В статье анализируется порядок нормативного правового регулирования организации и функционирования системы стратегического планирования развития сельского хозяйства региона (на примере Республики Мордовия). Приводится перечень актов, определяющих основные направления и приоритеты развития отрасли, а также дается характеристика системе органов управления развитием сельского хозяйства Мордовии.

Рассматривая систему стратегического планирования развития сельского хозяйства в Республике Мордовия, необходимо в первую очередь подчеркнуть особую важность и необходимость данной деятельности для обеспечения устойчивого и эффективного развития сельского хозяйства. Стратегическое планирование является важнейшей частью стратегического управления и в отличие от текущего планирования предполагает учет влияния внешней среды на современное и перспективное состояние отрасли, ее сильных и слабых сторон и активное использование этой информации для определения стратегии развития. Одними из наиболее эффективных методов стратегического планирования развития сельского хозяйства являются сценарный метод и неразрывно связанный с ним программно-целевой.

Сельскохозяйственным товаропроизводителям программы дают информацию о мерах, которые предполагает осуществить государство для реализации намечаемых им целей, о возможности их участия в этих программах.

В Республике Мордовия до недавнего времени комплексные программы стратегического развития сельских территорий практически не разрабатывались. Слабо проработанная законодательная база на всех уровнях власти препятствует обеспечению устойчивого развития сельских территорий республики, не позволяет решать актуальные социальные и производственные проблемы на селе. Существенным недостатком планово-программной деятельности в республике является отсутствие научной и организационно-методологической базы разработки долгосрочных планов и прогнозов, что приводит к ошибочным управленческим решениям и затрудняет разработку и реализацию стратегических программ.

Система программ развития сельских территорий может быть представлена в виде следующей иерархической структуры нормативных правовых актов.

Первый уровень: федеральные программы и подзаконные акты, регулирующие развитие сельских территорий, вопросы поддержки сельского хозяйства в целом по России. К ним можно отнести:

1) Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»;

2) Федеральную целевую программу «Социальное развитие села до 2010 года» (постановление Правительства РФ № 858 от 3 декабря 2002 г.);

3) «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» (распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р) и т. д.

Для исполнения поручений Президента Российской Федерации и Правительства стра-

© Н. В. Санина, 2009

ны разработан приоритетный национальный проект «Развитие АПК».

Второй уровень: нормативные документы, регулирующие режим хозяйствования в республике, — Закон Республики Мордовия от 1 октября 2008 г. № 94-З «О Стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года»; постановление Правительства Республики Мордовия от 22 декабря 2008 г. № 589 «О Республиканской целевой программе развития Республики Мордовия на 2008—2012 годы»; Программа обеспечения экономической безопасности Республики Мордовия до 2010 года (Постановление Правительства от 6 июня 2002 г. № 304); Комплексная программа развития и государственной поддержки малого предпринимательства в Республике Мордовия на 2008—2010 годы (Постановление Правительства от 30 ноября 2007 г. № 540) и др.

Третий уровень: специальные региональные программы и постановления, нацеленные на поддержку отдельных отраслей сельского хозяйства и агропромышленного комплекса региона, а также разнообразных сельскохозяйственных и несельскохозяйственных видов деятельности, осуществляемых в сельской местности. К ним относятся:

а) Программа «Развитие племенного животноводства в Республике Мордовия на 2002—2010 годы» (Постановление Правительства от 8 октября 2002 г. № 473);

б) Республиканская целевая программа «Социальное развитие села до 2010 года» (Постановление Правительства от 31 декабря 2002 г. № 620);

в) Республиканская целевая программа «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов по Республике Мордовия на 2006—2010 годы» (Распоряжение Правительства от 30 мая 2006 г. № 510-р) и т. д.

Особого внимания заслуживает Программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Мордовия на 2008—2012 гг., утвержденная постановлением Правительства РМ от 7 марта 2008 г. № 79.

Ее целями на пятилетний период являются:

а) устойчивое развитие сельских территорий, повышение занятости и уровня жизни сельского населения;

б) повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции на основе финансовой устойчивости, модернизации сельского хозяйства, а также ускоренного развития приоритетных подотраслей сельского хозяйства;

в) сохранение и воспроизводство используемых в сельскохозяйственном производстве земельных ресурсов;

г) формирование эффективного высокотехнологического и конкурентоспособного агропромышленного производства для улучшения продовольственного обеспечения населения республики с активным продвижением продовольствия и сельскохозяйственного сырья, произведенного в республике, на российский, межрегиональный и зарубежные рынки.

Для достижения этих целей необходимо решение основных задач в рамках следующих подпрограмм (направлений):

а) создание предпосылок для устойчивого развития сельских территорий и обеспечение улучшения к 2012 г. жилищных условий в сельской местности (в 2012 г. ввод и приобретение жилья для граждан, проживающих в сельской местности, молодых специалистов и молодых семей составит 62,8 тыс. кв. м);

б) повышение обеспеченности сельского населения питьевой водой до 53,7 %, а уровня газификации домов природным газом — до 79,7 % за счет восстановления и наращивания потенциала социальной и инженерной инфраструктуры села, улучшения кадрового и информационного обеспечения отрасли;

в) улучшение общих условий функционирования сельского хозяйства путем сохранения и поддержания почвенного плодородия, создания системы государственного информационного обеспечения в сфере сельского хозяйства с охватом к 2012 г. 100 % муниципальных районов республики, привлечения союзов (ассоциаций) сельскохозяйственных товаропроизводителей к участию в формировании государственной аграрной политики;

г) обеспечение ускоренного развития приоритетных подотраслей сельского хозяйства, прежде всего животноводства, на основе повышения эффективного использования ресурсного потенциала и конкурентоспособности продукции, доведения удельного веса племенного скота в общем объеме поголовья сельскохозяйственных животных до 15 %, а также на основе доведения удельного веса площади, засеваемой элитными семенами, в общей площади посева до 12 %;

д) повышение финансовой устойчивости сельского хозяйства за счет мер по расширению доступа сельскохозяйственных товаропроизводителей к кредитным ресурсам на льготных условиях и повышению удельного веса застрахованных площадей посевов в общей площади до 70 %.

Отметим существенный недостаток про-

граммы, который, по нашему мнению, заключается в ограниченности перечня используемых базовых показателей, не учитывающих как валовую продукцию, индекс-дефлятор, производство сельскохозяйственной продукции, в том числе зерна, сахарной свеклы, картофеля, скота, птицы и т. д. [2].

Проведенный анализ общего содержания и основных направлений программы позволяет сделать вывод о том, что она не носит стратегического характера. Скорее, ее можно причислить к долгосрочным планам развития. К такому заключению мы пришли, основываясь на следующих характеристиках документа:

а) отсутствие анализа существующей ситуации и состояния сельского хозяйства с четким определением проблем и путей их решения. Недостаточность оценки сильных и слабых сторон, угроз и возможностей данной отрасли;

б) явно не стратегический характер поставленных целей развития;

в) ограниченность горизонта планирования и перспектив развития отрасли пятилетним периодом (стратегические планы, как правило, ориентированы на более длительный период — 10—15 лет);

д) отсутствие проработанных вариантов развития (сценариев), учитывающих тенденции развития отрасли, с одной стороны, и факторы внешнего влияния — с другой;

е) недостаточная проработка механизма реализации программы.

Условия достижения прогнозных показателей развития сельского хозяйства в 2008—2012 гг. и оценка негативных факторов и социально-экономических проблем характеризуются следующими тенденциями.

Производство продукции сельского хозяйства во всех категориях хозяйств к 2012 г. (в сопоставимой оценке) должно вырасти по отношению к 2006 г. на 49,1 %. Среднегодовой рост объема продукции сельского хозяйства за пятилетний период должен составить 8,0 %.

Рост продукции сельского хозяйства в большей степени будет обеспечен увеличением объемов производства в животноводстве — на 66,5 %, на основе создания принципиально новой технологической базы, использования современного технологического оборудования для модернизации животноводческих ферм, а также за счет наращивания генетического потенциала и продуктивности животноводства и ускоренного создания кормовой базы. Для этих целей предпочтение будет отдано возделыванию многолетних бобовых трав, кукурузы с закладкой на сенаж.

Положительное влияние окажет и увеличение инвестиций. Наибольший их прирост в сельское хозяйство, наблюдавшийся в 2006—2007 гг., является результатом реализации приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса». На 1 октября 2007 г. заключены кредитные договоры на привлечение кредитных ресурсов на строительство, реконструкцию и модернизацию животноводческих комплексов (ферм) в сумме 4,4 млрд руб., получено 3,6 млрд руб. В 2008—2012 гг. рост инвестиций в сельское хозяйство будет продолжаться.

В сельское хозяйство будет поступать более энергонасыщенная и ресурсосберегающая техника. Стабилизация обеспеченности основными видами техники намечается в отношении комбайнов к 2010 г., а в отношении тракторов — к 2011 г. Всего за период реализации программы будут приобретены более 3 520 тракторов и 878 зерноуборочных комбайнов. Обновление парка с учетом списания этой техники составит в отношении тракторов 70,8 %, а в отношении зерноуборочных комбайнов — 70,4 % (к уровню 2006 г.).

С учетом того, что республика полностью обеспечивает себя продукцией животноводства, рост объемов производства мяса и молока позволит к 2012 г. увеличить вывоз мяса и мясопродуктов (в пересчете на мясо) с 33 % от объемов производства в 2006 г. до 48 % в 2012 г., молока и молокопродуктов (в пересчете на молоко) — с 38 до 54 %. Среднедушевое потребление мяса и мясопродуктов в пересчете на мясо увеличится с 59 кг в 2006 г. до 73 кг в 2012 г., молока и молокопродуктов — соответственно с 237 до 268 кг.

Среднемесячная заработная плата работников сельскохозяйственных организаций к 2012 г. должна повыситься относительно 2006 г. в 2,8 раза и составить 11 433 руб.

Основными условиями достижения прогнозируемых темпов роста социально-экономического развития сельского хозяйства на 2008 г. и на период до 2012 г. являются:

а) развитие направлений, определенных приоритетным национальным проектом «Развитие агропромышленного комплекса», связанное с выделением средств на их реализацию, предусмотренных программой;

б) развитие кормовой базы на основе производства культур, обеспечивающих кормопроизводство белком, которое позволит существенно уменьшить зависимость наращивания производства продукции животноводства и птицеводства от импортных закупок белковых компонентов;

в) ускоренный переход к использованию новых высокопроизводительных ресурсосбе-

регающих технологий, связанный с переводом сельхозпредприятий на новые агротехнологии, базирующиеся на применении более эффективных методов производства, новой техники, внесении оптимального количества минеральных удобрений на посевные площади, стимулировании труда;

г) улучшение финансового положения сельскохозяйственных товаропроизводителей и их материально-технической базы;

д) повышение платежеспособности сельскохозяйственных товаропроизводителей;

е) повышение производительности труда на основе стимулирования к использованию современных технологий, совершенствование организации производства, а также организации труда и управления;

ж) создание условий сельскохозяйственным и другим товаропроизводителям агропромышленного комплекса для инвестирования в модернизацию и техническое перевооружение производства.

Существующие недостатки программы могут быть компенсированы разработкой Стратегии развития сельского хозяйства Республики Мордовия. Необходимость создания документа обусловлена аграрной ориентацией экономики региона. В 2008 г. утверждена Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 г., которая определила основные векторы развития агропромышленного комплекса региона [3]. Основные цели стратегического развития:

Производство мяса и мясопереработка

1. Дифференциация товарных и географических рынков:

а) увеличение производства охлажденного мяса;

б) развитие производства говядины.

2. Увеличение объемов производства продукции в регионе.

3. Увеличение перерабатывающих мощностей.

4. Развитие современных сервисов для мясной промышленности:

а) привлечение компаний, осуществляющих сбор, доставку, первичный убой и разделку скота;

б) строительство межрегионального убойного цеха.

Производство яйца

1. Увеличение объемов (доведение производства яйца до 1 100 млн шт. в год.

2. Развитие переработки яйца.

3. Расширение географии и структуры продаж.

4. Снижение энергоемкости сектора.

5. Создание современной упаковки для традиционных и новых продуктов.

Развитие других секторов

1. Производство овощей, овощных консервов, замороженных овощей.

2. Производство спирта и алкогольных напитков.

3. Производство зерна.

Стратегия определяет лишь базовые направления развития агропромышленного сектора Мордовии, детализация которых необходима в подзаконных нормативных правовых актах.

Непременным условием эффективного регулирования и стратегического планирования отраслей сельского хозяйства как на федеральном, так и на субфедеральном уровне является наличие четко функционирующей системы органов, осуществляющих практическую деятельность в указанных сферах.

Общая система и последовательность стратегического планирования сельского хозяйства на уровне Республики Мордовия представлена на рисунке. По-нашему мнению, именно такая схема в наибольшей степени позволит решить актуальные задачи. Нарушение последовательности приведет к существенным издержкам, нецелесообразному расходованию трудовых, материальных и финансовых ресурсов, диспропорциям, выступающим причинами длительного кризиса в АПК. Следует отметить, что четко выработанной сельскохозяйственной стратегии, нацеленной на решение основных проблем отрасли, в Республике Мордовия ранее не было. Аграрный сектор функционировал в основном как источник средств, позволявший поддерживать определенные пропорции функционирования всего народного хозяйства.

Система стратегического планирования сельского хозяйства реализуется соответствующими органами государственного управления, службами в хозяйствующих организациях или непосредственными сельскохозяйственными товаропроизводителями. Порядок взаимодействия этих органов и служб соответствует принятой схеме управления сельскохозяйственным производством, распределению полномочий между органами государственной власти республики и Российской Федерации.

Подводя итог, отметим, что в настоящее время в Республике Мордовия сложилась стройная система планирования развития сельского хозяйства, которая состоит из двух взаимосвязанных направлений. Первое — это государственное индикативное планирование, включающее разработку прогнозов, программ, других плановых документов, направленных на ориентирование сельскохозяйственных товаропроизводителей. Второе —

хозяйственное планирование, учитывающее государственные программы, прогнозы, ориентирующие показатели и выполняющее функции организации целенаправленной деятельности, отвечающей интересам хозяйствующего субъекта, потребителя его продукции.

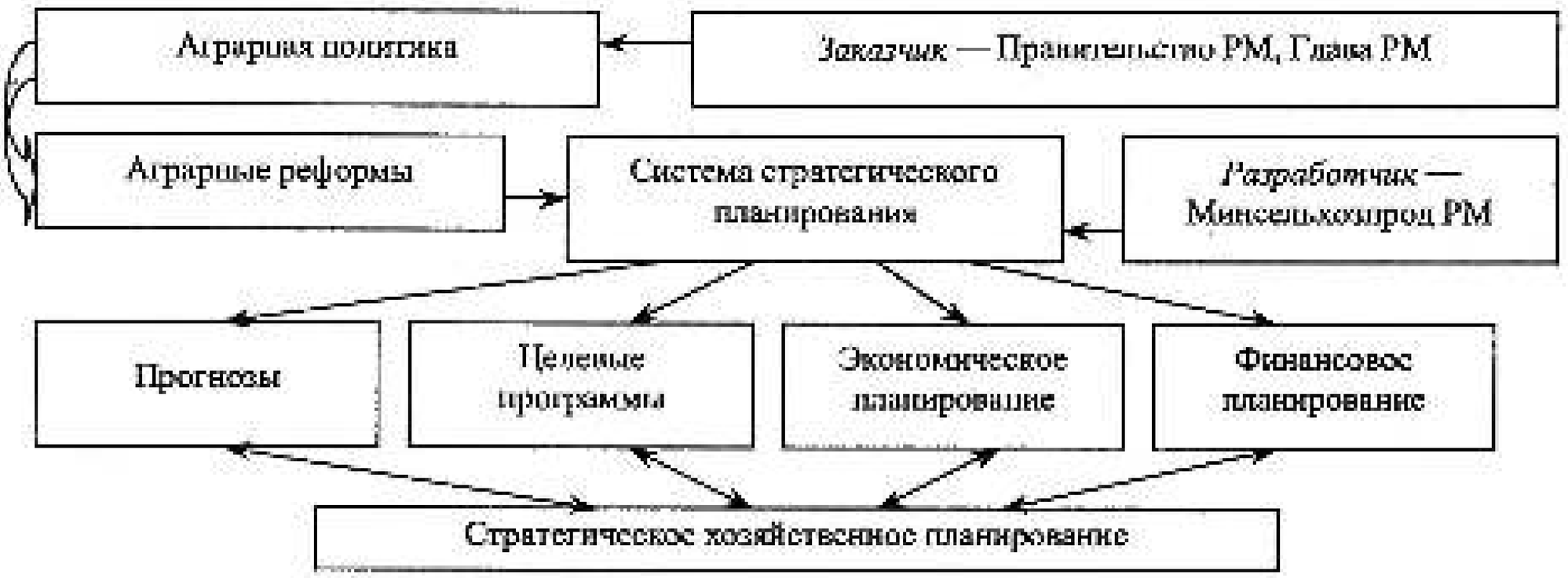

*Рисунок. **Общая система** стратегического планирования сельского хозяйства в Республике Мордовия*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Республика Мордовия. Законы. О Стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года [принят Государственным Собранием 25 сентября 2008 г.] // Изв. Мордовии. 2008. 7 окт.

2. Республика Мордовия. Правительство. Программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Мордовия на 2008—2012 годы : постановление Правительства Республики Мордовия // Изв. Мордовии. — 2008. — 14 марта.

Поступила 23.10.09.

ОФИЦИАЛЬНАЯ РОССИЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ХАРТИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 1985 года

С. Г. Пилипенко

В статье рассматривается проблема соотношения концепции местного самоуправления, отраженной в нормах российского права, и положений Европейской хартии местного самоуправления 1985 г. Автор обращает внимание на несоответствие подходов к определению местного самоуправления в Хартии и законодательстве Российской Федерации, на необходимость учета не только «буквы», но и «духа» международно-правовых актов при их включении в правовую систему государства.

При политико-правовой характеристике какого-либо государства, в том числе России, вряд ли можно обойтись без описания действующей в нем системы публичной власти. Система публичной власти нашей страны в последние два десятилетия подверглась суще-

© С. Г. Пилипенко, 2009

ственным трансформациям, и говорить об окончательном ее формировании преждевременно. Тем не менее некоторые ее параметры достаточно четко определены Конституцией, например наличие института местного самоуправления, предназначенного для осуществления публичной власти в рамках низовых территориальных уровней государственной организации. Согласно ст. 3 основного закона многонациональный народ страны как носитель суверенитета и единственный источник власти осуществляет власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Ст. 12 провозглашает, что в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление, самостоятельное в пределах полномочий. В этой же статье содержится важное правило о том, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Указанные положения весьма важны, поскольку составляют основы конституционного строя Российской Федерации.

В Конституцию включена специальная глава о местном самоуправлении, что подчеркивает его значение. Ст. 130 предусмотрено, что местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью и осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления через выборные и другие органы местного самоуправления [2]. Концептуальные конституционные положения детализируются в законодательстве о местном самоуправлении, которое также проникнуто идеей самостоятельности местного населения в решении публичных дел, называемых «вопросами местного значения», и отделения органов местного самоуправления от системы органов государственной власти.

В содержании конституционных и законодательных норм просматриваются контуры некой идеи местного самоуправления, которая в силу правового оформления может рассматриваться как его официальная концепция. Оценка указанной концепции была бы целесообразной прежде всего в ракурсе национальных условий и практики ее воплощения в российской системе публичной власти. Она полезна и в сравнительно-правовом ключе, если учесть стремление России к интеграции с европейскими государствами.

Россия, как и другие страны с богатой историей, имеет значительный опыт управления государственными делами «на местах». Вместе с тем вряд ли можно утверждать, что этот опыт эволюционно проявился в формировании современной системы местного самоуправления. Известно, что при проведении конституционных реформ наше государство во многом ориентировалось на зарубежные модели организации системы публичной власти. При этом в национальную правовую систему были введены и международно-правовые акты, в числе которых Европейская хартия местного самоуправления 1985 г. Государства, подписавшие данный документ, провозгласили, что органы местного самоуправления являются одной из главных основ любого демократического строя, а защита и укрепление местного самоуправления в различных европейских странах является значительным вкладом в построение Европы, основанной на принципах демократии и децентрализации власти [1].

Стремление к демократической организации государства и присоединение к важнейшим международным соглашениям в данной области, безусловно, заслуживает одобрения. Однако важен не только факт формальной ратификации Европейской хартии местного самоуправления Российской Федерацией, но и реальное воплощение заложенной в ней концепции организации муниципальной власти в национальной практике. К сожалению, здесь мы можем наблюдать несовпадение «общеевропейского» и российского подходов к определению местного самоуправления. В Российской Федерации оно конституционно признано, по сути, негосударственным институтом. Это форма самоорганизации местного населения для решения вопросов обеспечения жизнедеятельности населения муниципальных образований. Российской Конституцией к органам государственной власти отнесены только органы Российской Федерации и ее субъектов. Органы же местного самоуправления не признаются субъектами, осуществляющими государственную власть, и отделяются от системы органов государственной власти. Согласно ст. 132 основного закона их прерогатива — вопросы местного значения, решение которых в соответствии со ст. 130 обеспечивает местное самоуправление.

Российское законодательство предполагает, что базовым субъектом самоуправления является население, а не создаваемые им органы. Согласно ст. 1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] «местное самоуправление — это форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая... самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосред-

ственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения». Этот подход основан на конституционных положениях, в частности ст. 130 основного закона, предусматривающей, что местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью и осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, посредством выборных и других органов местного самоуправления.

Таким образом, создание органов местного самоуправления является лишь одной из форм решения населением вопросов местного значения и реализации его прав в данной области. Подобная идея местного самоуправления не вполне совпадает с содержанием некоторых положений Европейской хартии местного самоуправления, по крайней мере в ее официальном русском переводе [2]. Здесь под местным самоуправлением понимаются право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ими, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения. По Хартии, «это право осуществляется советами или собраниями, состоящими из членов, избранных путем свободного, тайного, равного, прямого и всеобщего голосования. Советы или собрания могут иметь подотчетные им исполнительные органы. Это положение не исключает обращения к собраниям граждан, референдуму или любой другой форме прямого участия граждан, если это допускается законом» [1]. Как видим, Хартия связывает местное самоуправление прежде всего с местными органами власти, а также допускает, прямо не предписывая, использование форм непосредственного народовластия на муниципальном уровне. Кроме того, местное самоуправление определено, по сути, как власть указанных органов (а не местного населения). Согласно п. 1 ст. 3 Хартии под местным самоуправлением понимаются the right and the ability (в англоязычном варианте), т. е. «право и способность» органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел... Исходя из того, что «право и способность» и есть «власть» [4, с. 77], можно говорить о признании местного самоуправления властью органов местного самоуправления регламентировать публичные дела и управлять ими в установленных пределах.

В конституционном законодательстве России отражен иной подход, не позволяющий отождествлять местное самоуправление и власть, принадлежащую муниципальным органам. Он, на наш взгляд, больше соответствует смыслу понятия «местное самоуправление». Ведь собственно «самоуправляются» не органы (они управляют), а жители определенной территории, в том числе посредством этих органов. Между тем дефиниция местного самоуправления, содержащаяся в Хартии, формально действует в России, несмотря на ее несовпадение с отраженной в Конституции и законодательстве и выраженной в соответствующем законодательном определении концепцией местного самоуправления.

Конечно, нужно учесть специфику легальных дефиниций: они, как правило, не содержат непосредственных регулятивных предписаний [5]. Указанное несовпадение вряд ли повлечет за собой прямые юридические последствия, в частности изменение или отмену соответствующих положений российских законов, особенно учитывая их соответствие конституционной идее местного самоуправления. Следует отметить и то, что нормы российского законодательства о местном самоуправлении формально вполне адекватны остальным положениям Хартии, содержащим более или менее конкретные предписания, и так или иначе отражают их. Здесь в большей степени можно говорить о различиях в «духе» нормативных правовых актов, нежели в их «букве». Тем не менее едва ли это можно отнести к положительным характеристикам отечественной правовой основы местного самоуправления.

Пример Хартии показывает, что далеко не все международно-правовые концепции могут с одинаковой легкостью быть перенесены на национальную почву и «дать в ней свои корни», особенно в государствах с развивающейся демократией. Это не обязательно может проявляться в прямом «отторжении международно-правовой ткани тканью внутригосударственной»: в большинстве стран наблюдаются стремление к общим правовым принципам и стандартам и попытки воплотить их в законодательстве. Скорее возможна ситуация, при которой отдельные положения международно-правовых актов при формальном наличии не будут в должной степени восприниматься как органичное звено национальных правовых систем. Заметим, в отличие от конца 1990-х гг., когда Европейская хартия местного самоуправления достаточно часто упоминалась при обсуждении проблем правового регулирования местного самоуправления, сегодня о ней немного «подзабыли». Полагаем, одной из причин является обозначенное выше различие в концепциях мест-

ного самоуправления. Следует признать, что на определенном этапе формирования современного российского законодательства о местном самоуправлении Хартия сыграла достаточно важную роль.

Учитывая, что назначение и потенциал подобных международно-правовых актов не ограничены применением лишь на отдельных этапах решения внутригосударственных задач, для полноценной имплементации их положений в национальном законодательстве необходимо уделять особое внимание не только содержанию их отдельных норм, но и «духу», концепции в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Европейская хартия местного самоуправления (официальный перевод на русский язык) // СЗ РФ. — 1998. — № 36. — Ст. 4466.

2. Конституция Российской Федерации (1993). — М. : Приор, 2001. — 32 с.

3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации : принят Гос. Думой 16 сентября 2003 г. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

4. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М. : Рус. яз., 1982. — 816 с.

5. **Чиннова М. В.** Дефиниции и их использование в нормативно-правовых актах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Чиннова. — М., 2004. — 24 с.

Поступила 30.09.09.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕГИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕТНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «РАЗВИТИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА»)*

А. П. Потапов

В статье дается сравнительный анализ законодательства субъектов РФ (на примере Приволжского федерального округа) по формам государственной поддержки сельского хозяйства в рамках реализации приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса».

Приоритетный национальный проект «Развитие агропромышленного комплекса», утвержденный президиумом Совета при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов (протокол № 2 от 21 декабря 2005 г.), включает в себя три направления: «Ускоренное развитие животноводства», «Стимулирование развития малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе» и «Обеспечение доступным жильем молодых специалистов (или их семей) на селе». Практическая реализация приоритетного национального проекта изначально предполагала участие Российской Федерации и ее субъектов в части не только финансового, но и правового обеспечения. Формирование федерального и регионального законодательства в рамках указанных основных мероприятий национального проекта осуществляется по следующим направлениям, обозначенным

© А. П. Потапов, 2009

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-03-00587а.*

Советом при Президенте Российской Федерации:

а) расширение доступности дешевых долгосрочных (до восьми лет) кредитных ресурсов на строительство и модернизацию животноводческих комплексов (ферм) посредством субсидирования в размере 2/3 ставки рефинансирования Банка России по кредитам коммерческих банков на срок до восьми лет на строительство и модернизацию животноводческих комплексов;

б) увеличение поставок по системе федерального лизинга племенного скота, техники и оборудования для животноводства посредством увеличения уставного капитала ОАО «Росагролизинг»;

в) обеспечение прогнозируемости государственной таможенно-тарифной политики в части регулирования импортных поставок мяса и технологического оборудования для животноводства;

г) увеличение и удешевление привлекаемых кредитных ресурсов ЛПХ, К(Ф)Х и создаваемых ими сельскохозяйственных потребительских кооперативов за счет субсидирования процентной ставки по кредитам в размере 95 % ставки рефинансирования Банка России;

д) модернизация и развитие инфраструктурной сети заготовительных, снабженческо-сбытовых сельскохозяйственных потребительских кооперативов, сельскохозяйственных потребительских кооперативов по переработке сельскохозяйственной продукции, сельскохозяйственных потребительских кредитных кооперативов;

е) формирование инфраструктуры земельно-ипотечного кредитования;

ж) предоставление субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации на финансирование мероприятий по обеспечению доступным жильем молодых специалистов или их семей на селе.

Основанием для оказания государственной финансовой поддержки сельскохозяйственным организациям является установление соответствующего расходного обязательства публично-правового образования. Исходя из ст. 6 Бюджетного кодекса РФ* расходные обязательства могут быть обусловлены законом, иным нормативным правовым актом, договором или соглашением сторон, на основании которых возникает обязанность публично-правового образования предоставить средства из соответствующего бюджета. В настоящее время правовое регулирование отношений в сфере развития сельского хозяйства осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 129-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В большинстве регионов Приволжского федерального округа действуют специальные законы, которые можно считать достаточными основаниями для возникновения расходных обязательств регионов: Закон Республики Мордовия от 26 мая 2009 г. № 41-З «О государственной поддержке сельского хозяйства в Республике Мордовия», Закон Республики Марий Эл от 3 декабря 2004 г. № 54-З «О государственной поддержке сельского хозяйства», Закон Удмуртской Республики от 22 октября 1997 г. № 494-I «О государственном регулировании агропромышленного производства», Закон Чувашской Республики от 23 июля 2001 г. № 35 «О государственном регулировании и поддержке агропромышленного комплекса Чувашской Республики», Законы Республики Башкортостан от 31 октября 2007 г. № 472-з «О развитии сельского хозяйства в Республике Башкортостан» и от 8 декабря 2006 г. № 389-з «О государственной поддержке сельскохозяйственных потребительских кооперативов в Республике Башкортостан», Закон Пензенской области от 2 ноября 2004 г. № 668-ЗПО «О поддержке агропромышленного комплекса Пензенской области», Закон Ульяновской области от 5 апреля 2006 г. № 43-ЗО «О мерах государственной социальной поддержки отдельных категорий специалистов, работающих и проживающих в сельской местности на территории Ульяновской области».

Требования Бюджетного кодекса РФ к осуществлению расходов бюджетов делают необходимым применение программно-целевого метода для целей реализации и правового регулирования мероприятий национального проекта в субъектах РФ. Так, принят специальный Закон Нижегородской области от 8 апреля 2008 г. № 40-З «Об утверждении областной целевой программы „Развитие агропромышленного комплекса Нижегородской области" на период 2008—2012 годов», Закон Кировской области от 1 июля 2004 г. № 247-ЗО «Об областной целевой программе „Социальное развитие села" на 2004—2012 годы», Закон Ульяновской области от 8 октября 2004 г. № 066-ЗО «Об утверждении областной целевой программы „Обеспечение

---

* *Здесь и далее используются нормативно-правовые документы из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

устойчивого благополучия животноводства Ульяновской области на период 2005—2011 годы". Программное регулирование агропромышленного производства осуществляется в порядке, установленном Законом Удмуртской Республики «О республиканских и ведомственных целевых программах». Ст. 9 Закона Чувашской Республики от 23 июля 2001 г. № 35 «О государственном регулировании и поддержке агропромышленного комплекса Чувашской Республики» предусмотрена возможность разработки высшим исполнительным органом государственной власти комплексных и целевых программ развития агропромышленного производства.

Государственное регулирование агропромышленного производства предполагает экономическое воздействие органов власти на производство, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, а также на производственно-техническое обслуживание и материально-техническое обеспечение агропромышленного производства. Необходимо отметить, что при поддержке сельскохозяйственных товаропроизводителей органы государственной власти и местного самоуправления не вправе совмещать функции хозяйствующих субъектов согласно требованиям п. 3 ст. 15 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

В ст. 4 Закона Чувашской Республики от 23 июля 2001 г. № 35 «О государственном регулировании и поддержке агропромышленного комплекса Чувашской Республики» и п. 2 ст. 4 Закона Республики Башкортостан от 31 октября 2007 г. № 472-з «О развитии сельского хозяйства в Республике Башкортостан» сформулированы принципы государственного регулирования агропромышленного производства:

а) сочетания интересов Российской Федерации, региона и муниципальных образований в сфере агропромышленного производства;

б) преимущественного использования экономических методов государственного регулирования;

в) равной защиты всех форм собственности и хозяйствования в агропромышленном производстве;

г) обеспечения полной свободы товаропроизводителей в организации хозяйственной деятельности и распоряжении произведенной продукцией;

д) соблюдения требований охраны окружающей среды;

е) социального развития сельских поселений и социальной защиты сельского населения;

ж) доступности и адресности поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей;

з) доступности информации о состоянии аграрной политики.

Перечисленные правовые принципы положены в основу предусмотренных законодательством мер государственной поддержки. Так, в ст. 6 Закона Республики Башкортостан от 31 октября 2007 г. № 472-З «О развитии сельского хозяйства в Республике Башкортостан» обозначены 14 основных направлений государственной поддержки в сфере развития сельского хозяйства в Республике Башкортостан:

1) обеспечение доступности кредитных ресурсов;

2) развитие системы страхования рисков в сельском хозяйстве;

3) развитие племенного животноводства;

4) развитие коневодства;

5) развитие рыбоводства;

6) развитие пчеловодства;

7) обеспечение производства продукции животноводства;

8) развитие элитного семеноводства;

9) обеспечение закладки многолетних насаждений и уход за ними;

10) обеспечение обновления основных средств сельскохозяйственных товаропроизводителей;

11) обеспечение мероприятий по повышению плодородия почв;

12) обеспечение устойчивого развития сельских территорий;

13) предоставление консультационной помощи сельскохозяйственным товаропроизводителям;

14) информационное обеспечение при реализации государственной аграрной политики.

Аналогичные направления сформулированы в ст. 2 Закона Удмуртской Республики от 22 октября 1997 г. № 494-I «О государственном регулировании агропромышленного производства». Ст. 4 указанного закона гласит, что в расходной части бюджета Удмуртской Республики предусматриваются средства на поддержку и развитие агропромышленного производства в размере не менее 10 % от общего объема расходов бюджета региона.

В законодательстве субъектов РФ наиболее распространенной формой государственной поддержки сельскохозяйственных организаций выступает субсидирование, причем не только процентных ставок по инвестиционным кредитам и займам. Согласно ст. 4 Закона Республики Марий Эл от 3 декабря 2004 г. № 54-З «О государственной поддержке

сельского хозяйства» в регионе устанавливаются основные направления предоставления субсидий на государственную поддержку сельского хозяйства:

а) животноводства;

б) растениеводства;

в) страхование урожая сельскохозяйственных культур, урожая многолетних насаждений и посадок многолетних насаждений;

г) повышение плодородия почвы;

д) компенсацию части затрат по процентным ставкам кредитов, выданных российскими кредитными организациями, и займов, полученных в сельскохозяйственных потребительских кредитных кооперативах;

е) компенсацию затрат ветеринарно-санитарных утилизационных заводов.

Правовая возможность предоставления такого рода субсидий предусмотрена ст. 69 и 78 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Согласно п. 2 ст. 78 Бюджетного кодекса Российской Федерации субсидии юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям — производителям товаров, работ, услуг предоставляются из бюджета субъекта РФ в случаях и порядке, предусмотренных законом субъекта РФ о бюджете и принимаемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ. В подзаконном нормативном правовом акте в обязательном порядке должны быть определены:

а) категории или критерии отбора юридических лиц;

б) цели, условия и порядок предоставления субсидий;

в) порядок возврата субсидий в случае нарушения им условий, продиктованных при их предоставлении.

Отдельные субъекты РФ осуществляют правовое регулирование по пути закрепления за муниципальными образованиями государственных полномочий. Так, Закон Нижегородской области от 11 ноября 2005 г. № 176-З «О наделении органов местного самоуправления Нижегородской области отдельными государственными полномочиями по поддержке сельскохозяйственного производства» предоставляет органам местного самоуправления муниципальных районов 16 отдельных государственных полномочий, в том числе:

1) по поддержке сельскохозяйственного производства (обеспечение исполнения нормативных требований в области семеноводства, племенного животноводства, мелиорации земель; исполнение агротехнических, агрохимических, мелиоративных, фитосанитарных и противоэрозийных мероприятий по обеспечению плодородия земель сельскохозяйственного назначения, организацию химизации и защиты сельскохозяйственных растений; ведение учета посевных площадей, сортовых посевов, поголовья всех видов скота, племенных животных);

2) по возмещению сельскохозяйственным товаропроизводителям части затрат на уплату процентов по инвестиционным кредитам, выданным кредитными организациями, и займам, полученным в сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативах в 2004—2010 гг. на срок от двух до десяти лет;

3) по возмещению части затрат на уплату процентов организациям, осуществляющим промышленное рыбоводство, по инвестиционным кредитам, полученным в кредитных организациях в 2007—2010 гг. на строительство, реконструкцию и модернизацию комплексов (ферм) по осуществлению промышленного рыбоводства на срок до восьми лет;

4) по возмещению гражданам, ведущим личное подсобное хозяйство, сельскохозяйственным потребительским кооперативам, крестьянским (фермерским) хозяйствам части затрат на уплату процентов по кредитам, выданным кредитными организациями, и займам, полученным в сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативах в 2005—2010 гг. на срок до восьми лет;

5) по компенсации части затрат на проведение работ по агролесомелиорации почв, по агрохимической мелиорации почв, на приобретение средств химической защиты растений; на приобретение средств химизации; расходов на дизельное топливо, использованное на проведение сезонных сельскохозяйственных работ; на оплату первоначального взноса при получении сельскохозяйственной техники и оборудования по договору лизинга;

6) по поддержке племенного животноводства;

7) по стабилизации и увеличению поголовья крупного рогатого скота;

8) по поддержке производства льна и конопли;

9) по возмещению части затрат на реализацию сельскохозяйственной продукции собственного производства;

10) по поддержке элитного семеноводства;

11) по компенсации части затрат по страхованию урожая сельскохозяйственных культур, урожая и посадок многолетних насаждений. Финансовое обеспечение делегированных государственных полномочий производится за счет субвенций из регионального бюджета.

Республика Мордовия, Нижегородская область (до 10 % от суммы страховых взносов), Республика Башкортостан (до 30 % от суммы страховых взносов) участвуют в страховании посевов, животных, основных и оборотных фондов по следующим страховым случаям: неблагоприятные погодные условия, а также пожар, град, наводнение и другие обстоятельства непреодолимой силы, которые могут вызвать гибель посевов, животных, запасов товарных и материальных ценностей, порчу и выведение из строя основных и оборотных фондов.

В условиях дефицита основных средств у сельскохозяйственных товаропроизводителей перспективными объектами залога для целей кредитования могут выступать земельные участки. За последние 15 лет в Российской Федерации ликвидирована монополия государственной собственности на землю. В связи с принятием Земельного кодекса, введением в действие гл. 17 Гражданского кодекса, принятием Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» еще большую актуальность приобретает вовлечение сельскохозяйственных угодий в гражданский оборот и обеспечение условий справедливого и прозрачного оборота земель сельскохозяйственного назначения.

Большинство сельскохозяйственных организаций в регионах Приволжского округа действуют как арендаторы сельскохозяйственных угодий собственников земельных долей на основании заключенных при приватизации земли договоров аренды. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» пересматривает уже сложившиеся договорные связи между собственниками земельных долей и сельскохозяйственными организациями. Потенциальным арендаторам земли заключение договоров аренды дает гарантии прав пользователя, возможность планирования и устойчивого развития организации в долгосрочной перспективе. Надлежащее оформление прав на землю всеми участниками гражданского оборота является условием для справедливого и легального оборота земель сельскохозяйственного назначения и реализации собственниками земельных долей прав собственности.

Мероприятия приоритетного национального проекта «Развитие АПК» предусматривают не только развитие социально-экономической сферы, но и реализацию конституционных социальных прав граждан, проживающих в сельской местности, обеспечение стабильности систем жизнеобеспечения в сельских поселениях. В ст. 2 Закона Удмуртской Республики от 27 февраля 2002 г. № 15-РЗ «Об основах государственной политики в сфере социально-экономического развития села» содержится специальная оговорка, что все принимаемые законы Удмуртской Республики, регулирующие вопросы социально-экономического развития региона, в том числе носящие отраслевой и межотраслевой характер, должны содержать специальные разделы, главы, статьи или пункты, регулирующие вопросы социального развития села и учитывать его специфику и приоритетность, особенности политики по развитию систем образования, культуры, медицинского, торгового и бытового обслуживания, физической культуры, молодежной сферы, а также инженерной инфраструктуры на селе.

В Чувашской Республике также уделяется внимание государственной поддержке развития социальной и инженерной инфраструктуры в сельских поселениях. Согласно ст. 18 Закона Чувашской Республики от 23 июля 2001 г. № 35 «О государственном регулировании и поддержке агропромышленного комплекса Чувашской Республики» государственная поддержка осуществляется по следующим направлениям:

а) разработка и реализация программ и мероприятий, направленных на развитие социальной сферы;

б) торговля, промышленная переработка, заготовка сырья в сельских поселениях;

в) строительство дорог, объектов связи, электрификации, газификации, водоснабжения;

г) долгосрочное кредитование жилищного строительства в сельских поселениях, в том числе индивидуального жилищного строительства сельского населения;

д) развитие материально-технической базы объектов здравоохранения в сельских поселениях, улучшение качества медицинского обслуживания.

Стимулирование материального производства в сельских поселениях невозможно без инвестиций в человека. Перспективным мероприятием национального проекта является создание условий проживания и работы в сельской местности лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий. Законом Нижегородской области от 1 ноября 2008 г. № 149-З «О мерах государственной поддержки кадрового потенциала агропромышленного комплекса Нижегородской области» установлена система экономических, социальных и правовых гарантий государственной поддержки кадрового потенциала агропромышленного комплекса региона. В каче-

стве мер государственной поддержки применяются:

а) ежемесячная доплата к заработной плате руководителям сельскохозяйственных организаций, вновь избранным на должность в убыточную сельскохозяйственную организацию (3 000 руб. на один год);

б) ежемесячная доплата к заработной плате молодым специалистам (2 500 и 2 000 руб. на срок до двух лет);

в) ежемесячная доплата к заработной плате работникам сельскохозяйственных организаций (1 000 руб. на срок до двух лет);

г) выплата единовременного пособия молодым специалистам с высшим и средним профессиональным образованием (100 000 и 70 000 руб.);

д) выплата персональной аграрной стипендии студентам образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования очной формы обучения, обучающимся на условиях целевой контрактной подготовки специалистов для агропромышленного комплекса;

е) ежемесячная доплата к трудовой пенсии руководителям сельскохозяйственных организаций (при стаже работы в должности руководителя от 10 до 15 лет — 2 000 руб., свыше 15 лет — 2 500 руб.).

Студентам образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования очной формы обучения, обучающимся на условиях целевой контрактной подготовки специалистов для агропромышленного комплекса, выплачиваются персональные аграрные стипендии (студентам образовательных учреждений высшего профессионального образования — 1 500 руб., среднего профессионального образования — 1 000 руб.).

Установление в региональном законодательстве многообразия оснований и форм предоставления государственной поддержки сельскохозяйственным товаропроизводителям, улучшение социальной сферы села не только позиционирует субъекты РФ в качестве активных участников национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса», но и способствует построению в России модели «конкурентного» бюджетного федерализма.

Поступила 30.09.09.

О РАЗВИТИИ ЖИЛИЩНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕТНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ДОСТУПНОЕ И КОМФОРТНОЕ ЖИЛЬЕ — ГРАЖДАНАМ РОССИИ» (НА ПРИМЕРЕ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

С. В. Потапова

В данной статье анализируется законодательство субъектов РФ (на примере Приволжского федерального округа), принятое с целью реализации основных направлений приоритетного национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России».

В соответствии с концепцией приоритетного национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» и в целях реализации постановлений Правительства РФ от 17 сентября 2001 г. № 675 «О федеральной целевой программе «Жилище» на 2002—2010 годы» [3], от 31 декабря 2005 г. № 865 «О дополнительных мерах по реализации федеральной целевой программы «Жилище» на 2002—2010 годы» [4] органами госу-

© С. В. Потапова, 2009

дарственной власти субъектов РФ принимаются меры по дальнейшему развитию нормативной правовой базы, формированию и развитию финансовых механизмов в жилищной сфере.

Анализ законодательства субъектов РФ, входящих в состав Приволжского федерального округа, показал, что реализация данного национального проекта происходит по трем основным направлениям:

1) повышение доступности жилья и увеличение объемов ипотечного жилищного кредитования;

2) выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством;

3) увеличение объемов жилищного строительства и модернизация коммунальной инфраструктуры.

Отметим интеграционный подход по вопросам реализации приоритетного национального проекта на региональном уровне, что нормативно закреплено в принятии в анализируемых субъектах РФ целевых программ. При этом в регионах ПФО существуют два полярных подхода в решении обозначенной проблемы: принятие комплексных нормативных правовых актов по реализации приоритетного национального проекта, как, например, в Мордовии и Марий Эл, либо утверждение нормативных актов по различным направлениям реализации этого проекта.

Так, в Республике Мордовия действует постановление Правительства от 9 марта 2006 г. № 79 «О республиканской целевой программе „Жилище" на 2006—2010 годы», целью которого является комплексное решение проблемы перехода к устойчивому функционированию и развитию жилищной сферы, обеспечение доступности жилья для жителей республики, безопасных и комфортных условий проживания в нем. Для реализации программы изданы: постановление Правительства Республики Мордовия от 22 марта 2006 г. № 105 «О подпрограммах „Обеспечение жильем молодых семей" и „Модернизация объектов коммунальной инфраструктуры" республиканской целевой программы „Жилище" на 2006—2010 годы»; постановление Правительства Республики Мордовия от 31 июля 2006 г. № 339 «О подпрограмме развития системы ипотечного жилищного кредитования в Республике Мордовия республиканской целевой программы „Жилище" на 2006—2010 годы» [1]. Важное значение имеет Указ Главы Республики Мордовия от 14 сентября 2009 г. № 174-УГ «О порядке организации и осуществления Министерством строительства и архитектуры Республики Мордовия контроля и надзора в области долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, строительство которых осуществляется на территории Республики Мордовия» [2].

Интересно и специфично постановление Правительства Республики Марий Эл от 31 августа 2007 г. № 214 «Об утверждении стратегии долгосрочного социально-экономического развития Республики Марий Эл»*, структурным элементом которого является раздел о приоритетном национальном проекте «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» в республике. В рамках реализации указанного национального проекта в Республике Марий Эл проводятся мероприятия по расширению ипотечного жилищного кредитования, рефинансированию ипотечных кредитов; обеспечению жильем отдельных категорий граждан (ветеранов и инвалидов); обеспечению жильем молодых семей; обеспечению земельных участков коммунальной инфраструктурой в целях увеличения объемов жилищного строительства; модернизации объектов коммунальной инфраструктуры.

Рассмотрим программы по обеспечению жильем молодых семей, направленные на реализацию одного из основных направлений национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России», который предполагает формирование системы оказания государственной поддержки молодым семьям в приобретении жилья или строительстве индивидуального жилого дома. Участниками программ могут быть молодые семьи (в том числе неполные), состоящие из одного молодого родителя и одного и более детей, где возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье не превышает 35 лет. Основными принципами реализации программ являются добровольность участия и признание молодой семьи нуждающейся в улучшении жилищных условий в соответствии с федеральным законодательством. Например, реализация постановления Правительства Пензенской области от 24 ноября 2008 г. № 804-пП «Об утверждении долгосрочной целевой программы Пензенской области „Обеспечение жильем молодых се-

---

* *Сведения о данном нормативном правовом акте и иных нормативных правовых актах субъектов РФ, анализируемых в статье, взяты из справочно-правовой системы «Консультант Плюс: сводное региональное законодательство».*

мей" на 2009—2011 годы» предполагает улучшение жилищных условий более 140 молодых семей. За период действия Программы с 2006 по 2009 г. в Пензенской области улучшили жилищные условия более 700 молодых семей.

Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 17 октября 2007 г. № 291 «О порядке предоставления субсидий участникам подпрограммы „Обеспечение жильем молодых семей" федеральной целевой программы „Жилище" на 2002—2010 годы в Республике Башкортостан» предусмотрено, что молодой семье при рождении (усыновлении) одного ребенка предоставляется дополнительная субсидия за счет средств бюджета республики в размере 5 % расчетной (средней) стоимости жилья, исчисленной на момент рождения ребенка для списания части задолженности по кредитному (ипотечному) договору на индивидуальное жилищное строительство (приобретение жилья). Причем, если в Пензенской области речь идет о предоставлении социальной выплаты молодым семьям на приобретение (строительство) жилья, то в Республике Башкортостан говорится о субсидиях, (что терминологически не соответствует Бюджетному кодексу РФ.

В целях поддержки молодых семей был принят Указ Президента Чувашской Республики от 6 марта 2002 г. № 51 «О мерах по усилению государственной поддержки молодых граждан в Чувашской Республике». В настоящее время молодые граждане, нуждающиеся в улучшении жилищных условий и имеющие детей, могут воспользоваться ипотечными банковскими кредитами сроком до 15 лет, процентные ставки по которым субсидируются из республиканского бюджета. Проценты за кредит уменьшаются до 5 % в первые три года и до 10 % — в последующие годы. При этом предоставляется возможность получения беспроцентных жилищных ипотечных кредитов молодым семьям с тремя и более детьми или в которых один из членов семьи признан инвалидом, а также молодым семьям, проживающим в сельской местности, один из членов которых имеет высшее образование и заключил трудовой договор на срок не менее пяти лет. Кроме того, в целях расширения доступности кредитных ресурсов для молодых семей, улучшающих жилищные условия, предоставляется безвозмездная 15-процентная субсидия из республиканского бюджета Чувашской Республики.

Принятие указанных актов имеет практическое значение, так как молодые семьи, как правило, не могут получить доступ на рынок жилья без бюджетной поддержки. В то же время описанные меры положительно влияют на улучшение демографической ситуации в субъектах РФ и в целом в стране.

Социальные выплаты предоставляются на условиях софинансирования за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Федерации и местных бюджетов. В связи с этим органам местного самоуправления рекомендуется участвовать в реализации положений программ на принципах софинансирования ее мероприятий из местных бюджетов. Так, в Башкортостане действует Закон «О государственной поддержке молодых семей в Республике Башкортостан», который предусматривает наличие муниципальных программ поддержки молодых семей в улучшении жилищных условий и содержит методику распределения средств субсидий из республиканского бюджета муниципальным образованиям. Заметим, что в подпрограмме «Обеспечение жильем молодых семей» Республиканской целевой программы «Жилище» на 2006—2010 годы, утвержденной постановлением Правительства Республики Мордовия № 105 от 22 марта 2006 г., необходимо предусмотреть условия предоставления и расходования субсидий местным бюджетам, что будет соответствовать Бюджетному кодексу РФ.

Субъекты, входящие в состав Приволжского федерального округа, принимают программы, направленные на развитие долгосрочного ипотечного кредитования. Так, в Республике Мордовия указанная программа утверждена постановлением Правительства от 31 июля 2006 г. № 339, в Ульяновской области — Законом от 6 мая 2006 г. № 55-ЗО «Об утверждении областной целевой программы „Развитие системы ипотечного жилищного кредитования в Ульяновской области в 2006—2010 годах"». Указанные нормативные правовые акты иллюстрируют практическое воплощение одного из основных направлений жилищного законодательства в субъектах РФ — развития ипотечного кредитования и, как следствие, обеспечения доступности жилья. Анализ мировой практики показывает, что в современных условиях долгосрочное жилищное кредитование становится практически единственным механизмом предоставления населению возможности приобретения доступного жилья.

Механизмами реализации программы «Развитие системы ипотечного жилищного кредитования в Ульяновской области в 2006—2010 годах», утвержденной законом области, являются накопительная ссудно-сберегательная система, банковское ипотечное кредитование, страхование в системе ипотеч-

ного жилищного кредитования (личное страхование и имущественное страхование). Документом предусмотрено предоставление социальных выплат за счет средств бюджета региона для приобретения жилья работниками областных учреждений образования, культуры, спорта, здравоохранения и социальной защиты, что отличает данный нормативный правовой акт от аналогичных. Участниками программы могут быть работники областных учреждений, возраст которых не превышает 40 лет. Социальная выплата предоставляется в размере 50 % расчетной (средней) стоимости жилья. Между работником, областным учреждением, государственным заказчиком программы заключается соглашение о предоставлении социальной выплаты на приобретение жилья. Одним из основных условий является обязанность служащего отработать в областных учреждениях установленный срок. Если работник не выполняет условия соглашения, то социальная выплата подлежит возврату в областной бюджет в полном объеме (в том числе может быть взыскана в судебном порядке).

В Чувашской Республике также активно развито жилищное законодательство, о чем свидетельствует принятие следующих нормативных правовых актов: Закона Чувашской Республики от 4 июня 2007 г. № 8 «О Стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2020 года», Указа Президента Чувашии от 30 января 2004 г. № 10 «О дополнительных мерах по стимулированию жилищного строительства в Чувашской Республике», постановления Кабинета министров Чувашской Республики от 13 ноября 2006 г. № 285 «О Подпрограмме „Развитие ипотечного жилищного кредитования в Чувашской Республике" республиканской комплексной Программы государственной поддержки строительства жилья в Чувашской Республике на 2006—2010 годы».

С целью создания универсального организационно-финансового механизма, обеспечивающего автономное функционирование системы ипотечного жилищного кредитования в рыночных условиях, была принята Программа ипотечного жилищного кредитования в Чувашской Республике на 2002—2010 годы, утвержденная постановлением Кабинета Министров Чувашской Республики от 28 ноября 2001 г. № 250, которая определила стратегию участия республики в этом процессе. К 2010 г. предполагается улучшить жилищные условия 30 тыс. семей за счет долевого участия в строительстве жилья с применением ипотечного кредитования. Сдерживающим фактором реализации данной программы является то, что даже ограниченный платежеспособный спрос населения на жилье превышает предложение на рынке, что приводит к постоянному росту цен в отрасли. К тому же кредитование организаций-застройщиков на цели жилищного строительства развито слабо.

В Республике Башкортостан также развито законодательство в жилищной сфере, о чем свидетельствует принятие нормативных правовых актов: Закона от 11 июля 2006 г. № 341-з «О регулировании градостроительной деятельности в Республике Башкортостан»; Указа Президента от 27 февраля 2006 г. № УП-81 «О дополнительных мерах по реализации в Республике Башкортостан приоритетного национального проекта „Доступное и комфортное жилье — гражданам России"»; Постановления Правительства от 29 апреля 2005 г. № 73 «Об основных направлениях развития жилищного строительства и путях обеспечения граждан доступным жильем в Республике Башкортостан»; Постановления Правительства от 7 октября 2003 г. № 249 «О порядке предоставления субсидий участникам Республиканской программы государственной поддержки молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, на 2003—2010 годы при рождении (усыновлении) детей»; Постановления Правительства от 21 сентября 2005 г. № 203 «О регулировании жилищных отношений в Республике Башкортостан»; Постановления Правительства от 23 апреля 2007 г. № 104 «О мерах по реализации в Республике Башкортостан подпрограммы „Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством" федеральной целевой программы „Жилище" на 2002—2010 годы»; Постановления Правительства от 3 октября 2007 г. № 282 «О реализации основных подпрограмм федеральной целевой программы „Жилище" на 2002—2010 годы в Республике Башкортостан в рамках приоритетного национального проекта „Доступное и комфортное жилье — гражданам России" и федеральной целевой программы „Социальное развитие села до 2010 года" в части улучшения жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности», Постановления Правительства № 275 от 11 августа 2008 г. «О реализации подпрограмм федеральной целевой программы „Жилище" на 2002—2010 годы в Республике Башкортостан в рамках приоритетного национального проекта „Доступное и комфортное жилье — гражданам России" и мерах по улучшению показателей жилищного строительства».

В Республике Башкортостан начата реализация проектов комплексной малоэтажной застройки территорий с привлечением средств частных инвесторов в соответствии с республиканской программой «Развитие малоэтажного жилищного строительства в Республике Башкортостан „Свой дом" на 2007—2010 годы», утвержденной Постановлением Правительства республики от 29 декабря 2007 г. № 408, что развивается и в Мордовии. Между тем необходимо отметить, что в Башкортостане остается низким уровень освоения бюджетных средств, направленных на реализацию мероприятий по социальному ипотечному кредитованию, по обеспечению жильем ветеранов, инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов.

Интересно Постановление Правительства Республики Башкортостан от 19 апреля 2006 г. № 96 «О целевых отчислениях предприятий и организаций на развитие жилищного строительства в Республике Башкортостан». Документ направлен на привлечение и использование целевых отчислений организаций, осуществляющих хозяйственную деятельность на территории республики, на развитие жилищного строительства на основании соглашения о сотрудничестве, заключенного между уполномоченной организацией — государственным унитарным предприятием «Фонд жилищного строительства Республики Башкортостан» и предприятием. Предметом соглашения являются взаимоотношения, возникающие в ходе получения и использования фондом целевых отчислений организаций, направляемых на капитальные вложения в жилищное строительство в Башкортостане. Стороны, заключившие соглашение о сотрудничестве, ежегодно определяют объем целевых отчислений на развитие жилищного строительства в республике. Целевые отчисления носят характер заимствований и регулируются заключаемым сторонами договором приобретения простых векселей, в соответствии с которым на сумму полученных целевых отчислений фонд выдает простые векселя с начислением в размере 0,1 % в год и сроком платежа не более семи лет. Построенное за счет целевых отчислений жилье у фонда приобретают работники организации по договорам купли-продажи жилья. Преимущественное право на приобретение жилья имеют работники, принятые до 1 марта 2005 г. на учет в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий в администрациях муниципальных районов и городских округов, организациях; имеющие уровень обеспеченности общей площадью жилых помещений в размере не более 12 кв. м на одного человека; молодые семьи, нуждающиеся в улучшении жилищных условий. После проверки платежеспособности работника организация выдает гарантийное письмо о предоставлении ему субсидии в размере 20 % стоимости приобретаемого жилья. Часть стоимости работник оплачивает по договору купли-продажи за счет собственных (заемных) средств.

Необходимо обеспечить возможность приобретения жилья на рынке для основной части работающих граждан, одновременно с этим гарантируя предоставление малоимущим категориям населения социального жилья. Например, Нижегородская область имеет обязательства по обеспечению жильем граждан, страдающих заразными формами туберкулеза; семей, имеющих ребенка, страдающего заразными формами туберкулеза; детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа. На решение этих проблем направлены мероприятия, утвержденные постановлениями Правительства Нижегородской области от 18 февраля 2008 г. № 41 «Об утверждении долгосрочной стратегии массового строительства жилья для всех категорий граждан на территории Нижегородской области до 2020 года», от 19 мая 2009 г. № 294 «Об утверждении областной целевой программы „Доступное и комфортное жилье — гражданам России" в Нижегородской области на период 2009—2010 годов». Последний документ призван решить следующие задачи: увеличение объемов строительства жилья и обеспечение его качественной коммунальной инфраструктурой; обеспечение доступности жилья в соответствии с платежеспособным спросом граждан и стандартами обеспечения жилыми помещениями. Данным актом утверждена подпрограмма «Обеспечение земельных участков коммунальной инфраструктурой в целях жилищного строительства на территории Нижегородской области на 2009—2010 годы», реализация которой позволит обеспечить опережающее развитие коммунальной инфраструктуры для увеличения предложения жилья на конкурентном рынке жилищного строительства, удовлетворяющего платежеспособный спрос населения.

В структуре жилищного законодательства отметим также постановление Правительства Нижегородской области от 23 июня 2006 г. № 205 «Об утверждении областной целевой программы ипотечного жилищного кредитования населения Нижегородской области по стандартам ОАО „Агентство ипотечного жилищного кредитования" на 2006—2010 годы».

В отличие от других субъектов РФ, где приняты постановления высших исполнительных органов государственной власти в сферс переселения граждан из аварийного (ветхого) жилья (Нижегородская, Самарская области, Мордовия, Башкортостан и др.) в Республике Марий Эл принят Закон от 27 декабря 2007 г. № 82-З «О республиканской целевой программе „Переселение граждан из жилищного фонда, признанного непригодным для проживания" на 2007—2012 годы». Результатом выполнения этого закона станет не только решение проблемы переселения граждан из ветхого и аварийного жилищного фонда, но и улучшение городской среды за счет комплексного освоения территорий, обновление жилищного фонда, а также реализация в республике приоритетного национального проекта.

В соответствии с постановлением Правительства Самарской области от 25 марта 2009 г. № 160 «Об утверждении областной целевой программы „Переселение граждан из жилищного фонда, признанного непригодным для проживания, на территории Самарской области" на 2009—2010 годы» суммарная площадь ветхого и аварийного жилья в Самарской области составляет порядка 1,3 млн кв. м, из которого 107,1 тыс. кв. м являются аварийными. В ветхом и аварийном жилищном фонде проживают около 60 тыс. чел. Постановлением Правительства Республики Мордовия от 15 июня 2009 г. № 275 утвержден порядок предоставления и расходования субсидий на проведение мероприятий по переселению граждан из жилищного фонда, признанного непригодным для проживания, и (или) жилищного фонда с высоким уровнем износа.

В отличие от иных субъектов РФ, входящих в состав Приволжского федерального округа, в Кировской области издан ненормативный правовой акт — распоряжение Правительства Кировской области от 11 сентября 2007 г. № 394 «О Концепции областной целевой программы „Развитие жилищного строительства в Кировской области" на 2008—2010 годы». Среди других актов, принятых в жилищной сферс, отметим постановления Правительства Кировской области от 29 июля 2009 г. № 18/211 «Об областной целевой программе „Развитие жилищного строительства в Кировской области" на 2010 год», от 8 июля 2009 г. № 16/175 «Об организации работы по исполнению подпрограммы „Обеспечение жильем молодых семей" федеральной целевой программы „Жилище" на 2002—2010 годы на территории Кировской области» (содержание документа практически не отличается от аналогичных актов других субъектов РФ).

Таким образом, анализ законодательства субъектов РФ позволяет сделать вывод о том, что одним из основных инструментов реализации приоритетного национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» являются программы, разрабатываемые в регионах, которые позволяют комплексно решать проблему обеспечения жильем граждан страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Известия Мордовии. — 2009. — 15 апр.
2. Известия Мордовии. — 2009. — 17 сент.
3. Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 39. — Ст. 3770.
4. Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 6. — Ст. 694.

Поступила 30.09.09.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ОБРАЗОВАНИЕ» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ СУБЪЕКТАХ*

А. Е. Алехин, И. В. Артемьева

В статье рассмотрены проблемы аспекты реализации национального проекта «Образование» в Российской Федерации, связанные, во-первых, с трудностями разработки понятийного аппарата в сфере образования, во-вторых, со слабым контролем над качеством учебно-методического обеспечения учебного процесса в образовательных учреждениях и, в-третьих, с многочисленными нарушениями прав в области образования разных участников образовательных отношений в субъектах РФ, в частности Республике Мордовия.

Актуальность исследования вопроса правового регулирования образования в России обусловлена необходимостью решения проблем, связанных с реализацией конституционного права граждан на образование (ст. 43 Конституции РФ), а также принятием Концепции модернизации образования до 2010 г., Национальной доктрины образования РФ до 2025 г., приоритетного национального проекта «Образование» и присоединением России к Болонской декларации. В связи с этим многократно возрастает роль федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ по решению ключевых проблем в сфере образования. В статье мы коснемся лишь некоторых проблемных вопросов данной темы.

1. Мы являемся сторонниками идеи принятия в ближайшее время Образовательного кодекса РФ (Кодекса РФ об образовании)**, который бы вобрал в себя разрозненные правовые нормы в области образования, возведя их в ранг закона, и стал логичным завершением национального проекта «Образование» в России. С принятием такого Кодекса должен будет решиться вопрос, связанный с разработкой, уточнением и унификацией понятийного аппарата в области образования. К сожалению, мы вынуждены констатировать тот факт, что Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» (далее Закон РФ «Об образовании») и большинство законов субъектов РФ об образовании в нарушение правил юридической техники не содержат отдельной статьи, посвященной основным понятиям и терминам, используемым при правовом регулировании образовательного процесса на федеральном и региональном уровне.

Ярким примером нарушения юридической техники является помещение понятий «образование» и «получением гражданином (обучающимся) образования» во вводную часть Закона РФ «Об образовании». К тому же возникают претензии и к содержанию понятия «образование». Закон под образованием понимает «целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов)». Однако данное определение не отображает в полной мере его суть. На наш взгляд, в нем не отражена закрепленная в ст. 10 Закона РФ «Об образовании» такая форма, как «самообразование». В определении сказано, что образование — это «процесс воспитания и обучения в интересах человека», т. е. это деятельность одного субъекта образовательного процесса (воспитателя, учителя, преподавателя) по воспитанию и обучению другого субъекта (воспитанника, обучающегося). В процессе «самообразования» получение гражданином знаний, навыков, умений происходит самостоятельно, следовательно, определение требует уточнения. Например, его можно сформулировать следующим образом: *образование — это целенаправленный процесс воспитания и обучения, осуществляемый государственными, муниципальными, негосударственными учреждениями и*

© А. Е. Алехин, И. В. Артемьева, 2009

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ «Правовое обеспечение реализации национальных проектов в субъектах Российской Федерации (на примере Приволжского федерального округа)», № 08-03-00587а.*

** *У разных авторов мы можем встретить различные предложения по названию нового кодекса. Данный вопрос для нас не имеет принципиального значения в отличие от его содержания.*

физическими лицами или через самообразование в целях удовлетворения потребности личности в образовании в интересах самого человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов).

Определение понятия «самообразование» мы обнаруживаем в абзаце 7 ст. 1 Закона Кировской области «Об образовании в Кировской области»[1]. Приводим с нашими доработками: «*Самообразование — это форма получения образования, предполагающая самостоятельную, специально организованную и систематическую деятельность человека (гражданина), направленная на получение знаний, по объему и качеству соответствующих государственному образовательному стандарту и сопровождающаяся констатацией достижения установленных государством образовательных уровней*»*

Интересным представляется и подход законодателя Кировской области к определению ряда важных понятий, например: *содержание образования — система знаний, умений и навыков, овладение которыми обеспечивает всестороннее развитие и воспитание личности, необходимое для полноценной жизнедеятельности; воспитательная система — форма интеграции воспитательных воздействий в единый процесс, позволяющий добиться конкретных результатов; воспитание — специально организованный воспитательный процесс формирования и принятия гуманных, социально значимых ценностей и образцов гражданского поведения*[2]. Не менее полезно будет дать определение понятию «сфера образования». С этой целью мы обращаемся к ст. 2 Закона Читинской области «Об образовании» и находим определение: *сфера образования — область общественных отношений, возникающих между юридическими и физическими лицами по поводу осуществления ими образовательной деятельности, совокупность учреждений и предприятий, участвующих или обеспечивающих образовательный процесс*[3].

Немаловажное значение для реализации национального проекта «Образование», предполагающего применение инновационных подходов и технологий, имеет формулирование и законодательное закрепление понятия «инновация в образовании». Определение можно позаимствовать из Закона Калининградской области от 5 февраля 1998 г. «Об образовании», но с некоторыми уточнениями: «*Инновация в образовании — привнесение или обновление элементов в государственных образовательных стандартах, учебно-методическом обеспечении или организации образовательного процесса (содержания, технологий, форм организации и т. д.), направленное на его совершенствование и прошедшее испытание на экспериментальных образовательных площадках*» (абзац 8 ст. 1)[4]. При этом под экспериментальной образовательной площадкой следует понимать государственное, муниципальное или частное образовательное учреждение, утвержденное нормативными документами органа управления образованием субъекта РФ в качестве базы для реализации инновационных проектов и опытно-экспериментальной работы в сфере образования**

Инновации в образовании, на наш взгляд, могут касаться трех направлений: 1) внесения изменений в государственные образовательные стандарты, в том числе касающихся регионального компонента государственного образовательного стандарта (дополнительных предметов: религиоведения, правоведения, этикета, предметов по выбору, факультативов, спецкурсов и т. д.); 2) разработки новых или доработки имеющихся учебно-методических материалов (учебников,

---

[1] *Об образовании в Кировской области. Закон Кировской области 11 февраля 2003 года № 133-ЗО (в ред. от 17 апреля 2008 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».*

* *Определение, данное в указанном законе, имеет следующее содержание: «Самообразование — специально организованная, самостоятельная, систематическая, познавательная деятельность, направленная на достижение определенных личностно или общественно значимых образовательных целей».*

[2] *Там же. Абзац 3, 4 ст. 1.*

[3] *Об образовании: Закон Читинской области 1 октября 1997 г. № 98-ЗЧО (в ред. от 19 декабря 2007 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».*

[4] *Об образовании: Закон Калининградской области от 5 февраля 1998 г. (в ред. от 10 декабря 2007 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».*

** *Схожее определение «Экспериментальной площадке» дается в ст. 1 Закона Мурманской области от 19 декабря 2005 года № 707-01-ЗМО «Об образовании в Мурманской области» (в ред. от 15 февраля 2007 г.) (доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»). В Законе Томской области от 12 ноября 2001 г. № 119-ОЗ «Об образовании в Томской области» дается определение федеральной экспериментальной площадки: «Федеральная экспериментальная площадка — статус инновационного образовательного учреждения, присваиваемый Министерством образования и науки РФ на основании экспертизы проектно-исследовательской деятельности образовательного учреждения».*

учебно-методических комплексов, программ, наглядных пособий, аудиозаписей, обучающих фильмов и т. д.); 3) изменений, касающихся организации образовательного процесса (применения навыков на практике, обучающих игр и т. д.).

С национальным проектом «Образование» связаны также отношения, возникающие при проведении различных конкурсов педагогического мастерства и предполагающие дополнительные стимулирующие выплаты учителям (педагогам). В Законе Кемеровской области об образовании содержится определение: «*Областной конкурс педагогического мастерства — это профессиональное соревнование, объявляемое (проводимое) исполнительным органом государственной власти Кемеровской области, осуществляющим управление в сфере образования (далее также — исполнительный орган, осуществляющий управление в сфере образования) среди педагогических работников и руководителей образовательных учреждений, имеющих квалификационные категории, с целью выделить наилучших из числа его участников*» (ст. 1)[5].

В некоторых законах субъектов РФ, регулирующих отношения в сфере образования, встречаются и другие немаловажные для правового регулирования образования термины, которые могут быть использованы при составлении понятийного аппарата «Образовательного кодекса Российской Федерации». Например, «педагог»; «педагог — молодой специалист»; «национально-региональный компонент»; «сельская малокомплектная школа»; «качество образовательных услуг»; «качество образовательной подготовки выпускника»; «образовательный заказ»; «дети с ограниченными возможностями здоровья»; «семейное образование»; «адаптивное образование» и т. д. В данной статье мы остановились лишь на некоторых понятиях, которые либо требуют доработки, либо не получили широкого распространения в региональном и федеральном законодательстве.

2. В последнее время набирает актуальность вопрос, связанный с преподаванием отечественной истории в образовательных учреждениях России. В основном это связано с претензиями к авторскому взгляду изложения материала, касающегося различных исторических событий, к широте вопросов, включаемых в учебник, и объему их освещения. Поэтому основной задачей для государства является подбор таких учебников отечественной истории, содержание которых соответствовало бы подлинным историческим фактам, объективно давало оценку историческим событиям (включая выводы) и в то же время способствовало патриотическому развитию молодежи, но не в ущерб объективности материала. На наш взгляд, в решении данной проблемы нам могли бы помочь не только специалисты из различных научных институтов, университетов, но и педагоги, вынужденные учить школьников по этим учебникам. По нашему мнению, «обсуждение» учебников истории на официальном сайте Министерства образования РФ позволит дать им объективную оценку в большей степени, чем мнение нескольких специалистов, даже уважаемых.

3. Право на образование провозглашено в 26-й статье Всеобщей декларации прав человека и гражданина, принятой 10 декабря 1948 г. Генеральной ассамблеей ООН. Данная статья закрепляет основные принципы в сфере образования, которые также нашли отражение в Федеральных законах РФ «Об образовании» и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». Каждый из этих принципов значителен для полноценной реализации человеком естественного права на образование. В статье мы постараемся ответить на вопрос, реализуются ли данные принципы на практике и часто ли они нарушаются.

В рамках исследования мы заострим внимание на двух конкретных принципах. С этой целью нами был проведен опрос 150 учащихся средних общеобразовательных учреждений городского округа Саранск 15—17 лет и 180 студентов 17—22 лет, получающих высшее профессиональное образование на разных факультетах Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Кроме того, проанализирована практика прокурорского реагирования на нарушения в области образования в субъектах РФ и Республике Мордовия.

Принцип 1: «*Образование должно быть бесплатным, по меньшей мере, в том, что касается начального и общего образования. Начальное образование должно быть обязательным...*» (ст. 26 Декларации).

Проблемой, на наш взгляд, является отсутствие в законе определения понятия «бесплатное образование». Существуют ли пределы, выходя за которые образование автоматически становится «платным»? Можно ли признавать так называемые «добровольные

---

[5] *Об образовании в Кемеровской области: Закон Кемеровской области 28 декабря 2000 года № 110-ОЗ (в ред. от 1 февраля 2008 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».*

пожертвования» со стороны родителей или ежегодную покупку учебной литературы по программе определенного курса платой за получение ребенком начального и общего образования? Изучение деятельности прокуратуры в разных субъектах РФ позволило нам обнаружить конкретные примеры нарушения данного принципа на практике.

В 2007 г. Азнакаевской городской прокуратурой (Республика Татарстан) выявлены факты нарушения Закона «Об образовании», связанные с общедоступностью и бесплатностью образования. В школах города выявлен ряд случаев незаконного сбора денежных средств от родителей учащихся. В средней общеобразовательной школе № 1 пос. Актюбинский выдача справок об обучении ученикам и их родителям осуществлялась на платной основе, а одной из классных руководительниц этой же школы с учеников были собраны денежные средства на приобретение музыкального центра [4].

В 2008 г. прокуратурой Свердловской области выявлены 190 нарушений закона при реализации национального проекта «Образование», в том числе факты взимания денежных средств заведующей одного из муниципальных дошкольных образовательных учреждений г. Нижнего Тагила с родителей за физкультурные занятия детей в бассейне детского сада [6].

Прокуратурой Тюменской области в 2007 г. проведена проверка исполнения законодательства об образовании в части обеспечения школьников учебниками и учебными пособиями. Библиотеки большинства образовательных учреждений юга области не были укомплектованы учебной литературой, что является нарушением требований ст. 29 Закона РФ «Об образовании», согласно которой одной из основных гарантий бесплатности общего образования является обеспечение на безвозмездной основе обучающихся учебниками и учебными пособиями [5].

Прокуратура субъектов РФ, таким образом, по-разному понимает значение принципа «право на бесплатное образование». В одних регионах явным нарушением является выдача справок об обучении ученикам и родителям за плату, в других — отсутствие в школе учебников и учебных пособий. Соответственно лишь закрепления данного принципа в законе «Об образовании» недостаточно. На наш взгляд, требуется его подробное раскрытие.

Принцип 2: «*Гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье*» (абзац 2 ст. 2 Закона РФ «Об образовании»). Полагаем, исследование данного принципа логично начать с анализа результатов проведенного нами анкетирования.

На вопрос «Как Вы думаете, необходимо ли введение курса „Право" в школах?» получены следующие ответы: из 330 опрошенных (100 %) 37 чел. (11,2 %) высказались против, 11 чел. (3,6 %) выбрали вариант «Иное»: Курс „Право" уже есть в школьной программе» и 282 чел. (85,2 %) высказались «за».

Вывод: чтобы реализация данного принципа в школах, а затем и в вузах стала возможной, учащимся необходимо знать, что такое гражданственность, права и свободы человека и гражданина, способы защиты конституционных прав и т. д. На наш взгляд, изучения данного материала в рамках курса «Обществознание» недостаточно.

На вопросы «Сталкивались ли Вы с нарушениями Ваших прав при обучении в школе / вузе?», «Если да, то в какой области были нарушения Ваших прав?» и «О том, что Ваши права были нарушены, Вы узнали сразу или впоследствии?» получены следующие ответы: из 150 опрошенных учащихся (100 %) только 11 чел. (6,3 %) столкнулись с проблемой нарушения прав в школе, однако каких-либо пояснений они не дали, т. е. не ответили на второй и третий вопросы. Из 180 опрошенных студентов (100 %) права 64 чел. (35,5 %) нарушались за время обучения в вузе, причем из них 25 чел. (13,8 %) получают юридическую специальность (всего опрошены 42 студента, обучающихся на юридическом факультете). Это не значит, что на юридическом факультете права студентов нарушаются чаще, просто студенты-юристы обязаны знать, что является нарушением законодательства, и уметь грамотно формулировать основные нарушения, с которыми они столкнулись при обучении.

Основные нарушения в области высшего образования связаны с недобросовестным отношением администрации факультета к своим обязанностям (18,2 %); нарушениями при приеме экзаменов (9,1 %); неудовлетворительным состоянием материально-технической базы университета и условий проведения занятий (20,4 %); нарушением в области разъяснения прав студенту (18,3 %); неудовлетворительным отношением преподавателей к образовательному процессу (22,4 %); иным нарушениям прав (например, в области выплаты стипендии).

Представляется интересным анализ ответов на следующие вопросы.

Вопрос: «Знакомы ли Вы с содержанием Федерального закона РФ „Об образовании“?». Из 330 опрошенных (100 %) 41 чел. (12,4 %) не знают ни о существовании, ни о реализации данного закона. Соответственно 289 чел. (87,6 %) имеют представление о нем.

Вопрос: «Как Вы считаете, все ли его предписания реализуются на практике?». Из 330 опрошенных (100 %) — 172 чел. (52,1 %) выбрали вариант «Скорее нет, чем да», 105 чел. (31,8 %) выбрали вариант «Скорее да, чем нет», 32 чел. (9,6 %) ответили «нет», 21 чел. (6,4 %) — «да». При этом отметим, что только 6,4 % высказались за реализацию всех предписаний Закона «Об образовании» на практике, большинство же опрошенных выбрали вариант «Скорее нет, чем да». Это, на наш взгляд, странно, так как только 6,3 % учащихся и 35,5 % студентов, как было отмечено ранее, сталкивались с нарушением прав в школе/вузе, а реализацией закона недовольны гораздо большее число людей.

Приведем несколько примеров из практики прокуратур субъектов РФ, где прослеживается нарушение принципа «...приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности...».

Кировским районным судом Екатеринбурга в 2008 г. удовлетворен иск прокурора Свердловской области, заявленный в интересах неопределенного круга лиц к муниципальному образованию г. Екатеринбург и муниципальному образовательному учреждению «Лицей № 88», незаконно осуществляющим эксплуатацию лицея, техническое состояние которого создает угрозу для здоровья обучающихся, педагогов и иных граждан [1].

В 2009 г. прокуратурой Ленинского района городского округа Саранск в ходе осуществления надзорной деятельности установлено, что 15-летний Л. Бурков в течение 2008—2009 учебного года не посещал образовательные учреждение и не получал образования. В октябре 2008 г. его родители обращались в МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 16» по месту жительства по вопросу приема сына на обучение, поскольку постоянно стали проживать по ул. Терешковой г. Саранска. Данный вопрос не был решен. Таким образом, муниципальный орган управления образованием «Городское управление образования Администрации городского округа Саранск» и образовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 16» не приняли своевременных мер, направленных на обеспечение прав несовершеннолетнего Л. Буркова на получение образования, тем не выполнили возложенную на них функцию учета детей, подлежащих обязательному обучению в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования [3].

Приведем примеры положительного опыта решения проблемы правовой безграмотности среди населения. В Москве реализуется проект «Правовое образование в школе», организованный Российским фондом правовых реформ, целью которого является создание программы курса по «Основам правовых знаний». Курс включает освоение знаний по правовому регулированию государственного устройства, органов местного самоуправления, деятельности правоохранительных органов. Сотрудники Центра правового образования, специально создавшего для реализации проекта, рассчитывают на студентов юридических вузов: им проще понять вопросы, возникающие при первых знакомствах с правом. Для студентов это отличная практика: возможно, многие из них будут преподавать право в будущем [7]. Юридическая клиника Дагестанского государственного университета активно пропагандирует правовые знания среди населения. Студенты юридического факультета обучают учащихся городских школ в рамках программы «Живое право» по курсу «Основы правовых знаний». Суть программы состоит в обеспечении практического понимания права школьниками. Проводятся семинары и для учителей в секции «Право» [2]. На базе юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева также функционирует юридическая клиника. Следовательно, возможно перенимание положительного опыта других субъектов РФ в области правового просвещения граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. По иску прокурора Свердловской области запрещена эксплуатация лицея. Новости 19.12.2008 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.prokuratura.ur.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2551&Itemid=39. — Загл. с экрана.

2. Познакомьтесь : Юридическая клиника ДГУ. Горячие новости 03.11.2005 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.lawclinic.ru/hotnews.phtml?p=1&t=283. — Загл. с экрана.

3. Права несовершеннолетнего на образование восстановлены. Новости 24.04.2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.prokrm.ru/content/view/548/3/ — Загл. с экрана.
4. Прокуратура Республики Татарстан потребовала от районных отделов образования устранить нарушения законодательства об охране прав и здоровья учащихся школ. Новости 25.10.2007 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.genproc.gov.ru/news/news-6914. — Загл. с экрана.
5. Прокуратура Тюменской области проверила исполнение законодательства об образовании. Новости 20.08.2007 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.proctmo.ru/news/news_11875813559/. — Загл. с экрана.
6. Реализация нацпроекта «Образование» — на повестке дня прокуратуры. Новости 23.07.2008 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.prokuratura.ur.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2129&Itemid=39. — Загл. с экрана.
7. **Савченко Е.** Студенты-юристы преподают право в школе. [Электронный ресурс] / Е. Савченко. — Режим доступа: http://www.lawreview.ru/3.shtml. — Загл. с экрана.

Поступила 17.10.09.

ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА УЧАСТИЕ В РЕФЕРЕНДУМЕ

А. Р. Еремин, Д. Б. Останков

Исследуются проблемы временных ограничений конституционного права граждан Российской Федерации на участие в референдуме. Обосновываются цели, условия, временные рамки, обстоятельства, при которых подобные ограничения могут вводиться. Предлагаются пути совершенствования российского законодательства в данной сфере.

Из ограничений конституционного права граждан Российской Федерации на участие в референдуме мы считаем возможным выделение группы так называемых временных ограничений, т. е. условий, определяющих сроки, когда не может быть назначен или проведен референдум. Конституция Российской Федерации допускает ограничение прав и свобод человека и гражданина только в исключительных случаях и в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституци-онного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 55).

В условиях чрезвычайного положения в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия (ст. 56) [6]. Чрезвычайное и военное положение — это особые виды государственного режима. Ограничение права на участие в референдуме предусмотрено Федеральными конституционными законами «О чрезвычайном положении» [12] и «О военном положении» [13].

Согласно ст. 14 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» референдум не проводится на территории, где введено чрезвычайное положение, в течение всего периода действия чрезвычайного положения. На основании п. 4 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военном положении» референдум не проводится и на территории, где введено военное положение. Референдум не только не проводится, но и не назначается в условиях военного или чрезвычайного положения, а также в течение трех месяцев после отмены военного или чрезвычайного положения. Введение таких ограничений объективно обусловлено невозможностью обеспечить проведение референдума в обстановке, в которой могли бы быть гарантированы конституционные права и свободы.

© А. Р. Еремин, Д. Б. Останков, 2009

В соответствии со ст. 1 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (с изменениями от 30 июня 2003 г., 7 марта 2005 г.) под чрезвычайным положением понимается вводимый в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Федеральным конституционным законом на всей территории страны или в ее отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающий установленные законом отдельные ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей.

Введение чрезвычайного положения является временной мерой, применяемой исключительно для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя страны. Целями введения чрезвычайного положения являются устранение обстоятельств, послуживших основанием для его введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты конституционного строя Российской Федерации.

Под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый Президентом на территории Российской Федерации или в отдельных ее субъектах в соответствии с Конституцией в случае агрессии или ее непосредственной угрозы против страны.

Целью введения военного положения является создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации. Период действия военного положения начинается с даты и времени начала действия военного положения, которые устанавливаются указом Президента, и заканчивается датой и временем отмены (прекращения действия) военного положения.

В период действия военного положения в соответствии с законом могут в той мере, в какой это необходимо для обеспечения обороны страны и безопасности государства, ограничиваться права и свободы граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства (далее — граждан), деятельность организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, права их должностных лиц. На граждан, организации и их должностных лиц могут возлагаться дополнительные обязанности.

В соответствии с ч. 2 ст. 87 Конституции Российской Федерации основанием для введения Президентом военного положения на территории страны или в отдельных ее регионах является агрессия против Российской Федерации или ее непосредственная угроза. В Федеральном конституционном законе «О военном положении» в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права агрессией против Российской Федерации признается применение вооруженной силы иностранным государством (группой государств) против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности страны или каким-либо иным образом, несовместимым с Уставом ООН.

В п. 5 ст. 6 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» от 28 июня 2004 г. предусмотрена возможность ограничения срока, в течение которого референдум субъекта Российской Федерации, местный референдум с такой же по смыслу формулировкой вопроса не проводятся. Данная норма не исключает проведение повторного референдума по тому же самому вопросу, ограничивается только период, в течение которого это невозможно. Установлен верхний предел срока ограничения — не более двух лет со дня официального опубликования результатов референдума [14].

Еще одно и, вероятно, самое существенное ограничение на осуществление гражданами инициативы проведения референдума состоит в установлении запрета на проведение референдума в последний год полномочий Президента, Государственной Думы, а также во время избирательной кампании, проводимой одновременно на всей территории страны на основании решения уполномоченного федерального органа. Данное ограничение означает невозможность проведения референдума на протяжении примерно двух с половиной лет. Иными словами, прямое волеизъявление народа — высшая, нежели выборы, форма народовластия — периодически приостанавливается минимум на два с половиной года. В случае же принятия решения о прямых выборах Совета Федерации в полном составе при несовпадении даты выборов палат Федерального Собрания и Президента период запрета может увеличиться.

Серьезность данного ограничения несколько уменьшилась в связи с принятием Закона Российской Федерации о поправке к Конституции от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» [9], которым продлены сроки полно-

мочий Президента и Государственной Думы до шести и пяти лет соответственно.

В научных работах последних лет пристальное внимание обычно уделяется Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2003 г. № 10-П, принятому в связи с запросом представляющих оппозицию депутатов Государственной Думы и посвященному проверке конституционности запрета на совмещение кампаний выборов и общероссийского референдума. В этом документе, продолжившем линию предшествующих актов суда (Постановления от 10 июня 1998 г. № 17-П; Определения от 8 октября 1999 г. № 171-О и др.), сделан вывод о том, что федеральный законодатель обладает достаточной свободой усмотрения при регулировании условий и порядка проведения референдума, а также изложены позиции об особенностях высших форм непосредственного народовластия, их предназначении и соотношении, которым должно следовать законодательство. Конституционный Суд не усмотрел нарушения основного закона в том, что возможность инициирования референдума была существенно ограничена. С критикой выводов и аргументов суда выступил в Особом мнении к указанному постановлению судья В. О. Лучин. Важно остановиться на анализе приведенных доводов, впоследствии повторявшихся и развитых авторами ряда научных публикаций.

На наш взгляд, усиливается тенденция к расширению перечня оснований либо запрета референдума, либо его ограничения жесткими режимными формулами. Следует признать, что Конституционный Суд Российской Федерации Постановлением от 11 июня 2003 г. № 10-П выполнил функцию юридического оправдания политического решения законодателя. Можно согласиться и с высказанным в процессе по данному делу мнением одного из заявителей, А. И. Лукьянова, о том, что речь идет о фактической ликвидации института референдума. На наш взгляд, в мотивировочной части указанного постановления ущербно положение: «Поскольку одновременное проведение выборов и референдума в силу объективных обстоятельств может воспрепятствовать адекватному волеизъявлению граждан и привести к снижению эффективности и той и другой формы непосредственного народовластия, федеральный законодатель вправе ввести регулирование, при котором осуществление кампании по проведению референдума не совпадает с избирательной кампанией» [4]. Это необоснованное утверждение подменило анализ соразмерности ограничения той цели, которую преследовал законодатель при его введении. При этом не был рассмотрен главный вопрос, можно ли было достичь этой цели иным путем — без введения такого жесткого запрета на проведение референдума.

Резюмируем выводы В. О. Лучина, доказывающие недопустимость ограничения возможности инициирования и проведения референдума.

1. Утверждение о том, что одновременное проведение референдума и выборов способно исказить волеизъявление граждан, безосновательно. Почему совпадение агитационного периода может только исказить волеизъявление, а не способствовать его формированию? Народ достоин большего уважения и доверия. Он в состоянии не исказить волеизъявление на референдумах и выборах.

2. Проведение референдума в отведенное законом время означает введение прямой зависимости народного волеизъявления от Государственной Думы, Совета Федерации и Президента, является неопределенно длительным ограничением, поскольку предполагает проведение референдумов по «остаточному» от времени проведения выборов принципу, в то время как из Конституции Российской Федерации скорее следует, что именно референдум является первичной формой народовластия.

3. Право на референдум является неотчуждаемым правом народа, важнейшим практическим инструментом реализации его суверенитета. Ограничение этого права означает присвоение принадлежащих только народу властных полномочий, что не просто противоречит Конституции, но и прямо запрещено ч. 4 ст. 3 основного закона. Судья Конституционного Суда В. Г. Ярославцев в Особом мнении также обратил внимание на то, что Конституция Российской Федерации не устанавливает ограничений инициирования и проведения референдума и не предусматривает возможности введения таких ограничений законом [4]. Стоит отметить, что Конституция Российской Федерации и не запрещает введение таких ограничений.

4. Существенно ограничив время проведения референдума, реализацию конституционного права гражданина на участие в референдуме, федеральный законодатель умалил демократические начала Российской Федерации, нарушил одну из основ конституционного строя России — народовластие, которое нельзя рассматривать как фрагментарное право каждого гражданина в отдельности и российского многонационального народа в целом непосредственно осуществлять власть в остаточное от выборов время [7, с. 49].

Полагаем, что перечисленные ограничения на реализацию конституционного права гражданина Российской Федерации на участие в референдуме выходят за рамки пределов ограничения прав и свобод человека, сформулированных в п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно и с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [8, с. 20].

Если согласиться с приведенными положениями или хотя бы с одним из них и применить их к проблеме допустимости введения ограничений для вопросов референдума, то мы придем к однозначному выводу: введение таких ограничений нарушает принцип народного суверенитета и не допускается Конституцией Российской Федерации. Ведь в теории конституционного права принято утверждать, что народный суверенитет имеет приоритет перед государственным. Органы государственной власти являются представителями народа, действуют в рамках полученных от него полномочий. Следовательно, они не могут ограничивать право народа самостоятельно принимать какое-либо решение прямым волеизъявлением. Если народ прямым решением, принятым на референдуме, не ограничил права и не уполномочил законодателя вводить такие ограничения, то «самочинное» (без санкции народа) их введение законодателем будет нарушать народный суверенитет.

Кроме того, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Приведенные основания для ограничения конституционного права граждан на участие в референдуме не подпадают под действие нормы ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Для того чтобы дать объективную оценку состояния сегодняшнего российского законодательства и предложить пути его совершенствования, следует четко разделить правовые идеалы и действительность, желаемое и возможное, юридические фикции и реальность. Без этого будет трудно избежать логических противоречий и строго аргументировать позицию в защиту института референдума [11].

Во-первых, принцип народного суверенитета (полновластия народа, народовластия) совсем не означает, что прямое волеизъявление народа преобладает при принятии государственных решений. Ни в одной стране мира референдум не является приоритетной формой народовластия. Он лишь в той или иной степени дополняет деятельность представительных государственных органов.

Во-вторых, народное представительство как способ реализации принадлежащих народу властных полномочий нельзя смешивать с институтами частноправового представительства. Как отмечал Б. Н. Чичерин, народное представительство «не есть простое поручение, как частная доверенность или полномочие; государственное начало придает ему совершенно иной характер. Когда частный человек поручает свои дела другому, он имеет в виду исполнение своей личной воли, которую он для собственной выгоды или удобства передает поверенному, заступающему на его место. Последний является здесь орудием или средством в руках другого. Он обязан действовать исключительно в интересах доверителя, по его предписаниям, в установленных им пределах... Все это немыслимо в народном представительстве. На поверенного возлагается не исполнение частной воли доверителя, а обсуждение и решение общих дел... Призванный к участию в политических делах, он приобретает известную долю власти и тем самым становится выше своих избирателей, которые в качестве подданных обязаны подчиняться его решениям. Поэтому представитель действует совершенно независимо от избирателей. Иногда он даже обязан поступать несогласно с их волею и с их интересами» [10, с. 3—4].

Именно государство устанавливает пределы использования института референдума в политической жизни. В. И. Руденко подчеркивает: «В действительности возможности принятия гражданами публично-властных решений на референдуме всегда ограничены. Они определяются совокупностью норм конституционного права, устанавливающих гарантии права граждан на участие в референдуме. Совокупность этих норм права составляет институт референдума» [10, с. 126].

В-третьих, народный суверенитет нельзя сводить к наличию у народа неотчуждаемого субъективного права принять любое государственное решение на референдуме. Л. Дюги отмечал, что в попытках оправдать повелевающую власть «было найдено только два

объяснения — божественное право и народный суверенитет. О божественном праве не стоит даже и говорить. Это объяснение, очевидно, не имеет цены. Но и оправдание национальной жалей не стоит большего». Объяснения народного суверенитета, по мнению ученого, «походят на объяснения прежних психологов, которые, чтобы найти основание феноменам психологического порядка, помещали за ними мыслящую субстанцию, которую называли душою. Политические теоретики, чтобы оправдать фактическое состояние, правительственную силу, утверждают существование за нею суверенной субстанции, личности нации... Все это лишь схоластические формулы, исчезающие при простом исследовании действительности» [5, с. 35].

Принцип народного суверенитета ценен тем, что он не допускает обретения каким-либо лицом властных полномочий независимо от воли избирателей либо лиц, являющихся их легитимными представителями. Следует согласиться с С. А. Авакьяном, который акцентирует внимание на том, что этот принцип объединяет всех граждан государства независимо от национальной принадлежности [1, с. 341] и предполагает разнообразные формы общественного контроля за законотворческими органами [2, с. 8]. Это тем не менее не даст оснований для упрощенного толкования указанного принципа.

В-четвертых, Конституция Российской Федерации не запрещает законодателю вводить условия и ограничения для использования института референдума. Более того, она вообще не содержит серьезных гарантий права граждан на референдум. Высказывается мнение о том, что основной закон не устанавливает ограничений в отношении предмета референдума, поскольку конституционный законодатель стремится к максимально демократичному и широкому регулированию института референдума [2]. Ключевым моментом для «конституционного законодателя» было назначение референдума Президентом. Отсутствие у него такого права по Конституции Российской Федерации 1978 г. (в редакции 1992 г.) не позволяло на законной основе одолеть политических оппонентов — Съезд народных депутатов и Верховный Совет. Закрепив исключительное право Президента назначать референдум (п. «в» ст. 84) и продекларировав право граждан участвовать в нем (ч. 2 ст. 32), Конституция 1993 г., по сути, не определила основные правовые параметры института референдума. Она лишь дала отсылку к Федеральному конституционному закону, в соответствии с которым должен назначаться референдум (п. «в» ст. 84).

Конституция Российской Федерации не предоставляет гражданам право инициировать проведение референдума. Такое право гарантировал Федеральный конституционный закон от 10 октября 1995 г. Если бы российский парламент в те годы не был оппозиционным по отношению к Президенту, мы могли бы получить законодательное решение, согласно которому общероссийский референдум проводится исключительно по инициативе Президента. Вряд ли такое решение было бы признано противоречащим Конституции Российской Федерации 1993 г. Следует отметить, что в большинстве зарубежных государств реальная возможность населения принимать властные решения на референдуме лимитируется либо ограничением круга вопросов референдума, либо отнесением инициативы его проведения к исключительной компетенции государственных органов.

В-пятых, референдум — это не более чем один из механизмов политического процесса, но не панацея от социальных бед и не средство принятия оптимальных государственных решений. Нет нужды подробно останавливаться на общеизвестных фактах, свидетельствующих о том, что референдумы нередко используются деспотическими, авторитарными режимами для достижения целей, далеких от канонов демократии. Как весьма точно отметил и обосновал Й. Шумпетер, так называемая воля народа, играющая роль легитимирующей юридической фикции, в действительности всегда является продуктом, а не движущей силой политического процесса [3, с. 174].

Инициирование референдума в петиционном порядке организуется и осуществляется не абстрактными народными массами, а вполне конкретными политическими силами, нередко представляющими оппозицию. Безусловно, в арсенале оппозиции демократического государства может быть право инициирования референдума по вопросам, неудобным для правящего кабинета. Однако такая возможность всегда в той или иной степени ограничивается, регламентируется нормами конституционного права. Оппозиция не может и не должна иметь абсолютное, неограниченное право предлагать населению решения, за реализацию которых она не несет ответственности.

Обстоятельства, исключающие назначение и проведение референдума, не могут быть изменены иначе как путем внесения поправок в Федеральный конституционный закон.

Проведенный анализ позволяет сделать выводы:

1) установление ограничений для исполь-

зования института референдума не противоречит принципу народного суверенитета, а лишь доказывает несостоятельность упрощенного толкования этого принципа;

2) ограничения для вопросов референдума могут вводиться российским законодателем. Из этого, однако, не следует, что такие ограничения могут быть произвольными. Сложность проблемы предопределяет повышенные требования к качеству соответствующих законодательных решений. Регламентируя практическое использование правового института, отнесенного к высшему непосредственному выражению власти народа, законодатель должен быть особо аккуратен, щепетилен в выборе приемов и средств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Авакьян С. А.** Конституционное право России : учеб. курс. В 2 т. Т. 1 / С. А. Авакьян. — М. : Юристъ, 2005. — 720 с.

2. **Авакьян С. А.** Общественный фактор в законотворчестве : некоторые проблемы и предложения // Конституцион. и муницип. право. — 2006. — № 3. — С. 8—12.

3. **Андреева Г. Н.** Двери для референдума приоткрываются? / Г. Н. Андреева, А. Н. Верещагин, И. А. Старостина // Сравнит. конституцион. обозрение. — 2007. — № 2. — С. 173—181.

4. Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 2003. — № 4.

5. **Дюги Л.** Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. Лекции, прочитанные в 1908 г. в Высшей школе социальных наук в Париже / Л. Дюги / пер. А. Ященко ; с предисл. А. С. Алексеева. — М. : Изд. Н. Н. Клочкова, 1909. — 148 с.

6. Конституция Российской Федерации // Парламент. газ. — 2009. — 23—29 янв.

7. **Лучин В. О.** Референдум в России : конституционно-правовое регулирование и практика / В. О. Лучин, А. В. Мазуров // Право и политика. — 2003. — № 9. — С. 49—50.

8. Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов / сост. и вступ. ст.: Мелков Г. М. — М. : Юрид. лит., 1990. — 672 с.

9. Российская газета. — 2008. — 31 дек.

10. **Руденко В. Н.** Прямая демократия : модели правления, конституционно-правовые институты / В. Н. Руденко / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права ; отв. ред. А. Н. Кокотов, М. И. Кукушкин. — Екатеринбург : УрО РАН, 2003. — 476 с.

11. **Сергеев А. А.** Об ограничении предмета референдума Российской Федерации / А. А. Сергеев // Конституцион. и муницип. право. — 2008. — № 19. — С. 7—12.

12. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Рос. газ. — 2001. — 2 июня.

13. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» // Рос. газ. — 2002. — 2 февр.

14. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rg.ru/204/06/30/referendum-zakon.html. — Загл. с экрана.

15. **Чичерин Б. Н.** О народном представительстве / Б. Н. Чичерин. — 2-е изд. — М. : Т-во И. Д. Сытина, 1899. — 810 с.

Поступила 30.09.09.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ДОСТУПНОЕ И КОМФОРТНОЕ ЖИЛЬЕ — ГРАЖДАНАМ РОССИИ»*

А. П. Потапов, С. В. Потапова

Ипотечное жилищное кредитование — один из самых распространенных в мировой практике способов привлечения внебюджетных инвестиций в жилищную сферу. Ипотека позволяет наиболее выгодно сочетать интересы населения в улучшении жилищных условий, коммерческих банков и других кредиторов в эффективной и прибыльной работе, строительного комплекса — в ритмичной загрузке производства и, конечно же, государства, заинтересованного в социально-экономическом развитии. Система ипотечного жилищного кредитования в России является одним из ключевых звеньев в решении жилищной проблемы. Формирование рынка ипотечных кредитов должно послужить импульсом к вовлечению средств частных инвесторов и населения в жилищный комплекс. Мировая практика свидетельствует о том, что даже в самых развитых странах государство имеет возможность обеспечить граждан жильем только на 15—20 % от общей потребности. В настоящее время государственное жилищное строительство не может полностью финансироваться за счет бюджетных средств, равно как и государство не имеет возможности обеспечивать граждан бесплатным жильем.

При формировании регионального законодательства по рассматриваемой проблеме необходимо урегулировать отношения по следующим направлениям:

1) повысить эффективность бюджетных вложений в жилищную сферу путем внедрения механизмов, препятствующих их нецелевому использованию, и осуществления перехода к поддержке нуждающихся категорий граждан на основе предоставления адресных субсидий;

2) осуществить радикальный поворот от прямой финансовой поддержки производителя к поддержке потребителя — гражданина, желающего приобрести жилье (или улучшить жилищные условия), путем внедрения кредитно-финансовых механизмов, обеспечивающих существенный рост платежеспособного спроса населения;

3) обеспечить внедрение механизмов, позволяющих задействовать в жилищной сфере внебюджетные источники финансирования, включая средства населения, частных и институциональных инвесторов.

Центральное место при решении перечисленных задач занимает долгосрочное ипотечное жилищное кредитование. Одним из направлений государственной поддержки субъектами Российской Федерации строительства доступного жилья является развитие жилищной ипотеки — комплекса мер, предназначенных для обеспечения граждан жильем с помощью ипотечного жилищного кредитования, включая государственную поддержку граждан при ипотечном жилищном кредитовании и обеспечение заемщиков жильем в случае обращения взыскания на заложенное имущество [1].

Законами субъектов РФ в сфере государственной поддержки ипотечного жилищного кредитования регулируются правовые отношения, связанные с функционированием накопительной ссудно-сберегательной системы, регулированием процедур банковского ипотечного кредитования, страхования в системе ипотечного жилищного кредитования, оценки жилых помещений, созданием уполномоченной региональной ипотечной организации, субсидированием приобретения жилья работниками учреждений бюджетной сферы. Осуществление правового регулирования указанных правоотношений, которые по содержанию являются гражданско-правовыми, становится возможным при условии участия в них субъектов РФ посредством оказания прямой финансовой поддержки участникам ипотечного жилищного кредитования. Из регионального бюджета предоставляется компенсация для возмещения заемщику части

© А. П. Потапов, С. В. Потапова, 2009

* *Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08030058?а.*

расходов по оплате процентов ипотечного займа (кредита) на приобретение (строительство) жилых помещений.

Правовое закрепление находят следующие принципы жилищной ипотеки: государственной поддержки, строго целевого использования ипотечных жилищных кредитов (займов), срочности, платности, возвратности, защищенности прав кредиторов, гарантированности прав граждан-заемщиков.

Федеративное устройство страны, самостоятельность субъектов РФ в определении условий поддержки жилищного строительства обусловливают правовую позицию региональных органов власти, в соответствии с которой правом на государственную поддержку в ипотечном жилищном кредитовании имеют граждане Российской Федерации, постоянно или преимущественно проживающие на территории соответствующего субъекта Российской Федерации.

Специальные законы регионов РФ принимаются с целью регулирования отношений, связанных с функционированием и развитием местной системы ипотечного жилищного кредитования, определением форм участия органов государственной власти в ипотечном жилищном кредитовании, защитой жилищных прав граждан[1].

Органы государственной власти субъектов РФ участвуют в ипотечном жилищном кредитовании в формах:

— организации разработки, утверждения и реализация программы;

— финансирования программы путем определения в областном бюджете на очередной финансовый год средств на развитие системы ипотечного жилищного кредитования;

— создания регионального оператора ипотечного жилищного кредитования;

— создания маневренного фонда специализированного государственного жилищного фонда;

— предоставления социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам, нуждающимся в улучшении жилищных условий;

— предоставления заемщикам компенсации в соответствии с законом.

Ипотечное жилищное кредитование может осуществляться из кредитных ресурсов банков; средств юридических лиц.

Направлениями расходования бюджетных средств, выделяемых на развитие системы ипотечного жилищного кредитования, являются:

— инвестирование в строительство жилья с последующей его продажей жителям региона на условиях ипотечных займов (кредитов);

— предоставление государственных гарантий региона по ценным бумагам участникам системы ипотечного жилищного кредитования в установленном порядке;

— социальные выплаты на приобретение (строительство) жилых помещений с помощью ипотечного займа (кредита) жителям региона, признанным в порядке, установленном законодательством, нуждающимися в жилых помещениях;

— предоставление заемщикам компенсации из бюджета;

— создание фонда специализированного государственного жилищного фонда субъекта РФ;

— участие в создании регионального оператора ипотечного жилищного кредитования;

— мониторинг и информационное обеспечение развития системы ипотечного жилищного кредитования.

В Саратовской области уполномоченным органом в сфере реализации жилищной политики является региональное Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства[2].

Средства регионального бюджета, направляемые на рефинансирование кредитных ресурсов системы ипотечного жилищного кредитования и инвестирование в строительство жилья с последующей его продажей жителям субъекта РФ на условиях ипотечных займов (кредитов), выделяются на основе срочности, платности и возвратности.

При продаже жилья, строительство которого финансировалось из регионального бюджета, условия предоставления ипотечных займов (кредитов) должны соответствовать федеральным стандартам ипотечного жилищного кредитования.

Расчет компенсации из регионального бюджета производится с учетом следующих показателей:

1) стоимость одного квадратного метра

---

[1] *Закон Пензенской области от 25 декабря 2003 г. № 564-ЗПО «Об ипотечном жилищном кредитовании в Пензенской области» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

[2] *Положение о Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Саратовской области (утв. Постановлением Правительства Саратовской области от 14 мая 2005 г. № 168-П) [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

общей площади приобретаемого (строящегося) жилого помещения, но не выше размера средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилья, определенной по субъекту РФ уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти;

2) площадь приобретаемого (строящегося) жилого помещения, не превышающая нормы предоставления площади жилого помещения.

В Саратовской области компенсация предоставляется в размере 50 % от фактически произведенных расходов на погашение процентов по ипотечному займу (кредиту), но не выше $^3/_4$ ставки рефинансирования (учетной ставки) Банка России, действующей на момент заключения договора займа (кредита) [2].

В субъектах РФ создан региональный оператор ипотечного жилищного кредитования. Это специализированная организация в форме открытого акционерного общества, создаваемая с привлечением государственной собственности области для привлечения долгосрочных финансовых ресурсов в жилищную сферу. Региональный оператор предоставляет жилищные займы при соблюдении основных принципов кредитования: целевого использования, обеспеченности, срочности, возвратности, платности. Открытое акционерное общество «Ипотечная корпорация Удмуртской Республики» уполномочено на осуществление деятельности по предоставлению компенсаций за счет средств бюджета Удмуртской Республики гражданам части платежей по ипотечным жилищным кредитам (займам).

В Кировской области для получения субсидии на оплату первоначального взноса или его части на приобретение (строительство) жилья при получении ипотечного жилищного кредита (далее — субсидия) молодая семья первоначально обращается к региональному оператору для прохождения предварительной квалификации и получения заключения о возможности предоставления ипотечного жилищного кредита.

По результатам предварительной квалификации региональный оператор выдает семье заемщика письменное заключение, в котором содержится предварительная информация о возможной цене приобретаемой недвижимости, размере первоначального взноса, сумме ипотечного жилищного кредита и сроках его погашения. Размер ипотечного жилищного кредита рассчитывается для семьи заемщика с учетом предоставления семье социальной поддержки в соответствии с Законом Кировской области от 02 июня 2006 г. № 8-ЗО[3]

Поскольку речь идет о распоряжении бюджетными средствами, со стороны субъектов РФ в качестве государственных заказчиков и распорядителей бюджетных средств выступают уполномоченные исполнительные органы государственной власти, перечень которых является достаточно разнообразным. Уполномоченным органом исполнительной власти области в сфере социальной поддержки отдельных категорий граждан в ипотечном жилищном кредитовании определено управление по делам молодежи Кировской области [4].

Министерство строительства, архитектуры и жилищной политики Удмуртской Республики совместно с организацией ежегодно формирует план предоставления ипотечных жилищных кредитных средств с компенсацией по муниципальным образованиям в Удмуртской Республике в соответствии с объемами компенсаций, предусмотренными ежегодными перечнями объектов капитального строительства, строящихся за счет средств бюджета Удмуртской Республики.

В целях координации деятельности исполнительных органов государственной власти Удмуртской Республики и взаимодействия с органами местного самоуправления в Удмуртской Республике по вопросам государственной жилищной политики создана Правительственная комиссия по жилищной политике в Удмуртской Республике[4].

Основными задачами комиссии являются:

— рассмотрение и подготовка нормативных и правовых актов по вопросам жилищного строительства, реформирования жилищно-коммунального хозяйства, переселения граждан из ветхого и аварийного жилищного фонда, развития системы ипотечного жилищного кредитования в Удмуртской Республике, а также другие аспекты государственной жилищной политики;

— координация деятельности исполнительных органов государственной власти Удмуртской Республики и взаимодействие с органами местного самоуправления в Удмуртской Республике по вопросам жилищного строительства, реформирования жилищно-

---

[3] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

[4] *Постановление Правительства Удмуртской Республики от 8 июля 2002 г. № 611 «О Правительственной комиссии по жилищной политике в Удмуртской Республике» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

коммунального хозяйства, переселения граждан из ветхого и аварийного жилищного фонда, развития системы ипотечного жилищного кредитования в Удмуртской Республике и других аспектов государственной жилищной политики;

— привлечение средств в жилищное строительство из бюджетных и внебюджетных источников, в том числе частных;

— социальная защита малоимущих граждан в сфере обеспечения жильем и оплаты жилищно-коммунальных услуг;

— организация работы по разъяснению и пропаганде социально-экономического значения и механизмов реализации государственной жилищной политики.

Уполномоченный исполнительный орган государственной власти субъекта РФ:

— заключает с региональным оператором соглашение о предоставлении жилищных займов гражданам за счет средств регионального бюджета;

— доводит план распределения средств на предоставление жилищных займов до регионального оператора и органов местного самоуправления;

— при необходимости устанавливает органам местного самоуправления соотношение между объемами предоставления жилищных займов на строительство жилых помещений и на приобретение жилых помещений на вторичном рынке жилья;

— проводит проверки соблюдения региональным оператором, банком и органами местного самоуправления действующего законодательства;

— ведет методологическую работу по реализации программы.

Органам местного самоуправления целесообразно передавать реализацию следующих государственных полномочий:

— осуществления учета и формирования очередности граждан на получение жилищных займов;

— организации деятельности по подготовке документов для выдачи жилищных займов;

— осуществления контроля за целевым использованием жилищных займов, своевременным возвратом основного долга и уплатой процентов за пользование жилищными займами[5];

— осуществление контроля за стоимостью и сроками ввода в эксплуатацию жилья, построенного с помощью жилищных займов;

— оказания помощи заемщикам — индивидуальным застройщикам в подготовке документов для строительства собственных жилых домов.

В ипотечном жилищном кредитовании участвуют и банки (кредитные организации)[6], кредитные потребительские кооперативы граждан и иные юридические лица, предоставляющие заемщикам в установленном федеральным законодательством порядке ипотечные займы (кредиты). Например, Положение о жилищных займах гражданам за счет средств бюджета Удмуртской Республики (утв. постановлением Правительства Удмуртской Республики от 9 апреля 2007 г. № 52)[7] определяет порядок предоставления организацией, уполномоченной Правительством Удмуртской Республики в соответствии с законодательством на осуществление деятельности по выдаче жилищных займов, через учреждения Сберегательного банка Российской Федерации, расположенные на территории Удмуртской Республики, жилищных займов гражданам из числа категорий, указанных в Перечне категорий работающих граждан, имеющих право на получение за счет средств бюджета Удмуртской Республики жилищных займов, а также порядок планирования средств бюджета Удмуртской Республики на предоставление жилищных займов и контроля за их целевым использованием.

Основной формой государственной поддержки граждан в ипотечном жилищном кредитовании является предоставление заемщикам субсидий за счет средств регионального бюджета, в том числе:

— на оплату первоначального взноса на строительство или приобретение жилого дома или квартиры;

— на уплату части аннуитетного платежа;

---

[5] *Постановлением Администрации города Ижевска от 27 июня 2002 г. № 277 (в ред. Постановления Администрации г. Ижевска от 19 февраля 2008 г. № 100) определен порядок предоставления жилищных займов гражданам в г. Ижевске за счет средств бюджета Удмуртской Республики [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

[6] *Постановление Правительства Кировской области от 14 августа 2007 г. № 103/343 «Об утверждении порядка отбора банков для обслуживания средств, предоставляемых в качестве субсидий молодым семьям на приобретение жилья, в том числе на уплату первоначального взноса при получении ипотечного жилищного кредита или займа на приобретение жилья или строительство индивидуального жилья» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

[7] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

— на частичное или полное погашение предоставленного ипотечного жилищного кредита (займа) в случае рождения второго ребенка и последующих детей;

— на уплату части процентной ставки дифференцированных платежей по ипотечным жилищным кредитам.

Под аннуитетным платежом в Законе Республики Мордовия от 8 декабря 2003 г. № 68-З «О государственной поддержке жилищной ипотеки в Республике Мордовия»[8] понимается ежемесячный платеж, осуществляемый равными долями в течение всего срока погашения кредита, включающий в себя часть основного долга и полный платеж по процентам, начисленным на остаток долга.

В целом сравнительный анализ регионального законодательства показал, что условия государственной поддержки ипотечного жилищного кредитования в субъектах РФ отличаются по отдельным позициям.

В Удмуртской Республике жилищные займы предоставляются для следующих целей:

1) строительства (реконструкции) жилых помещений;

2) приобретения жилых помещений, в том числе в строящихся жилых домах;

3) капитального ремонта жилых помещений;

4) строительства объектов инженерной инфраструктуры (строительства сетей, приобретения и монтажа оборудования инженерно-технического обеспечения индивидуальных жилых домов (газификации, теплоснабжения, электроснабжения, водоснабжения и водоотведения)).

Нуждающимися в получении жилищных займов на строительство (реконструкцию) и приобретение жилых помещений признаются граждане Российской Федерации, зарегистрированные в соответствии с законодательством по месту жительства на территории Удмуртской Республики:

— обеспеченные общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы;

— проживающие в помещении, не отвечающем установленным для жилых помещений требованиям;

— проживающие в квартире, занятой несколькими семьями, если в составе семьи имеется больной, страдающий тяжелой формой хронического заболевания, при которой совместное проживание с ним в одной квартире невозможно, и не имеющие иного жилого помещения.

Заемщиком может быть работающий гражданин в возрасте от 18 до 65 лет (65 лет — предельный возраст окончания срока возврата жилищного займа) при соблюдении условий:

1) гражданин должен состоять на учете в органе местного самоуправления в соответствии с регистрацией по месту жительства в качестве нуждающегося в получении жилищного займа;

2) гражданин должен подать заявление на предоставление ему жилищного займа в комиссию администрации муниципального района по учету и рассмотрению заявлений граждан на предоставление жилищных займов в соответствии с регистрацией по месту жительства;

3) гражданин должен относиться к льготной категории граждан.

Жилищные займы предоставляются под 7 % годовых на срок:

— до 20 лет — на строительство (реконструкцию), капитальный ремонт и приобретение жилых помещений;

— до 5 лет — на строительство объектов инженерной инфраструктуры индивидуальных жилых домов.

Основными документами, определяющими конкретные условия взаимоотношений регионального оператора и заемщика при предоставлении жилищного займа, являются договоры жилищного займа, залога, поручительства.

При определении размера предоставляемого жилищного займа учитываются:

1) средний месячный совокупный доход заемщика и членов его семьи за последние 6 месяцев.

2) социальная норма общей площади жилья на территории Удмуртской Республики, установленная Правительством Удмуртской Республики, на дату утверждения заключения, предусмотренного п. 1 ч. 19 настоящего Положения;

3) средняя стоимость строительства (приобретения) одного квадратного метра общей площади жилья с типовыми потребительскими качествами по соответствующему муниципальному образованию в Удмуртской Республике с учетом местных условий;

4) предполагаемое использование имеющегося у заемщика на дату предоставления жилищного займа жилого помещения (продажа, оставление для проживания членов семьи).

Сумма жилищного займа не должна превышать:

---

[8] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

— на строительство (реконструкцию), капитальный ремонт жилого помещения и строительство объектов инженерной инфраструктуры индивидуальных жилых домов — 95 % от стоимости строительства (реконструкции), капитального ремонта жилого помещения или стоимости строительства объектов инженерной инфраструктуры индивидуальных жилых домов;

— на приобретение жилого помещения — 90 % от стоимости приобретаемого жилого помещения, рассчитанной исходя из социальной нормы общей площади жилья на территории Удмуртской Республики.

Имеют право на получение жилищных займов за счет средств бюджета Удмуртской Республики:

— граждане, являющиеся работниками организаций бюджетной сферы;

— граждане, являющиеся работниками государственных органов Удмуртской Республики, федеральных органов государственной власти и их территориальных органов, органов местного самоуправления;

— работники организаций, осуществляющих производство сельскохозяйственной продукции, индивидуальные предприниматели, осуществляющие производство сельскохозяйственной продукции, работники крестьянских, фермерских хозяйств и граждане, ведущие личное подсобное хозяйство (сельскохозяйственные товаропроизводители);

— граждане, признанные в установленном порядке пострадавшими от пожаров и стихийных бедствий (ураганов, наводнений и т. п.);

— участники ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф;

— ветераны боевых действий в соответствии с Федеральным законом «О ветеранах»;

— граждане, являющиеся работниками государственных предприятий и учреждений, муниципальных предприятий и учреждений жилищно-коммунального хозяйства Удмуртской Республики;

— освобожденные профсоюзные работники, работающие в организациях бюджетной сферы, а также в государственных предприятиях и учреждениях, муниципальных предприятиях и учреждениях жилищно-коммунального хозяйства Удмуртской Республики;

— граждане, воспитывающие трех и более детей в возрасте до 18 лет включительно (многодетная семья);

— граждане, являющиеся работниками Удмуртской республиканской организации общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское ордена Трудового Красного Знамени общество слепых» и работниками Удмуртского республиканского отделения общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих».

— граждане, которым жилищный заем выдается в качестве дополнения к денежным средствам, полученным в соответствии с государственным жилищным сертификатом на основании подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством» Федеральной целевой программы «Жилище» на 2002—2010 гг., в случае недостаточности средств на приобретение жилого помещения по сертификату.

В Республике Мордовия в соответствии с постановлением Правительства Республики Мордовия от 21 февраля 2002 г. № 87 «О дополнительных мерах по государственной поддержке жилищного строительства и развитию ипотечного жилищного кредитования» [3] право на государственную поддержку в жилищном строительстве и льготное ипотечное жилищное кредитование имеют граждане, нуждающиеся в улучшении жилищных условий: специалисты остродефицитных профессий, молодые специалисты, молодые семьи, работники бюджетной сферы, жители села, многодетные семьи, члены жилищно-строительных кооперативов, образованных в 1991—1992 гг., неполные семьи, имеющие несовершеннолетних детей, семьи, проживающие в общежитиях не менее пяти лет, одинокие женщины старше 35 лет, иные категории граждан, имеющие в соответствии с действующим законодательством право на льготное финансирование строительства или приобретение жилья, но не использовавшие это право, а также члены семей вышеперечисленных категорий граждан.

Реализация ипотечных жилищных программ[9] в субъектах РФ направлена на создание условий для реализации конституционного права граждан на жилище. Как правило, в рамках ипотечных жилищных программ субъектов РФ предусматривается комплекс законодательных мер по обеспечению граждан жильем с помощью ипотечного жилищного кредитования, включая государ-

---

[3] *Постановление Правительства Кировской области от 4 октября 2007 г. № 108/412 «Об утверждении областной целевой программы „Развитие ипотечного строительства в Кировской области" на 2008 год» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

ственную поддержку граждан в ипотечном жилищном кредитовании и обеспечение заемщиков жильем в случае обращения взыскания на заложенное имущество.

В соответствии со ст. 2 Закона Пензенской области от 25 декабря 2003 г. № 564-ЗПО «Об ипотечном жилищном кредитовании в Пензенской области»[10] единственной формой государственной поддержки граждан в ипотечном жилищном кредитовании является предоставление субсидий за счет средств бюджета в соответствии с областными ипотечными жилищными программами.

Под ипотечной жилищной программой понимается комплекс мер по обеспечению граждан жильем с помощью ипотечного жилищного кредитования, включая государственную поддержку граждан в ипотечном жилищном кредитовании и обеспечение заемщиков жильем в случае обращения взыскания на заложенное имущество. Так, Законом Пензенской области от 2 мая 2006 г. № 1023-ЗПО утверждена Областная целевая программа „Обеспечение жильем молодых семей" на 2006—2010 годы»[11]. Участником программы может быть молодая семья, в том числе неполная, состоящая из одного молодого родителя и одного и более детей, признанная нуждающейся в улучшении жилищных условий и имеющая доходы либо иные денежные средства, достаточные для оплаты расчетной (средней) стоимости жилья, в части, превышающей размер предоставляемой субсидии. Возраст каждого из супругов либо одного родителя в неполной семье не должен превышать 35 лет на день принятия уполномоченным органом исполнительной власти Пензенской области решения о включении молодой семьи — участника Программы в список претендентов на получение субсидии в планируемом году.

Размер субсидии составляет не менее:

— 35 % расчетной (средней) стоимости жилья, определяемой в соответствии с требованиями Программы, — для молодых семей, не имеющих детей;

— 40 % расчетной (средней) стоимости жилья, определяемой в соответствии с требованиями Программы, — для молодых семей, имеющих одного ребенка и более, а также для неполных молодых семей, состоящих из одного молодого родителя и одного ребенка и более (далее — неполные молодые семьи).

Условием получения субсидии является наличие у молодой семьи дополнительных средств — собственных средств или средств ипотечного жилищного кредита или займа, необходимых для оплаты приобретаемого жилого помещения.

Порядок и условия признания молодой семьи, имеющей достаточные доходы либо иные денежные средства для оплаты расчетной (средней) стоимости жилья в части, превышающей размер предоставляемой субсидии, устанавливаются уполномоченным органом исполнительной власти Пензенской области.

Возможность для молодых семей реализовать право на получение поддержки за счет средств федерального бюджета, бюджета Пензенской области и муниципального бюджета при улучшении жилищных условий в рамках данной Программы предоставляется только один раз.

Аналогичная областная целевая программа «Развитие системы ипотечного жилищного кредитования в Ульяновской области в 2006—2010 годах» утверждена Законом Ульяновской области от 6 мая 2006 г. № 55-ЗО[12].

С целью создания эффективных финансовых механизмов ипотечного жилищного кредитования населения Удмуртской Республики, привлечения долгосрочных ресурсов в жилищную сферу и развития инфраструктуры системы ипотечного жилищного кредитования постановлением Правительства Удмуртской Республики от 2 декабря 2002 г. № 995 утверждена Концепция развития системы ипотечного жилищного кредитования в Удмуртской Республике[13]

Особое внимание в субъектах РФ уделяется поддержке обеспечения жильем работников бюджетной сферы. С этой целью принимаются специальные законы и подзаконные правовые акты, например Закон Пензенской области от 25 мая 2004 г. № 611-ЗПО „О программе «Социальная поддержка граждан в жилищной сфере на 2004—2010 годы"»[14] В соответствии с ним правом на получение субсидий обладают работники бюджетных учреждений, получающие заработную плату за счет средств бюджета Пензенской области, постоянно проживающие на территории Пензенской области, а также работники бюджетных учреждений, получающие заработную плату за счет средств бюджетов муници-

---

[10] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*
[11] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*
[12] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*
[13] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*
[14] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

пальных образований, — участники муниципальных программ по социальной поддержке граждан в жилищной сфере при условии софинансирования за счет средств бюджетов муниципальных образований субсидии в размере не менее 50 % (далее — работники бюджетной сферы:

а) имеющие общую площадь жилого помещения:

— на одиноко проживающего человека — не более 33 кв. м;

— на семью из двух человек — не более 42 кв. м;

— на семью, состоящую из трех и более человек, — не более 18 кв. м на одного члена семьи, либо проживающие в ветхом или аварийном жилье;

б) соответствующие требованиям, предъявляемым к заемщикам по стандартам процедуры выдачи, рефинансирования и сопровождения ипотечных кредитов (займов), утвержденным Агентством ипотечного жилищного кредитования, либо имеющие возможность внести недостающую часть стоимости приобретаемого жилого помещения за счет собственных средств.

Обеспеченность общей площадью жилого помещения определяется исходя из суммарной общей площади жилых помещений, принадлежащих работнику бюджетного учреждения и членам его семьи на праве собственности, а также жилых помещений, где они зарегистрированы, кроме жилых помещений специализированного жилищного фонда, а также жилых помещений, которые не могут быть обращены в собственность граждан и членов их семей. Работа в бюджетной организации должна осуществляться на постоянной основе. Стаж работы должен составлять не менее одного года.

Дополнительная субсидия предоставляется молодым семьям — участницам подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002—2010 годы[15], которым были предоставлены субсидии на приобретение жилья, в том числе на уплату первоначального взноса при получении ипотечного жилищного кредита или займа на приобретение жилого помещения или создание объекта индивидуального жилищного строительства в порядке, установленном Правилами предоставления молодым семьям субсидий на приобретение жилья в рамках реализации подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002—2010 годы, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 13 мая 2006 г. № 285[16]. Дополнительная субсидия предоставляется молодой семье при рождении (усыновлении) одного ребенка только один раз и в случае, если на дату подачи заявления возраст каждого из супругов или одного родителя в неполной семье не превышает 35 лет[17]. Молодым семьям предоставляется дополнительная субсидия за счет средств бюджета Пензенской области в размере не менее 5 % средней стоимости жилья при рождении (усыновлении) одного ребенка для погашения части кредита или займа либо для компенсации затраченных собственных средств на приобретение жилья или строительство индивидуального жилья.

Отдельным направлением реализации национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» является поддержка жилищного строительства в сельской местности. Правовым актом, обусловливающим формирование регионального законодательства в этом направлении, является Постановление Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2006 г. № 250 «О порядке предоставления за счет средств федерального бюджета субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации на проведение мероприятий по улучшению жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности»[18]. Высшие исполнительные органы государственной власти субъектов РФ принимают правовые акты исключительно на основании и в пределах содержания бланкетных норм указанного постановления Правительства РФ, что объясняется применением механизма софинансирования запланированных программных мероприятий на территории субъекта РФ из федерального бюджета.

---

[15] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

[16] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

[17] *Постановление Правительства Республики Коми от 25 июля 2007 г. № 168 «О порядке предоставления молодым семьям — участницам подпрограммы „Обеспечение жильем молодых семей" федеральной целевой программы „Жилище" на 2002—2010 годы при рождении (усыновлении) 1 ребенка дополнительной субсидии в размере 5 процентов расчетной (средней) стоимости жилья, исчисленной в соответствии с федеральным законодательством, для погашения части расходов, связанных с приобретением жилого помещения (созданием объекта индивидуального жилищного строительства)» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

[18] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

Так, принято специальное постановление Правительства Республики Марий Эл от 12 апреля 2007 г. № 101 «Об утверждении Правил предоставления субсидий на проведение мероприятий по улучшению жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности Республики Марий Эл».

Государственным заказчиком и распорядителем бюджетных средств, как правило, являются органы государственной власти субъектов РФ в области управления сельского хозяйства (в Республике Марий Эл — местное Министерство сельского хозяйства, продовольствия и природопользования).

Проведение мероприятий по улучшению жилищных условий запланировано в отношении граждан, проживающих в сельской местности, а также в отношении молодых семей и молодых специалистов, проживающих и работающих на селе либо принявших решение переехать на постоянное место жительства в сельскую местность и работать там.

Существенное значение имеет определение понятия «сельская местность», поскольку от этого зависит направление использования денежных средств на соответствующей территории. В Республики Марий Эл под сельской местностью понимаются населенные пункты, на территории которых преобладает деятельность, связанная с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции[9].

Помимо принятия специальных законов в целях развития жилищной ипотеки в рассматриваемой сфере правового регулирования применяются закон о бюджете на соответствующий финансовый год, в котором предусматриваются средства на поддержку жилищной ипотеки; нормативные правовые акты высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, определяющих порядок взаимодействия исполнительных органов государственной власти и организаций по вопросам ипотечного жилищного кредитования, предоставления и выплаты субсидий гражданам — участникам ипотечного жилищного кредитования, осуществления контроля за целевым использованием указанных средств и по иным вопросам государственной поддержки жилищной ипотеки.

Виды субсидий устанавливаются законами субъектов РФ, которые по смыслу ст. 85 Бюджетного кодекса страны следует считать основанием возникновения соответствующего расходного обязательства субъекта региона. При этом порядок предоставления указанных субсидий может устанавливаться правовым актом высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ. Бюджетное обязательство региона по выплате субсидий возникает соответственно на основании местного закона о бюджете.

Полагаем, что в перспективе определенные проблемы будет иметь сохранение мер государственной поддержки для участников ипотечного жилищного кредитования в случае изменения их социального статуса, поскольку региональные бюджеты не будут справляться с расходами по финансированию указанных мероприятий. Общепринятой теоретической позицией является недопущение ухудшения прав граждан, однако при условии долгосрочного ипотечного кредитования на 25—30 лет граждане могут уже не работать в бюджетной сфере, объективно не являться молодой семьей или сменить место жительства. Поэтому целесообразно ограничить временной период государственной поддержки отдельных категорий ипотечного жилищного кредитования или ввести для заемщиков периодическое прохождение процедуры андеррайтинга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Закон Республики Мордовия от 8 декабря 2003 г. № 68-З «О государственной поддержке жилищной ипотеки в Республике Мордовия». Статья 2 // Ведомости Государственного Собрания Республики Мордовия. — 2003. — № 29 (53). — Ст. 1015.

2. Закон Саратовской области от 5 марта 2003 года № 14-ЗСО «Об ипотечном жилищном кредитовании» // Саратов — столица Поволжья [Саратов]. — 2003. — № 48—49 (734—735).

3. Известия Мордовии : спецвыпуск. — 2003. — 9 сент.

4. Постановление Правительства Кировской области от 19 сентября 2005 г. № 43/226 «Об утверждении порядка предоставления социальной поддержки отдельным категориям граждан в ипотечном жилищном кредитовании» // Вести. Киров. — 2005. — № 74 (838).

---

[9] *Правила предоставления субсидий на проведение мероприятий по улучшению жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности Республики Марий Эл (утв. Постановлением Правительства Республики Марий Эл от 12 апреля 2007 г. № 101) [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

ФОРМЫ ОТМЕНЫ ПРАВОВЫХ АКТОВ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

О. В. Лукопькина

В статье рассматривается отмена правовых актов как одно из важных технико-юридических средств совершенствования законодательства; приводится классификация наиболее распространенных форм отмены правовых актов, выделяются и анализируются основания данного инструментария. Обозначаются проблемы развития ряда значимых разновидностей отмены правовых актов.

Как отмечают М. И. Байтин и В. К. Бабаев, «научная классификация как логико-предметная, творчески аналитическая обработка накопленных знаний и как ее результат позволяет, во-первых, упорядочить накопленные знания об исследуемом предмете; во-вторых, служит необходимым условием его дальнейшего углубленного изучения» [1].

Классификация форм отмены правовых актов представляет собой многоаспектное, сложное, нередко довольно противоречивое явление с рядом важных качеств и последствий. Во-первых, она помогает глубже уяснить сущность отмены правовых актов как единого собирательного понятия. Ее социальная и правовая природа может быть детально понята только путем консолидации свойств отдельных форм. Во-вторых, определяет средства и конкретные меры реализации путем их дифференциации. Сочетание методов интеграции и дифференциации выявляет социальную ценность данного явления. В-третьих, классификация форм отмены правовых актов позволяет субъектам правотворческой деятельности как на федеральном, так и на региональном, муниципальном и локальном уровне проникнуть в их сущность, определить основания, процедуру реализации. В-четвертых, носит ярко выраженный утилитарный характер, помогая правоприменительным органам правильно выбрать необходимые формы и средства повышения эффективности отмены правовых актов с учетом конкретных обстоятельств, отказаться от шаблонов и стереотипов. В-пятых, даст возможность более эффективно вести теоретические изыскания по самым различным проблемам как теории права, так и отраслевых юридических наук. Для углубленного анализа юридической природы отмены правовых актов требуются определение ее места среди иных явлений, установление соотношения со «смежными» феноменами.

В зависимости от юридической формы различается отмена следующих видов правовых актов: конституций и уставов субъекта РФ; законодательных актов и их подвидов (федеральных конституционных законов, федеральных законов, кодексов, общих (основных) принципов, основ законодательства, федеральных законов о ратификации международного договора, федеральных законов о поправках и изменениях Конституции РФ, законов субъектов РФ, модельных законодательных актов — в рамках Федерации и СНГ); постановлений и иных актов законодательных органов; указов и распоряжений Российской Федерации, высших должностных лиц субъектов РФ; постановлений, распоряжений и иных актов правительств РФ и ее субъектов; ведомственных правовых актов с подвидами (акты федеральных министерств, госкомитетов и иных федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Федерации); правовых актов социального самоуправления с подвидами актов местного самоуправления и актов по итогам выборов и референдумов; локальных (корпоративных) актов; решений судов, контрольно-надзорных органов; публично-правовых договоров и соглашений, программ и деклараций, положений и уста-

© О. В. Лукопькина, 2009

вов; международно-правовых актов. Специфичностью, например, отличается отмена кодифицированных актов. Особенность данной процедуры заключается в том, что происходит замена одного кодекса другим, а не отмена его действия.

По отраслевой принадлежности выделяется отмена актов конституционного, уголовного, административного, гражданского, трудового, семейного и других отраслей права.

Процедура может иметь общий, межотраслевой, отраслевой, институциональный, технический, комплексный, дифференцированный характер. Нередка взаимосвязанная отмена, когда отмена одного акта автоматически влечет отмену другого. Еще одной разновидностью является иерархическая — последовательное, вслед за «ведущим актом», прекращение действия всех основанных на нем правовых документов. Образуется вертикальная последовательная система отмены правовых актов.

Очевидно разграничение видов отмены правовых актов материальных и процессуальных отраслей.

По уровню политико-территориальной распространенности происходит одновременная либо разновременная отмена федеральных, региональных (на уровне субъектов Федерации) и муниципальных правовых актов. Полагаем, что на региональном уровне до реализации «отменительного процесса» в отношении правового акта должны предприниматься меры по его согласованию с федеральными органами власти.

Среди всех правовых актов, действующих на территории РФ, только один — Конституция — не может быть подвергнут процедуре отмены. Ст. 135 Конституции определяет особую процедуру его пересмотра, иных исключений действующее российское право не содержит.

Достаточно очевидным основанием классификации выступает сфера правового регулирования, в зависимости от которой различается отмена правовых актов частного и публичного права. В публичном праве отмена актов отражает однозначное, ясно выраженное отношение субъекта к оценке оснований отмены. Ведущей характеристикой отмены актов публичного права выступает категоричность (императивность). Другим компонентом подобного рода отмены является публично-официальный характер. В частноправовой сфере субъекты обладают автономией в правовом регулировании отмены правовых актов, аспектов и условий ее реализации ввиду ограниченности прямого вмешательства государства. Привлечение государства возможно только для разрешения конфликтных ситуаций. Несмотря на это, в основе отмены правовых актов, как и их принятия, лежит самостоятельность участников правоотношений, избирательность и альтернативность их подходов к реализации прав и обязанностей.

Классификация форм отмены правовых актов может проводиться и на основе такого критерия, как нормативная природа отменяемого акта:

— отмена нормативного правового акта, содержащего нормы права, регулирующие определенную сферу общественных отношений;

— отмена индивидуального правового акта, которым порождаются права и обязанности только у тех субъектов, которым они адресованы.

В настоящее время созданы существенные предпосылки для изменения устоявшейся в доктрине градации актов на нормативные и ненормативные. Растет количество принимаемых актов смешанного характера, содержащих как предписания нормативного, так и ненормативного характера, нормы права и правоприменительные решения либо даже общие требования.

На основе прогнозируемости градируются формы отмены правовых актов:

— плановые — реализуются в предварительно (заблаговременно) установленные сроки и определенным кругом лиц;

— экстренные — реализуемые в чрезвычайном порядке ввиду радикального изменения социальной действительности либо наступления экстраординарных обстоятельств, требующих оперативного реагирования.

В зависимости от субъекта, уполномоченного осуществлять отмену, различаются:

— аутентичная отмена правовых актов — субъектом, его принявшим.

В большинстве случаев информацию о необходимости отмены изданного правового акта данные субъекты получают извне, так как вполне очевидно, что признание собственных ошибок не является признаком управленческой компетентности.

— субординационная отмена правового акта, которая производится уполномоченным органом на основании закона. Как правило, реализуется вышестоящим органом в отношении подчиненных.

По количественному составу субъектов, наделенных полномочием отмены правового акта, дифференцируются:

— персонифицированная (индивидуальная) отмена, включенная в компетенцию кон-

кретного должностного лица либо зафиксированная в качестве правомочия конкретного гражданина;

— совместная (коллегиальная) отмена, реализуемая волей определенной совокупности субъектов.

По характеру сферы реализации отмены правового акта выделяются правотворческая, правоприменительная и интерпретационная формы. В зависимости от акта, подлежащего отмене, различается отмена акта правотворчества и отмена акта правоприменения.

Отмена происходит путем отказа одного из участников нормотворческого или правоприменительного процесса, ввиду чего дальнейшая реализация правового акта становится невозможной. Подобные механизмы широко распространены в договорной практике. Здесь одной из форм отмены выступает дезавуирование ранее достигнутых договоренностей либо предоставленных полномочий.

Применительно к данной классификации следует отметить, что описанные формы вполне могут пересекаться. Отмена соответствующих актов осуществляется в порядке принятия акта, т. е. если орган правотворчества принимает правоприменительное решение, отмена такого решения «по праву» принадлежит ему.

В зависимости от характера внешнего проявления различаются пассивные и активные формы отмены правовых актов. Первые включают самостоятельную оценку необходимости и наличия основания для отмены правового акта. Вторые выражаются в воздержании (уклонении) управомоченных субъектов от принятия мер по продлению действия правового акта, выравниванию юридических статусов, координации прав и обязанностей, принятию мер обеспечения (отсутствие пролонгации договора, истечение срока действия акта, достижение субъектом определенного возраста, неисполнение обязанностей). К пассивной следует отнести и автоматическую отмену, наступающую в результате прекращения обстоятельств, вызвавших наступление определенной ситуации.

По способу доведения до адресатов информации об отмене правового акта различаются:

— документарные — письменные формы отмены правового акта;

— вербальные — устные формы отмены правового акта (теле- и радиовыступления, заявления на совещаниях, пресс-конференциях);

— визуальные — знаковые либо символические формы отмены (знаки, жесты, сигналы).

В зависимости от открытости процедуры и ее результатов выделяются:

— явная (открытая) отмена правового акта;

— латентная отмена правового акта.

Между данными разновидностями возможны взаимопереходы: явная отмена может стать латентной и наоборот. Примером первого является бессрочное (длящееся) приостановление действия правового акта (мораторий на смертную казнь), при котором правовой акт отменен, хотя и отсутствует явная отмена.

Обратная ситуация: в последние годы наряду с традиционными правовыми актами, содержащими правовые предписания, всё более заметной в процессе правового регулирования становится роль инновационных правовых актов (посланий, докладов, национальных проектов, правовых позиций). Если в первые годы появления данные акты носили оценочно-информационный, аналитический, пояснительный характер, сегодня они всё чаще содержат конкретные правовые предписания.

Латентная отмена правовых актов порой приобретает не только легальный, но и антисоциальный характер (незаконный характер действий субъектов; цель отмены — устранение законодательных препятствий на пути достижения личных интересов; осуществление отмены неправовыми способами; результат отмены — нанесение ущерба сторонним субъектам, конкурентам). Достаточно много проявлений подобного рода форм отмены правовых актов используется в сфере корпоративного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Байтин М. И.** Нормы советского права / М. И. Байтин, Б. К. Бабаев. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987. — 248 с.

Поступила 30.09.09.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Т. А. Осипова

В настоящей статье проведен теоретико-правовой анализ общественной экспертизы нормативных правовых актов как неотъемлемого элемента правотворческой деятельности на современном этапе развития российского государства и описания механизма реализации общественной экспертизы.

В ст. 2 Закона «Об общественной палате Российской Федерации» в качестве одной из основных названа задача проведения «общественной экспертизы (экспертизы) проектов федеральных законов и проектов законов субъектов Российской Федерации, а также проектов нормативных правовых актов органов исполнительной власти Российской Федерации и проектов правовых актов органов местного самоуправления» [5]. Анализируя данную функцию, необходимо уяснить, что же представляет собой общественная экспертиза.

Понятие «экспертиза» (от латинского expertus, французского expertise — «опытный») существует давно и используется практически во всех сферах жизни. Она находит всё более широкое применение в жизни общества, распространяясь на новые сферы деятельности: государственно-правовую, социально-экономическую, научно-техническую и др.

Таким образом, под экспертизой понимается совокупность определенных целенаправленных действий исследовательского характера, совершаемых профессионалом, наделенным специальными знаниями, в отношении какого-либо объекта (темы, вопроса), с предоставлением обоснованного заключения либо результат таких действий.

И. С. Андреев рассматривает экспертизу нормативно-правого акта как один из элементов системы социального порядка, функционально ориентированной на обеспечение правового регулирования общественных отношений, возникающих между субъектом и объектом воздействия [1, с. 51].

Термин «общественная экспертиза» упоминается в правовых актах лишь вскользь, без указания содержания процедуры, ее целей и задач. В Приказе Министерства финансов № 180 от 01 июля 2004, утвердившем концепцию развития бухгалтерского учета на территории Российской Федерации, термин «общественная экспертиза» раскрывается через ряд признаков. Поскольку они были сформулированы в самом общем виде, полагаем, что их использование применительно к раскрытию термина «общественная экспертиза» в рамках деятельности Общественной палаты вполне допустимо. Итак, общественная экспертиза — это проверка, определение чего-либо (в нашем случае нормативного правового акта) субъектом, ее проводящим, например:

— соответствия объекта рассмотрения приоритетным потребностям заинтересованных лиц (граждан Российской Федерации, общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления);

— соответствия требованиям адекватности объекта исследования, т. е. требованиям времени, социальной необходимости (нормативный правовой акт должен регулировать общественные отношения, действительно в этом нуждающиеся;

— соответствия требованиям «качества» (нормативный правовой акт должен соответствовать по содержанию, по форме требованиям законодательства; при его разработке должны учитываться правовые, экономические, социальные аспекты, он должен иметь подробную и вместе с тем логическую, четкую структуру, быть доступным для понимания и использования);

— обладания объекта общественной экспертизы социальной значимостью [4, с. 26–27].

В. И. Захарова придерживается точки зрения, что понятия «социальная экспертиза» и «общественная экспертиза» в полне могут быть синонимическими. Автор определяет общественную экспертизу как добровольное привлечение населения (общества) к экспертной деятельности социально-значимых объектов (законов, проектов, программ, решений и т. д.), в деятельности которых выражается реальное отношение большинства народа, социальной группы, элементов общественной системы к фактам, событиям, явлениям, процессам, затрагивающим потребности и инте-

© Т. А. Осипова, 2009

ресы социальной общности как совокупности индивидов, отличающихся целостностью, выступающих самостоятельными субъектами социального действия. Исследователь отмечает, что общественная экспертиза должна выступить механизмом, препятствующим либо принятию некорректных, некомпетентных управленческих решений в любой области, либо неадекватному исполнению решений. Это особенно касается нормативно-правовых актов, программ и проектов, требующих значительных денежных средств или связанных с жизненно важными для населения страны решениями [2, с. 18—19].

Обобщая все верные, по нашему мнению, характеристики рассматриваемой категории, можно дать следующее определение: *общественная экспертиза нормативно-правового акта* — это совокупность целенаправленных действий по проверке проектов законов Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации, проектов федеральных конституционных законов и проектов федеральных законов, затрагивающих вопросы государственной социальной политики и конституционных прав граждан Российской Федерации в области социального обеспечения, обеспечения общественной безопасности и правопорядка, для проведения которых добровольно привлекается население (общество) в качестве согласования общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, общественных объединений, органов государственной власти и местного самоуправления.

Теперь обратимся к вопросу механизма осуществления общественной экспертизы. Общественная палата вправе прибегнуть к ней по решению совета палаты либо в связи с обращением Президента РФ, палат Федерального Собрания РФ, Правительства РФ (ст. 18, ч. 1) [5]. Помимо рассмотрения нормативных правовых актов Правительства РФ, федеральных органов власти, проектов законов субъектов РФ и нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов РФ, проектов правовых актов муниципальных образований, экспертной проверке могут подвергаться проекты федеральных конституционных законов, законов о поправках к Конституции, федеральных законов, затрагивающих вопросы государственной социальной политики и конституционных прав граждан РФ в области социальной политики и социального обеспечения, обеспечения общественной безопасности и правопорядка. Поступивший в Общественную палату проект нормативного правового акта направляется соответствующим подразделением Аппарата палаты членам совета, на заседании которого и решаются вопросы проведения экспертизы и подготовки проекта заключения по результатам экспертизы; определяется комиссия, ответственная за подготовку проекта заключения, устанавливается срок предоставления заключения. Как видно, не каждый нормативный правовой акт становится предметом экспертной проверки. Так, в соответствии с Регламентом Общественной палаты РФ «проект нормативного правового акта, по в отношении которого советом Общественной палаты не принято решение о проведении общественной экспертизы, может быть самостоятельно рассмотрен комиссией общественной палаты» [5], которая может предложить повторное рассмотрение акта. Решение об экспертизе передается рабочей группе, которая вправе:

1) привлекать экспертов;

2) рекомендовать Общественной палате направить в палаты Федерального Собрания, Правительство РФ, федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления запрос о предоставлении документов и материалов, необходимых для проведения экспертизы;

3) предложить Общественной палате направить ее членов для участия в работе комитетов и комиссий палат Федерального Собрания при рассмотрении законопроектов — объектов экспертизы;

4) предложить Общественной палате направить членов Общественной палаты на заседания Правительства РФ, коллегий федеральных органов исполнительной власти, на которых рассматриваются проекты нормативных правовых актов, являющихся объектом экспертизы.

Все указанные субъекты обязаны при поступлении запроса передать Общественной палате проект нормативного правового акта со всеми документами и материалами, необходимыми для проведения экспертизы.

К сожалению, ни законом, ни Регламентом не указывается, какие же критерии используются при проведении экспертизы, оценивается ли акт в целом или по частям, на чем члены рабочей группы акцентируют внимание — на правовой урегулированности отношения, его экономической обоснованности или степени способности удовлетворения социального интереса. В итоге подготовленный рабочей группой проект заключения по проекту нормативного правового акта подлежит рассмотрению соответствующей комиссией, которая большинством голосов либо одобряет его, либо нет. Затем заключение поступает

в совет палаты, где включается в повестку дня, и на заседании подлежит обсуждению с последующим голосованием.

К сожалению, пока механизм проведения общественной экспертизы не определен. Обязательность проведения общественной экспертизы планов правотворческих работ создаст условия для дальнейшего развертывания активности общественных организаций, граждан, научной общественности, специализированных учреждений, авторитетных образовательных заведений в правотворческом процессе, повышения в нем роли юридической науки [3, с. 16]. Несмотря на определенные сложности, следует признать, что институт экспертизы значительно расширяет возможности участия общественности в процессе подготовки и принятия нормативных правовых актов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Андреев И. С.** Системный подход к понятию экспертизы нормативного правового акта / И. С. Андреев // Журн. рос. права. — 2001. — № 6. — С. 51—58.

2. **Захарова В. И.** Общественная экспертиза законопроектов (социологический анализ) : дис. ... канд. социол. наук / В. И. Захарова. — М., 2005. — 189 с.

3. **Канчукоева А. В.** Планирование как условие эффективности подготовки и принятия нормативных правовых актов в субъектах Российской Федерации / А. В. Канчукоева // Законодательство и экономика. — 2006. — № 8. — С. 15—19.

4. **Новоселецкая Ю. В.** Правовые аспекты осуществления общественной экспертизы Общественной палатой Российской Федерации / Ю. В. Новоселецкая // Рос. юстиция. — 2008. — № 1. — С. 25—28.

5. Регламент Общественной палаты Российской Федерации (с изменениями, утвержденными на пленарных заседаниях Общественной палаты Российской Федерации 13 апреля 2006 года, 19 мая 2007 года, 22 сентября 2007 года, 23 ноября 2007 года, 23 января 2008 года, 21 марта 2008 года, 12 мая 2008 года) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.oprf.ru/ru/about/492. — Загл. с экрана.

6. Федеральный закон Российской Федерации от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // Рос. газ. : федер. выпуск. — 2005. — 7 апр.

Поступила 30.09.09.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Е. В. Степайкина

Проблемы юридической ответственности традиционно актуальны, научно неисчерпаемы и практически значимы на всем протяжении развития теории государства и права. В современных условиях становления в России гражданского общества и правового государства, осуществления полномасштабных экономических и административных реформ, неотъемлемой частью которых является реформирование института государственной службы, исследования проблем юридической ответственности в целом и проблем юридической ответственности государственных гражданских служащих в частности приобретают огромное практическое и теоретическое значение. Наиболее очевидными проблемы юридической ответственности государственных гражданских служащих предстают тогда, когда в России процессы утверждения общечеловеческих ценностей и демократизации социально-экономической и политической жизни общества сопровождаются непрекращающимся качественным и количественным ростом преступлений и иных правонарушений, совершаемых самими реформаторами — государственными служащими.

В современном правовом обществе для поддержания незыблемости конституционного строя и неукоснительного соблюдения всех законов помимо организационных используются правовые средства с возможностью применения мер принуждения. Неотвратимость ответственности непосредственно вытекает из принципа всеобщей обязательности закона.

Государственная служба как один из важнейших правовых институтов, обеспечивающих осуществление управляющего воздействия государства, немыслима без четко установленных мер ответственности отдельных ее элементов. В отношениях между государственными служащими и гражданским обществом ответственность призвана играть роль обратной связи, с помощью которой обеспечивается должное поведение управляющих субъектов. В качестве обратной связи выступает социальная ответственность. Это лишь общее название целого комплекса элементов. Наиболее значимыми его блоками являются два вида ответственности: юридическая и моральная. Общими свойствами правовой и моральной ответственности являются, безусловно, осознание, правильное понимание лицом лежащих на нем в силу закона или морального долга обязанностей, верное к ним отношение. Различия же состоят в форме, видах требований, которые предъявляются к лицу в отношении исполнения им обязанностей, мерах, необходимых для этого; неодинаковы меры взысканий и наказания лица в случаях нарушения требований закона или морального долга. «Большинство должностных лиц и граждан в сфере управления, — пишет В. А. Юсупов, — стремится выполнить свой государственный долг» [5, с. 41]. Каждый субъект административно-правовых связей психологически относится к процессу государственного управления. Здесь проявляются воля, сознание, убеждения личности, которые и определяют ее ответственное поведение, и прежде всего они, а не принуждение, регулируют конкретные поступки субъектов управления.

Можно выделить несколько наиболее распространенных подходов к пониманию сущности юридической ответственности. Так, С. Н. Братусь понимает под юридической ответственностью «исполнение обязанности на основе государственного или приравненного к нему общественного принуждения» [1, с. 85]. Напротив, И. Л. Бачило связывает понятие ответственности только с применением мер негативного воздействия на государственных служащих — санкциями. В какой-то степени примирить эти точки зрения пытается А. И. Щербак, определяя ответственность должностных лиц как «правоотношение, в котором на субъекта возлагается правовая обязанность выполнять условия деятельности по достижению определенных результатов под угрозой претерпевания определенных лишений и ограничений» [4, с. 96]. Как справедливо подчеркивает О. Э. Лейст, творческая работа (а именно такова работа управления) вряд ли возможна лишь под угрозой санкций уже по той причине, что страх наказания неизбежно сковывает творческую инициативу, нередко связанную с ра-

© И. В. Степайкина, 2009

зумным риском [2, С. 43]. В. М. Манохин выделяет специфические черты ответственности государственных служащих:

а) повышенная ответственность служащего, поскольку последствия должностного правонарушения отрицательно сказываются обычно за пределами должности;

б) ряд специальных мер ответственности за служебные правонарушения (понижение в должности, снижение квалификационного класса и др.);

в) привлечение служащего к ответственности за правонарушение не исключает того, чтобы то же деяние было квалифицировано как другой вид правонарушения и влекло соответствующую юридическую ответственность, например, административную ответственность должностного лица за нарушение правил техники безопасности, за что оно же привлекалось к ответственности дисциплинарной [3, с. 15].

Разнообразны виды ответственности, под которые подпадают государственные служащие, причем каждый вид имеет специфическое назначение. Непосредственно к сфере административного права относятся только два вида — административная и дисциплинарная. Уголовная ответственность государственных служащих регулируется нормами уголовного права, материальная — в основном нормами трудового. Таким образом, по результатам проведенного исследования ответственности государственных служащих можно сделать выводы: институт юридической ответственности играет важную роль в системе организации государственной власти и государственной службы. Именно ответственность государственных служащих позволяет контролировать их деятельность с целью недопущения прав и законных интересов как отдельных граждан, так и всего государства, являясь своеобразной обратной связью в отношениях между государственно-управленческими системами и социумом.

Дисциплинарная ответственность является одной из наиболее применяемых форм государственного принуждения, а вопросы ее применения постоянно находятся в поле зрения ведущих ученых. Наиболее важной проблемой в данной сфере является отсутствие в российском законодательстве систем контроля за соответствием наложенного дисциплинарного взыскания тяжести совершенного поступка. Необходимо также установить исчерпывающий перечень дисциплинарных взысканий по отношению к государственным служащим любых органов власти. Эти вопросы могли бы быть урегулированы Законом РФ «О дисциплинарной ответственности» или даже Дисциплинарным кодексом, на необходимость принятия которого указывают многие ученые. Административная ответственность государственных служащих сегодня является наиболее разработанным видом. Основные проблемы ее наложения и применения связаны двумя вопросами: отсутствием в административном законодательстве единого определения должностного лица и «расплыванием» норм об административной ответственности из Кодекса об административных правонарушениях в другие нормативные акты. Решением представляется принятие нового кодекса, в котором бы четко устанавливались общие принципы применения административной ответственности на территории РФ. Институт материальной ответственности государственных служащих в наибольшей степени разработан в рамках трудового права. Между тем в нашем законодательстве практически отсутствуют нормы, предусматривающие ответственность государственных служащих за вред, причиненный гражданам их противоправными действиями, характерные для большинства западных правовых систем. Представляется, что разработка подобных норм была бы перспективной для российского законодательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Братусь С. Н.** Юридическая ответственность и законность / С. Н. Братусь. — М. : ИНФРА, 2006. — 113 с.

2. **Щербак А. И.** Юридическая ответственность должностных лиц аппарата государственного управления : дис. ... канд. юрид. наук / А. И. Щербак. — Киев, 1978. — 189 с.

3. **Манохин В. М.** Концепция закона о государственной службе / В. М. Манохин // Сов. государство и право. — 1991. — № 12. — С. 90–98.

4. **Лейст О. Э.** Санкции и ответственность по советскому праву / О. Э. Лейст. — М. : Прюр, 1981. — 163 с.

5. **Юсупов В. А.** Теория административного права / В. А. Юсупов. — М. : Омега-Л, 1985. — 76 с.

Поступила 30.09.09.

САМОЗАЩИТА В ТРУДОВОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н. И. Уздимаева

В статье рассматриваются основы нормативно-правового регулирования самозащиты по трудовому законодательству России в современных условиях. Определены значение самозащиты в сфере трудового права, факторы и обстоятельства, допускающие и исключающие самозащиту. Акцентируется внимание на невозможности законодательного регулирования всего многообразия конкретных форм трудовой самозащиты. Отмечается необходимость повышения активности работника в вопросах применения самозащиты для обеспечения полноценной реализации трудовых прав в условиях экономического кризиса. Предлагается конкретизировать ответственность работодателя за воспрепятствование в использовании работником возможностей, вытекающих из права на самозащиту.

Экономический кризис, охвативший мировое сообщество, в том числе Россию, сопровождается не только спадом экономического производства, но и определенного рода застойными, а иногда крайне нестабильными процессами в финансово-бюджетной, социальной и иных сферах жизни. Нередко в связи с этим складываются ситуации различного рода нарушений трудовых прав работника. Высока вероятность их повторения в последующем. Государство, конечно, стремится обеспечить реализацию политики, направленной на защиту социально-трудовых интересов работника, но в условиях рыночной экономики, базирующейся на началах самоорганизации значительного числа субъектов, это трудновыполнимо. Показательно, что государство в вопросах защиты нарушаемых трудовых прав работников даже в условиях экономического кризиса сохраняет за гражданином возможность самозащиты.

Самозащита — относительно новый институт в трудовом законодательстве. В трудовом праве самозащита заключается в самостоятельных активных правомерных действиях работников по охране индивидуальных трудовых прав, жизни и здоровья без обращения или параллельно с обращением в органы по рассмотрению индивидуальных трудовых споров либо в органы по надзору и контролю за соблюдением трудового законодательства и правил охраны труда.

Обратим внимание на определенную неактивность, боязнь работников применять самозащиту в сфере трудовых отношений, и это не случайно. Как справедливо отмечает С. Колобова, «работники не рискуют открыто защищать свои права, вступать в конфликт с работодателем... поскольку обращение с жалобой... грозит потерей работы. Поэтому очень часто пострадавшему выгоднее отказаться от реализации предоставленных законом прав, чем вступать в спор...» [1, с. 32].

В Трудовом кодексе РФ самозащита рассматривается в качестве основного способа защиты трудовых прав и свобод (ст. 352). При этом в отличие от других нормативных актов Российской Федерации, допускающих возможность самозащиты, Трудовым кодексом РФ самозащита работниками трудовых прав регулируется в рамках отдельной главы, 59-й (ст. 379 –380). Здесь можно вести речь о специализации законодательства на уровне отрасли трудового права. Согласно ст. 352 кодекса самозащита является одним из основных способов защиты работниками трудовых прав и законных интересов.

В ст. 379 Трудового кодекса РФ перечислены способы самозащиты трудовых прав: 1) работник вправе отказаться от выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором; 2) работник вправе отказаться от выполнения работы, которая непосредственно угрожает его жизни и здоровью.

Рассмотрим их подробнее.

Отказ от выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором, описанный в ст. 60 Трудового кодекса РФ. Однако в ней указывается, что работодатель может требовать выполнения работы, не обусловленной трудовым договором, в случаях, соответствующих Трудовому кодексу РФ и иным федеральным законам. В частности, ст. 74 кодекса диктует, что работодатель имеет право переводить сотрудника на срок до одного месяца на не предусмотренную трудовым договором должность в той же организации с оплатой труда по выполняемым обязанностям, но не ниже среднего заработка по прежней работе,

© Н. И. Уздимаева, 2009

по производственной необходимости. Такой перевод допускается в случаях: 1) предотвращения катастрофы, производственной аварии или устранения последствий катастрофы, аварии или стихийного бедствия; 2) предотвращения несчастных случаев, простоя (временной приостановки работы по причинам экономического, технологического или организационного характера), уничтожения или порчи имущества; 3) замещения отсутствующего работника.

Перевод как наиболее значимое изменение условий трудового договора в соответствии с законодательством возможен только с письменного согласия работника.

Отказ от выполнения работы, которая непосредственно угрожает жизни и здоровью работника, в случае возникновения опасности для его жизни и здоровья вследствие нарушения требований охраны труда до устранения такой опасности, закрепленый в ст. 8 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 181-ФЗ «Об основах охраны труда в Российской Федерации». Разрешение такого способа самозащиты, несомненно, оправданно, так как ст. 22 ТК РФ в качестве одной из обязанностей работодателя устанавливает обеспечение безопасности труда и условий, отвечающих требованиям охраны и гигиены труда. Ситуация, когда опасность угрожает работнику во время исполнения служебных обязанностей, требует от него незамедлительных действий, причем обращение в государственные и иные органы по охране трудовых прав не целесообразно. Описанный способ самозащиты позволит работнику защищать права при угрозе жизни и здоровью.

Вышеперечисленные способы не являются исчерпывающими. Можно также выделить *право работника приостановить работу в случае задержки выплаты заработной платы на срок более 15 дней на весь период до выплаты задержанной суммы*, известив об этом работодателя в письменной форме (ч. 2 ст. 142 ТК РФ).

Законодатель устанавливает ограничения при осуществлении самозащиты трудовых прав, предусмотренной ст. 142 Трудового кодекса РФ. Так, не допускается применение данного способа самозащиты:

— в периоды введения военного, чрезвычайного положения или особых мер в соответствии с законодательством о чрезвычайном положении;

— в органах и организациях Вооруженных Сил РФ, других военных, военизированных и иных формированиях и организациях, ведающих вопросами обеспечения обороны страны и безопасности государства, аварийно-спасательных, поисково-спасательных, противопожарных работ, работ по предупреждению или ликвидации стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций, в правоохранительных органах;

— государственными служащими;

— в организациях, непосредственно обслуживающих особо опасные виды производств. оборудования;

— в организациях, связанных с обеспечением жизнедеятельности населения (энергоснабжение, отопление и теплоснабжение, водоснабжение, газоснабжение, связь, станции скорой помощи и неотложной медицинской помощи) [5].

Возможность такой самозащиты в определенном смысле не бесконечна. Отметим, что Конституционным Судом РФ в определении от 2 марта 2006 г. № 60-О внимание обращено на тот факт, что «...реализация прав и свобод человека и гражданина, включая... право работника на самозащиту права на своевременную и полную выплату заработной платы, не должна нарушать прав и свобод других лиц (ст. 17, ч. 3 Конституции РФ), а в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом, в том числе в сфере трудовых отношений (ст. 55, ч. 3 Конституции РФ)» [3].

Основываясь на приведенных конституционных положениях, а также руководствуясь необходимостью защиты здоровья, прав и законных интересов населения, нормальная жизнедеятельность которого зависит от бесперебойного обеспечения отоплением, энерго-, тепло-, водо- и газоснабжением, связью, скорой и неотложной медицинской помощью, федеральный законодатель был вправе не допускать (запрещать) приостановку работы в порядке реализации работниками их права на самозащиту своевременности и полноты выплаты заработной платы в организациях, перечисленных в абзаце 5 ч. 2 ст. 142 Трудового кодекса Российской Федерации.

Здесь схема действий работника соответствующей сферы, связанной с жизнеобеспечением населения, право которого на своевременную и полную выплату заработной платы было нарушено, такова: он может обратиться за защитой своего права в комиссию по трудовым спорам, в суд либо в органы государственного надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства.

Полагаем, такая позиция и законодателя, и правоприменителя вполне оправдана, по-

скольку лица, выполняющие трудовую функцию в названных сферах, должны не только осознавать всю меру ответственности за необходимость надлежащего исполнения возложенных на них обязанностей, но и в известной мере ограничивать себя, в том числе отказываясь от возможности реализации права на самозащиту.

Юридической гарантией реализации права на самозащиту является закрепленное в ст. 380 Трудового кодекса РФ положение о том, что работодатель или его представители не имеют права препятствовать работникам в осуществлении ими самозащиты трудовых прав. Преследование работников за использование ими допустимых законодательством способов самозащиты трудовых прав запрещается. Однако следует отметить весьма неконкретный характер данного положения. Поскольку мера ответственности работодателя за воспрепятствование сотрудникам в осуществлении ими самозащиты трудовых прав в Трудовом кодексе и каком-либо другом нормативно-правовом акте не определена, соответствующий запрет имеет больше декларативный, чем прикладной характер. Потому считаем необходимым конкретизировать в законодательном порядке ответственность работодателя. Такая ответственность должна быть «ощутимой» для недобросовестного работодателя и в то же время — варьироваться в зависимости от характера его действий и степени «негативности» последствий для работника, в отношении которого были допущены препятствия в реализации права на самозащиту.

Выше мы вели речь о самозащите, регламентированной Трудовым кодексом РФ. Однако, как отмечается в литературе, к формам самозащиты нужно отнести отказ сотрудника от выполнения и других незаконных распоряжений работодателя, например о досрочном выходе на работу из отпуска, о привлечении к сверхурочной работе и др. [5, с. 20—22]. Самозащита может быть использована и в случае необеспечения работников средствами индивидуальной и коллективной защиты, а также в ситуации поручения работы с вредными, опасными или тяжелыми условиями труда, не предусмотренными трудовым договором.

Еще одним эффективным способом защиты трудовых прав работников является их обращение в органы по разрешению трудовых споров, которое, по существу, также является формой самозащиты. В случае установления фактов нарушения трудовых прав эти органы принимают решения, содержащие соответствующие меры защиты трудовых прав. Они представляют собой предписания, подлежащие обязательному для работодателя исполнению. В частности, в порядке защиты нарушенных трудовых прав сотрудников на работодателя может быть возложена обязанность: 1) заключить трудовой договор с лицом, которому в этом было отказано; 2) восстановить на прежней должности сотрудника, незаконно уволенного или переведенного на другую работу; 3) выплатить средний заработок сотруднику за время вынужденного прогула (при незаконном увольнении) или разницы в заработке за время выполнения нижеоплачиваемой работы (при незаконном переводе на другую работу), а также в других случаях незаконного лишения работника возможности трудиться; 4) возместить материальный ущерб, причиненный имуществу работника, или в связи с задержкой выплаты заработной платы; 5) возместить сотруднику денежную компенсацию морального вреда, причиненного неправомерными действиями (бездействием) работодателя; 6) выплатить работнику денежные суммы, необоснованно удержанные из заработной платы, компенсационных или других выплат; 7) предоставить работнику установленные в законодательном или договорном порядке трудовые льготы, время отдыха, условия труда.

В практике разрешения трудовых споров возможны и другие решения о восстановлении нарушенных прав работников. Например, срочный трудовой договор, заключенный без законного на то основания, может быть признан заключенным на неопределенный срок. Могут быть также изменены формулировка причины или даты увольнения, неправильные или неточные записи, внесенные в трудовую книжку работника и т. д. Спектр подобного рода действий весьма многообразен и вряд ли является исчерпывающим.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Колобова С.** Как защитить свои трудовые права? / С. Колобова // Рос. юстиция. — 2000. — № 10. — С. 30—33.

2. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. — М. : АСТ ; Астрель, 2009. — 64 с.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сазонова В. Г. на нарушение его конституционных прав положениями статей 124, 142 и 234 Трудового кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 02 марта 2006 г. № 60-О // Вестн. Конституц. Суда РФ. — 2006. — № 4. — С. 5—7.

4. **Полетаев Ю. Н.** Правовое положение государственных гражданских служащих в сфере труда / Ю. Н. Полетаев. — М. : Городец, 2005. — 185 с.

5. Трудовой кодекс Российской Федерации : офиц. текст по сост. на 15 ноября 2009 г. — М. : Юрайт, 2009. — 227 с.

Поступила 30.12.09.

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

Э. В. Сухов

В данной статье автором предпринята попытка анализа современных взглядов на проблемы имеющей многовековую историю теории естественного права на основе изучения работ Г. В. Мальцева, В. С. Нерсесянца, В. А. Четвернина и В. М. Шафирова.

Проблема теории естественного права не нова для юридической науки. Ее основы были заложены еще в трудах древнегреческих мыслителей Солона, Пифагора, Сократа и др., получили дальнейшее развитие в работах Г. Гроция, И. Канта, Дж. Локка, Ж. Ж. Руссо. Что есть «справедливость» и «свобода», как они соотносятся с правом? Какова природа человека, почему народ должен подчиняться власти государства? Ответы на эти вопросы даны во многих работах ученых. Но можно ли говорить, что данная проблема полностью раскрыта и научного интереса больше не представляет?

После закрепления в Конституции Российской Федерации принципов естественного права и признания прав и свобод человека высшей ценностью теория естественного права получила официальное признание и число ее сторонников постоянно увеличивается. Однако ученых — исследователей естественного права немного. Большинство осуществляли научную деятельность до середины XX в., а перечень российских исследователей ограничивается дореволюционными авторами. Но это не означает, что теория естественного права изучена полностью. К числу деятелей науки, продолживших исследование теории естественного права и опубликовавших работы на данную тему, нужно прежде всего отнести Г. В. Мальцева [1], В. С. Нерсесянца [2], В. А. Четвернина [3] и В. М. Шафирова [4].

Г. В. Мальцев представляет современную теорию естественного права как совмещение христианских и рационалистических начал. Естественное право, по его мнению, выражается в деонтологической и онтологической моделях. Цель деонтологического анализа сводится к уяснению вопроса, насколько справедливо действующее право. Идея права, воплощенная в идеале справедливости, представляет собой высшую ступень его осуществления и образует естественное, или разумное, право. Понятию права приписывается универсальное значение, поэтому в каждом правовом явлении следует искать логическую форму права. Для успешного проведения подобной познавательной процедуры требуется выявление понятийных критериев, позволяющих отличать правовое явление от неправового, в том числе от морали. В целом развитие человеческой цивилизации идет под знаком усиливающегося господства естественно-правового способа регулирования общественных отношений над позитивно-правовым [1, с. 35—143].

Определенная часть представителей теории естественного права разрабатывает его онтологическую модель. Как обоснованно показывает Г. В. Мальцев, эта модель «характеризуется прежде всего тем, что его представители, отвергая неокантианское противопоставление (отрыв) сущего и должного, относят феномен естественного права к сфере бы-

© Э. В. Сухов, 2009

тия как сущего, а должное рассматривают как производное от сущего, нечто долженствующее быть, как особую форму бытия. Этим методологическим приемом перекрывается путь, ведущий к отделению права от жизни, но, правда, еще ничего не предпринимается для того, чтобы их сблизить» [1, с. 108].

По мнению сторонников данной модели, естественное право является действительным в той же мере, что и позитивное, поскольку любое явление в этом мире определено по сущности и, следовательно, обладает нормативностью. Норма представляет собой не что иное, как требование к явлению оставаться в гармоничном соответствии с сущностью. Наибольшее распространение среди сторонников онтологической модели получило понимание естественного права как «совокупности принципов порядка, которые говорят нам, каким образом возможно мирное сожительство людей и человеческих объединений» [1, с. 114].

В. С. Нерсесянц — автор юридико-либертальной теории права, суть которой составляют проблема различения права и закона, а также поиск критериев правового закона. Автор в качестве основополагающего признака (принципа) права признавал формальное равенство свободных индивидов. Основанием такого равенства выступает именно равенство в свободе, поэтому право возможно только во взаимоотношениях между формально свободными и независимыми друг от друга людьми. Соответственно под правом понимается либо формальное равенство, либо всеобщая и необходимая форма свободы в общественных отношениях [2, с. 35]. С точки зрения либертарно-юридической общей теории правопонимания различение естественного и позитивного права как один из существенных моментов искомого общего понятия естественного права — это частный случай, вариант (хронологически первый, фактически наиболее распространенный, но в силу древнего происхождения архаичный, теоретически недостаточно развитый, «нечистый») общей теории различения права и закона. Согласно естественно-правовому различению права и закона право (и присущие или приписываемые ему свойства) объективно в особом смысле — его естественности, принципиально противополагаемой искусственности и субъективности позитивного права (а вместе с тем и его произвольности и т. д.).

Естественно-правовое различение естественного и позитивного права одновременно включает их противоположную ценностную оценку: положительную — естественного права, отрицательную — позитивного.

Постоянным компонентом естественно-правовой схемы и смысловой основой традиционных представлений о естественном праве (в отличие от изменчивого позитивного права) является именно принцип противопоставления в области права «естественного» «искусственному», «объединяющий их ценностную оценку и приоритет «естественного» над «искусственным». Это и есть всеобщий (универсальный) принцип естественного права. В его рамках «искусственное» уже дано в виде позитивного права, поэтому «естественное» (естественное право) трактуется как предданное (Богом, разумом, природой вещей, природой человека и т. д.), предпозитивное (допозитивное, надпозитивное) право. Причем предданность (той или иной безусловно авторитетной, надчеловеческой инстанции) «естественного» в пространстве и времени мироздания имеет одновременно онтологическое, гносеологическое и аксиологическое значение: «естественное» (естественное право) изначально безусловно правильно и нравственно, словом, хорошо, а «искусственное» плохо и как отклонение от «естественного» (в силу присущих людям ошибок, произвола и т. д.) подлежит вытеснению или исправлению и приведению в соответствие с «естественным» [2, с. 35].

В. А. Четвернин также является сторонником либертально-юридической концепции права и в монографии «Введение в курс общей теории права и государства» [3] последовательно отстаивает позиции. Автор отличает право как способ соционормативной регуляции от других видов социальных норм специфическим принципом регуляции, т. е. таким, которого нет у других способов социальной регуляции. Это принцип формального равенства — равной свободы для фактически разных людей. Правовые нормы устанавливают свободу, равную для всех участников правового общения независимо от моральных убеждений и религиозных верований, от фактической силы и других различий между людьми.

Правовая свобода формальна, т. е. она дает формальную возможность выбора безотносительно к реальным возможностям конкретного человека. Право абстрагируется от фактических возможностей, например, имущественного положения: каждый полноправный субъект, даже неимущий, вправе, так как в этом смысле он свободен, приобрести любое имущество, которое продается [3, с. 41].

При правовом способе регуляции человек как субъект права, адресат правовых норм — это автономный индивид, формально независимый от других членов правового сообще-

ства. Право абстрагируется от фактической зависимости людей в обществе, не учитывает их фактическое социальное положение [3, с. 46].

В. М. Шафиров в монографии «Естественно-позитивное право: введение в теорию» [4] дает системное изложение проблем теории естественного права с учетом современного уровня развития законодательной и правоприменительной Российской Федерации, стремится соединить теории естественного и позитивного права и за счет их сочетания их достоинств избавиться от недостатков каждой. Ученый считает, что, «взяв за основу все конструктивное, полезное в каждой из концепций, можно попытаться сконструировать такое представление о праве, которое исключало бы видеть в нем одновременно и бытие свободы, и орудие произвола и насилия» [4, с. 20].

Согласно указанной работе естественно-позитивное право — это возведенная в закон или иные официальные источники воля большинства людей, которой провозглашается свобода (права и свободы) человека и гражданина как высшая ценность [4, с. 94]. Автор отрицает достоверность положения классиков марксизма об отсутствии у права собственной истории, полагая, что право имеет «свое независимое историческое существование и развитие» [4, с. 44—45]. Историю права автор подразделяет на три ступени: естественное, позитивно-естественное и естественно-позитивное право.

Естественное право как совокупность естественных и неотчуждаемых прав человека возникло на догосударственной стадии развития социума. В этот период «представления об естественных правах и сложившихся на их основе правилах носили интуитивный характер, не имели четкого закрепления, четкого размежевания с обязанностями, надежного обеспечения и защиты даже для ограниченного круга лиц» [4, с. 107].

Позитивно-естественное право появилось в условиях государственно-организованного общества. В процессе становления и развития позитивного права в форме законов и иных нормативных правовых актов произошло не отделение естественного права от волеустановленного, а, наоборот, их конфликтное взаимопроникновение, взаимодополнение. При этом позитивный фактор надолго исказил истинный источник права, выдвинув на первый план принудительное начало законодательства, а исходной основой права представил государство, а не личность и ее права.

Стадия естественно-позитивного права берет начало с первых актов буржуазных государств, утверждавших в качестве основных принципов права свободу, равенство и справедливость. «В настоящее время в Европе и в мире в целом действует универсальная, разветвленная система общепризнанных принципов и норм или международных стандартов прав и свобод человека. Данные стандарты являются составной частью правовых систем многих современных государств, включая Россию» [4, с. 113].

На основании изложенного можно прийти к выводу, что теория естественного права продолжает развиваться и ее положения остаются актуальными и востребованными в современной юридической науке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Мальцев Г. В.** Понимание права. Подходы и проблемы / Г. В. Мальцев. — М. : Прометей, 1999. — 419 с.

2. **Нерсесянц В. С.** Общая теория права и государства : учебник / В. С. Нерсесянц. — М. : Норма, 2004. — 552 с.

3. **Четвернин В. А.** Введение в курс общей теории права и государства : учеб. пособие / В. А. Четвернин. — М. : Ин-т государства и права РАН, 2003. — 204 с.

4. **Шафиров В. М.** Естественно-позитивное право. Введение в теорию / В. М. Шафиров. — Красноярск : ИЦ КрасГУ, 2004. — 260 с.

Поступила 30.09.09.

ФУНКЦИИ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Е. М. Хохлова

В статье приведены классификация и характеристика функций субъективного права в области правового регулирования. Автором отмечается, что содержание и роль функций субъективного права с течением времени изменяются.

Право оказывает мотивационное, оценивающее, превентивное, идеологическое и т. п. воздействие на сознание и поведение людей, но это еще не *регулирование*, не сознательно организованная регламентация общественных отношений. Это, по мнению С. С. Алексеева, «психологический механизм» действия права, которое может осуществляться и помимо правового регулирования [1].

Термин «регулирование» можно отнести лишь к праву как *системе норм* и некоторым другим специфическим средствам (правам и обязанностям, правоотношениям), а понятие «воздействие» — ко всем иным правовым явлениям и категориям. Когда мы подчеркиваем, что без субъективного права правовое регулирование невозможно, то имеем в виду именно *регулирование*.

В данном случае речь пойдет главным образом о месте и роли субъективного права непосредственно в регулирующем механизме. Напомним, что под субъективным правом в юридической науке принято понимать гарантируемые законом вид и меру возможного или дозволенного поведения лица. Необходимо также привести определение механизма правового регулирования — это своеобразный набор юридического инструментария, находящегося в распоряжении государства и используемого им для закрепления, охраны, защиты регулирования и совершенствования общественных отношений с целью их позитивного развития.

В правовой науке важно изучение функций различных явлений. Под функциями права принято понимать основные пути (каналы) правового воздействия, выражающие роль права в упорядочении общественных отношений. Функции права помогают понять социальное назначение права, которое предопределяется потребностями общественных отношений, в соответствии с которыми создаются законы, обеспечивающие их позитивное развитие. Правовое воздействие характеризует пути, формы и способы влияния права на общественные отношения, которое носит как нормативный (регулирующий), так и идеолого-психологический характер.

Понятие функций права тесно связано с понятием роли, задач, функционирования права. Роль права — это более широкое, нежели функция, понятие, поскольку характеризует не только функциональное, но и общее назначение права в жизни общества. Задача права нередко обусловливает те или иные его функции, выступает определенным критерием эффективности их осуществления. Функционирование права — это действие права в социальной системе, реализация его функций, воплощение их в общественных отношениях.

Роль субъективного права в механизме правового регулирования в развитии общественных отношений неодинакова. В одних случаях оно предоставляет возможность позитивного поведения управомоченному, в других позволяет требовать необходимых действий, в-третьих, обеспечивает возможность пользоваться определенным социальным благом, в-четвертых, позволяет обращаться в государственные органы за защитой и т. д. Важно, что оно при этом связано с практической деятельностью людей в отличие от нормы закона, носящей преимущественно неизменный характер. Субъективные права выступают как эффективные стимуляторы поведения людей, вызывают у них заинтересованность в соответствующих действиях, в использовании возможностей, развивают их активность и инициативу [3].

Важнейшая функция субъективного права заключается в том, что оно служит юридическим средством распределения социальных благ и удовлетворения потребностей граждан, а не просто формальным определением вида и меры их поведения. И. Е. Фарбер указывал, что субъективное право, помимо прочих, выполняет функцию «распределения и определения точной меры обладания социальным благом. Без этого оно превращается в

© Е. М. Хохлова, 2009

благочестивое пожелание, пустую фразу» [7]. В государственно-организованном обществе субъективное право выступает как главное, хотя и не единственное, средство удовлетворения социальных интересов и потребностей людей.

Все функции права объединены в систему. Двойственная природа права как социального и юридического регулятора предопределяет деление функций на общесоциальные (экономическая, политическая, воспитательная, коммуникативная) и специально-юридические (регулятивная, охранительная).

Субъективное право является одним из юридических средств осуществления регулятивной и охранительной функций объективного права, обеспечивающих проявление индивидуальной воли и самостоятельности субъектов в формировании и реализации механизма правомерного поведения участников правоотношений; охранительного механизма интересов управомоченного.

Регулятивная функция направлена на совершенствование, упорядочение общественных отношений, координацию поведения их участников. Ее содержание включает: закрепление правоспособности и правового статуса субъектов; юридических фактов, направленных на возникновение, изменение и прекращение правоотношений; оптимального типа правового регулирования применительно к конкретным видам общественных отношений [5, с. 206—218].

О. С. Иоффе указывал, что роль субъективного права в осуществлении регулятивной функции проявляется лишь по отношению к обязанным лицам. Их поведение регулируется не только объективным правом, за нормами которого — сила государственного принуждения, но и субъективным, осуществление которого обеспечивается объективными правовыми нормами и силой государства, которым эти нормы устанавливаются или санкционируются.

Когда регулирование осуществляется правовыми нормами при помощи субъективных прав, то право требования определенного поведения от обязанных лиц принадлежит в первую очередь не государству, а управомоченному лицу. Для него субъективное право имеет значение потому, что оно обеспечивает поведение обязанных лиц, которое необходимо управомоченному при данных условиях. Следовательно, субъективное право есть юридическое средство обеспечения такого поведения других лиц, в котором нуждается управомоченный, которое государство признает обязательным.

В результате автор пришел к выводу о том, что «субъективное право выступает, прежде всего, в качестве юридического средства регулирования поведения людей, осуществляемого нормами объективного права. Эту функцию субъективное право выполняет путем обеспечения своему носителю определенного поведения обязанных лиц, которое обусловливает для управомоченного возможность совершения собственных действий, направленных на удовлетворение его интересов» [2, с. 550—561].

Эффективность регулятивной функции субъективного права зависит от степени, полноты и определенности законодательного закрепления его правомочий.

Охранительная функция субъективного права представляет собой основное направление его воздействия на общественные отношения, состоящее в предупреждении неблагоприятных последствий для управомоченного и в противодействии им. Содержание выражается в обеспечении управомоченному возможности по своему усмотрению использовать превентивные и защитные юридические средства.

Нельзя отрицать социальные функции права, которые позволяют более глубоко уяснить смысл его социальной ценности. Они представляют собой специфический ракурс права, где регулятивная и охранительная функции соединяются в обособленной, качественно однородной сфере социальных отношений, в том числе в сфере политики, экономики, культуры и т. д.

Благодаря власти, которая наделяет субъективным правом индивида, последний может отстранить вмешательство в его пользование благами со стороны тех, кто заинтересован в них. Субъективное право отражает сферу его интересов, заставляя остальных отступить на определенное расстояние, тем самым предоставив ему свободу экономического и нравственного самоопределения [8, с. 606].

Социальную роль субъективного права особо подчеркивает и С. С. Алексеев, который трактует его как средство, обеспечивающее перевод юридических возможностей человека в сферу социальной реальности [1]. Нужно отметить, что растет социальная роль права как сферы свободы, аккумулятора достижения разума, культуры и просвещения [9, с. 5].

Социальная функция субъективного права представляет собой основное направление его позитивного воздействия на общественные отношения, состоящие в свободном, творческом развитии их участников посредством обеспечения удовлетворения объектив-

ных потребностей личности в использовании материальных и нематериальных социальных благ (ценностей).

Исходя из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что функции субъективного права в механизме правового регулирования заключаются в следующем:

1) оно определяет вид и меру поведения субъектов;

2) служит средством опосредствования и защиты их интересов;

3) является одним из способов обеспечения пользования социальными благами, удовлетворения материальных и культурных потребностей людей;

4) выступает юридически гарантированной предпосылкой личной свободы граждан;

5) позволяет участвовать в общественно-политической жизни, в управлении делами государства и общества;

6) способствует всестороннему развитию и совершенствованию личности, повышению ее социальной активности;

7) обеспечивает сочетание личных и общественных интересов;

8) служит юридическим выражением взаимоотношений личности, государства и общества [4, с. 65].

Эти функции субъективное право выполняет в совокупности с другими правовыми средствами, в частности с юридическими обязанностями, ответственностью, правоспособностью.

Следует сказать, что функции субъективного права, как и объективного, не являются неизменными. Их содержание и роль меняются с течением времени. Они одновременно находятся в состоянии статики и динамики. «Статика права означает устойчивость (равновесие) его качественного состояния, обусловленного соответствием его регулятивных возможностей потребностями общественной жизни... Если стабильность права во многом поддерживается сверху государственной властью, то динамика стимулируется инициативой правоприменителей и народных масс. Динамика общественной жизни предопределяет динамику права. Поэтому содержание динамики права отражает количество и интенсивность изменений его свойств, структурных элементов и связей за определенный период времени в ответ на потребности социальной действительности» [1, с. 633—634].

Таким образом, субъективное право выполняет в механизме правового регулирования, не одну, а целый ряд функций. Эти функции очень важны, так как без них невозможно никакое правовое регулирование, немыслима никакая юридическая регламентация социальной деятельности людей и их коллективов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Алексеев С. С.** Право : азбука — теория — философия : Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. — М. : Статут, 1999. — 712 с.

2. **Иоффе О. С.** Избранные труды по гражданскому праву : Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе. — М. : Статут, 2000. — 777 с.

3. **Малько А. В.** Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько. — М. : Юристъ, 2003. — 256 с.

4. **Матузов Н. И.** Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н. И. Матузов. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1972. — 290 с.

5. **Радько Т. Н.** Социальные функции советского права : учеб. пособие / Т. Н. Радько // Высш. следств. школа МВД СССР. — Волгоград : ИИ и РИО, 1971. — 167 с.

6. **Радько Т. Н.** Теория государства и права / Т. Н. Радько. — М. : Рос. академия адвокатуры, 2001. — 416 с.

7. **Фарбер И. Е.** Свобода и права человека в Советском государстве / И. Е. Фарбер. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1974. — 180 с.

8. **Шершеневич Г. Ф.** Общая теория права. Выпуск третий / Г. Ф. Шершеневич. — М. : Изд. Бр. Башмаковых, 1912. — С. 606.

9. **Явич Л. С.** О философии права на XXI век / Л. С. Явич // Правоведение. — 2000. — № 4. — С. 4—33.

Поступила 30.09.09.

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОТКАЗА ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

И. П. Гладышева

В статье предпринята попытка анализа возможных форм реализации юридического отказа как одного из феноменов, оказывающих эффективное политико-правовое и морально-психологическое воздействие на общественные отношения, продемонстрирована неоднородность форм законодательного закрепления юридического отказа и его практического воплощения в социальной действительности. Предложенная автором классификация форм юридического отказа позволяет выявить и сформулировать предложения по устранению технико-юридических дефектов института юридического отказа.

В России реформационные процессы последнего десятилетия направлены на реализацию идей формирования правового государства и становления гражданского общества. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 г. подчеркивается, что «созданные за эти годы (прямо скажем, по указанию „сверху") демократические учреждения должны укорениться во всех социальных слоях. Для этого, во-первых, нужно постоянно доказывать дееспособность демократического устройства. И, во-вторых — доверять все большее число социальных и политических функций непосредственно гражданам, их организациям и самоуправлению. Да, государство не может отказаться от ответственности в пределах его компетенции» [11].

В таких условиях для многих направлений социального развития открываются широкие возможности урегулирования общественных отношений с помощью разнообразных правовых средств. Одним из наиболее эффективных, радикальных по однозначности и высокоценных феноменов, при определенных условиях оказывающих эффективное политико-правовое и морально-психологическое воздействие на функционирование конкретных сфер общественных отношений, является юридический отказ. Он широко распространен в правовом пространстве, охватывает как субъекты социального общения, так и сопровождающие его многочисленные и многообразные явления и состояния. В связи с этим адекватный методологический анализ рассматриваемого явления немыслим без раскрытия классификационной специфики, дифференциации возможных либо реальных форм его проявлений. С учетом трудно переоцениваемой фундаментальной в плане развития законодательства в целом и сугубо прикладной, практической значимости классификации это не случайно [15]. Как один из главных инструментов социальной регуляции юридическая классификация сопровождает и всеобъемлюще пронизывает российское право на каждом этапе его развития [2; 5; 9]. Классификация позволяет обеспечить логичность и последовательность научного поиска, выявления и устранения технико-юридических дефектов института юридического отказа. Как отмечет М. В. Карасева, «в практической плоскости классификация обеспечивает научный подход в выборе форм и методов правового регулирования, в построении научного материала и т. д.» [3]. Более того, «правильно составленная классификация, отображая закономерности развития классифицируемых объектов, глубоко вскрывает связи между изучаемыми объектами и помогает исследователю ориентироваться в самых сложных ситуациях, служит основой для обобщающих выводов и прогнозов» [4].

Прежде всего отметим, что юридический отказ выступает одним из методов правового регулирования, позволяющих реализовать свободу каждого субъекта в выборе направлений и форм деятельности. Предоставление прав и возложение юридических обязанностей не должно рассматриваться как абсолютная, узаконенная данность. Каждый субъект вправе отказаться как от предоставленного ему права, так и от возложенной на него обязанности, от начатой им деятельности либо от ее продолжения и завершения. Отказ выступает формой правомерного поведения, разрешающей предотвращение наступления или развития многих негативных последствий. Например, такой характер имеет предусмотренный ст. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации добровольный отказ от преступления: «1. Добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом

© И. П. Гладышева, 2009

приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца.

2. Лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца» [14].

Отказ от реализации субъективного права есть показатель многомерности предоставленных правом возможностей. Отказ от права либо осуществляется под условием реализации другого права, либо выступает безальтернативным, безусловным поведенческим актом. Первая форма наиболее распространена в сфере договорных, прежде всего трудовых, отношений. Реформирование командно-административной системы позволило сформировать в России слой собственников, в том числе личного труда, свободно определяющих характер и содержание своей деятельности. Вполне понятно, что в современных условиях общемирового экономического кризиса, жесткой рыночной конкуренции необходима максимальная гибкость трудовых правоотношений, включающая и возможности их развития, и, в определенных ситуациях, — прекращения.

Изменчивость и непостоянство социальной действительности требуют подвижности всей системы правоотношений, максимально полного учета складывающихся реалий окружающей действительности. В связи с этим юридический отказ выявляет индивидуализированные начала, интересы, способности и возможности личности либо конкретного образования, способствует сочетанию экономических, политических и правовых условий, обеспечивающих устойчивое в длительной перспективе производство максимального количества социально значимых ресурсов наиболее эффективным способом.

Подобный подход крайне важен, в частности, в государственной сфере оказания социальных услуг отдельным категориям граждан. Здесь из-за недостатков общей государственной политики и ее законодательного отражения (отсутствия достаточного финансирования, неполноты законодательного обеспечения, противоречий полномочий и компетенции) возникает дополнительная социальная напряженность, снижению которой в определенной мере способствует грамотное использование гражданами права отказа от социальных услуг.

Так, ч. 2 ст. 6.5 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» закрепила порядок оплаты предоставления гражданину социальных услуг: «Сумма средств, направляемая на оплату предоставления набора социальных услуг (либо одной социальной услуги в случае, если гражданин воспользовался своим правом на отказ от предоставления одной из социальных услуг) и определяемая в соответствии с частью 1 настоящей статьи, удерживается из состава начисленной гражданину ежемесячной денежной выплаты, осуществляемой в соответствии с законодательством Российской Федерации» [7].

Иными словами, вычитаемая из денежного содержания сумма направляется на оплату услуг, фактически либо недоступных отдельным категориям граждан, либо некачественных. Согласно Письму Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития от 13 июля 2005 г. № 01И-342/05 «О ситуации с отказами граждан от набора социальных услуг» «основные причины отказов граждан от социального пакета:

1. Недостаточное внимание к медицинскому и лекарственному обеспечению жителей сельской местности со стороны всех участников процесса дополнительного лекарственного обеспечения.

2. Недостаточное количество пунктов отпуска и выписки в сельской местности. Таким образом, не выполняется основной принцип доступности обеспечения лекарственными средствами.

3. Невозможность по различным причинам получить лекарственные средства (дефектура, очереди в лечебно-профилактических учреждениях и аптеках)» [7].

По этой причине многие граждане воспользовались правом на замену получения социальной услуги денежным возмещением. Ч. 3 ст. 6.3 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» закрепила: «Гражданин, имеющий право на получение социальных услуг в соответствии с настоящим Федеральным законом, может отказаться от их получения, обратившись с заявлением в территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации, осуществляющий ему ежемесячную денежную выплату.

Допускается отказ от получения набора социальных услуг полностью, отказ от получения социальной услуги, предусмотренной п. 1 ч. 1 ст. 6.2 настоящего Федерального закона, и отказ от получения социальной услуги, предусмотренной п. 2 ч. 1 ст. 6.2 настоящего Федерального закона» [7].

Безусловный отказ от права закреплен, например, ст. 236 Гражданского кодекса Рос-

сийской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: «Гражданин или юридическое лицо может отказаться от права собственности на принадлежащее ему имущество, объявив об этом либо совершив другие действия, определенно свидетельствующие о его устранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество.

Отказ от права собственности не влечет прекращения прав и обязанностей собственника в отношении соответствующего имущества до приобретения права собственности на него другим лицом» [1].

Отказ от исполнения юридической обязанности также включает две разновидности. Альтернативный вариант в преобладающем числе случаев есть субъективная форма замены одной правовой обязанности другой. Ст. 59 основного закона РФ диктует, что «1. Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации.

2. Гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с федеральным законом.

3. Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой» [5].

В свою очередь в соответствии с конституционными положениями ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» дает определение: «1. Альтернативная гражданская служба — особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы по призыву».

Ст. 2 предписано: «Гражданин имеет право на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой в случаях, если:

а) несение военной службы противоречит его убеждениям или вероисповеданию;

б) он относится к коренному малочисленному народу, ведет традиционный образ жизни, осуществляет традиционное хозяйствование и занимается традиционными промыслами» [9].

Таким образом, альтернативная служба есть форма отказа от исполнения воинской обязанности.

Однако, если реализация альтернативных вариантов отказа от исполнения юридической обязанности определена, в отношении безальтернативных форм основной проблемой выступает наличие объективных критериев законности и обоснованности, препятствующих, во-первых, незаконному возложению юридических обязанностей, во-вторых, злоупотреблениям юридическим отказом.

В частноправовой сфере проблема безальтернативности отказа от исполнения юридической обязанности во многом решается договорным путем. Ст. 310 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ устанавливает: «Односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных законом. Односторонний отказ от исполнения обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, и одностороннее изменение условий такого обязательства допускаются также в случаях, предусмотренных договором, если иное не вытекает из закона или существа обязательства» [1].

Напротив, в публично-правовой сфере ввиду большей сложности согласования интересов участников правоотношений проблема безальтернативного отказа от юридической обязанности достаточно остра. Прежде всего необходима четкая нормативная регламентация процедуры оспаривания гражданином необоснованно или незаконно возлагаемых на него юридических обязанностей и отказа от них. Однако эти механизмы не отличаются системностью и непротиворечивостью.

Так, ст. 45 Таможенного кодекса Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ устанавливает: «1. Любое лицо вправе обжаловать решение, действие (бездействие) таможенного органа или его должностного лица, если такими решением, действием (бездействием), по мнению этого лица, нарушены его права, свободы или законные интересы, ему созданы препятствия к их реализации либо незаконно возложена на него какая-либо обязанность.

2. Отказ лица от права на обжалование решения, действия (бездействия) таможенного органа или его должностного лица недействителен» [12].

Таким образом, субъекты обязаны (а не вправе) защищать права от действий государственного органа, и отказаться от этого нельзя. При этом характер, степень вредоносности и иные обстоятельства устанавливаются по усмотрению гражданина. Между тем очевидно, что такая обязанность имеет публично-правовой характер и должна возлагаться на управомоченные государственные органы.

Необходимо учитывать и случаи непри-

менения (игнорирования) механизма юридического отказа государственными инстанциями. Так, неприменение соответствующими инстанциями отказа в призыве на военную службу вполне может быть признано фактором повышения преступности в армии. Не нужно особо доказывать и приводить примеры того, как из-за безответственности медицинских комиссий в российской армии служили наркоманы и алкоголики, психически нездоровые люди, многие из которых впоследствии совершили тяжкие воинские преступления.

Основы для реализации нормативных моделей и процедурных механизмов оспаривания гражданином возложения на него незаконной (необоснованной, «вредной») юридической обязанности заложены в Конституции России. Однако с учетом юридической природы данного правового акта многообразные частности остались в абстрактном изложении. Ст. 45 основного закона предоставляет гарантии защиты прав и свобод граждан, в том числе в случае возложения незаконных обязанностей, в весьма общем виде: «1. Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется.

2. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» [5].

Ст. 379 Трудового кодекса Российской Федерации определяет: «В целях самозащиты трудовых прав работник, известив работодателя или своего непосредственного руководителя либо иного представителя работодателя в письменной форме, может отказаться от выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором, а также отказаться от выполнения работы, которая непосредственно угрожает его жизни и здоровью, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом и иными федеральными законами. На время отказа от указанной работы за работником сохраняются все права, предусмотренные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права.

В целях самозащиты трудовых прав работник имеет право отказаться от выполнения работы также в других случаях, предусмотренных настоящим Кодексом или иными федеральными законами» [13].

Напротив, ст. 14 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ в вопросе закрепления механизма самозащиты гражданских прав отличается исключительной лапидарностью: «Допускается самозащита гражданских прав.

Способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения» [1].

Таким образом, рассмотренные выше формы проявления юридического отказа в правовом пространстве России не только подтверждают институциональность бытия феномена, но и демонстрируют специфическую неоднородность форм его законодательного закрепления и практического воплощения в социальной действительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 21 октября 1994 г. : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : введен Федеральным законом Российской Федерации № 51-ФЗ // СЗ РФ. — № 32. — Ст. 3301.

2. Древнерусское государство и право : учеб. пособие / Г. А. Кутьина, Т. Е. Новицкая, Н. А. Семилеркин [и др.] ; под ред. Т. Е. Новицкой ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, юрид. фак., каф. истории, государства и права. — М. : Зерцало, 1998 — 82 с.

3. **Карасева М. В.** Финансовое правоотношение / М. В. Карасева. — М. : НОРМА, 2001. — 283 с.

4. **Кондаков Н. И.** Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. — 2-е изд. — М. : Наука, 1975. — 720 с.

5. Конституция Российской Федерации // Парламент. газ. — 2009. — 23—29 янв.

6. **Лотман Ю. М.** Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство-СПб, 1994. — 399 с.

7. О государственной социальной помощи : Федеральный закон [от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ] // СЗ РФ. — 1999. — № 29. — Ст. 3699.

8. О ситуации с отказами граждан от набора социальных услуг : Письмо Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития [от 13 июля 2005 г. № 01И-342/05] // Бюл. нормативно-справоч. информации по надзору в сфере здравоохранения и социального развития. — 2005. — № 8.

9. Об альтернативной гражданской службе : Федеральный закон [от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ] // СЗ РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3030.

10. **Полубинский В. И.** Сыск на Руси / В. И. Полубинский // Журн. рос. права. — 1997. — № 1. — С. 170—175.

11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 г. // Рос. газ. — 2008. — 6 нояб.

12. Таможенный кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 25 апреля 2003 г. : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 14 мая 2003 г. ; введен Федеральным законом Российской Федерации № 61-ФЗ // СЗ РФ. — 2003. — № 22. — Ст. 2066.

13. Трудовой кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 21 декабря 2001 г. : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 26 декабря 2001 г. : введен Федеральным законом Российской Федерации № 197-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 1 (часть I). — Ст. 3.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 5 июня 1996 г. : введен Федеральным законом Российской Федерации № 64-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

15. **Чуманов Е. В.** Классификация в российском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Чуманов. — Н. Новгород, 2005. — 199 с.

Поступила 30.09.09.

ПРАВОВОЙ СТАТУС АКТОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. П. Назаров

Решения, принимаемые Общественной палатой Российской Федерации, в силу их правового статуса занимают особое место деятельности по ограничению государственной власти. В данной статье рассматриваются виды решений, принимаемых Общественной палатой, порядок их принятия. Цель данной работы — определить правовой статус актов Общественной палаты и выявить их соотношение с нормами права.

Общественная палата Российской Федерации издает различные по форме, содержанию, сфере действия и юридической силе акты. Согласно п. 1 ст. 17 Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» решения Общественной палаты, принимаемые в форме заключений, предложений и обращений, носят рекомендательный характер. Это означает, что подобные акты не имеют юридической силы нормативно-правового акта.

Как справедливо указал Комитет Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству в Заключении от 16 декабря 2004 г. «На проект Федерального закона № 118890-4 „Об Общественной палате Российской Федерации“», положение о рекомендательном характере решений Общественной палаты, принимаемых в форме заключений, предложений и обращений, является соответствующим организационно-правовой форме Общественной палаты.

Решения палаты можно отнести к правовым актам ненормативного характера, которые принимаются не органом государственной власти. Решения Общественной палаты не обладают признаком общеобязательности, характерным для нормативных правовых актов органов власти. Однако не стоит недооценивать акты палаты как инструмент, с помощью которого общественные институты приобретают возможность влиять на подготовку и принятие государственных решений [3].

Так, согласно п. 2 ст. 17 Закона «Об общественной палате» органы государственной власти, местного самоуправления или должностные лица, которым адресованы обраще-

© А. П. Назаров, 2009

ния Общественной палаты, обязаны проинформировать ее о результатах рассмотрения соответствующего обращения в течение 30 дней со дня его регистрации. В исключительных случаях этот срок может быть продлен, но не более чем на 30 дней, с соответствующим уведомлением Общественной палаты, что придает решениям особый статус.

Ключевое место в системе актов палаты занимают ее заключения по результатам экспертизы проектов нормативных правовых актов, поскольку, несмотря на рекомендательный характер заключений, они являются действенным инструментом обеспечения взаимодействия граждан Российской Федерации с органами публичной власти, позволяющим учесть их потребности и интересы при формировании и реализации государственной политики [3].

Указанные заключения подлежат обязательному рассмотрению соответствующими органами государственной, региональной власти и местного самоуправления. На заседания Совета Федерации, Государственной Думы и Правительства Российской Федерации, коллегий федеральных органов исполнительной власти приглашаются члены Общественной палаты, уполномоченные ее советом[1]. Решения палаты, принимаемые в форме заключений по результатам общественной экспертизы, не в обязательном порядке, но прямо или косвенно могут повлиять на принятие (или непринятие), а также на содержание нормативных актов. По мнению Е. А. Злобиной и А. А. Батяева, рекомендательный характер экспертного заключения Общественной палаты выглядит незаконченным, так как процедура его рассмотрения не описана в соответствующем законе[2].

Еще одной разновидностью актов Общественной палаты выступают запросы, направляемые ей, согласно ст. 24 указанного закона, в федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Федерации, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные организации. Запросы должны соответствовать целям и задачам палаты.

Перечисленные органы и организации обязаны предоставлять по запросам Общественной палаты необходимые ей для исполнения полномочий сведения, в том числе в виде документов и материалов, за исключением составляющих государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну.

Должностное лицо, которому направлен запрос Общественной палаты, обязано дать на него ответ не позднее чем через 30 дней со дня получения запроса, а в исключительных случаях, определяемых Общественной палатой, — не позднее чем через 14 дней. Ответ должен быть подписан либо должностным лицом, которому адресован запрос, либо исполняющим его обязанности.

Из анализа положений ст. 17 Закона «Об общественной палате» следует обратный вывод о том, что решения палаты, принимаемые в иных формах, нежели заключения, предложения и обращения, могут носить не рекомендательный, а обязательный характер [1]. К ним относятся, например, Регламент Общественной палаты и Кодекс этики членов Общественной палаты. Неверно говорить о схожести таких решений с нормативно-правовыми актами. Так, под нормативным правовым актом понимается изданный в установленном порядке акт управомоченного на то органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, устанавливающий правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение и действующие независимо от того, возникли или прекратились конкретные правоотношения, им предусмотренные [4]. Обязательные акты палаты не являются общеобязательными, их юридическая сила распространяется на ограниченный круг субъектов права — членов Общественной палаты. Кроме того, палата не является ни органом государственной власти, ни органом местного самоуправления, ни должностным лицом.

Оправданной видится позиция А. Г. Кутерсны, согласно которой большинство таких решений Общественной палаты можно отнести к правоприменительным актам, так как они обладают свойствами предписаний и являются обязательными для исполнения. Эти решения являются составной частью механизма правового регулирования общественных отношений в сфере осуществления палатой общественного контроля за деятельностью Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Федерации и местного самоуправления, а также за соблюдением сво-

---

[1] *Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации». Ст. 19. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

[2] **Злобина Е. А., Батяев А. А.** *Комментарий к Федеральному закону от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации». Ст. 19. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

боды слова в средствах массовой информации [2].

Таким образом, акты, принимаемые Общественной палатой, в силу особенностей ее организации и функционирования имеют особый правовой статус. Уникальность решений палаты состоит в их рекомендательном характере одновременно с наличием тех обязательных действий, которые закон предусматривает для адресатов таких решений.

Решения Общественной палаты, которые обладают признаком обязательности, являются по правовой природе не нормативно-правовыми актами, а актами правоприменения. Актов, порождающих новые нормы права или изменяющих уже существующие, Общественная палата не издает и издавать не вправе, поскольку правотворчество — монополия государственных органов, к которым она не относится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Борисов А. Н.** Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об Общественной палате Российской Федерации» / А. Н. Борисов. — М. : Юстицинформ, 2006. — 168 с.

2. Комментарий к Федеральному закону «Об Общественной палате Российской Федерации» (постатейный) / под ред. А. Г. Кучерены. — М. : Юстицинформ, 2007. — Ст. 17.

3. Научно-практический комментарий Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» и регламента Общественной палаты Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Гриба. — М. : Юристъ, 2006. — Ст. 17.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 января 2003 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». — П. 12.

Поступила 30.09.09.

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ КАК ГАРАНТИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Т. В. Худойкина, О. В. Садина

В статье анализируются существующие в юридической науке подходы к определению системы ювенальной юстиции, различные модели ювенальных судов и принципы их деятельности, отражаются недостатки современной российской правоприменительной политики в отношении несовершеннолетних. Ювенальная юстиция рассматривается как фактор, способствующий более эффективной охране прав и законных интересов лиц, не достигших совершеннолетия, предотвращению неисполнения ими юридических обязанностей.

Под гарантиями правового статуса принято понимать условия и средства, обеспечивающие реализацию и защиту субъективных прав и свобод, надлежащее исполнение юридических обязанностей. Применительно к правовому статусу несовершеннолетнего одним из таких факторов видится ювенальная юстиция, ставшая в последнее время предметом довольно оживленных дискуссий. В научных и публицистических работах нет единства мнений как о необходимости ее внедрения, так и о возможных направлениях ее развития. Например, М. И. Кольцов выступает против создания такой системы: «Тщательная проработка действующей системы наказаний помогла бы окончательно решить вопрос о нецелесообразности введения ювенальной юстиции в России»[1]. Негативно характеризуют «детское правосудие» и некоторые представители российского духовенства [20].

© Т. В. Худойкина, О. В. Садина, 2009

[1] **Кольцов М. И.** *К вопросу о необходимости введения ювенальной юстиции в России [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

Однако преобладающим является иной подход к оценке ювенальной юстиции. Актуальность ее внедрения в России подчеркивалась в рекомендациях парламентских слушаний, посвященных судебной реформе, состоявшихся 6 февраля 2001 г. на Всероссийской конференции неправительственных организаций «Гражданское общество — детям России» [4, с. 318]. За создание российской системы ювенальной юстиции высказываются Уполномоченный по правам человека в РФ В. Лукин, Председатель Верховного суда РФ В. М. Лебедев, глава Высшего Арбитражного суда РФ А. А. Иванов[2]. Учредить суды по делам несовершеннолетних рекомендует России и Комитет ООН по правам ребенка [5]. В поддержку ювенальной юстиции высказываются и многие ученые, занимающиеся исследованиями правового положения детей в России [1, с. 115; 4, с. 324; 6, с. 160; 7, с. 141]. Наконец практика действующих в порядке эксперимента в ряде субъектов РФ (в Москве, Санкт-Петербурге, Саратовской, Ростовской областях) судов для несовершеннолетних также подтверждает: «Он [детский суд] оказался эффективным инструментом борьбы с преступностью и охраны прав несовершеннолетних» [1, с. 105; 11, с. 6; 14, с. 44; 16, с. 53].

Соглашаясь с необходимостью воссоздания в России ювенальной юстиции, правоведы по-разному «моделируют» ее. Одни авторы рассматривают ювенальную юстицию как судебную систему, осуществляющую правосудие по делам о несовершеннолетних и имеющую задачи судебной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних и судебного разбирательства дел о правонарушениях и преступлениях несовершеннолетних (ст. 1 законопроекта Э. Б. Мельниковой и Г. Н. Ветровой «О ювенальной юстиции в Российской Федерации») [10, с. 32]. По мнению других, например И. И. Мартинович [8, с. 49], система ювенальной юстиции объединяет ювенальные суды, ювенальную прокуратуру и адвокатуру, службу квалифицированных психологов, социальных работников и иных специалистов, а также специальные воспитательные и пенитенциарные учреждения для несовершеннолетних. Третьи определяют ювенальную юстицию как совокупность правовых механизмов, медико-социальных, психолого-педагогических и реабилитационных, а также иных процедур и программ, предназначенных для обеспечения наиболее полной защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, а также лиц, ответственных за их воспитание; реализуемых системой государственных и негосударственных органов, учреждений и организаций (ст. 1 проекта закона «Основы законодательства о ювенальной юстиции в Российской Федерации», подготовленного группой авторов во главе с В. Д. Ермаковым)[3].

В. В. Кулапов отмечает, что ювенальная юстиция является подотраслью уголовного процессуального права [6, с. 134]. В то же время С. В. Черчага указывает, что к рассмотрению судебным составом по делам несовершеннолетних Таганрогского городского суда (ювенального суда) отнесены уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних и гражданские дела, связанные с защитой прав несовершеннолетних (лишение родительских прав; установление факта признания отцовства; определение места жительства ребенка и порядка общения с ним; защита имущественных и неимущественных прав несовершеннолетних) [19].

Очевидно расхождение авторов, во-первых, в определении состава элементов ювенальной юстиции: от исключительно судебных инстанций до весьма широкого круга субъектов, включая неправительственные организации; во-вторых, в предмете юрисдикции детских судов: от рассмотрения и разрешения только уголовных дел, в которых несовершеннолетний выступает обвиняемым или потерпевшим, до разрешения административных и гражданских дел, в которых несовершеннолетний является одной из сторон или участвует как третье лицо. В первом случае неоднозначность вполне объяснима некоторой «размытостью» понятий «юстиция» и «правосудие». В толковых словарях юстиция определяется как «система судебных учреждений, а также сфера их деятельности» [12, с. 903]; правосудие, система судебных учреждений, судебное ведомство [15, с. 611]. Термин «правосудие» обозначает «деятельность судебных органов», а также «справедливое решение дела, спора» [12, с. 567].

Что понимать под судебными учреждениями? Законодательство Российской Федерации таким понятием не оперирует. Что составляет «сферу деятельности судебных учреждений» — только рассмотрение и разрешение дел по искам и жалобам заинтересованных лиц или и сфера подготовки к рассмотрению дел и реализации принятых судебных решений? Эти вопросы пока остаются открытыми.

---

[2] **Тетюев С. В.** *Ювенальные суды: каким им быть в России? [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

[3] **Тетюев С. В.** *Указ. соч.*

Основным аргументом для широкого толкования понятия «ювенальная юстиция» выступает недопустимость обособленности ювенальных судов. «Детское правосудие» может быть эффективным только при условии тесного сотрудничества судебных инстанций с многообразными вспомогательными организациями и структурами, в том числе институтами гражданского общества [6, с. 134—135]. Вместе с тем нельзя не согласиться с Н. Е. Борисовой в том, что «расширение предмета ювенальной юстиции... уводит в сторону от ее собственно юридической природы и не способствует наиболее полному теоретическому осмыслению проблемы» [4, с. 328].

Что касается определения юрисдикции ювенальных судов, то здесь необходим дополнительный анализ зарубежного и российского опыта их функционирования. Впервые в истории специальный суд по делам несовершеннолетних был создан 2 июля 1899 г. в Чикаго (США, штат Иллинойс). Вскоре подобные учреждения стали действовать во многих странах мира (в Египте и Ирландии — с 1904 г., в Нидерландах — с 1905 г., в Германии и Австралии — с 1907 г., в Канаде, Италии, Австрии, Англии и Уэльсе — с 1908 г., в Швейцарии — с 1911 г., во Франции — с 1914 г., в Испании — с 1918 г., в Японии — с 1923 г., в Греции — с 1924 г.) [9, с. 34—36].

Системы ювенальной юстиции разных государств отличаются по ряду признаков, исследование которых позволяет говорить о трех моделях организации специализированных ювенальных органов правосудия в мире: семейных судах, судах по делам несовершеннолетних и специальных судебных коллегиях общих судов[4].

Семейный суд рассматривает все вопросы, касающиеся подростка-правонарушителя, равно как и нуждающегося в заботе, защите и контроле, в том числе проблемы применения санкций в отношении законных представителей несовершеннолетнего за недобросовестное исполнение родительских обязанностей, за злоупотребление родительской властью; решает имущественные споры детей и родителей, иные вопросы гражданского судопроизводства. Разбирательство дел о правонарушениях несовершеннолетних входят в компетенцию некоторых видов семейных судов и увязывается с рассмотрением вышеперечисленных семейных и гражданско-правовых вопросов.

Вторая модель предполагает создание единой автономной системы ювенальных судов с комплексной юрисдикцией, как, например, в дореволюционной России. В то время в ведении суда находились дела трех категорий: о преступлениях, совершенных несовершеннолетними; о преступлениях, в которых несовершеннолетние выступали потерпевшими; связанные с невыполнением родительских обязанностей, с детской беспризорностью и иные [3, с. 135—136].

Согласно ст. 1 проекта Закона «О ювенальных судах в Российской Федерации», предложенного общественными организациями, ювенальные суды создаются для рассмотрения и разрешения дел, в которых несовершеннолетний является подсудимым либо потерпевшим (уголовные, административные) или одной из заинтересованных сторон (гражданские) [17]. В данном законопроекте также предусматривается создание автономной ювенальной юстиции с комплексной компетенцией.

В то же время Д. Н. Бахрах замечает, что при обсуждении вопроса формирования специализированных судов, в том числе ювенальных, не обязательно говорить о создании автономных судебных учреждений — может быть достаточно специализации судей [2, с. 11].

Полагаем, при выборе между указанными моделями во многом следует руководствоваться финансовыми возможностями государства, но в любом случае необходимо вести речь о суде комплексной юрисдикции. Такой позиции придерживаются и судьи тех субъектов Федерации, где в порядке эксперимента реализуется проект программы развития ООН «Поддержка осуществления правосудия по делам несовершеннолетних в Российской Федерации» [13, с. 114; 19].

Теоретическим фундаментом для создания ювенальных судов стала «модель благосостояния» (welfare model), акцентирующая внимание не на правонарушителе, а на факторах, спровоцировавших нарушение закона и не зависящих от правонарушителя (например, на потребностях, условиях жизни несовершеннолетнего). Существует и модель, противоположная названной, — «модель правосудия» (justice model), в соответствии с которой первична ответственность за совершенные противоправные деяния.

Сегодня зарубежные суды, как правило, стараются сочетать обе модели. При этом некоторые государства, например Канада, Новая Зеландия, США, Англия, отказываются от приоритетного использования «модели благосостояния», поскольку считают, что она

[4] **Тетюев С. В.** *Указ. соч.*

способствует росту детского рецидива [7, с. 132].

При создании первых судов для несовершеннолетних были выдвинуты два основных требования:

а) специализация процесса (слушание дел в особых помещениях, отдельно от рассмотрения взрослых подсудимых, отделение несовершеннолетних от взрослых в местах предварительного заключения, выделение для слушания таких дел специализированного судьи);

б) упрощение судопроизводства (придание ему неформального характера в целях сокращения негативного влияния на несовершеннолетнего процедуры рассмотрения дела в суде) [1, с. 102—103; 6, с. 140—142].

В литературе приводится более широкий перечень исходных начал ювенальной юстиции:

— преимущественно охранительная ориентация;

— воспитательное воздействие;

— социальная насыщенность (наличие «непрофессионального элемента»);

— максимальная индивидуализация;

— конфиденциальность судебного процесса.

Реализация данных принципов призвала содействовать наиболее эффективной охране правового статуса несовершеннолетнего, предотвращению дальнейшей криминализации правонарушителя, не достигшего совершеннолетия, его социальной реабилитации. Однако не следует забывать, что гипертрофированность охранительной ориентации и индивидуализации судебного процесса при минимизации формальности процедуры может повлечь за собой многочисленные злоупотребления и несогласованность судебной практики в нарушение прав и законных интересов детей [6, с. 143, 145].

Действующая судебная система России далеко не в полной мере отвечает перечисленным требованиям. Сегодняшний «детский процесс» несовершенен: нормы международного права в нем пока не укрепились, и отношение как к воспитательной и охранительной процедуре не сформировалось. В научных работах [1, с. 111—112; 18] называются следующие изъяны современной российской политики и правосудия в отношении несовершеннолетних:

— преобладание карательной функции;

— неразветвленность судебных решений;

— инерционность судебного процесса;

— незначительность участия общества в ресоциализации несовершеннолетнего правонарушителя;

— неразвитость социальной профессиональной инфраструктуры;

— недостаточность усилий власти для исправления сложившейся ситуации.

Устранению указанных недостатков и оптимизации правового положения несовершеннолетнего в Российской Федерации может поспособствовать целостная (общегосударственная) система ювенальной юстиции, основанная на квалифицированной деятельности специализированных судов, неразрывно взаимосвязанных с органами, осуществляющими профилактику правонарушений несовершеннолетних, при разумном и ответственном сочетании охранительной и карательной ориентации правосудия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Абрамов В. И.** Права ребенка в России (теоретический аспект) / В. И. Абрамов ; под ред. Н. И. Матузова. — Саратов : Изд-во ГОУВПО «Сарат. гос. академия права», 2005. — 312 с.

2. **Бахрах Д.** Нужна специализация судей, а не судов / Д. Бахрах // Рос. юстиция. — 2003. — № 2. — С. 10—15.

3. **Беляева Л.** Особые суды по делам несовершеннолетних в России / Л. Беляева // Социалист. законность. — 1990. — № 11. — С. 71—73.

4. **Беляева Л.** Отечественный опыт правосудия в отношении несовершеннолетних (начало XX в.) // Журн. рос. права. — 2003. — № 1. — С. 134—138.

5. **Борисова Н. Е.** Конституционные основы правового положения несовершеннолетних в Российской Федерации : проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук / Н. Е. Борисова. — М., 2004. — 379 с.

6. Заключительные замечания Комитета ООН по правам ребенка по третьему периодическому докладу Российской Федерации о реализации Конвенции по правам ребенка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.fw.ru/Analytic/Reports/OON%201.htm. — Загл. с экрана.

7. **Кулапов В. В.** Защита субъективных прав и законных интересов детей в Российской Федерации (вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Кулапов. — Саратов, 2004. — 238 с.

8. **Лобанова Т. В.** Правовое положение ребенка в России и Великобритании (Англии) : теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук / Т. В. Лобанова. — Уфа, 2006. — 171 с.

9. **Мартинович И.** В Беларуси созрели предпосылки создания ювенальной юстиции / И. Мартинович // Рос. юстиция. — 2002. — № 8. — С. 48—52.

10. **Мельникова Э. Б.** Ювенальная юстиция : проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии : учеб. пособие / Э. Б. Мельникова. — М. : Дело, 2000. — 272 с.

11. **Мельникова Э.** Российская модель ювенальной юстиции (теоретическая концепция) / Э. Мельникова, Г. Ветрова // Правозащитник. — 1996. — № 1. — С. 22—41.

12. **Наумов П. Ф.** Ювенальные суды в Российской Федерации / П. Ф. Наумов // Рос. судья. — 2008. — № 2. — С. 4—6.

13. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / РАН ; Рос. фонд культуры. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : АЗЪ, 1994. — 928 с.

14. **Машкова Л. Г.** Создание элементов ювенальной юстиции в Саратове : цели, результаты, перспективы / Л. Г. Машкова, Н. Г. Литвишко // Закон. — 2003. — № 12. — С. 114—115.

15. **Саченко А.** Предпосылки введения в регионе ювенальной юстиции / А. Саченко // Законность. — 2007. — № 1. — С. 44—47.

16. Словарь иностранных слов. — 18-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 1989. — 624 с.

17. **Тетянников Ю. А.** Создание ювенальной юстиции и комиссия по делам несовершеннолетних в Российской Федерации : перспективы развития / Ю. А. Тетянников // Ювенальная юстиция в Российской Федерации : правовые основы и перспективы. Материалы науч.-практ. конф. и круглого стола / сост. О. В. Волох, Е. В. Безвиконная. — Омск, 2005. — С. 51—57.

18. Федеральный конституционный закон «О ювенальных судах в Российской Федерации» (законопроект предложен общественными организациями) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.detirossii.ru/12968.php. — Загл. с экрана.

19. **Ханнанашвили Н. Л.** О некоторых системных замечаниях, возникших из бессистемного чтения о восстановительном правосудии [Электронный ресурс] / Н. Л. Ханнанашвили. — Режим доступа: http://www.nan.ru/?f=uu/stat_uu/&p=2. — Загл. с экрана.

20. **Черчага С. В.** Становление ювенальной юстиции в Ростовской области (вопросы гражданско-процессуального законодательства) [Электронный ресурс] / С. В. Черчага. — Режим доступа: http://www.rostoblsud.ru/to_3524582. — Загл. с экрана.

21. Ювенальная юстиция как преемница методов Павлика Морозова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.bestreferat.ru/referat-100083.html. — Загл. с экрана.

Поступила 30.09.09.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ («ПРАВОВАЯ ИНЖЕНЕРИЯ»): МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ, ПРИРОДА, СООТНОШЕНИЕ С ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКОЙ, СТАТУС В СИСТЕМЕ ПРАВОВЕДЕНИЯ

В. И. Червонюк

В статье акцентируется внимание на необходимости достижения такого уровня развития юридических технологий, при котором обеспечивается взаимосвязь научной теории и профессиональной практической деятельности в сфере права и политики в контексте ориентиров прогрессивного движения государства, определенных в стратегических направлениях преобразования современной России. Технологизация общества рассматривается как необходимое условие эффективного действия права. Определены сферы возможного использования юридических технологий, их разновидности и функции, составляющие компоненты. Обращается внимание на необходимость разграничения юридических техники и технологий. Предлагается выделить в системе юриспруденции особую отрасль научного правового знания — прикладную юриспруденцию (техноправо).

Утверждение о том, что наука только тогда имеет шансы быть полезной обществу, служить прогрессу, если имеет реальные выходы в общественную практику и ее выводы и положения воплощаются в современных технологиях, применительно к правовой сфере может восприниматься как аксиоматичное. Совместимость технологий с практикой, перевод технологического знания в практическую плоскость придают деятельности (поведению, действиям, поступкам) рациональный, программируемый характер, позволяя достигать необходимого результата с минимальной затратой людских и материальных ресурсов, высвобождая время и силы для решения новых задач. Поэтому показательно, что в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию технологизация представлена как важнейший фактор (основа) модернизации страны.

В числе пяти приоритетных задач определены: внедрение новейших медицинских, энергетических и информационных технологий, медицинской техники, технологий и фармацевтики, новых технологий профилактики и лечения; внедрение технологий сверхпроводимости, призванных кардинально изменить всю сферу производства, передачи и использования электроэнергии; развитие космических технологий (в том числе ГЛОНАСС), телекоммуникаций, ядерных технологий; разработка новых технологий предоставления цифровой картографической информации высокой точности; развитие стратегических и информационных технологий. Отмеченные в Послании пять стратегических направлений технологической модернизации, являясь приоритетными, не исчерпывают перечень государственных задач в данной сфере. Если шире, то, как следует из выступления Д. А. Медведева, «речь идет о создании современного технологического центра, если хотите, по примеру „силиконовой долины“, результатом чего должны быть «новые конкурентоспособные на мировом рынке технологии». Поставлена задача «сконструировать так называемое „умное“ здание, то есть современное, где предусмотрены технологии обучения, укрепления здоровья, обеспечения школьников нормальным, качественным питанием, горячим питанием». Кроме того, ставится задача продолжить и активизировать работу по «технологическому обеспечению» политической конкуренции [12]. В сфере действия права, где поступки людей ориентированы на закон и в этом смысле должны быть предсказуемыми, применение технологий приобретает не только оптимально ожидаемый, но и социально ценностный характер.

Если социальные технологии есть «элемент механизма управления» и «средство перевода абстрактного языка науки... на конкретный язык... достижения поставленных целей» [2, с. 235; 5, с. 27 и далее; 14, с. 19—26], то правовые технологии в самом общем виде представляют собой компонент механизма действия права, рационализирующий перевод установлений права в фактическую правомерную деятельность участников регулируемых им (правом) отношений. Назначение правовых технологий в том, что они позволяют перевести право из знаковой системы в

© В. И. Червонюк, 2009

фактическую реальную жизнь, обеспечивая тем самым выполнение правом общесоциальной миссии — служения инструментом цивилизованного и результативного достижения социальным субъектом жизненных целей. Являясь активным, деятельным началом в системе факторов изменения и развития общества, право с полным основанием может быть признано социальной технологией. Замечание профессора С. С. Алексеева о том, что признание права «социальной технологией» правоведения оправдано в том случае, если сохраняется высокозначимый статус правоведения [1, с. 32], очевидно, следует принять к сведению. Иными словами, какое бы значение мы не придавали технологизации, это лишь один из аспектов усиления действия права, достижения желаемого эффекта. Абсолютизация данного феномена действительно повлечет утрату правоведением «высокозначимого статуса», той социальной роли, при которой право и есть общесоциальная ценность. В социально-философском контексте правовые технологии рассматриваются как способ преобразования правовой действительности, нахождения рациональных механизмов экспансии права в социальную практику, как научная основа конструирования правовой системы [20, с. 178]. Наука права, признающая объектом анализа правовые технологии, реализует конструктивно-прагматическую функцию. В этом смысле и теория (наука) права, будучи обращенной к практике, действительно выступает не только методом ее познания, но и активной преобразующей силой в социально желательном направлении.

В первом приближении юридические технологии [17, с. 48—49] (от греч. techne — «искусство, мастерство, умение» и logos — «учение»), или «правовая инженерия», есть применение апробированных практикой научно обоснованных рациональных юридических средств, процедур и способов (методов) внедрения (экспансии) права в сознание (психику), поведение и деятельность отдельного индивида и социальных общностей [18]; это некий объем знаний, которые можно использовать в различных юридических производствах, в организации правового поведения участников регулируемых правом отношений.

В этом значении юридические технологии представляют собой рациональное применение субъектами государственно-правовой деятельности юридических процедур, технико-юридических приемов, средств (инструментария юридической техники) для формирования эффективных социальных институтов, а равно конструирования эффективных социально-правовых структур (законодательства, института судебной власти), учреждения действенного механизма реализации и применения права, разрешения юридических конфликтов и споров, оптимального и целесообразного использования государственно-правового принуждения и т. д. В указанном смысле правовые технологии — это способ преобразования правового «вещества», или «энергии», права, правовой информации в процессе осуществления юридически значимой деятельности органами государства и их должностными лицами (иными властными субъектами права); они (юридические технологии) обслуживают юридическую практику, обеспечивают ее действенность, а посредством этого — достижение социально полезных результатов в профессионально-юридической деятельности.

Юридические технологии, как любое используемое в современном мире явление, отличаются мультифункциональностью и их следует рассматривать как составную часть научной теории (учения) и одновременно как искусство рационального использования правового инструментария в интересах всего общества или определенных социальных сил: правовая технология — это одновременно научная дисциплина, разрабатывающая и совершенствующая способы и инструменты юридического производства, и совокупность параллельно или последовательно выполняемых операций и процедур, применяемых в процессе реализации права, организации правового поведения и деятельности компетентных органов и должностных лиц с использованием различного инструментария, в особенности правовых средств и методов. В этом смысле юридические технологии охватываются содержанием юридической политики государства в ее концептуально-теоретическом и практическом выражении. Точнее, юридическая технология как проявление прагматической (практической) функции теории права является своего рода симбиозом науки о праве и политики права, это система знаний об оптимальных способах преобразования и регулирования социальных отношений и процессов, а также практика алгоритмического применения оптимальных способов преобразования и регулирования действия и поведения людей в правовой сфере. Юридические технологии поэтому могут быть представлены как способы применения теоретических выводов юридической науки для достижения целей и задач правовой политики; это выраженный в проектной форме синтез правовых знаний, а также практического опыта, позво-

ляющего оптимизировать юридический процесс с экономией затрат труда, энергии, нормативных, индивидуально-правовых (в особенности охранительно-принудительного свойства), иных ресурсов и социального времени.

С теоретико-методологической точки зрения в юридических технологиях целесообразно выделять две составляющие (формы): а) программы, содержащие набор средств, способов, процедур и операций (как способы и средства правовой деятельности); это социотехнический инструментарий технологий; б) правовую деятельность, построенную в соответствии с такими программами; это разносоставные компоненты, которые взаимозависимы, но значительно отличаются по содержанию. При этом каждая из составляющих имеет определенную композицию. Не вдаваясь в подробный анализ, можно сказать, что инструментарий юридической техники в указанном смысле включается в содержание первого блока компонентов.

Юридические технологии применяются в различных областях правовой жизни общества: в сфере правотворчества, особенно в законодательном процессе (*законодательные технологии*), в правоприменении (*правоприменительные технологии*), в юрисдикционной деятельности при разрешении юридических конфликтов и споров, при толковании и систематизации права, в правовоспитательном процессе, в правовом образовании и обучении. Юридические технологии могут быть предусмотрены (и регламентированы) законодательством или выступать выражением правового (политического) опыта, не зафиксированного законом, но являющегося правовым обыкновением; могут быть как согласованы с законом, так и находиться в противоречии с ним. Разнообразны субъекты применения юридических технологий, временные параметры (традиционные и современные, новейшие технологии), содержание и направленность (консервативные и радикальные, прогрессивные и регрессивные технологии), соотносимость с наукой (научно обоснованные (рациональные) и применяемые на эмпирическом уровне, интуитивно (нерациональные технологии)), характер новизны (инновационные и традиционные технологии). Правомерна классификация по сферам, объектам правовой деятельности, уровням применения, получаемому результату и т. д. В специальной литературе чаще типично деление юридической технологии в зависимости от области юридической практики (правотворческая, правоприменительная, правосистематизирующая, интерпретационная).

Обобщенной выглядит классификация правовых технологий, которая может быть предложена в соответствии циклами действия права. В этом случае выделяются правовые технологии в сфере воздействия права (разнообразные правотворческие технологии, в особенности законодательные), его восприятия (вероятно, наименее разработанные в отечественной науке), а также осуществления права (правоприменительные, юрисдикционные, в сфере оперативно-исполнительной деятельности и др.) и обеспечения правопорядка (технологии обеспечения правомерного поведения, включая технологии поведения граждан в ситуации нарушения их прав; технологии разрешения юридических споров, включая технологии разрешения таких споров альтернативными способами и так называемые «примирительные» технологии; разнообразные правовые инфотехнологии в сфере обеспечения безопасности личности и государства и др.). Каждая из выделенных групп в свою очередь подлежит последующей классификации. В частности, к ним применимо деление на традиционные и инновационные. В связи с этим среди возможных технологий, которые возможно применять в сфере восприятия права, особую роль играет внедряемая в последние годы в законотворческую практику зарубежных стран нейролингвистическая юридическая технология, которая затрагивает вопросы совершенствования языка закона, его мотивационного воздействия на человека. В законотворческой практике зарубежных стран, например Франции, Канады, проект закона разрабатывается при помощи юристов-лингвистов [16]. Подобный закон более понятен массам и вызывает положительную реакцию уже во время введения в действие. Такое направление развития юридической технологии особо актуально для современной отечественной законодательной деятельности, так как соответствует правовой ментальности граждан.

Выясняя сущностные характеристики правовых технологий, сферы их возможного приложения в области действия права, не следует забывать, что правовые технологии действительно призваны оптимизировать поведение в сфере действия права, но этим их значение не исчерпывается, не сводится к набору операций по применению средств (ресурсов). В юридической литературе доминирует именно этот аспект правовых технологий. В частности, юридическую технологию определяют как порядок применения и использования методов и приемов по подготовке и принятию юридического решения (акта) как итога юридической деятельности (Н. А. Власенко); совокупность приемов и способов использования

средств юридической техники и знаний об этих приемах и способах (К. Н. Княгинин); основанный на определенных принципах, планах и прогнозах процесс подготовки, оформления и обнародования разнообразных правовых решений (актов), в ходе которого используются необходимые средства, приемы, способы и методы юридической деятельности (в первом смысле), и как науку, систему знаний о средствах, способах и методах наиболее эффективной и планомерной юридической практики (во втором смысле) (В. Н. Карташов, С. В. Бахвалов). Между тем «основной смысл правовой технологии заключается в ее конструктивно-прагматической функции, в методах изменения и формирования права и правовой системы общества, придания этой системе эффективности и рациональности» [20, с. 180]. В указанном смысле правовая технология — это система методов, способов и процедур эффективного и рационального конструирования правовых институтов и правовой системы [20, с. 178].

Очевидно, и по этой причине необходимо внимательно отнестись к выводам теоретиков права о том, что по составу предмет правовой технологии не сводим к средствам и процедурам. Он обладает сложной структурой, включая: а) методы познания конкретной правовой реальности, микросоциально-правового пространства, методы познания специфических для этого пространства закономерностей и социально-правовых взаимосвязей; б) систему методов, способов и процедур конструирования, т. е. построения и изменения правовой действительности, правовых систем и институтов; в) систему мер, направленных на использование общественных и правовых институтов как средств для решения поставленных задач — для создания эффективных и рациональных правовых структур в различных сферах формирования правовой реальности [18, с. 175]. Безусловно, присутствующая здесь философичная описка «состава» правовых технологий требует операционализации, придания ей специально-юридического контекста. Однако значимость отстаиваемого подхода к пониманию рассматриваемого феномена данной оговоркой не умаляется. В широком философско-юридическом смысле правовые технологии выступают способом преобразования правовой действительности, механизмом «насыщения» правом социального пространства.

Понимание истинной природы юридических технологий предполагает хотя бы самую общую оценку данного феномена в соотношении с понятием «юридическая техника». Несомненно, такой анализ важен как в научном, так и в практическом значении. Об остроте данной проблемы свидетельствует разгоревшийся на международном научно-методическом семинаре в Нижнем Новгороде, проходившем 24—25 сентября 2009 г., спор, в ходе которого обнаружились разные подходы в вопросе соотношения этих фундаментальных понятий. Впрочем, и за пределами конференц-зала уже давно обозначились несовместимые позиции.

Так, автор нескольких работ по проблемам юридической техники Т. В. Кашанина исходит из того, что «по своей структуре юридическая техника состоит из двух частей: собственно юридическая техника и юридическая технология» [8, с. 89; 9, с. 27 и далее]. При множестве нюансов сходных взглядов придерживается целая группа авторов: В. М. Сырых [13], Ю. А. Тихомиров [15] и др.

Менее распространенный подход, в соответствии с которым юридическая техника понимается в узком (собственно юридическая техника или «средства (техника) выражения законодательной воли в тексте закона)» и в широком значении, т. е. в значении «технология», включающем в том числе отношения, связанные с подготовкой законопроекта [10].

В представлении иных авторов, в частности Л. А. Барышевой, юридическая технология, напротив, полностью «отчуждена» от технико-юридического инструментария; если речь идет о законодательной технологии, ее «следует распространить на околозаконотворческую деятельность, которая реализуется с помощью неюридических средств, способов, методов, но в то же время имеет предметом своего воздействия правовой акт (законопроект)...» [Цит. по: 11].

Наиболее распространен взгляд, согласно которому правовая технология охватывает содержанием юридическую технику [7, с. 12; 3, с. 22 и далее]. Полагаем, применение технологий действительно связано с широким привлечением технико-юридического инструментария, но их сопоставление по объему не вполне корректно. Это разнопорядковые правовые феномены, имеющие разное целевое назначение. При этом правовой технолог нередко не ограничивается только технико-юридическим инструментарием и даже «обходится» без него, например, в технологиях согласования интересов в законодательной деятельности или в технологиях лоббирования интересов. В связи с этим сведение правовых технологий только к применению юридико-технического инструментария значительно упрощает проблему.

Юридическая технология — это не только особое препарирование техникой права,

но и комбинирование правовыми средствами [4; 17, с. 320—327] в профессиональной юридической деятельности.

При этом технологически одно и то же правовое средство может использоваться в различных тактических схемах, что в конечном счете позволяет достичь необходимого эффекта. Так, ст. 89 Конституции Франции 1958 г. предусматривает участие главы государства в процедуре частичного пересмотра Конституции страны, наделяя его правом (конституционно-правовым средством) передавать принятый палатами национального парламента (Национальным собранием и Сенатом) текст конституционной поправки на референдум или на утверждение Конгресса либо же сразу санкционировать решение парламента. Возможность распорядиться таким правом находится всецело на усмотрении главы государства. При различной политической ситуации в стране президент может применять различные схемы (тактические варианты) поведения. Если он и большинство в парламенте принадлежат к одной партии, то такое решение, скорее всего, сразу же получает одобрение. В ином случае (при разнообразном составе парламента) президент поступает вопреки воле легислатуры. Именно это происходило в случае с принятием парламентом страны поправки о сокращении президентского срока (в первоначальной редакции Конституция 1958 г. устанавливала срок в 7 лет). Неоднократно принимаемые парламентом решения о сокращении конституционного срока с 7 до 5 лет не получали одобрения президента. Таким образом, тактический прием (действие) позволяет ему добиваться необходимого результата. Только в 1999 г., со сменой политического «расклада», такое согласие было достигнуто.

Так же обстоит дело с возможностью президента Франции направлять в Конституционный совет по своему усмотрению принятые парламентом обычные законы. Поскольку во Франции применяется так называемая предварительная (репрессивная) форма конституционного контроля, президент обязан все без исключения принятые парламентом и направленные ему органические законы передать на рассмотрение Конституционного совета. Конституция предоставляет ему право самостоятельно определять, какие из них должны быть подвергнуты контролю на предмет конституционности (ст. 10, 61). Таким образом, на конституционном уровне предусмотрены технологии влияния главы государства на законодательный процесс, а если шире — то на позицию парламента в законодательной деятельности. Это обстоятельство не всегда учитывается в специальной литературе. На этом основании презюмируется весьма спорное утверждение о том, что «юридическая техника есть классическая часть правовых технологий» [16].

Конечно, в определенном смысле юридическую технику можно рассматривать как составляющую юридических технологий, их «материальную часть». Если с формально-юридической точки зрения правовые технологии — это совершаемые для получения определенного социального результата действия, то юридическая техника представляет собой набор технико-юридических средств, приемов, в том числе при помощи которых такие действия осуществляются; это средства, приемы выражения посредством языка в законодательном тексте или в тексте иного нормативного или ненормативного правового решения идеи, смысла права; это техника составления юридического документа, а равно оформления принятого юридического решения в правовом акте.

С рассматриваемых позиций, казалось бы, не возникает затруднений относительно уяснения соотношения правовых технологий и юридической техники. В строго практическом значении правовую (как и всякую иную) технологию образует некая сумма и определенная последовательность операций, при том, что все операции расставлены в нужном порядке и выпадение любой из них делает схему (технологическую цепочку) бессмысленной. Технологией в указанном значении можно обозначать юридически значимые действия, процедуры по их выполнению, технолого-юридические требования, правила, применяемые в этой связи. Все эти операции, направленные на достижение правового результата, правомерно квалифицировать правовой технологией, или *технолого-юридическим процессом*. Таким образом, правовая технология — это совокупность параллельно или последовательно выполняемых операций и процедур, применяемых в процессе реализации права, организации правового поведения и деятельности компетентных органов и должностных лиц с использованием различного инструментария, в особенности правовых средств. Значит, «состав» правовой технологии отнюдь не сводится к технике права. Правовая технология представляет собой синтез теоретического, прикладного и процессуального, как единство теоретических положений, прикладных положений и механизма их реализации в конкретной среде, во времени и пространстве.

В сравнении с «консервативной» юридической техникой правовая технология отли-

частся необычайным динамизмом, подвержена множеству факторов внутрисистемного и метаюридического свойства. Юридическая техника все же отличается универсальностью, технико-юридический арсенал права одинаково «успешно» проявляет себя вне зависимости от типа правовой семьи (лишь мусульманская правовая семья сохраняет присущую ей самобытность).

С этой точки зрения ошибочно и не соответствует современным правовым реалиям систем общего права утверждение о том, что «...аналитическая, анатомическая проработка той или иной ситуации — это в основном удел романо-германского права, непосредственно воплотившего культуру римского права. Для прецедентного права, американской правовой системы в особенности, главными являются суд, его деятельность, лежащие в ее основе факторы, причем не юридические, а моральные, деловые, психологические и т. д. В правовом настрое юристов этих стран на первом месте не требования аналитической юриспруденции, а «реалистические» и «социологические» подходы, относящиеся к психологии, поведенческим критериям» [1, с. 11]. Логично было бы заключить, что значение техники в англо-американском праве не существенно, технологии, напротив, имеет безусловный примат. Однако специально-юридические, технико-юридические в том числе, факторы для судов этой группы стран имеют принципиально важное значение. Предоставляемая судебным органам широкая свобода усмотрения, нередко ассоциируемая с дискреционностью полномочий, не только базируется на высокой профессионально-правовой культуре судей, но и имеет прочные нормативно-правовые основания как в разветвленной системе правовых обычаев, традиций, так и в статутном праве. Об этом, в частности, свидетельствует принятый в 1978 г. в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии Закон «О правилах толкования», содержащий технико-юридические алгоритмы интерпретации правовых установлений. Известно и то, какое важное значение в странах общего права при подготовке законопроектов придается лингвистическому аспекту, иным аспектам формальной логистики. При этом, если в странах континентальной Европы законопроекты разрабатываются административными органами, ответственными за содержание политики или законодательства, то в странах общего права эта деятельность имеет специализированный характер, законопроекты обычно готовятся специальными службами. В Великобритании эту работу выполняют профессиональные чиновники, так называемые «драфтсмены» (draftsmen) (законосоставители), — служащие, сведущие в особенностях английской законодательной техники. Понятно, что при таком подходе технико-юридическая сторона законотворчества приобретает особое значение. Симптоматично поэтому, что *юрислингвистика* возникает именно в указанных странах.

Отмеченное позволяет прийти к выводу, что юридические технологии и юридическая техника имеют разные предметы и структурно идентифицируются с различными частями правоведения. В то время как юридическая техника преимущественно может быть отнесена к юридической догматике, юридические технологии все же тяготеют к иным подразделениям правовой науки. Юридическая догма (аналитическая юриспруденция, или юридический позитивизм) — это технико-юридическая дисциплина, предметом которой являются нормы, законы, прецеденты, правовые обычаи, формы права [1, с. 5]. Как область юридического знания правовые технологии тяготеют к той части юриспруденции, которая связана с оценкой организационно-технологической работы механизма действия права — внедрением обоснованных теоретической мыслью и прошедших экспериментальную апробацию предложений по реализации права в различные сферы юридической жизни.

Таким образом, подобно тому как среди математических дисциплин выделяют прикладную математику, в физике — прикладную механику, в последние годы среди экономических дисциплин — прикладную экономику, среди педагогических — прикладную педагогику, так и в юриспруденции, пусть в значительной мере условно, можно выделить ее прикладной «блок», место в котором по праву должно занять учение о правовых технологиях. Пренебрегая некоторыми методологическими строгостями, всю прикладную юриспруденцию можно свести к правовым технологиям — технологии права. С этой точки зрения одноименная научная и учебная дисциплина может быть обозначена *прикладной юриспруденцией*. Прикладная юриспруденция в этом смысле — это часть системы юридического знания, имеющая предметом познание юридической природы и механизмов применения правовых технологий.

Признание прикладной юриспруденции в качестве научной и учебной дисциплины, включение последней в систему вузовской подготовки юристов — это социальный заказ, игнорировать который современная система преподавания не может. В конечном сче-

те цель преподавания такой дисциплины — сформировать поколение юристов, подготовленных к восприятию и применению современных правовых технологий в самых разных отраслях юридической практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Алексеев С. С.** Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. — М. : Норма, 2001. — 688 с.

2. **Афанасьев В. Г.** Человек в управлении обществом / В. Г. Афанасьев. — М. : Юрид. лит., 1977. — 234 с.

3. **Бахвалов С. В.** Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии) : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Бахвалов. — Ярославль, 2006. — 226 с.

4. **Гойман (Червонюк) В. И.** Действие права. Методологический анализ / В. И. Гойман (Червонюк). — М. : Юристъ, 1992. — 284 с.

5. **Иванов В. А.** Социальные технологии в современном мире / В. А. Иванов. — М. ; Н. Новгород : Знание, 1996. — 260 с.

6. **Иеринг Р.** Юридическая техника / Р. Иеринг ; пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. — СПб. : Типо-Литография А. Г. Розена, 1905. — 105 с.

7. **Карташов В. Н.** Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) / В. Н. Карташов // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. — Н. Новгород, 2000. — С. 16—23.

8. **Капанина Т. В.** Юридическая техника : учебник / Т. В. Капанина. — М. : Норма, 2007. — 600 с.

9. **Капанина Т. В.** Юридическая техника в сфере частного права (корпоративное и договорное нормотворчество) : учеб. пособие / Т. В. Капанина. — М. : Норма, 2009. — 560 с.

10. **Лазарев В. В.** Техника учета решений Конституционного Суда Российской Федерации в законодательной деятельности / В. В. Лазарев // Законотворческая техника современной России : состояние, проблемы совершенствования : сб. ст. В 2 т. Т. 1 / под ред. В. М. Баранова. — Н. Новгород, 2001. — С. 47—58.

11. Межвузовская конференция о проблемах юридической техники // Правоведение. — 2006. — № 2. — С. 115—128.

12. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газ. — 2009. — 13 нояб.

13. **Сырых В. М.** Предмет и система законодательной техники как прикладной науки и учебной дисциплины / В. М. Сырых // Законотворческая техника современной России : состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. В 2 т. Т. 1 / под ред. В. М. Баранова. — Н. Новгород, 2001. — С. 9—23.

14. Технология социальной работы : учебник / под общ. ред. проф. Е. И. Холостовой. — М. : ИНФРА-М, 2001. — 400 с. — (Серия «Высшее образование»).

15. **Тихомиров Ю. А.** Законодательная техника как фактор эффективности законодательной и правоприменительной деятельности / Ю. А. Тихомиров // Проблемы юрид. техники. — Н. Новгород, 2007. — С. 38—43.

16. Третья Международная школа-практикум молодых ученых и специалистов по юриспруденции на тему «Эффективность законодательства и современные юридические технологии» // Журн. рос. права. — 2008. — № 7. — С. 146—148.

17. **Червонюк В. И.** Теория государства и права : учебник / В. И. Червонюк. — М. : ИНФРА-М, 2006. — 567 с.

18. **Червонюк В. И.** Согласование интересов как вид современных законодательных технологий / В. И. Червонюк, И. В. Гойман-Калинский // Государство и право. — 2004. — № 8. — С. 30—38.

19. **Черненко А. К.** Философия права / А. К. Черненко. — М. : Прогресс, 1997. — 340 с.

20. **Черненко А. К.** Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества / А. К. Черненко. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2004. — 188 с.

21. Юридический словарь / Н. А. Жильцов, Д. А. Липшицкий, Р. Л. Хачатуров, О. И. Чердаков. — Изд. 2-е. — М. : Изд-во Международ. юрид. ин-та, 2009. — 486 с.

Поступила 23.12.09.

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА ФРАНЦИИ

Е. П. Лезина, А. В. Виляйкин

Статья посвящена анализу современного состояния судебной системы Франции. Рассматриваются основные принципы и структура, особенности уникальной французской системы правосудия. Анализируются происходящие изменения и мнения французских специалистов о перестройке существующей судебной системы.

Судебная система Франции оставалась нетронутой и не переживала серьезных изменений со времен Наполеона. Современная судебная система регламентируется в разделе VIII «О судебной власти» Конституции Франции. Президент страны является гарантом независимости судебной власти, статус судей устанавливается органическим законом, а судьи несменяемы.

Французское правосудие основывается на принципах коллегиальности, профессионализма, независимости, которая обеспечивается рядом гарантий. Закон 1977 г. установил, что расходы на осуществление правосудия при рассмотрении гражданских и административных дел возлагаются на государство. Это правило не распространяется на уголовную юстицию. Также важными принципами являются равенство перед правосудием и нейтральность судей, публичное рассмотрение дела и возможность двойного рассмотрения дела. Законом предусмотрена и возможность кассационного обжалования [3, с. 32].

Судебная система Франции многоступенчата, и ее можно разделить на три ветви — суд первой инстанции, апелляционный суд и Кассационный суд. Существуют специализированные суды, которые вписаны в данную трехуровневую систему (например, обжалование решений специализированных судов производится в обычные апелляционные суды и в кассационный суд).

Гражданские дела и уголовно наказуемые преступления рассматриваются, в зависимости от их важности, судами большой инстанции, малой инстанции (определенная часть дел), исправительными судами (правонарушения) и полицейскими судами (нарушения административных правил). Низшую ступень в системе судов общей юрисдикции занимают трибуналы малой инстанции. Дела в таком трибунале рассматриваются судьей единолично. Однако при каждом из них состоят несколько магистратов. Трибунал малой инстанции рассматривает дела с незначительными суммами, а решения таких судов апелляционному обжалованию не подлежат [1, с. 146]. Все суды состоят из профессиональных судей.

Наряду с судами общей юрисдикции, во Франции действует довольно большое количество судов, которые можно назвать специализированными. Они действуют в сфере как гражданского, так и уголовного права. В литературе можно встретить их иное название — трибуналы. В большинстве гражданских судов действуют не судьи-профессионалы, а судьи, избранные или назначенные из сфер, где возникают споры, т. е. более глубоко понимающие сущность вопроса.

К специальной юрисдикции относятся советы прюдомов (трудовые споры), различные суды в уголовной области (например, по делам несовершеннолетних), морские, военные, административные. К этой же категории относятся торговые суды. Они состоят из судей — специалистов в области торговли, избираемых коммерсантами из числа лиц, занимающихся коммерческой деятельностью не менее пяти лет. Обычно торговые суды создаются в городах по мере необходимости и называются именем этого города. Компетенция торговых судов охватывает три вида споров: возникающих из обязательств, из сделок между предпринимателями, купцами и банкирами; между членами товариществ; из торговых сделок между любыми лицами; дела, связанные с ликвидацией предприятий, и др. Трудовые споры разбираются примирительными конфликтными советами (советами прюдомов), действующими в качестве выборных органов и состоящими на паритетных началах из представителей трудящихся и работодателей.

Уголовные дела рассматриваются в суде присяжных. Эти суды состоят из председателя, двух асессоров — профессиональных судей и девяти присяжных заседателей — обычных граждан, выбранных по жребию из избирательных списков. Особенностью судов присяжных является то, что их решения не могут быть обжалованы в апелляционных инстанциях. Это может быть сделано лишь в Кассационном суде.

© Е. П. Лезина, А. В. Виляйкин, 2009

Вторая инстанция — это апелляционный суд. В настоящее время во Франции существуют 35 апелляционных судов, в том числе 5 вне территории Франции (например, на Гаити, в городе Папеэте, во Французской Полинезии), и 2 высших апелляционных суда. Каждый суд обладает юрисдикцией в отношении нескольких департаментов (обычно от двух до четырех). Апелляционный суд всегда выносит решения коллегиально. Гражданско-правовая часть апелляционного суда состоит из двух палат: по гражданским и социальным делам. Имеется также палата по торговым делам. Есть также палата жандармерии по делам несовершеннолетних. В каждом департаменте есть суд присяжных. Кроме того, во Франции действуют судебные органы специального назначения — торговые суды и военные суды.

Кассационный суд рассматривает жалобы на постановления апелляционных судов (во Франции их 27), которые фактически и по праву пересматривают приговоры и решения, вынесенные судами первой инстанции. Последние делятся в свою очередь на суды по гражданским и уголовным делам.

Современная структура Кассационного суда выглядит так: три палаты по гражданским делам, одна — по торговым и административным, одна — по социальным спорам и одна — по уголовным делам.

Кассационный суд — это Верховный суд Франции и ее заморских территорий. Он был создан в 1790 г. и остается «промежуточным звеном» между законом и практикой его применения, имея целью охрану закона от неоправданных толкований и иных «посягательств». Несмотря на название, этот суд не рассматривается как инстанция, главной целью которой является проверка решений нижестоящих судов. Его задача — обеспечить соблюдение ими закона. Поэтому можно сказать, что Кассационный суд рассматривает вопросы права. Основаниями для его деятельности являются нарушение закона, превышение власти, ошибка в компетенции, несоблюдение формы решения, противоречивость решения. Престиж и роль Кассационного суда значительны. В его состав входят первый председатель и шесть председателей палат. Пленум Кассационного суда, куда дела передаются немотивированными определениями первого председателя суда или постановлением палаты, а также по требованию генерального прокурора, решает вопросы принципиального характера.

Закон предусматривает два случая, при которых «вопрос принципиального характера» приобретает особое значение: во-первых, при различии мнений судей, рассматривавших сходные дела, во-вторых, когда после отмены в кассационном порядке приговора решение нижестоящего суда повторяет отмененное решение. Кассационный суд может не передавать дело на новое рассмотрение и прекратить производство, если отмена обжалованного постановления не влечет за собой необходимости вновь рассматривать дело по существу.

Хотя Кассационный суд обладает исключительной компетенцией и, по мнению французских юристов, не может рассматриваться как третья инстанция, количество дел, попадающих в его сферу, велико и довольно быстро возрастает.

Прокуратура представлена прокурорами при судах разных уровней. Генеральный прокурор с заместителями находятся при апелляционном суде. Прокуратура при Кассационном суде включает генерального прокурора, его первого заместителя и заместителей, подчиненных министру юстиции.

Начиная с мая 2007 г., когда Н. Саркози приступил к исполнению прямых обязанностей как глава государства, проводится реформирование французских судов. В обращении президент пристыдил суды за отсталые взгляды и мышление. Сторонникам избранного курса уверенно возражают скептики, среди которых немало судей [4].

В стране уже закрыты около 300 судов, ужесточены наказания для несовершеннолетних правонарушителей, а также для тех, у кого постоянные проблемы с правоохранительными органами. Рекомендовано обратить внимание на отбывших тюремный срок, чье поведение вызывает обоснованные опасения. Все это было сделано уже при Н. Саркози и в целом нашло понимание. Никаких сложностей не возникало до тех пор, пока речь не зашла о пересмотре уникальной французской системы правосудия, полномочий судей, а также перераспределении полномочий в рамках судопроизводства. Решено, что такой пережиток, как juge d'instruction — уникальный класс специальных следователей, которые проводят досудебное расследование и передают материалы в суд для решения вопроса о возбуждении дела, должен наконец исчезнуть. Судебные следователи обладают очень широкими полномочиями по истребованию документов и их изъятию, приводам, вызовам на допрос. При таком подходе слишком многое решает один человек, который легко может изменить ход дела. На смену реликтовым следователям должны прийти обычные, что сгладит ощутимую разницу между французским правосудием и су-

добными системами других стран, например Англии или США.

О смысле такого рода переворота Николя Саркози рассказал лично. Упразднение старшего традиционным атрибута французской судебной власти, расширение функций прокуратуры и гособвинителей служит, по словам президента, одной благородной цели — «гарантировать права людей, находящихся под следствием» [4]. Отдельные французские специалисты заявляют, что правительство дискредитировало судебных следователей, а теперь решило от них избавиться. Судебные следователи привлекались при расследовании всего лишь 5 % уголовных дел, но это не повод отказываться от их деятельности. Система, складывавшаяся веками, может не выдержать такого потрясения. «Если они откажутся от судебных следователей, расследования на этом просто закончатся», — полагает судья Эрик Хальфен [2]. Его поддерживают многие специалисты, по мнению которых, в результате перестройки существующей относительно независимой системы возникнет зависимая, контролируемая правительством прокуратура и отдельно — суд, мнение которого врял ли будет кого-либо волновать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Боботов С. В.** Гарантии независимости судебной власти во Франции / С. В. Боботов // Судебная власть : надежды и реальность. Сборник научных статей. — М., 1993. — С. 143—149.

2. Во Франции готовят новую версию судебной системы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pravo.ru/interpravo/practice/view/6994/ — Загл. с экрана.

3. **Маклаков В. В.** Судебная власть во Франции. Новое законодательство / В. В. Маклаков. — М. : Изд-во ИНИОН РАН, 2007. — 138 с.

4. Франция [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F. — Загл. с экрана.

Поступила 25.12.09.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕОСТОРОЖНОЕ ЛИШЕНИЕ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ (X — начало XX века)

В. В. Смирнова

В статье прослеживается зарождение, развитие и закрепление в отечественном законодательстве ответственности за неосторожное лишение человека жизни с X в. до 1917 г.

Жизнь человека всегда строго охранялась и охраняется уголовным законом любого государства, в том числе России, так как утрата жизни невосполнима. История возникновения наказания за лишение жизни берет начало еще со времен Древнерусского государства. Впервые об убийстве как о преступлении упоминается в договорах великих князей Олега (911 г.) и Игоря (945 г.). Здесь отсутствует разграничение умышленного убийства от неосторожного.

Русская Правда, трактуя преступление как непосредственный ущерб конкретному человеку, его личности или имуществу, знает лишь два рода преступлений: против личности и имущественные. К числу первых относится убийство. Нормы об ответственности за него содержатся во всех редакциях Русской Правды, но и здесь нет отличий умышленного убийства от неосторожного.

В литературе не раз подчеркивалось, что в основе выделения различных составов убийств в этом памятнике права лежат не внутренние (субъективные), а внешние (объективные) признаки содеянного. Соглашаясь с такой характеристикой, авторы издания «Российское законодательство X—XX веков» отмечают, что Русская Правда вводит собственный принцип степени ответственности, основанный на противопоставлении не столько умышленного и неумышленного убийства, сколько того, было ли оно совершено открыто, в честной ли схватке (праву чести в средневековом законодательстве уделялось много внимания), во время ли ссоры на пиру, когда требования к поведению его участников были несколько снижены, или тайно, при совершении злого дела [7, с. 51—52].

До XVII в. законодательство приоритетным направлением выбирало решение уголовно-процессуальных вопросов и проблем ответственности за иные действия, не связанные с преступлениями против жизни человека.

На развитие российского уголовного законодательства значительно повлияло Соборное уложение 1649 г. В нем получили развитие нормы, имеющие отношение к убийству. Специальная глава о преступлениях, наказуемых смертной казнью, большое внимание уделяла ответственности за убийство. Ответственность за лишение жизни обуславливалась тем, кто из членов семьи и в отношении какого именно члена семьи совершил посягательство, а также социальным положением виновного и потерпевшего. В то же время были и ненаказуемые преступления против жизни человека: лишение жизни при защите личных интересов и имущественных и неимущественных интересов господина.

В уложении впервые предпринята попытка разграничения умышленных и неосторожных преступлений. Это можно наблюдать в главе XXII «Указ за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказание». Так, ст. 18 гласит: «А будет такое убийство учинится от кого без умышления, потому что лошадь от чего испужався, и узду изорвав рознесет, и удержати ея будет не мощно, и того в убийство на ставити, и наказания за такое дело никому не чинити, для того, что такое дело учинится бес хитрости». В ст. 20

© В. В. Смирнова, 2009

говорится: «А будет кто, стреляючи из пищали, или из лука по зверю, или по птице, или по примете, и стрела или пулька вспловет, и убьет кого за горою, или за городьбою, или кто каким нибудь обычаем кого убьет до смерти деревом, или каменем, или чем нибудь не нарочным же делом, а недружбы и никакия вражды напередъ того у того, кто убьет, с тем кого убьет, не бывало, и сыщется про то допряма, что такое убийство учинилося ненарочно, без умышления, и за такое убийство никого смертию не казнити, и в тюрму не сажати потому, что такое дело учинится грешным делом без умышления» [4, с. 290—291].

«Уложение постоянно различает убийство неумышленное, бесхитростное, от умышленного; различает наказуемость по степени участия (X, 118) и по степени осуществления злого умысла (X, 202; XXII, 8) дает подробные постановления о необходимой обороне, указывает на крайнюю необходимость и т. д. В самом установлении вины и признаков преступности Уложение стремиться к ограничению судейского произвола...», — писал Н. С. Тагашев [3, с. 146].

За случайные деяния наказания не предусматривались, однако не всегда четко определялось случайное ненаказуемое действие и формы вины, не было четких определений этих понятий. «Бесхитростное» деяние в одной статье понималось как неосторожное, в другой — как случайное (ст. 223, 225, 226, 228 гл. X).

В XVIII в. уголовное право сделало значительный шаг вперед. Это объяснялось обострением классовых противоречий, свойственных как абсолютизму, так и общему развитию правовой культуры. Особое значение в этой сфере имеет законодательство Петра I, прежде всего его Артикул воинский [5], отличающийся от прежнего законодательства суровостью наказания и широким применением смертной казни, в том числе за убийство. Различается умысел, неосторожность и случай. Однако терминология еще не устоялась: Артикул воинский часто путал неосторожные и случайные деяния. Ответственность наступала только за совершение умышленных или неосторожных преступных действий. Случайные деяния не влекли за собой уголовной ответственности. Степень вины влияла на наказание: строже наказывались умышленные преступления, мягче — совершенные по неосторожности. Не до конца проводился принцип индивидуальной ответственности.

Умышленные убийства наказывались смертной казнью. Более мягкое наказание предусматривалось за убийство по неосторожности. Практиковалось наказание в виде тюремного заключения, штрафа или битья шпицрутенами (менее мучительного, чем кнутами, но упоры назначались тысячами, поэтому часто приводили к изувечению или даже смерти преступника).

Во времена правления Екатерины II в 1754 и 1766 гг. создавались комиссии для подготовки Уголовного уложения. В проектах уложения содержались и нормы, относящиеся к преступлениям против жизни. Предусматривались: 1) умышленное убийство как волевое деяние, совершенное нарочно и без нужды; 2) неосторожное убийство, совершенное ненарочно и не по умыслу, но когда убийца виновен в том, что оно произошло по неосторожности; 3) случайное убийство — весьма неумышленное и ненарочное убийство, при котором никакой вины не усматривается. В последнем случае ответственность не должна была наступать [1, с. 36].

Умышленное убийство, как и в прежнем законодательстве, наказывалось смертной казнью, за неосторожное убийство назначались различные наказания в зависимости от социального положения виновного: петли, батоги, арест в тюрьме или денежный штраф. «Знатных» за неосторожное убийство предлагалось держать две недели под арестом, чиновников, помещиков и купцов — месяц в тюрьме и подвергать церковному покаянию, а «подлых», т. е. всех остальных, — сечь плетьми, чтобы и другие были осторожны. Эти проекты не были введены в действие.

1 января 1832 г. был опубликован и в 1835 г. вступил в силу Свод законов Российской империи [6]. В кн. I т. XV были систематизированы нормы уголовного права, а также дано определение понятия «убийство». «Насильственная смерть, причиненная другому человеку нанесением ран, ушиба или отравления, почитается смертоубийством» (ст. 330).

Выделялись: убийство в драке, которое расценивалось как неосторожное, если не был установлен умысел (ст. 337); причинение смерти вследствие применения ненадлежащего лекарства аптекарем или лекарем, которое также относилось к убийству по неосторожности (ст. 344), и др. В Уложении о наказаниях проведена излишняя детализация, например введено убийство по неосторожности при незаконном освобождении из-под стражи.

В 1845 г. принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [9], которое упорядочило, конкретизировало и дополнило нормы, касающиеся системы преступлений против жизни. Убийства дифференцировались на простые, квалифицированные, привилегированные и совершенные по неосторожности. Среди преступлений против жизни тяжкими признавались предумышленные (заранее задуманные) и умышленные (без заранее обдуманного намерения) убийства.

Серьезным недостатком Уложения о наказа-

ниях С. В. Познышев считал «...отсутствие в нем постановления, которое обнимало бы luxuria». Он подчеркивал: «Уложение о нак. предусматривает лишь тот вид неосторожного убийства, при котором мы имеем на стороне преступника вторую форму неосторожной вины — negligentia — и относительно его содержит в себе целый ряд весьма запутанных постановлений. Под них приходится подводить и случаи luxuria. Подведение последних под ст. 1458, говорящую об убийстве с непрямым умыслом противоречило бы принципу in dubio milius» [4].

Уложение о наказаниях различало два рода случаев неосторожного убийства: 1) неосторожное причинение смерти деянием, само по себе непротивозаконным (ст. 1468); 2) неосторожное причинение смерти деянием, которое само по себе запрещено законом. Общим постановлением относительно случаев первого рода является ст. 1468. Она гласит: «Если от деяния, законом не воспрещенного и такого рода, что нельзя было с вероятностью ожидать вредных от него последствий, но однако ж явно неосторожного, причинится кому-либо смерть, то виновный или виновные в непринятии надлежащих мер предосторожности подвергаются за сие, смотря по обстоятельствам дела и сообразно с правилами, означенными в ст. 110 сего Уложения, или заключению в тюрьме на время от 2 до 4 месяцев, или аресту на время от 3 дней до 3 месяцев, или же строгому выговору в присутствии суда». «Они также, буде принадлежат к одному из христианских исповеданий, во всяком случае, предаются церковному покаянию по распоряжению своего духовного начальства».

В пределах второго вида неосторожного убийства, когда причинившее смерть деяние было само по себе запрещенное, Уложение также различало несколько случаев:

1) неосторожное причинение смерти при нанесении телесных повреждений — увечий, ран, побоев, расстройств здоровья и т. д. (ст. 1484; 1488; 1490, ч. 2; 1464);

2) неосторожное причинение смерти при лишении свободы, при заключении или задержании (ст. 1543);

3) неосторожное причинение смерти в драке (ст. 1465).

Особо предусматривались случаи причинения смерти действиями, противными постановлениям, ограждающим личную безопасность и общественный порядок. О них говорила ст. 1466: «Кто без намерения учинить убийство, дозволит себе какое-либо действие, противное ограждающим личную безопасность и общественный порядок постановлениям, и последствием оного, хотя и неожиданным, причинится кому-либо смерть, тот за сие подвергается: заключению в тюрьме на время от 2 до 4 месяцев». «Если, однако ж, за то противное установленному порядку деяние определено в законах другое, строжайшее наказание, то виновный подвергается оному на основании правил, постановленных о совокупности преступлений». «Во всяком случае, буде он принадлежит к одному из христианских вероисповеданий, то предается церковному покаянию по усмотрению своего духовного начальства» [4].

Ст. 870 и 899 определяют ответственность врачей, повивальных бабок и аптекарей за ошибки, сделанные ими при выполнении служебных обязанностей и окончившиеся неосторожным причинением смерти. В этом случае предусматривалось лишь церковное покаяние.

Со времени создания Уложение о наказаниях уголовных и исправительных трижды, в 1857, 1866 и 1885 гг. редактировалось. Однако изменения не касались существа Уложения и не отвечали реалиям.

В 1903 г. был утвержден проект нового Уголовного уложения, главы и статьи которого вводились в действие постепенно. В полном объеме оно введено не было, но действовало в Латвии, Литве, Эстонии. На остальной территории России действовали две главы Особенной части и еще несколько десятков норм.

Уголовные деяния подразделялись на три категории исходя из формы вины и санкций: тяжкие преступления, преступления и проступки. К первым относились исключительно умышленные. Преступления наказывались и при наличии умышленной вины. При наличии неосторожной вины — только в случаях, особо указанных законом. Достаточно многочисленной была группа преступлений против жизни. Выделялось также умышленное и неосторожное причинение смерти.

Уголовное уложение содержало в себе прежде всего одно общее постановление о неосторожном причинении смерти в ст. 464, назначающей за него тюремное заключение. Вторая часть этой статьи устанавливала более строгую ответственность, когда причинение смерти было последствием несоблюдения виновным правил, продиктованных законом или обязательным постановлением для его рода деятельности в ограждение личной безопасности. В этом случае виновный наказывался заключением или в исправительном доме, или в крепости на срок не свыше трех лет. «Сверх того, суду предоставляется воспретить виновному тот род деятельности, при осуществлении коего он причинил смерть, на срок от 6 месяцев до 3 лет и публиковать приговор» [2].

Ст. 464 не охватывает случаи, когда смерть была неосторожным результатом телесных

повреждений; они предусмотрены особо (в ст. 467, ч. 2; 468, ч. 2 и 469, ч. 2). В постановлениях о них Уголовное уложение, как и ранее, не оттенило субъективного момента — возможности предвидения данного последствия. Однако из общего постановления о «невменении деяний, коих учинивший не мог предвидеть или предотвратить» (ст. 42 Уголовного уложения), следует заключить, что ответственность за смертельный исход повреждения предполагает в данном случае неосторожное причинение смерти. Под неосторожностью в ст. 464 должны подразумеваться, согласно общему определению, данному в ст. 48, оба вида неосторожности, negligentia и luxuria.

Кроме того, уложением 1903 г. предусматривалось и совершение действия, повлекшего неожиданную смерть потерпевшего, которое наказывалось заключением в тюрьме на срок от двух до четырех месяцев (ст. 465). За каждое из этих деяний христианам полагалось церковное покаяние [2]. Данное уложение действовало в России до Октябрьских событий 1917 г., но, несомненно, повлияло на дальнейшее развитие законодательства советского периода.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что согласно отечественному законодательству на разном этапе его исторического развития лишение жизни человека всегда являлось и является преступлением. Начиная с Русской Правды значительно изменялся подход к охране жизни. Если вначале уголовная ответственность устанавливалась за умышленное лишение жизни как за наиболее опасное преступление, то с развитием права в России было назначено наказание и за неосторожное лишение жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Бородин С. В.** Преступления против жизни / С. В. Бородин. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — 467 с.

2. **Есипов В. В.** Уголовное уложение 1903 года, его характер и содержание / В. В. Есипов. — Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1903. — 180 с.

3. Лекции по русскому праву, читанные Н. С. Таганцевым. Часть Общая. Вып. I. — СПб. : В Государственной тип., 1887. — 380 с.

4. **Познышев С. В.** Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений / С. В. Познышев. — Изд. 3-е, испр. и доп. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http:// www. allpravo.ru. — Загл. с экрана.

5. Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 1 / под общ. ред. О. И. Чистякова. — М. : Юрид. лит., 1984. — 432 с.

6. Свод законов Российской империи. Т. XV [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http:// www. civil.consultant.ru/reprint/books/229/2.html#img3. — Загл. с экрана.

7. **Тихомиров М. Н.** Соборное уложение 1649 года / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. — 432 с.

8. Уголовное право. Особенная часть : учеб. для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. — 3-е изд., изм. и доп. — М. : НОРМА (НОРМА — ИНФРА М), 2001. — 960 с.

9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http:// www. history.ru/coulent/view/1114/87/. — Загл. с экрана.

Поступила 06.10.09.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ ПО ЗАКОНУ ОБ ИСЛАМСКИХ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЯХ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

С. В. Петрикова

Данная статья посвящена рассмотрению вопросов квалификации преступлений против жизни по уголовному законодательству Исламской Республики Иран. Проанализированы умышленные, квазиумышленные и случайные убийства. Показаны основания ответственности за причинение вреда, особенности квалификации действий соисполнителей убийства.

Первая часть Закона об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран утверждена на заседании комиссии по судебным и правовым вопросам Меджлиса исламского совета 30 июля 1991 г. Она включает 497 статей и 103 примечания. Вторая часть, состоящая из 232 статей и 44 примечаний, принята 23 мая 1996 г.

Преступления против жизни содержатся в Части III «Возмездие», Части IV «Вира»; разделе 17 «Преступления против личности и несовершеннолетних» Части V «Судебные взыскания и сдерживающие меры».

Часть III «Возмездие» включает в себя две главы, первая из которых, «Возмещение за причинение смерти», состоит из нескольких разделов:

1) умышленное убийство (ст. 204—210);

2) принуждение к убийству (ст. 211);

3) соисполнители убийства (ст. 212—218);

4) условия применения наказания в виде возмездия (ст. 219—226);

5) условия подачи иска по факту убийства (ст. 227—230);

6) способы установления факта убийства (ст. 231—256);

7) порядок исполнения наказания в виде возмездия (ст. 257—268).

Убийство бывает трех видов: умышленное, квазиумышленное, случайное. Согласно ст. 206 закона убийство является умышленным в следующих случаях:

1) если лицо действиями умышленно причинило смерть одному заранее определенному или неопределенному лицу либо группе заранее неопределенных лиц независимо от того, представляли эти действия угрозу для жизни или нет;

2) если лицо неумышленно причинило смерть другому лицу, совершив умышленные действия, по характеру представляющие угрозу для жизни;

3) если лицо неумышленно причинило смерть другому лицу, совершив действия, которые по характеру не представляли угрозу для жизни, но могли причинить смерть потерпевшему в силу его возраста, болезни, беспомощного состояния и иных подобных обстоятельств, о чем должно было знать виновное лицо.

Умышленное убийство лица, исповедующего ислам, подлежит наказанию в виде возмездия. Пособничество в совершении данного деяния наказывается тюремным заключением на срок от 3 до 15 лет. Возмездие представляет собой наказание, назначаемое виновному лицу за преступление против жизни и здоровья и равноценное вреду, причиненному этим преступлением. Лица, обладающие правом на возмездие (ближайшие родственники), могут исполнить этот акт по разрешению духовного руководителя страны с соблюдением условий, указанных в Законе об исламских уголовных наказаниях. Руководитель страны может передать полномочие на исполнение возмездия главе судебной власти или другому лицу. Акт возмездия по отношению к лицу, совершившему убийство, может быть исполнен только с разрешения лица, имеющего на то право. В противном случае возмездие рассматривается как убийство, подлежащее соответствующему наказанию.

Умышленное убийство в случае отсутствия частной жалобы, отказа истца от возмездия, а также при условии, если данное деяние стало причиной нарушения общественного порядка, устрашения населения или возникновения угрозы эксцесса со стороны виновного или других лиц, наказывается тюремным заключением на срок от 3 до 10 лет. Пособничество в совершении данного деяния наказывается тюремным заключением на срок от 1 года до 5 лет.

Умышленное убийство лица женского пола, исповедующего ислам, лицом мужского пола, исповедующим ислам, подлежит наказанию в виде возмездия при условии, если родственники потерпевшей до исполнения акта возмездия

© С. В. Петрикова, 2009

уплатят виновному лицу сумму в размере половины виры за убийство мужчины.

Умышленное убийство лица, не исповедующего исламу, другим лицом, не исповедующим ислам, подлежит наказанию в виде возмездия независимо от того, какую веру исповедует каждое из этих лиц. Если потерпевшим лицом в этом случае является женщина, ее родственники до совершения акта возмездия обязаны уплатить виновному лицу сумму в размере половины виры за убийство лица мужского пола, не исповедующего исламу.

Раздел 4 «Условия применения наказания в виде возмездия» содержит указания на ситуации, когда возмездие не применяется. Так, согласно ст. 220 закона убийство, совершенное отцом потерпевшего или дедом со стороны отца, не подлежит наказанию в виде возмездия, но влечет за собой уплату виры законным наследникам потерпевшего и судебное взыскание.

Умышленное убийство, совершенное несовершеннолетним или лицом, страдающим психическим расстройством, расценивается как случайное. Наказание в виде возмездия в этом случае не применяется, но поручители виновного лица обязаны уплатить виру за случайное убийство законным наследникам потерпевшего.

Наказание в виде возмездия не применяется и в том случае, если смерть потерпевшего наступила после того, как виновное лицо, являвшееся несовершеннолетним или страдавшее психическим расстройством в момент умышленного причинения смерти или телесного повреждения, достигло совершеннолетия или излечилось от психического расстройства.

Убийство лица, страдающего психическим расстройством, вменяемым лицом не подлежит наказанию в виде возмездия, но влечет за собой уплату виры за убийство законным наследникам потерпевшего. То же деяние, ставшее причиной нарушения общественного порядка, устрашения населения или возникновения угрозы эксцесса со стороны виновного или других лиц, наказывается тюремным заключением на срок от 3 до 10 лет.

Убийство, совершенное в состоянии опьянения, не подлежит наказанию в виде возмездия в том случае, если будет установлено, что виновное лицо вследствие опьянения было полностью невменяемым, не имело умысла в действиях и сознательно не вводило себя в состояние опьянения с целью совершения преступления. То же деяние, ставшее причиной нарушения общественного порядка, устрашения населения или возникновения угрозы эксцесса со стороны виновного или других лиц, наказывается тюремным заключением на срок от 3 до 10 лет.

Убийство, совершенное в сомнамбулическом состоянии, не подлежит наказанию в виде возмездия, но влечет за собой уплату виры за убийство законным наследникам потерпевшего.

Убийство не подлежит наказанию в виде возмездия, если причинение смерти потерпевшему имело законное основание. В этом случае лицо, совершившее убийство, обязано в установленном порядке подтвердить в суде наличие законного основания для действий.

В самостоятельные разделы в законе выделены положения, касающиеся принуждения к убийству и соисполнительства. Так, принуждение к убийству или приказ о совершении убийства не подлежат наказанию в виде смертной казни. Если убийство совершено вследствие принуждения или по приказу, исполнителю преступления назначается наказание в виде возмездия, а лицу, по принуждению или приказу которого совершено преступление, назначается наказание в виде пожизненного тюремного заключения.

Если убийство совершено по принуждению несовершеннолетним недееспособным лицом или лицом, страдающим психическим расстройством, наказание в виде возмездия назначается лицу, по принуждению которого совершено преступление. Если убийство совершено по принуждению несовершеннолетним лицом, признанным частично дееспособным, наказание в виде возмездия не применяется, но при этом поручители несовершеннолетнего (акила, близкие родственники мужского пола) обязаны уплатить виру, а лицу, по принуждению которого совершено преступление, назначается наказание в виде пожизненного тюремного заключения.

Если убийство лица мужского пола, исповедующего ислам, совершено двумя и более лицами мужского пола, исповедующими ислам, к каждому из соисполнителей преступления по разрешению духовного руководителя страны может быть применено наказание в виде возмездия. В этом случае лицо, обладающее правом на возмездие, обязано уплатить каждому соисполнителю преступления сумму, размер которой будет составлять половину виры за убийство мужчины, если соисполнителей двое; две трети виры, если соисполнителей трое; три четверти виры, если соисполнителей четверо; и так далее в соответствующей пропорции.

Лица, которые преступными действиями одновременно или разновременно нанесли потерпевшему ранения, в совокупности ставшие причиной его смерти, признаются соисполнителями убийства, и к ним применяются наказания в соответствии с Законом об исламских уголовных наказаниях. Убийство также признается совершенным соисполнителями, если будет установлено, что смерть потерпевшего наступила в результате побоев и ранений, нанесенных не-

сколькими лицами, независимо от реальных последствий преступных действий каждого из этих лиц.

Если одно лицо нанесло потерпевшему ранение, а затем другое лицо причинило потерпевшему смерть, виновным в совершении убийства признается второе лицо, даже если ранение, нанесенное первым лицом, могло быть причиной смерти. Лицу, нанесшему ранение, назначается наказание в виде возмездия или виры. Если возмездие может представлять угрозу его жизни, назначается только наказание в виде виры.

Если одно лицо нанесло потерпевшему смертельное ранение, а затем другое лицо действиями ускорило наступление смерти, наказание в виде возмездия за убийство назначается первому лицу, а второму лицу назначается наказание в виде виры за телесные повреждения, причиненные мертвому телу.

Закон об исламских уголовных наказаниях достаточно подробно прописывает условия подачи иска по факту убийства и способы установления факта убийства (признание, свидетельство, коллективная клятва, судебное расследование).

В разделе 7 «Порядок исполнения наказания в виде возмездия» закреплено положение, в соответствии с которым по взаимному согласию лица, обладающего правом на возмездие, и виновного данное наказание может быть заменено на уплату виры в полном либо ином, большем или меньшем, размере. Если потерпевший перед смертью простит виновного в совершении убийства, наказание в виде возмездия не применяется и лица, обладающие правом на возмездие, не вправе требовать исполнения этого наказания после смерти потерпевшего.

Наказание в виде возмездия не применяется к беременной женщине, а также после родов, если оно может повлечь за собой смерть ребенка. В этом случае исполнение наказания откладывается до того момента, пока опасность гибели ребенка не будет устранена.

Еще одним видом наказания за убийство выступает вира — материальное возмещение вреда, причиненного преступлением против жизни и здоровья.

Вира уплачивается в случае:

1) случайного причинения смерти или телесных повреждений, когда виновное лицо не имело намерения совершить преступление и причинить вред потерпевшему. Например, в случае ошибочного выстрела в человека во время охоты;

2) квазиумышленного причинения смерти или телесных повреждений, когда виновное лицо не имело намерения совершить преступление в отношении потерпевшего и его действия по характеру не представляли угрозу жизни и здоровью. Например, в случае телесного наказания в воспитательных целях, которое по характеру не являлось преступным деянием, но повлекло за собой преступные последствия, либо в случае лечения, которое осуществлялось врачом в обычных формах, но случайно повлекло за собой преступные последствия;

3) совершения умышленного преступления против жизни или здоровья, которое не подлежит наказанию в виде возмездия.

Умышленные и квазиумышленные преступления против жизни и здоровья, совершенные лицом, страдающим психическим расстройством, или несовершеннолетним лицом, согласно примечанию к ст. 295 закона, расцениваются как случайные.

Умышленное убийство расценивается как квазиумышленное, если виновное лицо искренне заблуждалось в том, что совершает акт возмездия, или ошибочно полагало, что потерпевший является лицом, объявленным вне закона. Квазиумышленным признается преступление против жизни, совершенное по неосторожности, небрежности, неумению или вследствие несоблюдения правил безопасности, установленных для определенного вида работы. Преступление против жизни признается случайным, если виновное лицо по ошибке причинило вред потерпевшему выстрелом, произведенным в другого человека, животное или посторонний предмет.

Вира за убийство лица мужского пола, исповедующего ислам, может быть уплачена в одном из шести перечисленных ниже случаев. Виновное лицо свободно избрать любой вид, но не вправе сочетать их.

1. Сто здоровых в меру упитанных верблюдов в возрасте не менее пяти лет без каких-либо дефектов.

2. Двести здоровых в меру упитанных быков и коров без каких-либо дефектов.

3. Тысяча здоровых в меру упитанных баранов и овец без каких-либо дефектов.

4. Двести комплектов одеяний из ткани йеменской выделки в хорошем состоянии.

5. Тысяча беспримесных золотых монет, вес каждой из которых составляет один стандартный мискаль чистого золота, равный восемнадцати нохолам (примерно 3,474 г).

6. Десять тысяч беспримесных серебряных монет, вес каждой из которых составляет половину нохода чистого серебра (примерно 0,1 г).

Допускается уплата стоимости любого из шести видов виры по взаимной договоренности сторон или в случае отсутствия возможности для расчетов. Размер виры за умышленное или неумышленное убийство лица женского пола, исповедующего ислам, составляет половину

размера виры за убийство лица мужского пола, исповедующего ислам.

Если причинение смерти беременной женщине повлекло за собой повреждение плода или выкидыш, дополнительно к вире за убийство уплачивается вира за повреждение эмбриона в соответствии со ст. 487 главы 12 закона: 1) за повреждение спермы, находящейся в матке, — 20 динаров; 2) за повреждение зиготы — 40 динаров; 3) за повреждение эмбриона на стадии формирования мягких тканей — 60 динаров; 4) за повреждение эмбриона на стадии формирования костных тканей — 80 динаров; 5) за повреждение эмбриона на заключительной стадии формирования мягких и костных тканей до момента появления живого духа — 100 динаров; 6) за повреждение эмбриона после появления в нем живого духа — полная вира, если плод имеет мужские половые признаки, или половина полной виры, если плод имеет женские половые признаки, или три четвертых части полной виры, если половые признаки не могут быть точно определены.

В зависимости от вида убийства устанавливаются следующие сроки уплаты виры с момента совершения преступления:

1) в течение одного года — за умышленное убийство;

2) в течение двух лет — за квазиумышленное убийство;

3) в течение трех лет — за случайное убийство.

Согласно Закону об исламских уголовных наказаниях причинение вреда жизни и здоровью в любой форме — прямое, косвенное или прямое и косвенное одновременно — является основанием возникновения обязательств по возмещению вреда. Причинение вреда является прямым, если вред жизни и здоровью нанесен непосредственно виновным лицом, косвенным — если виновное лицо создало условия для нанесения вреда жизни и здоровью другого лица, но не причинило вред лично. Действия виновного лица в данном случае не являются прямой причиной преступных последствий, например в ситуации, когда одному лицу причинен вред в результате его падения в колодец, вырытый другим лицом.

Врач независимо от степени квалификации и профессионализма несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью пациента, а также за материальный ущерб пациенту в результате лечения, осуществляемого им лично или под его руководством с разрешения пациента или его законного представителя.

Глава 5 «Основания ответственности за причинение вреда» изложена весьма казуистично, содержит примеры конкретных деяний виновного, когда он должен или не должен подлежать воздействию. Так, согласно ст. 323 закона причинение вреда жизни другого лица вследствие невольного движения в состоянии сна расценивается как случайное, и ответственность за него несут поручители виновного.

Причинение смерти другому лицу вследствие угрозы оружием, натравливания собаки или совершения иных действий, способных вызвать сильный испуг, например, издания громкого крика или резкого звука, если действия виновного по характеру не представляли угрозу для жизни, но были совершены умышленно, расценивается как умышленное убийство и подлежит наказанию в виде возмездия. То же в случае отсутствия в действиях виновного умысла и прямой угрозы для жизни потерпевшего расценивается как квазиумышленное убийство и влечет за собой уплату виры.

Если из-за угрозы, которая могла стать причиной полной утраты самоконтроля и воли, потерпевший бросится в бегство и скончается от случайного падения с высоты или в какое-либо углубление в земле, ответственность за причиненный вред несет виновное лицо.

Причинение смерти потерпевшему вследствие падения на него другого лица с высоты, если в действиях этого лица имелся преступный умысел, расценивается как умышленное убийство и подлежит наказанию в виде возмездия. То же в случае, если падение было совершено умышленно, но при обычных обстоятельствах оно не могло причинить вред, либо если у лица имелось намерение совершить падение, но оно произошло по не зависящим от него обстоятельствам, расценивается как квазиумышленное убийство и влечет за собой уплату виры.

В случае причинения вреда вследствие неумышленного падения лица по не зависящим от его воли обстоятельствам, например по причине скольжения, ответственность за причинение вреда несет это лицо, а не его поручители.

Неумышленное причинение смерти или телесных повреждений другому лицу вследствие толчка, удара или иных действий, которые по характеру не представляли угрозу для жизни, расценивается как квазиумышленное причинение вреда и влечет за собой уплату виры.

Неумышленное причинение смерти или телесных повреждений третьему лицу вследствие того, что виновное лицо толкнуло на него другое лицо, расценивается как квазиумышленное причинение вреда и влечет за собой уплату виры.

Военнослужащие и работники органов правопорядка не несут обязательств по уплате виры в случае причинения ими вреда жизни и здоровью во время исполнения служебных обязанностей при условии соблюдения установленных норм. Если в указанном случае потерпевший не

является лицом, объявленным вне закона, вира выплачивается из государственной казны.

Водитель транспортного средства, совершивший наезд на пешехода, переходившего проезжую часть в запрещенном месте, не несет обязательств по уплате виры и возмещению имущественного вреда при условии, если он не имел возможности предотвратить наезд, а его транспортное средство было технически исправным и двигалось с разрешенной скоростью. В главе 5 установлены и иные основания ответственности за причинение вреда.

Часть V «Судебные взыскания и сдерживающие меры» также содержит ряд преступлений против жизни в главе 17 «Преступления против личности и несовершеннолетних». Некоторые составы этой группы дублируют положения Части III закона. Так, согласно ст. 612 умышленное убийство в случае отсутствия частной жалобы, отказа истца от возмездия или неприменения возмездия вследствие какой-либо иной причины, а также при условии, если данное деяние вызвало нарушение общественного порядка и безопасности или возникновение угрозы эксцесса со стороны виновного или других лиц, наказывается тюремным заключением на срок от 3 до 10 лет. Пособничество в совершении данного деяния наказывается тюремным заключением на срок от 1 года до 5 лет.

Покушение на умышленное убийство, которое не было совершено по не зависящим от воли виновного обстоятельствам, наказывается тюремным заключением на срок от 6 месяцев до 3 лет.

Участие в групповой ссоре с применением физического насилия наказывается в случае совершения убийства тюремным заключением на срок от 1 года до 3 лет. Правила данной статьи не препятствуют применению наказаний в виде возмездия и уплаты виры.

В соответствии со ст. 616 неумышленное причинение смерти вследствие неосторожности, небрежности, несоблюдения установленных правил безопасности или отсутствия профессиональных знаний при осуществлении каких-либо действий, если данное деяние не является случайным, наказывается тюремным заключением на срок от 1 года до 3 лет с уплатой виры по требованию родственников потерпевшего. Действие данной статьи не распространяется на случаи причинения смерти вследствие дорожно-транспортного происшествия.

Неумышленное причинение смерти вследствие неосторожности, небрежности, несоблюдения установленных государством правил безопасности, отсутствия навыков вождения любым видом транспортного средства (наземным, водным, воздушным) или управления каким-либо механизмом наказывается тюремным заключением на срок от 6 месяцев до 3 лет и влечет за собой уплату виры по требованию родственников потерпевшего. Это преступление содержится в разделе 29 «Нарушения правил дорожной безопасности».

Таким образом, право на жизнь — фундаментальное естественное право человека — охраняется в Республике Иран комплексом уголовно-правовых норм.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / науч. ред. А. И. Ахани. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. — 343 с.

Поступила 30.09.09.

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Т. В. Худойкина, Е. В. Шекшаева

В данной статье прослеживается история формирования отечественного антикоррупционного законодательства и анализируется современное состояние коррупции в стране.

Коррупция — понятие такое же древнее, как человеческая цивилизация. Менялись эпохи, возникали и исчезали государства, приходили и уходили правители, а коррупция оставалась как негативное по сути, многоликое, чрезвычайно живучее явление реальной жизни. В прошлой и современной России с коррупцией борются со времени образования государства. Коррупция остается одной из самых острых проблем российской действительности, решить которую пока не удается [2, с. 56].

Все попытки справиться с коррупцией оказались неудачными. Еще со времен Древнего Ближнего Востока и Древнего Китая была распространена практика, в средневековой Руси получившая название «кормление». Суть ее заключалась в том, что крупный чиновник, назначаемый наместником какой-либо области, и весь подчиненный ему аппарат не получали казенного жалования и жили так называемыми добровольными подношениями от населения, т. е. легально брали за услуги деньги с просителей. В отчетных ведомостях чиновников того времени часто упоминаются и мед, мясо, рыба, пшено, т. е. не имевшие денег могли рассчитаться продуктами. В середине XVI в. такая практика была официально отменена, но фактически не исчезла, поскольку «кормления» уже прочно вошли в национальный менталитет как элемент культуры управления.

С формированием централизованного аппарата управления (XVI в.) в России постепенно появилась бюрократия — слой чиновников, получавших жалование из казны. Однако живы были еще и традиции системы «кормлений», когда государственные служащие кормились не с подвластной территории, а с собственной должности. Ярым борцом с коррупцией был Петр I, однако именно в годы его правления взяточничество и казнокрадство стали повествовательными [6]. Впервые было осознано, что коррупция подрывает бюджет страны и разлагает общество. Петр I начал вести активную борьбу с ней. Лихоимство (взяточничество) была настолько распространено, что по Указу Петра I от 25 августа 1713 г. наказывалось смертной казнью, однако это не остановило нарушителей закона. Затем Петр I попытался запретить обмен дарами между чиновниками и просителями и окончательно объявить давнюю традицию отклонением от нормы. В связи с этим в 1715 г. был введен регулярный оклад для служащих, а получение взятки в любой форме стало считаться преступлением. Однако число чиновников при Петре I возросло настолько, что жалование выплачивалось нерегулярно, и взятки, особенно для чиновников низших рангов, вновь стали основным источником дохода.

Вскоре после смерти царя система «кормлений» была восстановлена. К фиксированному жалованию вернулась лишь Екатерина II, но выплачивалось оно бумажными деньгами, которые к началу XIX в. сильно обесценились по сравнению с металлическими. Первоначально императрица пыталась, «входя подробно во все вредности», искоренить зло и найти «справедливейшее и ближайшее средство» для борьбы с коррупцией. Средство, по ее мнению, должно было заключаться в заполнении вакантных должностей «достойными в знании и честными людьми» и в назначении им «к безбедному пропитанию по мере каждого довольного жалованья», а «если бы же кто... отважился коснуться лихоимству, взяткам и подаркам... такой нечестивый и неблагодарный и яко заразительный член обществу, ни только из числа честных, но всякого роду чиновничьего истреблен будет...» [1, с. 79]. Понимая, что действенных результатов «справедливейшее средство» не дало, Екатерина достаточно быстро смирилась с коррупцией и казнокрадством и предпочитала не менять генерал-губернаторов, полагая, что тот, кто долго занимает должность, уже наворовал и набрал взяток, а любой вновь назначенный начнет все сначала.

Длительная неразработанность российского антикоррупционного законодательства является закономерным итогом довольно продолжительного игнорирования проблемы в советский период. Тогда слово «коррупция» вообще не ис-

© Т. В. Худойкина, Е. В. Шекшаева, 2009

пользовалось в официальных документах, вместо него употреблялись термины «взяточничество», «злоупотребление служебным положением», «попустительство» и др. Декрет СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» стал первым в Советской России правовым актом, предусматривающим уголовную ответственность за взяточничество (лишение свободы на срок не менее 5 лет). В дальнейшем ответственность за взятки устанавливалась Уголовными кодексами РСФСР 1922, 1926, 1960 гг. [8, с. 28], где регламентировалась ответственность за получение взятки, ее дачу, посредничество во взяточничестве и провокацию взятки.

С 1991 г. принят ряд подзаконных нормативных правовых актов (прежде всего Указов Президента России). В 1997 г. Президент РФ в третий раз отклонил принятый Государственной Думой и одобренный Советом Федерации проект Федерального закона «О борьбе с коррупцией». В 2001 и 2002 гг. проекты Законов «О борьбе с коррупцией» и «О противодействии коррупции» дальше первого чтения в Государственной Думе ФС РФ развития не получили. В 2003 г. был создан национальный антикоррупционный комитет. В 2006 г. Государственная Дума ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции, а также Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию [9, с. 34].

Приведенный выше исторический экскурс однозначно свидетельствует о многочисленных безуспешных попытках государства покончить с коррупцией. Это обстоятельство был вынужден признать, будучи в должности Президента РФ, В. В. Путин: «Несмотря на предпринимаемые усилия, нам до сих пор не удалось устранить одно из самых серьезных препятствий на пути нашего развития — коррупцию» [4, с. 4].

В январских программных тезисах на проводившемся 22—23 января 2008 г. Втором Общероссийском гражданском форуме тогда еще первый вице-премьер Правительства РФ Д. А. Медведев заявил о том, что коррупция имеет сегодня огромные масштабы и борьба с ней должна превратиться в национальную программу [10, с. 2].

Будучи избранным, Д. А. Медведев одним из первых указов образовал Совет, Президиум при Президенте РФ по противодействию коррупции, определил их задачи. Был подготовлен утвержденный Президентом Национальный план противодействия коррупции, согласно которому в Государственную Думу был направлен пакет антикоррупционных законов. «Их главная особенность, — резюмировал Президент в Послании Федеральному Собранию, — в комплексности, системности и адресной направленности, в первоочередном устранении тех причин коррупции, которые порождены несовершенством нашего государственного и хозяйственного механизмов» [5]. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (далее — Закон) содержит нормы, закрепляющие понятия коррупции и противодействия коррупции, правовую основу и принципы противодействия коррупции.

Закон, помимо общих установок о принципах и задействованных органах власти, раскрывает лишь некоторые аспекты антикоррупционной деятельности, которые уже хорошо известны действующему законодательству о государственной службе (прозрачность доходов государственных служащих, информирование о коррупционной практике, конфликт интересов, ограничения в связи с оставлением государственной службы). Это совершенно неоправданно, поскольку без регулирования остаются такие важнейшие направления антикоррупционной работы:

— антикоррупционная экспертиза нормативных актов;

— оживление парламентского и общественного контроля;

— административная юстиция;

— обеспечение независимости СМИ и общественное вещание;

— установление стандартов качества работы органов власти;

— обеспечение независимости судей;

— законодательство о лоббизме;

— другие аспекты антикоррупционной политики, многие из которых перечисляются в ст. 6 и 7 закона, но не имеют в нем, как и в антикоррупционном пакете законов в целом, необходимого нормативного продолжения.

Проблема коррупции в России приобрела за последние годы качественно новый, опасный для безопасности личности, общества и государства уровень. По Индексу восприятия коррупции, рассчитываемому международной организацией «Трансперенси Интернэшнл-Р», в 2008 г. Россия среди 180 стран заняла 147-е место. Международные рейтинги показывают, что уровень коррупции в Российской Федерации достиг угрожающих масштабов. Взяточничество поразило политическую и институциональную, экономическую, судебную и правоохранительную, образовательную и воспитательную сферы, сферу социальной защиты, медицинскую, инвестиционную сферы, сферу международной торговли и серьезно подорвало государственность России. Государство, где власть в высокой степени коррумпирована, не может считаться ни демократическим, ни правовым, ни авторитетным.

Президент РФ Дмитрий Медведев 10 сентября 2009 г. выступил с программной статьей

«Россия, вперед!», где к одному из «запущенных социальных недугов» страны он относит «вековую коррупцию, с незапамятных времен истощавшую Россию. И до сих пор разъедающую ее по причине чрезмерного присутствия государства во всех сколько-нибудь заметных сферах экономической и иной общественной деятельности. Но дело не только в избыточности государства. Бизнес тоже не безгрешен. Многие предприниматели озабочены не поиском талантливых изобретателей, не внедрением уникальных технологий, не созданием и выводом на рынок новых продуктов, а подкупом чиновников ради получения «контроля над потоками» перераспределения собственности» [7].

В свою очередь коррупция, гражданское общество и государство как государственно-правовые явления тесно связаны, т. е. их генезис, существование, функционирование и развитие прямо зависят от «состояния» каждого [9, с. 33]. Для того чтобы стать цивилизованным государством, Россия должна прежде всего стать государством правовым. Правовое же государство базируется на развитом гражданском обществе, а развитое гражданское общество не может сформироваться, если борьба с коррупцией не будет плодотворной. Однако, к сожалению, от всеобщего обсуждения проблемы коррупции с неизменной констатацией причиняемого ею вреда и многого того, что еще ее сопровождает, общество за это время, по существу, ни на шаг не продвинулось по пути реальной борьбы с ее проявлениями. Более того, специалистами и населением единодушно отмечается, что, не испытывая должного противодействия, коррупция стремительно набирает силу и превращается в самостоятельный и весьма значимый социальный и политический фактор, разрушительно влияющий на дальнейшее развитие государства [3, с. 5].

Подводя итог, можно отметить, что работа по борьбе с коррупцией за последние годы резко активизировалась, но фактически антикоррупционное законодательство не выполняет основную функцию по созданию и закреплению общественных отношений в сфере противодействия взяточничеству и недостаточно проработано с точки зрения социальных последствий его принятия. Поэтому проблема борьбы с коррупцией как была, так и остается архиважной общенациональной задачей: от ее исхода зависит развитие России, ее успех в экономической сфере, а главное — внутриполитическая стабильность, без которой немыслим никакой последовательный прогресс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Акимова Н. В.** Коррупция в России : история и современность / Н. В. Акимова // Юрид. мир. — 2008. — № 12. — С. 78 – 80.

2. **Буравлев Ю. М.** Коррупция в государственном аппарате как системное явление. Проблемы противодействия / Ю. М. Буравлев // Юрид. мир. — 2008. — № 12. — С. 56—59.

3. **Добреньков В. И.** Коррупция : современные подходы к исследованию : учеб. пособие для вузов / В. И. Добреньков, И. Р. Исправникова. — М. : Академ. проспект ; Альма Матер, 2009. — 207 с.

4. Ежегодное послание Президента РФ Федеральному собранию РФ // Рос. газ. — 2005. — 26 апр.

5. **Коньков С. Н.** О некоторых аспектах борьбы с коррупцией в 2008 г. / С. Н. Коньков // Безопасность бизнеса. — 2009. — № 2 [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. **Красиков В. И.** Коррупция : история, причины, стратегия борьбы [Электронный ресурс] / В. И. Красиков // Науч. вестн. Урал. акад. гос. службы. — 2008. — № 1 (2). — Режим доступа: http://www.vestnik.uapa.ru/issue/2008/01/05/ — Загл. с экрана.

7. **Медведев Д. А.** Россия, вперед! [Электронный ресурс] / Д. А. Медведев. — Режим доступа: http://www.kremlin.ru/news/5413. — Загл. с экрана.

8. **Сторчилова Н. В.** Современное российское законодательство в сфере борьбы с коррупцией / Н. В. Сторчилова // Рос. следователь. — 2009. —№ 8. — С. 28 – 29.

9. **Соколов А. Н.** Коррупция, гражданское общество и правовое государство (сравнительно-правовой анализ) / А. Н. Соколов // Журн. рос. права. — 2008. — № 8. — С. 32—41.

10. Январские тезисы Дмитрия Медведева // Рос. газ. — 2008. — 24 янв.

Поступила 30.09.09.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ)*

О. Н. Крапивина

Статья посвящена изучению порядка организации и методики проведения антикоррупционной экспертизы в субъектах РФ. Проведено соотношение федерального и регионального законодательства по реализации такой меры профилактики коррупции, как антикоррупционная экспертиза.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[1] правовую основу противодействия коррупции составляют международные, федеральные нормативно-правовые акты и нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов РФ. Это положение в полной мере относим и к антикоррупционной экспертизе как к одной из мер профилактики коррупции.

Регионы по-разному откликнулись на изменения федерального законодательства, посвященные организации и проведению антикоррупционной экспертизы. В некоторых субъектах нормативные правовые акты были приняты до принятия федеральных законов и Постановлений Правительства РФ по вопросам противодействия коррупции и, в частности, антикоррупционной экспертизы (например, в 2007 г. — в Кемеровской области[2]; в 2008 г. — в Забайкальском крае[3], Камчатском крае[4], Магаданской области[5], Ханты-Мансийском автономном округе)[6]. В большинстве изученных регионов аналогичные нормативных актов вступили в силу только в 2009 г. Исключение составляют Хабаровский край, где проект Закона «О предупреждении коррупции» в июне 2009 г. принят в первом чтении; а также Белгородская область, в которой действует Постановление Правительства Белгородской области от 14 июля 2008 г. № 174-пп «О порядке проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов области на коррупциогенность»[7].

Закон, посвященный организации и проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, существует только в Забайкальском крае[8]. В остальных изученных регионах уровень правовой

** Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, номер проекта 09-03-00039а. В ходе исследования изучено антикоррупционное законодательство Республики Бурятия, Забайкальского, Камчатского, Ставропольского, Хабаровского краев, Амурской, Белгородской, Кемеровской, Магаданской, Омской, Оренбургской, Самарской, Томской областей, Ханты-Мансийского автономного округа.*

[1] Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Закон Кемеровской области от 08.05.2007 № 57 «О противодействии коррупции» (в ред. Закона Кемеровской области от 08.05.09 г. № 59) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс. Региональное законодательство».

[3] Закон Забайкальского края от 25.07.2008 г. № 18-ЗЗК «О противодействии коррупции в Забайкальском крае» (в ред. Законов Забайкальского края от 29.12.2008 г. № 109-ЗЗК, от 03.07.2009 г. № 260-ЗЗК) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс. Региональное законодательство».

[4] Закон Камчатского края от 18 декабря 2008 г. № 192 «О противодействии коррупции в Камчатском крае» (с изм. от 31.03.2009 г. № 254) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс. Региональное законодательство».

[5] Закон Магаданской области от 4 марта 2008 г. № 979-ОЗ «О профилактике коррупции в Магаданской области» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс. Региональное законодательство».

[6] Закон Ханты-Мансийского автономного округа от 25.09.2008 г. № 86-оз «О мерах по противодействию коррупции в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» (в ред. Закона ХМАО — Югры от 30.03.2009 № 19-оз) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс. Региональное законодательство».

[7] Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс. Региональное законодательство».

[8] Закон Забайкальского края от 29 декабря 2008 г. № 110-ЗЗК «Об антикоррупционной экспертизе правовых актов и их проектов» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс. Региональное законодательство».

© О. Н. Крапивина, 2009

регламентации антикоррупционной экспертизы различен: от общих законов о противодействии коррупции до подзаконных нормативных актов, определяющих правила (порядок) или методику экспертизы.

В меньшей степени организация и проведение антикоррупционной экспертизы нормативных актов детализированы на уровне закона в Ставропольском крае, Кемеровской, Орловской и Самарской областях. Если в Кемеровской области регламентация антикоррупционной экспертизы осуществлена более подробно, то в других трех регионах, особенно в Орловской и Самарской областях, антикоррупционная экспертиза определена лишь в общих чертах.

Антикоррупционная экспертиза закреплена в подзаконных нормативных правовых актах Хабаровского края и Белгородской области. В названных субъектах до настоящего времени нет законов о противодействии коррупции.

Как законы о противодействии коррупции, так и иные правовые акты, регулирующие вопросы антикоррупционной экспертизы, действуют в Республике Бурятия, в Камчатском крае, в Амурской, Магаданской, Омской, Томской областях, в Ханты-Мансийском автономном округе. Из анализа нормативно-правовых актов следует, что наиболее подробно организация и проведение антикоррупционной экспертизы регламентированы в Ханты-Мансийском автономном округе, затем — в нормативных актах Томской, Амурской, Магаданской областей, Камчатского края, Республики Бурятия.

Очевидно, что процесс формирования регионального законодательства по вопросам организации и проведения антикоррупционной экспертизы не завершен. В ряде регионов РФ в планах и программах противодействия коррупции предусмотрено обязательное утверждение порядка, правил или методики проведения антикоррупционной экспертизы в ближайшее время (как правило, сроки ограничиваются 2009 г., как в Орловской области, Ставропольском и Хабаровском краях и др.).

Региональные нормативные правовые акты об антикоррупционной экспертизе (в первую очередь принятые до 25 декабря 2008 г.) были изменены после принятия соответствующих федеральных актов. Более всего изменения затронули определение основных используемых терминов, были скорректированы антикоррупционные факторы.

Таким образом, региональное законодательство по вопросам организации и проведения антикоррупционной экспертизы неоднородно, динамично развивается, особенно в краткосрочной перспективе. В законодательстве отдельных регионов в отличие от федерального законодательства в большей степени регламентированы порядок, правила и методика проведения антикоррупционной экспертизы.

В федеральном законодательстве отсутствует единообразное понимание предмета антикоррупционной экспертизы. Так, в соответствии с п. 2 ст. 6 Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ в числе мер профилактики коррупции названа антикоррупционная экспертиза нормативных актов и их проектов, а в Федеральном законе РФ от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»[9] речь идет только о нормативных правовых актах и их проектах.

Законодательство субъектов в пределах одного субъекта менее противоречиво. Так, региональные законы, иные нормативные правовые акты и их проекты в качестве предмета антикоррупционной экспертизы названы в законодательстве Республики Бурятия, Ставропольского и Хабаровского краев, Амурской, Белгородской, Кемеровской, Магаданской и Самарской областей. Правовые акты и (или) их проекты, в том числе ненормативные акты подвергаются антикоррупционной экспертизе в Забайкальском крае, Омской, Орловской, Томской областях, Ханты-Мансийском автономном округе. В Камчатском крае проверяются только проекты подзаконных нормативно-правовых актов.

В ряде регионов (Республике Бурятия, Камчатском и Хабаровском краях и Омской области) антикоррупционной экспертизе подвергаются только нормативно правовые акты и (или) их проекты, разрабатываемые и принимаемые исполнительными органами власти и губернатором. В других субъектах РФ (Ставропольском крае, Амурской, Кемеровской, Белгородской, Магаданской, Орловской, Самарской, Томской областях, ХМАО) антикоррупционная экспертиза может быть проведена в отношении как законов и их проектов, так и подзаконных нормативных актов и их проектов.

Изучив законодательства субъектов РФ в отношении обязательного или возможного проведения антикоррупционной экспертизы, условно разделим их на три группы (при этом один регион может быть в двух группах одновременно):

1) субъекты РФ, для которых проведение антикоррупционной экспертизы — предусмотренная законом или иным нормативным правовым актом обязанность. Их в свою очередь разделим на два подвида: а) безусловно-обязательные, где антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов или их проектов проводится всегда: Хабаровский край (в отношении проектов нормативных правовых актов); Кеме-

[9] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

ровская область (в отношении проектов нормативных правовых актов); Омская область (в отношении всех нормативных правовых актов и их проектов); Орловская область; и б) условно-обязательные (антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов или их проектов в этих регионах обязательно проводится, если такие акты или их проекты затрагивают определенные вопросы): Республика Бурятия (в отношении нормативных правовых актов республики, затрагивающих права и свободы граждан в сфере образования и здравоохранения); Камчатский край (нормативные правовые акты органов исполнительной власти по определенным вопросам); Амурская область (в отношении нормативных правовых актов и их проектов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающих правовой статус организаций или имеющих межведомственный характер, конфликций); Магаданская область (в отношении нормативных правовых актов и их проектов, регулирующих правоотношения, непосредственно либо опосредованно затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, права и обязанности организаций, а также устанавливающих контрольные, разрешительные, регистрационные, юрисдикционные полномочия органов государственной власти, иных государственных органов, учреждений, органов местного самоуправления); Томская область (проекты нормативных правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина; проекты правовых актов иных исполнительных органов государственной власти Томской области, направленных на обеспечение реализации прав и обязанностей граждан и организаций, а также проекты правовых актов, определяющих функции, обязанности, права и ответственность государственных гражданских служащих Томской области, в том числе проекты должностных регламентов государственных гражданских служащих Томской области в соответствии с административными регламентами исполнительных органов государственной власти Томской области); Ханты-Мансийский автономный округ (правовые акты и их проекты, документы правового характера, затрагивающие права и свободы человека и гражданина; связанные с распределением бюджетных средств, предоставлением финансовой поддержки, списанием финансовых и материальных средств; связанные с управлением (распоряжением) государственной собственностью; связанные с размещением государственного заказа; распоряжения, приказы, касающиеся подготовки проектов правовых актов (нормативных, ненормативных), влекущие расходы по их подготовке (разработке) за счет средств бюджета автономного округа; регламентирующие контрольные, разрешительные (регистрационные) полномочия государственных органов автономного округа и др.);

2) субъекты РФ, в которых антикоррупционная экспертиза осуществляется по решению полномочных органов или должностных лиц (инициативный порядок): Республика Бурятия (в отношении проектов нормативных правовых актов Президента, Правительства и нормативных правовых актов исполнительных органов государственной власти Республики Бурятия); Ставропольский край; Хабаровский край (в отношении действующих нормативных правовых актов); Белгородская; Магаданская; Самарская; Томская области; ХМАО (в отношении правовых актов ненормативного характера или их проектов);

3) субъекты РФ, для которых антикоррупционная экспертиза — это предоставленное законом право: Забайкальский край (антикоррупционная экспертиза правовых актов и (или) их проектов проводится выборочно при наличии оснований предполагать о наличии в правовых актах или их проектах положений, способных вызвать коррупциогенные факторы. При этом весьма показательно, что принимает решение о проведении антикоррупционной экспертизы и проводит ее тот орган, который принял нормативный правовой акт или разработал его проект в соответствии с п. 2 ст. 9 Закона Забайкальского края от 25 июля 2008 г. № 18-ЗЗК «О противодействии коррупции в Забайкальском крае»).

Таким образом, чаще всего проводятся антикоррупционная экспертиза в инициативном порядке (по решению полномочных лиц или органов государственной власти) и условно-обязательная экспертиза нормативных правовых актов и (или) их проектов, затрагивающих определенные вопросы.

Проблема субъекта проведения антикоррупционной экспертизы в законодательстве субъектов РФ решена неоднозначно. Чаще всего обязанность проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и (или) их проектов возложена на:

1) *органы исполнительной власти*, как в Забайкальском крае (Администрация губернатора Забайкальского края); Камчатском крае (Главное правовое управление губернатора и Правительства Камчатского края); Хабаровском крае (Главное государственно-правовое управление губернатора и Правительства Хабаровского края); Амурской области (Государственно-правовое управление аппарата губернатора Амурской области и Правительства Амурской области); Белгородской области (Государственно-правовое управление аппарата губернатора Белгородской области);

2) *законодательные органы*, как в Кемеровской области (Экспертно-правовое управление

Совета народных депутатов Кемеровской области);

3) *несколько субъектов*, как в Республике Бурятия (Комиссия Народного Хурала по противодействию коррупции — в отношении законов и проектов закона республики; Государственно-правовой комитет Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия — в отношении правовых актов, проектов правовых актов Президента, Правительства и иных исполнительных органов государственной власти республики; исполнительные органы государственной власти); Ставропольском крае (государственные органы, принявшие нормативный правовой акт или подготовившие проект нормативных правовых актов); Магаданской области (Правовое управление аппарата Администрации области; Государственно-правовое управление Аппарата областной Думы; юридические службы органов исполнительной власти области); Омской области (органы исполнительной власти (юридические службы), ответственные за подготовку проектов нормативных правовых актов (иных документов); Министерство государственно-правового развития области); Орловской области (государственные органы — разработчики проектов актов в рамках осуществления правовой экспертизы; аппарат губернатора и Правительства области — в отношении проектов нормативных правовых актов губернатора и Правительства области); Самарской области (уполномоченные органы государственной власти области с привлечением в установленном порядке научных организаций и отдельных экспертов); Томской области (отдел экспертизы правовых актов на коррупциогенность Комитета по государственно-правовым вопросам Администрации области; структурные подразделения, должностные лица исполнительных органов государственной власти области, на которых возложено проведение антикоррупционной экспертизы; научная антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов области и их проектов осуществляется научными учреждениями, высшими учебными заведениями, экспертами из числа ведущих ученых и специалистов соответствующего профиля, а также иными компетентными организациями и лицами); ХМАО (исполнительные органы государственной власти в соответствии с их отраслевой (функциональной) деятельностью; Комиссия по определению коррупциогенности нормативных актов автономного округа при губернаторе ХМАО — Югры; Государственно-правовое управление аппарата окружной Думы; Юридическо-правовое управление Администрации губернатора автономного округа; иные органы, уполномоченные осуществлять государственную регистрацию нормативных правовых актов исполнительных органов государственной власти автономного округа). Отличительной чертой большинства регионов РФ является проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов внутриведомственно.

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и (или) их проектов в законодательстве некоторых регионов имеет ряд особенностей, касающихся субъекта ее проведения. Так, в Белгородской области экспертиза может быть как внутренней (проводимой органами исполнительной власти, государственными органами), так и внешней, межведомственной (с привлечением независимых специалистов, экспертов, представителей общественных организаций, органов юстиции (по согласованию) и др.). В Хабаровском крае (п. 5 Постановления Правительства Хабаровского края от 04 августа 2009 г. № 234-пр «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов губернатора и Правительства Хабаровского края и их проектов»)[10] предусмотрена предварительная проверка нормативных правовых актов (первичный анализ на коррупциогенность разрабатываемых норм проектов правовых актов). Результатом при разработке министерством или иным органом исполнительной власти края является вывод об отсутствии в проекте правового акта коррупциогенных норм (факторов), отражающийся в пояснительной записке. Заметим, что предварительная проверка в Постановлении не отнесена к проведению антикоррупционной экспертизы.

Похожим образом осуществляется антикоррупционная экспертиза и в Амурской области. Здесь первоначальный этап нормативно описан к проведению экспертизы. Так, экспертиза проектов нормативных правовых актов области на коррупциогенность проводится в два этапа. Первый осуществляется юридической службой (юристом) исполнительного органа государственной власти области, являющегося разработчиком (ответственным за разработку) проекта документа; второй — Государственно-правовым управлением аппарата губернатора и Правительства Амурской области.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона РФ от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»[11] в России возможно проведение независимой антикоррупционной экспертизы. В региональном законодательстве также прямо закреплено проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов

---

[10] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*
[11] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

независимыми экспертами. Исключение составляет Кемеровская область, где законодательно предусмотрено проведение научной (внешней) экспертизы законопроектов, которая осуществляется научными организациями соответствующего профиля, экспертами или группами экспертов, создаваемыми из числа ученых и специалистов в зависимости от содержания рассматриваемых законопроектов. В принципе ее можно назвать независимой.

В других регионах независимая экспертиза проводится разными субъектами. Так, в Республике Бурятия к их числу отнесены общественные объединения, граждане и Народный Хурал (сразу же возникает вопрос о «независимости» последнего).

В Забайкальском крае экспертиза названа общественной и может быть проведена по инициативе граждан, общественных объединений, организаций; финансирование расходов на проведение антикоррупционной экспертизы в этом случае осуществляется ее инициатором самостоятельно (аналогичная норма содержится в Постановлении Правительства Хабаровского края от 4 августа 2009 г. № 234-пр «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов губернатора и Правительства Хабаровского края и их проектов»)[12]. Аналогичные субъекты предусмотрены и в Законе Ставропольского края от 4 мая 2009 № 25-кз «О противодействии коррупции в Ставропольском крае»[13] (правда, законодатель не называет вид такой экспертизы).

В Камчатском крае вопросы независимой антикоррупционной экспертизы решаются с помощью федерального законодательства. Здесь предусмотрено ее проведение аккредитованными Министерством юстиции РФ юридическими и физическими лицами в инициативном порядке за счет собственных средств (п. 1.3 Постановления Правительства Камчатского края от 18 июня 2009 г. № 257-П «Об утверждении Положения о порядке проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов, разрабатываемых исполнительными органами государственной власти Камчатского края, в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции»)[14].

В Амурской области общественная антикоррупционная экспертиза проектов законов и иных нормативных правовых актов области проводится региональной Общественной палатой. Общественную антикоррупционную экспертизу также могут проводить граждане и институты гражданского общества.

Кроме Общественной палаты, в Белгородской области к субъектам независимой антикоррупционной экспертизы, которая проводится по наиболее социально значимым проектам нормативных правовых актов, отнесена Торгово-промышленная палата, а также иные некоммерческие организации Белгородской области.

В Магаданской области субъектами антикоррупционной экспертизы также могут быть общественные объединения, саморегулируемые и иные организации. Аналогичное положение содержится в законодательстве Самарской области. В Омской области независимую антикоррупционную экспертизу проводит Комиссия по проведению экспертизы проектов нормативных правовых актов региона. В Орловской области предусмотрено проведение антикоррупционной экспертизы данного вида, но субъект не определен.

Как в Амурской и в Белгородской областях, общественная антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов Томской области может осуществляться Общественной палатой области и иными институтами гражданского общества. Общественную антикоррупционную экспертизу правовых актов также вправе проводить научные учреждения или высшие учебные заведения соответствующего профиля, эксперты из числа ведущих ученых и специалистов, не принимавших непосредственного участия в подготовке проекта правового акта. Примечательно, что в качестве экспертов не могут выступать депутаты Государственной Думы Томской области (в Республике Бурятия, как было указано выше, это, напротив, допустимо), а также лица, занимающие иные государственные должности регионального уровня, государственные гражданские служащие субъекта Федерации.

Субъекты, аналогичные Томской области, проводят общественную антикоррупционную экспертизу в ХМАО. Помимо Общественной палаты и иных институтов гражданского общества субъектами экспертизы могут быть физические и юридические лица независимо от форм собственности и организационно-правовых форм.

Таким образом, независимая (общественная) антикоррупционная экспертиза проводится в большинстве регионов; ее субъектами, как правило, выступают граждане, организации и иные институты гражданского общества. В некоторых регионах общественная антикоррупционная экспертиза проводится специальными субъектами.

Поступила 30.09.09.

---

[12] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*
[13] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*
[14] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПОБЕГА ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

А. С. Ямашкин

Статья раскрывает вопросы взаимодействия субъекта расследования побега из мест лишения свободы с подразделениями уголовно-исполнительной системы, подразделениями МВД России и другими органами, обладающими полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности, с экспертными учреждениями, отдельными экспертами и специалистами, с общественностью и организациями. Приводятся рекомендации, направленные на повышение результативности взаимодействия.

Специфика противоправного ухода из места лишения свободы такова, что решить все задачи его расследования одному следователю или дознавателю органов внутренних дел без привлечения сил и средств, использования методов работы других субъектов правоохранительной деятельности, экспертных учреждений, отдельных экспертов и специалистов, общественности невозможно. Поэтому для успешного расследования побега необходимо иметь общее представление по соответствующим видам взаимодействия.

Все возможные виды взаимодействия, эффективное их осуществление относятся к вопросам организации расследования, раскрывающейся как система мер, обеспечивающих эффективность функционирования элементов системы и достижение поставленных целей всех компетентных органов государства; комплекс мер, обеспечивающих оптимальную структуру органов расследования одного ведомства и управление этим видом деятельности; организация расследования конкретного преступления при минимальных затратах времени, сил и средств; организация проведения отдельного следственного действия, обеспечивающая выбор и применение в конкрстной ситуации наиболее эффективных технико-криминалистических средств и тактических приемов для достижения целей данного следственного действия [4, с. 50].

Результаты обобщения практики расследования побегов показывают, что его организация имеет недостатки. Во-первых, это самоустранение следователя от руководства процессами взаимодействия. Такой вывод основывается на том, что изученные материалы уголовных дел редко содержали документы, отражающие процесс взаимодействия. Как правило, оно носит формальный характер и проявляется, например, в даче письменных поручений о производстве оперативно-розыскных мероприятий по розыску сбежавшего, поиску следов преступления. Отсутствуют планы совместных действий, документы, свидетельствующие о контроле со стороны лица, расследующего побег, за процессом выполнения отдельных поручений. К сожалению, такая практика не нова для процессуальной деятельности, более того, происходит переложение расследования оперативно-розыскным работникам, что нашло свое отражение, применительно к любому расследованию преступления, даже в учебной литературе. Так, например, указывается следующее: «Самое главное — следователь ни в коем случае не должен перекладывать расследование оперативно-розыскным работникам, как иногда бывает» [5, с. 368].

Фактическое осуществление организующей функции следователя уполномоченными лицами оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы представляет собой вторую проблему. Это вызвано тем, что, несмотря на нахождение уголовного дела в производстве следователя (дознавателя), оперативные отделы исправительных учреждений во взаимодействии с другими структурными подразделениями и территориальными органами уголовно-исполнительной системы продолжают розыск бежавших, что также сопряжено с выявлением и исследованием следов преступления. В итоге следователи (дознаватели) ограничиваются ожиданием результатов их деятельности с последующей процессуальной фиксацией необходимых сведений.

Следствием первых двух недостатков является существование третьего, а именно ориентированность сотрудников уголовно-исполнительной системы лишь на свои силы. Например, сформированные из сотрудников исправительного учреждения оперативные группы выезжают по адресам связей бежавших осужденных в других городах, непосредственно проверяют их и передают справки-ориентировки местным органам внутренних дел.

© А. С. Ямашкин, 2009

Практике взаимодействия также известны негативные примеры. Так, материалы уголовного дела о побеге осужденного бесконвойного передвижения с территории ЖХ-385/21 (Зубово-Полянский район Республики Мордовия) содержат рапорт младшего инспектора отдела безопасности исправительной колонии, из которого следует, что он, совместно с другими сотрудниками осуществив задержание бежавшего осужденного, обратился за помощью в ОВД населенного пункта, расположенного на маршруте движения, чтобы сообщить в учреждение о произведенном задержании. По не указанным в рапорте причинам им было отказано [8].

Предполагаем, что причина не только в несовершенстве существующих (сложившихся механизмов) взаимодействий, но и в исполнительной дисциплине. Конечно, существуют и положительные примеры взаимодействия. Так например, двое осужденных, совершившие побег из ЖХ-385/7 (пос. Сосновка Зубово-Полянского района Республика Мордовия) и сбавшие на товарном поезде, через непродолжительное время были задержаны сотрудниками ЛОВД ст. Рузаевка по сообщению сотрудников ЛОВД ст. Потьма. Сотрудники Потьминского ЛОВД действовали по поступившей ориентировке исправительного учреждения [9].

Э. Г. Щерба также указывает ряд причин проблемного взаимодействия сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний и МВД: слабое использование в практике специальной литературы и ее недостаток, специфика функций взаимодействующих подразделений, объем преподаваемого материала по вопросам сотрудничества в учебных заведениях Федеральной службы исполнения наказаний и Министерства внутренних дел России [11, с. 4].

Первый и наиболее значимый вид взаимодействия возникает между субъектом расследования и оперативными подразделениями органов, обладающими полномочиями на осуществление оперативно-розыскной деятельности. Несмотря на значимость для расследования данного вида взаимодействия и наличие специальных исследований в этой области, в науке до настоящего времени отсутствует единое его определение. Так, А. И. Кривенко писал: «Под взаимодействием следователя и оперативно-розыскных подразделений понимается их согласованная, подчиненная единому замыслу деятельность, осуществляемая путем оптимального использования присущих им средств и методов в целях наиболее эффективного решения задач, возникающих при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений» [3, с. 15]. Кроме изложенной дефиниции, известны определения И. М. Гуткина [1, с. 13], В. Ф. Статкуса [7, с. 8—9] и других ученых. Не вдаваясь в полемику по поводу полноты и точности отражения всех признаков данного понятия, отметим, что отличительные черты взаимодействия можно распределить по группам:

— признаки, характеризующие субъекты взаимодействия (например, независимость субъектов взаимодействия друг от друга в административном отношении);

— признаки, раскрывающие основы, сущность и выражение действий, составляющих взаимодействие (согласованная деятельность, основанная на законе и подзаконных актах, осуществляемая путем оптимального использования присущих субъектам взаимодействия средств и методов либо путем целесообразного сочетания методов и средств);

— признаки, характеризующие цели взаимодействия (раскрытие и расследование конкретного преступления; решения задач, возникающих при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений).

В ходе расследования побега из мест лишения свободы возможны следующие виды взаимодействия субъекта расследования и оперативно-розыскных подразделений в зависимости от субъектного состава:

— взаимодействие с оперативно-розыскными подразделениями уголовно-исполнительной системы;

— взаимодействие с территориальными структурными подразделения МВД РФ (например, с подразделениями органов внутренних дел на железнодорожном транспорте, ГИБДД, криминальной милицией, милицией общественной безопасности);

— взаимодействие с другими органами полномочными осуществлять оперативно-розыскные мероприятия (например, территориальными подразделениями Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков).

Выбор вида взаимодействия обусловлен задачами расследования. Сотрудничество оперативно-розыскных подразделений уголовно-исполнительной системы и следователя (дознавателя) объективно необходимо, поскольку побег — это разновидность пенитенциарного преступления. Сотрудники исправительного учреждения, как правило, осведомлены о взаимоотношениях между осужденными, имеют благоприятные условия для проведения оперативно-розыскных мероприятий, вследствие чего данные им поручения о производстве розыскных и следственных действий выполняются качественно, оперативные данные положительно сказываются на всесторонности и полноте исследования обстоятельств дела [2]. Субъектом взаимодействия может выступать как начальник ис-

правительного учреждения — в качестве органа дознания, так и сотрудники оперативного аппарата. Взаимодействие возникает:

— при возбуждении уголовного дела начальником исправительного учреждения как органом дознания и производства неотложных следственных действий;

— при получении следователем результатов оперативно-розыскной деятельности, официально представленных оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы;

— при необходимости направления следователем письменных поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий, нацеленных на установление местонахождения бежавшего осужденного, причин и мотивов побега, фактов сокрытия, уничтожения следов преступления, оказания давления на свидетелей, лиц, оказавших содействие бежавшему, и т. п.; производстве отдельных действий, а также привлечении оперативных работников к оказанию содействия следователю при производстве отдельных следственных действий (следственного осмотра, обыска на территории исправительного учреждения, допроса осужденных);

— при необходимости получения консультаций правового, процессуального либо тактического плана у следователя при производстве должностным лицом исправительного учреждения дознания;

— при необходимости получения следователем консультаций оперативных подразделений исправительного учреждения относительно оперативной обстановки учреждения, особенностей функционирования, нормативного регулирования, сложившейся практики работы и т. п.;

— при необходимости взаимного обмена информацией, необходимой для розыска лица.

Данный перечень не является закрытым, так как в процессе расследования побега добавляются задачи, подлежащие решению совместными усилиями следователя и оперативных подразделений органов уголовно-исполнительной системы.

Следующий субъект — это подразделения Министерства внутренних дел РФ. Необходимость данного вида взаимодействия возникает при розыске скрывшегося преступника и производстве связанных с ним следственных и иных процессуальных действий. В физическом розыске преступника могут быть задействованы участковые уполномоченные, патрульно-постовая служба, сотрудники ГИБДД, подразделения, обеспечивающие правопорядок на транспорте (железнодорожном, водном и т. д.). Для качественного выполнения поручений, связанных с расследованием побега, сотрудники должны быть снабжены ориентировками на бежавшего, проинструктированы относительно поведения при его обнаружении, задержании. Их силами могут быть организованы: опросы граждан в населенных пунктах (поселках, деревнях) на пути предполагаемого движения бежавшего и работников организаций транспорта; создание или усиление заградительных групп на пути предполагаемого следования осужденного; обследование заброшенных помещений и территорий в зоне их юрисдикции.

Третью группу субъектов составляют оперативно-розыскные подразделения Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. Данный вид взаимодействия редко встречается на практике и достаточно специфичен. Вовлечение указанных органов в процесс расследования сопряжено с тем, что бежавший являлся или остается субъектом их оперативного интереса. В таких условиях не только их организационный, но и информационный потенциал положительно сказывается на результатах розыска бежавшего и установлении иных обстоятельств произошедшего. При взаимодействии с органами ФСБ России допустимо решение задачи установления условий побега, связанных с умышленными противоправными действиями сотрудников исправительного учреждения посредством направления поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий. Необходимо учесть, что данная служба не имеет «ведомственного» интереса.

При расследовании возможны практически все известные процессуальные и непроцессуальные формы взаимодействия. Однако на практике перечень принимаемых видов взаимодействия узок. Часто все сводится к выполнению оперативными подразделениями исправительных учреждений поручений следователя о розыске скрывшегося осужденного. Иногда субъекту расследования представляется информация, свидетельствующая о ходе розыска (справка по расстановке сил и средств, ориентировке бежавшего).

Однако возможный перечень решаемых задач, как следует из вышеописанных видов взаимодействия, широк. Это выявление фактов противодействия расследованию, установление причин и условий побега, его мотивов, возможных пособников преступления, т. е. тех обстоятельств, которые для полного и качественного расследования необходимо установить, но это не всегда возможно в условиях кабинетной работы.

Для того чтобы цепочка взаимодействия «следователь — контакт — оперативный сотрудник — результат — следователь», давала результаты, необходимо конкретизировать задания, вопросы оперативному сотруднику, избегая

общих формулировок. С. В. Пропастин писал, что «нецелесообразно в поручении на проведение оперативно-розыскных мероприятий ограничиваться лишь общей формулировкой: установить лиц, причастных к совершению преступления. Необходимо также ставить перед исполнителем более конкретные задачи» [6, с. 63]. Конкретность уменьшает вероятность формального подхода к исполнению поручения. При этом у следователя есть возможность сделать необходимые выводы. Так, например, эффективно не ставить задачу установления вероятных мотивов, причин побега, а узнать, как вел себя осужденный незадолго до побега, о каких обстоятельствах жизни сообщал осужденным, находящимся с ним в контакте. Конечно, речь идет не о сведениях, дублирующих полученные в результате проведения следственных действий (например, допроса свидетелей), а о негласных, которые осужденные могли утаить. Если информация, добытая оперативным путем, совпадает с полученной в результате следственных действий, это будет одним из признаков достоверности последней. Изложенное указывает на необходимость подготовки следователя к предстоящему взаимодействию аналогично подготовке к отдельному следственному действию. Этому могут предшествовать устная консультация с оперативным сотрудником, сообщение ему сведений, которыми располагает следователь и которые могут облегчить исполнение поручения.

Важным аспектом эффективного взаимодействия является контроль исполнения. Во многом поднятию уровня исполнительной дисциплины способствует планирование. Оно может осуществляться на уровне как следственно-оперативных групп, так и руководителей взаимодействующих органов (особенно по сложным делам). С этой целью может быть создан временный координационный штаб (межведомственный временный штаб). Целесообразность такого предложения подтверждается результатами изучения данного вопроса другими исследователями. Э. Т. Щерба указывал на то, что «60,7 % опрошенных сочли необходимым введение штатной должности начальника оперативного штаба (координатора), что, по их мнению, способствовало бы выработке единой концепции при организации и осуществлении розыскной работы взаимодействующих субъектов УИС и МВД России» [11, с. 5].

Современные правоохранительные органы построены по принципу подчинения нижестоящих должностных лиц вышестоящим. Процессуальная самостоятельность следователей не исключает данного принципа, поэтому организация подобного штаба, возглавляемая одним из руководителей правоохранительного ведомства (например, прокурором специализированной прокуратуры, причем в соответствии со ст. 8 ФЗ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, органов таможенной службы и других правоохранительных органов [10]) способно повысить исполнительную дисциплину. Тому же будет способствовать организация деятельности штаба: проведение заседаний с заслушиванием отчетов о проделанной работе по плану межведомственного взаимодействия с их протоколированием, совместная выработка дальнейших мероприятий. Работа штаба будет иметь координационное значение, так как «целью координации является согласование деятельности самостоятельных органов, подразделений, должностных лиц...» [3, с. 27]. В таком контексте понятие взаимодействия следует отличать от понятия координации. Следует заметить, что подобная организация трудового процесса позволяет выявлять недостатки в работе, что в дальнейшем будет способствовать повышению качества следственных, оперативно-розыскных и организационных мероприятий.

Потребность во взаимодействии с экспертными учреждениями, отдельными экспертами и специалистами возникает на разных этапах расследования. На подготовительном этапе расследования необходимы осмотр места происшествия, трупа (если побег был сопряжен с убийством), потребность обнаружения, изъятие и фиксация следов преступления, общей картины местности. В преобладающем числе изученных случаев эксперт (специалист) привлекался для фотографирования места происшествия. В ходе осмотра специалист вправе оказывать следователю (дознавателю) консультативную помощь. Следует заметить, что привлечение эксперта характерно в основном для расследования побегов, совершенных в черте городских поселений, и реже — в местах, значительно удаленных от населенных пунктов. Последнее объясняется отсутствием нужных специалистов либо их занятостью на выезде по другим, более тяжким, преступлениям. В таких условиях следователь (дознаватель) должен ориентироваться в «полевой криминалистике». На последующих этапах расследования взаимодействие проявляется в совместных консультациях, а также в назначении экспертизы.

При осуществлении розыска бежавшего осужденного особое значение приобретает взаимодействие с общественностью и организациями, так как нахождение правонарушителя на

свободе может быть сопряжено с совершением другого преступления. Сообщение гражданам о совершенном побеге играет роль предупреждения о потенциальной опасности, повышает их бдительность. Способом доведения подобной информации до населения является ее распространение через средства массовой информации и организации. Ориентировка с приметами бежавшего и просьбой сообщить какую-либо информацию о разыскиваемом лице размещается в печатных изданиях, на радио и телевидении, на информационных стендах придомовых территорий, вокзалах, в общественном транспорте.

В зависимости от ситуации допустимо направление ориентировок об объекте поиска в диспетчерские службы организаций общественного транспорта, такси, организаций, осуществляющих междугородние пассажирские и грузовые перевозки, службы жилищно-коммунального хозяйства, в частные охранные предприятия, лицам, сдающим жилье внаем, руководителям сельских администраций, охотхозяйств, лесничеств, садоводческих товариществ.

В заключение следует отметить, что грамотно налаженное сотрудничество не только способствует повышению эффективности и результативности предварительного следствия, но и оказывает профилактическое действие на спецконтингент исправительного учреждения. Знание о том, что к розыску и расследованию подключены различные ведомства, создана следственно-оперативная группа или, например, работает координационный штаб, особенно если это приведет к скорому задержанию бежавшего, породит у ряда осужденных неверие в успех побега.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Гуткин И. М.** Правовые вопросы взаимодействия следователей и органов дознания в уголовном процессе (По материалам органов охраны общественного порядка) / И. М. Гуткин. — М. : ВШ МООП СССР, 1967. — 206 с.

2. **Данилюк А. И.** О некоторых особенностях в расследовании преступлений, совершенных осужденными в исправительно-трудовых учреждениях / А. И. Данилюк // Проблемы борьбы с преступностью : сб. ст. — Томск, 1979. — Вып. 2. — С. 45—49.

3. **Кривенко А. И.** Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность / А. И. Кривенко. — М. : Юрлитинформ, 2006. — 192 с.

4. Криминалистика : краткая энциклопедия / авт.-сост. Р. С. Белкин. — М. : Большая Рос. энцикл., 1993. — 111 с.

5. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юристъ, 2004. — 718 с.

6. **Пропастин С. В.** Методические рекомендации по осуществлению взаимодействия между следователем и оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы России при раскрытии и расследовании преступлений, совершенными осужденными в местах лишения свободы / С. В. Пропастин // Законодательство и практика [Омск]. — 2005. — № 2. — С. 61—65.

7. **Статкус В. Ф.** Взаимодействие следователя с сотрудниками оперативных аппаратов органов внутренних дел при возбуждении уголовного дела / В. Ф. Статкус. — М. : ВШ МВД СССР, 1973. — 126 с.

8. Уголовное дело №1-36/97 // Архив Зубово-Полян. район. суда Республики Мордовия.

9. Уголовное дело №1-42/96 // Архив Зубово-Полян. район. суда Республики Мордовия.

10. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.base.garant.ru/10164358.htm. — Загл. с экрана.

11. **Щерба Э. Т.** Организационно-правовые основы розыскной работы Федеральной службы исполнения наказания и МВД России в отношении лиц, совершивших побег из исправительного учреждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Э. Т. Щерба. — Вологда, 2007. — 21 с.

Поступила 30.09.09.

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ. ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Н. Б. Назарова

Дети и подростки нуждаются в повышенной юридической защите прав в силу возраста, однако долгое время подрастающее поколение рассматривали как неполноценных физически и психически взрослых людей. Игнорирование этого важнейшего фактора привело к тому, что и римское право, и более поздние историко-правовые памятники Средневековья, и даже законы Нового времени предусматривали весьма ограниченную защиту детей перед законом и судом. Автор статьи обращает внимание на актуальность поиска возможных путей преодоления преступности несовершеннолетних с опорой на историческое прошлое столь укоренившейся проблемы человечества.

П. И. Люблинский, творец российской ювенальной юстиции, в монографии «Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки)», вышедшей в 1923 г., наряду с другими известными деятелями того времени предложил изучать личность несовершеннолетних правонарушителей и причины их правонарушений с целью предотвращения преступности, которая в первое десятилетие XX в. не снижалась, а росла [1; 5; 6].

В 1951 г. вышел в свет роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», главный герой которого, 16-летний Холден Колфилд, признается в потребности общения и «руководства», поддержки и разрешения возникающих у него в луне противоречий. Учитель Антолини, единственный сколько-нибудь полно и разносторонне очерченный взрослый персонаж этого романа, выступает «наставником» подростка и рассуждает вместе с Холденом о его жизни: «Ничего тебе не нравится. Все школы не нравятся, все на свете не нравится...»; «Пропасть, в которую ты летишь, — ужасная пропасть, опасная. Тот, кто в нее падает, никогда не почувствует дна. Он падает, падает до конца. Это бывает с людьми, которые в какой-то момент своей жизни стали искать то, чего или не может дать привычное окружение. Вернее, они думали, что в привычном окружении они ничего для себя найти не могут. И они перестали искать. Перестали искать, даже не делая попытки что-нибудь найти» [10].

Дефицит наставников ощутим и сегодня. Пренебрежение распущенностью нравов, безответственностью и вседозволенностью, мы погрязли в преступности. Ее рост наиболее ощутим среди подрастающего поколения. Растущий организм ребенка, подростка плохо защищен от неблагоприятных внутренних и внешних влияний, что приводит к конфликту с окружающими, с требованиями закона, к более частым нарушениям прав несовершеннолетних со стороны взрослых. Возрастная неадаптированность несовершеннолетних к меняющимся условиям жизни требует компенсации с помощью специальной, повышенной правовой защиты. Такая защита, предусмотренная законом, также считается неотъемлемым признаком юридического понятия несовершеннолетнего.

Рассмотрим подробнее понятие «несовершеннолетний», приведенное Э. Б. Мельниковой, чьи лекции послужили отправной точкой написания настоящей статьи: «Что касается общего юридического понятия несовершеннолетия, то оно содержит и общую демографическую характеристику лиц определенного возраста. В законодательстве, юридической практике и юридической литературе чаще используется термин „несовершеннолетний", реже — „несовершеннолетие" Связано это с тем, что акцент делается прежде всего на права, свободы и обязанности несовершеннолетних. Понятие „несовершеннолетие" больше привлекает внимание в теоретическом плане — изучение возрастного периода несовершеннолетия, признаков личности, причин специфического поведения несовершеннолетних» [8].

Несовершеннолетний — тот, кто не достиг определенного возраста, с которым закон связывает его полную гражданскую дееспособность, т. е. возможность реализовать в полном объеме предусмотренные Конституцией и другими законами страны субъективные права, свободы и юридические обязанности. Синонимами термина выступают: ребенок, подросток, частично дееспособный и т. д.

Включив в правовые документы понятие «несовершеннолетний», законодатели государств и всего международного сообщества установили юридическую границу между не-

© Н. Б. Назарова, 2009

совершеннолетием и совершеннолетием, создав автономную демографическую группу людей — носителей специфических прав и обязанностей. Восемнадцатилетие как рубеж достижения совершеннолетия условно, так как личность конкретного человека может не соответствовать заложенному в законе представлению о моменте наступления юридической зрелости.

Подросток может отставать в развитии или, наоборот, опережать возраст. Такие ситуации особенно чреваты конфликтами. Отставший в развитии скорее станет жертвой преступления, «акселерат», напротив, имея завышенные, не соответствующие его возрасту требования к окружающим, скорее может нарушить закон. Защитой несовершеннолетних в подобных случаях выступают специальные нормы права в разных его отраслях. Примером может служить требование обязательного установления возраста несовершеннолетнего в необходимых случаях, как и особое внимание к деяниям несовершеннолетних, имеющих признаки умственной отсталости. Для защиты несовершеннолетних в судебном процессе определен большой объем полномочий их законных представителей (родителей или лиц, их заменяющих).

Анализируя понятие «несовершеннолетний» как правовую базу ювенальной юстиции, нельзя забывать об объеме прав, свобод и обязанностей несовершеннолетних, предоставляемых им разными отраслями права, поскольку они определяют и юридические границы функционирования ювенальной юстиции. Например, требует юридического обоснования положение о том, относятся ли к юрисдикции судов по делам несовершеннолетних лица, признанные в установленном законом порядке полностью дееспособными.

Уголовный кодекс РФ установил два возраста уголовной ответственности — 16 и 14 лет. Преступления, за которые уголовная ответственность наступает с 14 лет (их закрытый перечень дан в ст. 20 УК РФ), характеризуются повышенной общественной опасностью, доступной для ее осознания 14-летними подростками. Эти правовые и возрастные границы учитываются и в уголовно-процессуальном законодательстве России. Вместе с тем в судебном процессе есть особые возрастные группы несовершеннолетних, для которых предусмотрены правила защиты прав и законных интересов, равно как и реализации уголовного преследования (наказания).

Как уже рассматривалось выше, возрастная неадаптированность (неприспособленность) несовершеннолетних к меняющимся условиям жизни нередко приводит именно к смещению понятий свободы и произвола, что приводит к искажению нормы или замены таковой причинными девиациями (отклонениями). Признаки гражданского общества (из них первые три нравственно-этического содержания, четвертый имеет нравственный импульс, последний — правовое содержание) свидетельствуют о принятии или отвержении насущной проблемы преодоления преступности среди несовершеннолетних:

— массовый интерес населения к вопросам о детях и подростках групп риска (т. е. находящихся в условиях жизни и воспитания, неблагоприятных для жизни и нормального развития, требующих в связи с этим помощи и защиты со стороны общества и государства);

— проявление населением чувства гражданской ответственности за указанную ситуацию и активное стремление принять участие в преодолении опасного состояния, в котором оказались дети, в спасении их жизни и здоровья;

— подобное отношение к вовлечению детей и подростков в совершение преступлений и иных противоправных поступков;

— создание в рамках гражданского общества различных общественных объединений, в уставы которых включена деятельность по защите детей и подростков от неблагоприятных условий жизни (например, экологической, нравственной направленности) для помощи в образовании, эстетическом, физическом, социальном воспитании детей и подростков;

— предусмотренная в законах деятельность объединений гражданского общества, а также отдельных граждан по предупреждению (профилактике) правонарушений, преступлений несовершеннолетних, оказанию помощи суду в рамках закона и выполнению поручений суда при осуществлении правосудия по делам несовершеннолетних.

В первую очередь необходимо сказать о роли *церкви* в покровительстве детям-сиротам и детям-правонарушителям. Выработанные ей специальные формы устройства и воспитания таких детей пережили не одно столетие, а с начала деятельности судов для несовершеннолетних активно использовались последними путем соответствующего обращения к церковной общине, монастырям и т. д.

Особенно сильна роль церкви и религии в целом в рамках католицизма. Речь идет о таких странах, как Испания, Италия, Португалия, Польша, Нидерланды. Есть упоминание о том, что в Испании еще в XIV в. были церковные функционеры, которых называли «отцами и судьями сирот». Испанский король Павел IV Арагонский законодательно закрепил эту традицию, создав в 1337 г. в Валенсии магистратуру «отца сирот». В его компетенцию вошли опека, попечительство, устройство детей. Католическая

церковь в Испании с давних времен создавала приюты и брала на себя функции ресоциализации подростков-правонарушителей. Италия была первой европейской страной, где церковь инициировала создание специального пенитенциарного учреждения для несовершеннолетних правонарушителей. Папа Клемент XI создал в Риме исправительный дом Сен-Мишель, указом определив контингент подростков и условия их содержания [14, p. 65].

Серьезную роль в создании системы помощи детям-сиротам и правонарушителям, особого режима их воспитания сыграла и польская церковь. Как отмечают западные исследователи, особенно Энрика Вейяр-Цибульская, система социальной помощи, тесно связанная с системой правосудия для несовершеннолетних, была целиком в руках церкви [14]. Для Польши было традиционным создание большого числа религиозных патронажных общин, покровительствовавших детям и подросткам, оказавшимся в неблагоприятных для жизни условиях. Многие общины располагали немалыми материальными средствами, позволявшими им создать воспитательные учреждения для таких детей (например, возникшее в 1871 г. «Общество сельского хозяйства и ремесел», построившие в 1876 г. исправительный дом для подростков-правонарушителей, который, по замыслу создателей, должен был стать подобием семьи для этих детей).

Историческое прошлое изучения несовершеннолетних правонарушителей можно обобщить следующим образом:

— в юриспруденции долгое время не существовало правового понятия детства как особо защищаемого периода жизни человека;

— в правовых актах отсутствуют юридические правила специальной защиты детей и подростков в суде, в тюрьмах, после освобождения из них;

— жестокость закона и суда к несовершеннолетним проявляется в том, что они, если совершали противоправные проступки, в правовом положении приравнивались к взрослым преступникам.

Следовательно, к правовой защите детей и подростков (в цивилизованном представлении) человечество шло медленно, и путь в этом направлении фактически начало уже в XX в. (первый универсальный международно-правовой акт о защите детства — первая Декларация о защите прав детей — был принят Лигой Наций только в 1924 г.). Нельзя утверждать категорически и однозначно, что римское право, более поздние правовые акты Средневековья и тем более законодательство XVIII—IX вв. не оставили юридических свидетельств того, что существовали попытки оградить несовершеннолетних от жестокой кары за совершенное деяние.

Рассмотрим некоторые положения римского права. В четвертой книге Дигест императора Юстиниана (VI в. н. э.) есть титул IV, озаглавленный «О лицах, не достигших 25 лет». В п. 1 титула приведено высказывание Доминиция Ульпиана (жил примерно в 170—228 гг.), римского юриста, префекта претория: «Следуя естественной справедливости, претор установил этот эдикт, путем которого он предоставил защиту юным, так как всем известно, что у лиц этого возраста рассудительность является шаткой и непрочной и подвержена возможностям многих обманов; этим эдиктом претор обещал и помощь и защиту против обмана...» [2, с. 89]. Из текста эдикта ясно, что защиту лиц в возрасте до 25 лет осуществляют их попечители и речь идет главным образом о сделках с имуществом. В титуле IV есть несколько пунктов, где подробно рассматриваются разные случаи совершения этими лицами сделок и указывается, когда им должна быть оказана защита, а когда — нет. Упоминаются и правонарушения. Пожалуй, ближе к современному их пониманию будет высказывание Ульпиана, где он отвечал на вопрос, нужно ли оказывать помощь малолетнему, если он умышленно совершил правонарушение. «И нужно признать, — говорил Ульпиан, — что при правонарушениях не следует приходить несовершеннолетним на помощь и таковая не оказывается. Ибо если он совершил воровство или противоправно причинил ущерб, помощь не оказывается» [2, с. 9]. В законах Античности и Средневековья речь шла только о наказаниях детей и подростков. Процессуальный статус стал интересовать юристов значительно позднее.

В Законах XII таблиц был впервые сформулирован принцип прощения наказания. Он относился главным образом к несовершеннолетним и в некоторых последующих работах формулировался как прощение, оправданное несовершеннолетием. В Законах XII таблиц речь шла о неназначении наказания при наличии двух условий: 1) когда совершивший преступление не понимал характера преступного акта; 2) когда преступный акт не был доведен до конца [3].

Этот принцип в течение длительного времени был распространен в странах, принявших римское право. Например, французские юристы отсчитывают его существование во Франции и других романских странах от Законов XII таблиц до Великой французской революции 1789 г. Несовершеннолетних, к которым применен принцип прощения наказания, современные западные юристы называют «уменьшенными взрослыми» [13].

Российским юристам более привычен термин «уменьшенная вменяемость». Законы

XII таблиц делали различие между умышленными и неумышленными преступлениями. Напомним, что это предусматривалось и в Дигестах Юстиниана, только применительно к нанесению ущерба. По Законам XII таблиц умышленные преступления считались неискупаемыми, за них всегда следовало наказание. Однако для несовершеннолетнего, признаваемого психически незрелым, допускалось уменьшение наказания. Известный французский исследователь прав несовершеннолетних Филипп Робер оценивает это правило Законов XII таблиц как основу возникшего позднее общего для уголовной ответственности несовершеннолетних принципа разумения.

Жестокость, игнорирование детства как естественного состояния человеческой личности более всего характерны для средневековых правовых актов. Известные швейцарские исследователи преступности несовершеннолетних Морис и Эрика Вейяр-Цибульские по результатам многолетних исследований истории борьбы с преступностью несовершеннолетних свидетельствуют, что частым было применение смертной казни к детям младшего возраста. К ним применялись те же виды наказаний, что и для взрослых преступников.

Карательный оттенок был и у статьи CLXIV «Каролины», где о несовершеннолетних ворах было сказано: «Если вор или воровка будут в возрасте менее четырнадцати лет, то они независимо от каких-либо иных оснований не могут быть осуждены на смертную казнь, а должны быть подвергнуты... телесным наказаниям по усмотрению (суда) и должны дать вечную клятву». Казалось бы, несовершеннолетний защищен законом от смертной казни. Но вслед за приведенным текстом следует продолжение: «Но если вор по своему возрасту приближается к четырнадцати годам и кража значительна или же обнаруженные при том вышеуказанные отягчающие обстоятельства столь опасны, что злостность может восполнить недостаток возраста, то судья и шеффены должны вопросить... ответа, должно ли подвергнуть такого малолетнего вора имущественным или телесным наказаниям или смертной казни» [4].

Такая оговорка в законе открывала дорогу именно смертной казни несовершеннолетних преступников. М. и Э. Вейяр-Цибульские привели пример решения английского суда в отношении двух детей 9 и 10 лет, убивших ребенка. Вопрос о смягчении им наказания не стоял. Детей казнили. Так принцип «злой умысел восполняет недостаток возраста» стал действовать не только в Германии, но и в Англии, которая не восприняла римского права. Дальнейшее развитие уголовного права и правосудия давало все больше отклонений от принципа прощения наказания, когда речь шла о несовершеннолетних.

Во второй половине XVIII в. появились статистические данные об отсутствии специальной защиты детей и подростков в суде при исполнении наказания. Английский юрист П. Кинг, изучив преступность в Англии 1762–1782 гг., установил, что правовая незащищенность детей младшего возраста, содержавшихся в тюрьмах, была, по его словам, абсолютной. Значительную часть заключенных составляли мальчики самого младшего возраста и девочки 10—13 лет. Все они содержались вместе со взрослыми осужденными в одном помещении [11].

Очевидно, что такая ситуация быстро формировала преступную карьеру детей, оказавшихся в тюрьмах. Об этом писали и современники тех событий. Так, в докладе инспектора королевских тюрем Англии и Уэльса за 1836 г. сказано, что «ребенок входил в тюрьму не за преступление, а по возрасту, выходил же из нее со знанием путей совершения злых поступков» [14].

Отсутствие специальной правовой защиты несовершеннолетних можно было обнаружить в законах многих стран, например США, в начале и даже в середине XIX в. Законы устанавливали разную для детей и взрослых уголовную ответственность и наказание, одинаковое для всех лиц, представших перед судом, судебную процедуру. Лишь в середине XIX в. стали появляться законы, создаваться специальные учреждения, где стояла задача элементарной защиты детей и подростков на разных стадиях осуществления правосудия.

Вторая половина XIX в. знаменовала собой постепенное, но неукоснительное изменение указанного традиционного отношения к несовершеннолетним правонарушителям. В тех же США делались попытки облегчить судьбу осужденных детей и подростков. Так, еще в 1824 г. в Нью-Йорке был создан первый реформаторий для детей с целью оградить их от совместного содержания в тюрьмах со взрослыми преступниками. В 1831 г. закон штата Иллинойс предусмотрел, что наказание несовершеннолетних за некоторые виды преступлений должно отличаться от наказания взрослых. В 1869 г. в Бостоне (штат Массачусетс) впервые были организованы заседания суда специально для рассмотрения дел несовершеннолетних, а также осуществлен первый опыт применения к ним режима пробации (воспитательного надзора), ставшей впоследствии одним из самых распространенных и, по мнению американцев, самых действенных методов обращения с несовершеннолетними правонарушителями. Федеральный закон США уже содержал предписание о рассмотрении дел несовершеннолетних в возрасте до 16 лет отдельно от дел взрослых преступников.

Это были лишь отдельные попытки, которые кардинально не меняли карательную направленность уголовной политики в отношении несовершеннолетних. Коренной перелом наступил лишь в конце XIX в. и завершился созданием 2 июля 1899 г. в Чикаго (штат Иллинойс) специального суда по делам несовершеннолетних. Этот день сразу был провозглашен историческим, когда победу одержали прогрессивные силы юридической общественности США.

Конечно, этот поворот в истории правосудия не был случайным: его готовила история ювенальной юстиции. Но необходим был особый импульс, чтобы стало ясно, что без специального правосудия для несовершеннолетних борьба с детской и юношеской преступностью обречена на неуспех. Импульсом выступил небывалый рост преступности несовершеннолетних в конце XIX в. Достижения технического прогресса породили определенные новшества в экономической сфере, изменившие привычные условия жизни общества. Европа конца XIX — начала XX в. была буквально наводнена толпами юных бродяг и правонарушителей. Существовавшие в то время средства борьбы с преступностью можно оценить как неэффективные, а применительно к несовершеннолетним — как провоцирующие новые преступления. Примеру США, создавших свой суд для несовершеннолетних (Закон от 1 июля 1899 г., первый проект Закона — 1891 г.), последовали другие страны, через короткое время возникли национальные суды для несовершеннолетних в Северной Америке, Европе, Африке, Азии, Австралии и Новой Зеландии.

Создание чикагского суда по делам несовершеннолетних было своеобразной сенсацией начала XX в. Как писал известный российский процессуалист профессор П. И. Люблинский, «едва ли можно назвать в современной европейской юридической и педагогической литературе тему более модную, чем вопрос об американских судах для несовершеннолетних, выдвинувшийся с начала XX в. Идеями этого движения полны труды юристов всех европейских стран. Почти в каждом государстве теперь делаются эксперименты практического осуществления этих учреждений, причем намечаются новые типы, новые формы» [6]. Следует отметить, что П. И. Люблинский изучал опыт первых 10 лет функционирования чикагского суда непосредственно в США. Важность этого факта он подчеркивал, когда писал, что многочисленные работы, статьи, появившиеся после создания первого суда для несовершеннолетних, не основывались на непосредственном наблюдении за ним в США. Это удалось сделать после проведения статистического исследования деятельности правосудия в отношении несовершеннолетних более чем за 50 лет. Ученый предложил переход от карательной уголовной политики в отношении несовершеннолетних **к политике воспитательной**.

В 2003 г. член Союза писателей России В. Н. Николаев представил на суд читателей документальную повесть «Из рода в род» о непростых судьбах людей, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, о духовном и нравственном очищении, в котором нуждается наше общество. В 2008 г. эту тему продолжила документальная повесть «Безотцовщина», предисловием к которой выступило письмо сироты Саши из мест лишения свободы с криком о помощи: «Помогите мне хотя бы советом, как полезно жить». Как и герой романа Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», мальчик переживал растерянность в вопросах нравственных, душевных, искал поддержку и ориентиры.

«Поймать преступника и наказать его — это всего лишь последняя стадия юридического дела», — рассуждал В. Н. Николаев. «...Сегодняшняя социальная и моральная среда меняется настолько стремительно, что уже через полтора-два года освободившаяся молодежь выходит в неузнаваемый, часто более агрессивный кусающийся мир. В той деревне или городке, откуда они родом, бывших заключенных, действительно, боятся и ненавидят, а нередко создают такую невыносимую атмосферу бытия, в которой их замкнутая, огрызающаяся ранимая душа легко и порой назло всем становится на новый путь преступлений. Поэтому надо решить главную задачу: создать настоящую государственную стратегическую программу по восстановлению и поддержке этих людей. На сегодня ничего подобного или близкого к этому нет. Посещая детские колонии, я повидал многое. Могу сказать, что судьбы мальчишек и девчонок чаще всего несут в себе такие факты, осмыслить которые требуются иногда даже не дни, а недели и месяцы. У них, молодых по возрасту, но пожилых по опыту есть свой цепкий недетский взгляд на окружающий мир» [9, с. 7—8].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что сегодня, как и столетия назад, основной задачей по преодолению преступности среди несовершеннолетних является своевременное вразумление, как не оказаться за воротами колонии. Это лучшая профилактика последующей пожизненной реабилитации, поэтому потребность создания специальной правовой защиты несовершеннолетних, обусловленной особыми психофизиологическими и социальными качествами личности детей и подростков, актуальна, как и века спустя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Гернет М. Н.** Дети-преступники : сб. ст. с предисл. и под ред. М. Н. Гернета / М. Н. Гернет. — М. : Изд-во Знаменского, 1912. — 550 с.

2. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И. С. Перетерского / отв. ред. : Скрипилов Е. А. ; редкол. : Корецкий В. М., Нерсесянц В. С., Скрипилов Е. А. (отв. ред.), Штаерман Е. М. — М. : Наука, 1984. — 456 с.

3. Законы XII таблиц [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.i-u.ru/biblio/archive/gay_hrrimpr/ — Загл. с экрана.

4. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V / пер., предисл., прим. С. Я. Булатова ; отв. ред. С. З. Зиманов. — Алма-Ата : Наука КазССР, 1967. — 151 с.

5. **Куфаев В. И.** Юные правонарушители / В. И. Куфаев. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М. ; Новая Москва ; 16-я тип. Мосполиграфпрома, 1929. — 356 с.

6. **Люблинский П. И.** Суды для несовершеннолетних в Америке как воспитательные и социальные центры / П. И. Люблинский. — М., 1911. — С. 3.

7. **Люблинский П. И.** Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки) / П. И. Люблинский. — М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1923. — 294 с.

8. **Мельникова Э. Б.** Ювенальная юстиция : проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии : учеб. пособие / Э. Б. Мельникова ; Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ, Рос. правовая акад. — М. : Дело, 2000. — 272 с. — (Российское право: теория и практика).

9. **Николаев В. Н.** Безотцовщина : документ. повесть / В. Н. Николаев. — М. : СофтИздат, 2008. — 200 с.

10. **Сэлинджер Д.** Над пропастью во ржи / Дж. Д. Сэлинджер. — М. : Эксмо, 2009. — 336 с.

11. **King P.** Decision-makers and criminal law. 1750—1800 / P. King // Hist. Journ. — 1984. — Vol. 27, № 1. — P. 25—58.

12. **Morris A.** Understanding Juvenile Justice / A. Morris, H. Giller. — L. ; N. Y. : Croom Helm, 1987. — P. 8.

13. **Robert Ph.** Traité de droit des mineurs. Place et rôle dans l'évolution du droit français contemporain / Ph. Robert. — Besançon, 1969. — P. 59.

14. **Veillard-Cybulski H.** La protection judiciaire de la jeunesse dans le monde — ses débuts / H. Veillard-Cybulski. — Étude historique, éd. par l'Association internationale des Magistrats de la Jeunesse. — Bruxelles, 1966. — 160 p.

Поступила 01.12.09.

ФОРМЫ ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ СО СТОРОНЫ МОЛОДЕЖНЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУППИРОВОК

Н. А. Подольный

В статье анализируется понятие противодействия расследованию преступлений. Применительно к организованным преступным сообществам делается вывод о том, что не только противодействие расследованию создает трудности в установлении истины по делу. Имеются и другие препятствия, которые затрудняют расследование и даже делают его невозможным. Формы воспрепятствования расследованию анализируются на примере молодежных преступных группировок.

Информация о противодействии расследованию, несмотря на ее значение, не рассматривается как часть методики ведения следствия конкретных преступлений [1, с. 298—305]. Как представляется, это показатель того, что противодействие расследованию преступлений до настоящего времени остается «белым пятном» в криминалистике, несмотря на имеющиеся работы в этой области.

В. Н. Карагодин определял противодействие расследованию как «умышленные действия (или система действий), направленные на воспрепятствование выполнению задач предварительного расследования и установлению объективной истины по уголовному делу» [2, с. 18]. Данное толкование стало общепринятым и не вызывает каких-либо серьезных дискуссий. Например, А. П. Порубов писал: «Если раньше под противодействием расследованию понимали преимущественно различные формы и способы сокрытия преступлений, то сегодня это понятие может быть определено как умышленная деятельность с целью воспрепятствовать расследованию и, в конечном счете, установлению истины по уголовному делу» [3, с. 3]. Многие авторы в исследованиях проблем противодействия исходят именно из этого определения, считая его наиболее объективно отражающим данное явление. Данное мнение основано на анализе практики расследования преступлений, а потому отображает имеющуюся действительность.

Однако отметим, что именно практика следственной деятельности обращает внимание на то, что расследование сталкивается с препятствиями в расследовании не только в форме противодействия. Имеются и иные действия (бездействия), сильно похожие на противодействие, но таковым не являющиеся. С ними особенно часто приходится сталкиваться при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группировками, в том числе составляющих молодежную организованную преступность. Продолжение преступной деятельности конкретной молодежной группировкой создает серьезные препятствия для расследования конкретных преступлений. Оказывается негативное воздействие на потерпевших от конкретного, расследуемого преступления, свидетелей, обвиняемых и даже сотрудников правоохранительных органов. Данное воздействие состоит в особенностях восприятия такой группировки: если она продолжает действовать, значит, она дееспособна и представляет опасность. Такое восприятие не может не оказать воздействие на поведение участников уголовного судопроизводства, а потому его необходимо учитывать при расследовании конкретных преступлений. При этом необходимо отметить, что молодежная группировка, как правило, даже не задумывается о подобного рода воздействии, хотя и использует его результаты в своих интересах.

В приведенном выше определении В. Н. Карагодина указано на то, что противодействие предполагает умысел со стороны лица (или лиц), его осуществляющего. В рассмотренном же случае умысла нет. Следовательно, это не противодействие, но это не снимает проблемы учета данных действий при расследовании конкретных преступлений. Однако очевидно, что предотвращение результатов таких действий имеет некоторые особенности, которые следователь должен учитывать при планировании и проведении расследования, с тем чтобы добиться успеха. Наряду с указанными особенностями, имеются и некоторые общие с противодействием черты, что позволяет говорить о некотором родстве названных явлений.

Наличие названных действий позволяет сделать вывод о том, что далеко не все явления, создающие серьезные препятствия расследованию, охватываются понятием «противодействие расследованию». Поэтому имеется потребность

© Н. А. Подольный, 2009

и в ином понятии, которое бы охватывало не только противодействие как умышленное действие, но и иные формы воспрепятствования расследованию. В связи с этим следует обратить внимание на исследование Е. Е. Центрова, в центре которого было психологическое воздействие, оказываемое на потерпевшего. Обращено внимание на то, что на поведение потерпевшего оказывает влияние характер совершенного преступления. Автор писал: «Многие из переживаний потерпевших не утрачивают своей силы и в ходе расследования, являясь фоном, основой, на которых формируются другие психические состояния» [4, с. 128]. Эти психические состояния могут стать серьезным препятствием для расследования, поскольку, испытывая их, потерпевший может не желать давать показания или давать неверные. В случае расследования преступлений, совершенных молодежными группировками, следователи сталкиваются с ситуациями, когда наблюдается зависимость: чем более жестоко преступление, тем больше у потерпевшего желания не давать показания об отдельных обстоятельствах и отдельных лицах, а иногда вообще не говорить о случившемся с сотрудниками правоохранительных органов. Данная позиция потерпевших благоприятна для молодежных преступных группировок. Они используют ее, планируя определенные действия по оказанию противодействия расследованию. Однако позиция потерпевших воспринимается ими как определенное случайное стечение обстоятельств, которого они не добивались осознанно. Подобная их позиция всецело обусловлена особенностями совершенного молодежной группировкой преступления, в частности жестокостью. Одним из наиболее распространенных преступлений молодежных группировок является вымогательство, совершаемое по отношению к учащимся различных учебных заведений. Особенностью данных преступлений является их восприятие потерпевшими. Ни администрация учебного заведения, ни родители потерпевших учащихся, ни правоохранительные органы не догадываются о совершении вымогательства. Преступление становится фактором, серьезно влияющим на ход расследования, создавая для него неблагоприятные условия. Это используется лицами, непосредственно виновными в совершении отдельных преступлений, и конкретными молодежными группировками, для того чтобы осложнить процесс расследования и, возможно, сделать недостижимым установление истины по делу. Но, совершая вымогательство, молодежные группировки стремятся лишь получить определенные денежные средства или иные ценности. Они часто не преследуют иных целей, среди которых молчание потерпевших, хотя это также является результатом преступления. Поэтому нельзя утверждать, что совершенное молодежными группировками преступление, помимо достижения незаконной материальной выгоды, преследует иную цель — молчание потерпевшего. В связи с этим нельзя рассматривать факт совершения преступления как одну из форм проявления противодействия со стороны молодежных группировок.

Необходимо отметить, что преступление является фактором, негативно воздействующим на расследование преступлений не только в случае расследования преступлений, совершенных молодежными группировками. Данное свойство преступления проявляется и при расследовании иных видов преступлений. Е. Е. Центров обращал особое внимание на этот момент. Он писал, что потерпевший всегда испытывает особые эмоциональные состояния, вызванные совершенным преступлением, которые неизбежно влияют на его позицию в ходе расследования конкретного преступления. Автор отмечал, что испытываемое потерпевшим «состояние зависит от характера, силы и интенсивности преступного воздействия, а также предшествующего психического состояния и психических свойств личности и выражается в своеобразии психических процессов, показаний, поведения и отношения к делу потерпевшего в ходе предварительного следствия и в суде» [4, с. 101]. Это закономерность общая для всех видов преступлений, отражает их негативное влияние на расследование. Следует заметить, что интенсивность подобного влияния все же зависит от вида преступлений. Это обусловлено наличием вполне очевидных особенностей восприятия данных преступлений потерпевшими и в целом социальным окружением, в котором живет, учится и работает конкретный потерпевший. Например, преступление против личности, совершенное на бытовой основе, например телесные повреждения, нанесенные в ходе ссоры между двумя ранее знакомыми людьми, будет иметь меньшее негативное воздействие на расследование данного преступления, чем телесные повреждения со стороны членов молодежной группировки, в ее интересах. Характер, выражающийся в ряде индивидуальных особенностей преступления, определяет степень его негативного влияния на предстоящее расследование. При этом преступники чаще всего об этом не задумываются и в ходе совершения противозаконного действия не планируют использовать его конкретные особенности, для того чтобы воздействовать на расследование в своих интересах. Это указывает на то, что совершение любого преступления не может рассматриваться в качестве проявления противодействия расследованию.

Совершенное преступление воздействует не только на потерпевших, но и на других участни-

ков уголовного судопроизводства, в частности на свидетелей. Правда, при этом следует учитывать их индивидуальные особенности, а также ситуацию, которая сделала этих людей свидетелями. Так, Е. Е. Центров отмечал, что «свидетели-очевидцы, как правило, наблюдают преступление со стороны, и испытываемые ими чувства вызваны совершением преступления в отношении другого лица» [4, с. 100]. Свидетели-очевидцы не испытывают таких глубоких эмоциональных переживаний, как потерпевшие, но они не изолированы от воздействия преступления на их эмоциональную сферу, что, безусловно, влияет на позицию, занимаемую ими в ходе расследования. При расследовании преступлений, совершенных членами молодежных группировок, часто приходится сталкиваться с тем, что такие свидетели отказываются давать показания, объясняя это тем, что они якобы не были очевидцами произошедшего. Причиной такой позиции является жестокость, свойственная преступлениям, совершаемым членами молодежных группировок. Позиция названных свидетелей во многом определяется особенностями их личного восприятия преступления. В частности, «в некоторых ситуациях они могут опасаться, что сами станут жертвой преступного посягательства» [4, с. 100]. Страх основан на субъективной оценке воспринятого ими совершенного преступления.

В меньшей степени преступление может повлиять и на иных свидетелей, т. е. на тех лиц, которые не были непосредственными очевидцами противозаконного действия, но знают о нем из сообщений других людей. Конечно, эмоциональное воздействие преступления в этом случае на конкретное лицо несоизмеримо меньше, чем в вышеописанных случаях, но и здесь оно способно повлиять на позицию, занимаемую свидетелем в ходе расследования. При расследовании преступлений, совершенных членами молодежных группировок, как сообщили опрошенные в ходе проведенного исследования следователи, такие свидетели предпочитают «затаиться» на период следствия, чтобы даже не быть вызванными на допрос в правоохранительные органы. В связи с этим они стремятся ни с кем не делиться сведениями, которые стали им известны о преступлении или об отдельных обстоятельствах его совершения. Воздействующим фактором является жестокость, характерная для преступлений, совершаемых членами молодежных группировок. Не случайно свидетели преступлений, совершенных членами молодежных группировок, выявляются, как правило, с помощью проведенных оперативно-розыскных мероприятий. Так, 89 % опрошенных следователей сообщили, что при расследовании преступлений названной категории они узнали о том, кто может быть свидетелем, из информации, полученной благодаря проведенным оперативно-розыскным мероприятиям. При этом 54 % опрошенных следователей прямо указали на то, что они не скрывают от свидетелей то, что источником их информированности являются оперативно-розыскные мероприятия. Более того, этот факт они используют, чтобы преодолеть «запирательство» свидетелей. Причем в беседах отдельные следователи прямо подчеркивали эффективность названного метода.

Представляется, что совершенное преступление может вопреки интересам расследования оказывать воздействие и на следователя, и на иных сотрудников правоохранительных органов, помогающих ему. Однако такое воздействие может не только не представлять интерес для проводимого расследования, но и не совпадать с интересами лиц, совершивших данное преступление. Так, циничность и жестокость совершенных преступлений вызывают у следователей негативные эмоции к лицам, предположительно виновным в их совершении. В этом признались 62 % опрошенных в ходе проведенного исследования следователей. Необходимо подчеркнуть, что названные эмоции следователи испытывают к лицам, которые только предполагаются виновными, т. е. в отношении которых еще нет достоверных данных, подтверждающих их вину. Понятно, что такое отношение влияет на объективность проводимого расследования, что неважно для правосудия. Это же часто оказывается и не в интересах лиц, привлеченных в качестве обвиняемых. Правда, необходимо отметить, что подобное эмоциональное отношение следователей к совершенному преступлению и лицам, которые предполагаются виновниками его совершения, часто используют молодежные группировки. Так, в тех случаях, когда подозрение падает на лицо, не причастное к преступлению, но в силу случайного стечения обстоятельств, в отношении которого на первоначальном этапе расследования имеются сведения, косвенно указывающие на его возможную виновность, молодежная группировка, если это не касается значимого для нее лица (лидера или иного ее члена), может предпринять действия по «созданию» изобличающих это лицо улик. Особенностью расследования преступлений, совершенных членами молодежных группировок, является то, что названные группировки стремятся использовать в своих интересах даже те факторы, которые изначально для них неблагоприятны. В этом состоит и негативное воздействие конкретного преступления на проводимое расследование, которое осуществляется через эмоциональную сферу конкретного следователя. Оно должно учитываться и при планировании расследования преступлений. Интересным в

связи с этим является тот факт, что используемая в конце 1980-х гг. практика приобщения к материалам уголовного дела справки о том, что конкретный обвиняемый (обвиняемые) относятся к определенной молодежной группировке, была прекращена уже в 1990-е гг. Основной причиной явилась угроза объективности рассмотрения названных уголовных дел.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Белкин Р. С.** Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р. С. Белкин. — М. : Юристъ, 1997. — 457 с.

2. **Карогодин В. Н.** Преодоление противодействия предварительному расследованию / В. Н. Карогодин. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1992. — 297 с.

3. **Порубов А. Н.** Ложь и борьба с ней на предварительном следствии / А. Н. Порубов. — Минск : Амалфея, 2002. — 245 с.

4. **Центров Е. Е.** Криминалистическое учение о потерпевшем / Е. Е. Центров. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. — 218 с.

Поступила 30.09.09.

УСИЛЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

С. В. Анощенкова

Статья посвящена изучению вопросов усиления уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних. Исследованы изменения, внесенные в Уголовный кодекс соответствующим Федеральным законом.

С 30 июля 2009 г. действует Федеральный закон № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»[1]. Основной его особенностью можно считать усиление уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от преступных посягательств, в первую очередь на их половую неприкосновенность, поэтому изменения в основном коснулись 18-й главы УК РФ[2].

Получившая благодаря усилиям СМИ широкий общественный резонанс информация о жестоких половых преступлениях против несовершеннолетних побудила законодателя к корректированию Уголовного кодекса. По данным МВД РФ, после 2005 г. количество изнасилований и покушений на него постепенно снижалось. Так, в 2006 г. было зарегистрировано 8 871 данное преступление, в 2007 г. — 7 038, в 2008 г. — 6 208, в первом полугодии 2009 г. зарегистрировано 2 490 фактов[3]. Таким образом, изменения, внесенные в Уголовный кодекс, обусловлены, скорее, политической волей Президента РФ, нежели реальной криминальной обстановкой. В целом законодательные новеллы сводятся к дифференциации уголовной ответственности за половые преступления в отношении несовершеннолетних в зависимости от возраста последних.

Усиление уголовной репрессии проявилось как в криминализации, так и в пенализации деяний, предусмотренных главой 18 УК. Существенные изменения коснулись содержания ст. 131 и 132 УК РФ:

а) причинение по неосторожности смерти

---

[1] *Использован документ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

[2] *Использован документ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

[3] *Использованы данные с официального сайта Министерства внутренних дел Российской Федерации http://www.mvd.ru.*

© С. В. Анощенкова, 2009

потерпевшим (п. «а» ч. 3 ст. 131 и 132 УК РФ), а также недостижение потерпевшими четырнадцатилетнего возраста (п. «в» ч. 3 ст. 131 и 132 УК РФ (в новой редакции — без указания на осознание виновным их возраста) теперь рассматриваются не как особо квалифицирующие, а как исключительно квалифицирующие признаки, поскольку перемещены из ч. 3 анализируемых статей в ч. 4 ст. 131 и 132 УК РФ.

б) криминообразующие признаки *«заведомо несовершеннолетней»* (в ст. 132 УК — «заведомо несовершеннолетних») также сформулированы без указания на заведомость виновного о возрасте потерпевших. Субъективный момент виновного не обозначен, а из п. «а» ч. 2 ст. 131 и 132 УК признак несовершеннолетнего возраста потерпевших перемещен в п. «а» ч. 3 указанных статей. Несовершеннолетний возраст потерпевших — особо отягчающее обстоятельство изнасилования и насильственных действий сексуального характера.

Отсутствие указания на заведомость возраста снимает с суда обязанность доказывать содержание умысла виновного, но порождает проблему об объективном вменении, поскольку квалификация деяния виновного будет осуществляться по факту в зависимости от реального возраста потерпевших. В связи с изменением содержания субъективных признаков и усилением наказуемости указанные пункты ч. 3 и 4 ст. 131 и 132 УК на основании ч. 2 ст. 10 УК обратной силы не имеют.

в) систематизация санкций в рамках анализируемых статей Уголовного кодекса с единым направлением на увеличение сроков наказания в виде лишения свободы. Ранее предельными сроками лишения свободы за преступления, предусмотренные ст. 131 и 132 УК РФ, были 3—15 лет. Теперь максимальное наказание увеличилось до 20 лет. В качестве дополнительного наказания, назначаемого альтернативно за деяния, предусмотренные ч. 3 и 4 ст. 131 и 132 УК РФ, предусмотрено лишение права работать на определенных должностях или заниматься определенной деятельностью. Максимальный срок наказания за такие преступления равен 20 годам. В результате лицо, совершившее насильственное половое преступление и получившее максимальный срок, может оказаться в сфере уголовно-правового воздействия в течение 40 лет. Подобный вариант пенализации продиктован стремлением не допустить специальный рецидив со стороны виновных лиц. Заметим, что двадцатилетний предел установлен за преступления, совершенные как при особо отягчающих, так и при исключительно отягчающих обстоятельствах. Вряд ли такое построение санкций можно считать продуманным, сообразующимся с основами кодификации уголовного законодательства.

Ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера» осталась без изменений, что вызывает недоумение. Если законодатель пытается оградить жертв от преступников с сексуальной мотивацией с помощью такого дополнительного вида наказания, как лишение права работать на определенных должностях или заниматься определенной деятельностью, то именно в санкции этой нормы данный вид наказания был бы весьма уместен, поскольку виновные используют свое особое положение по отношению к жертве. Возможно, не была бы лишней ч. 2 ст. 133 УК РФ с квалифицирующим признаком «те же деяния, совершенные в отношении заведомо несовершеннолетних».

Ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» представлена уже в четвертой редакции (ранее — 1996, 1998, 2003 гг.). Здесь диспозиция нормы оказалось уже, чем название статьи, так как в ней опять не указаны «иные действия сексуального характера».

Криминализация как средство усиления уголовной ответственности включает дополнение ст. 134 УК РФ новыми квалифицирующими, особо квалифицирующими и исключительно квалифицирующими признаками. К ним относятся:

— недостижение потерпевшим четырнадцатилетнего возраста, заведомое для виновного (ч. 2 ст. 134 УК РФ);

— недостижение потерпевшим двенадцатилетнего возраста, заведомое для виновного (ч. 3 ст. 134 УК РФ);

— действия, указанные в ч. 2 и 3 ст. 134 УК РФ, совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 4 ст. 134 УК РФ). Относительно содержания данного признака возникает вопрос, почему законодатель ограничился указанием на деяния, упомянутые лишь в ч. 2 и 3 ст. 134 УК. Вероятно, групповые ненасильственные сексуальные действия в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, будут квалифицироваться по ч. 1 ст. 134 УК РФ, а их групповой характер будет учитываться в качестве отягчающего наказание обстоятельства (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Подобно «заглавным» статьям главы 18 дифференциация ответственности производна от возраста потерпевших: чем моложе и соответственно беззащитнее жертва, тем больше она нуждается в защите со стороны уголовного закона. Однако в ненасильственных половых преступлениях законодатель все же предпочел ука-

зать на заведомость виновного об определенном возрасте потерпевших. Думается, что такой подход более верен, поскольку здесь не возникает вопроса об объективном вменении, противоречащем принципу вины (ч. 2 ст. 5 УК РФ).

На усиление уголовной ответственности по ст. 134 УК РФ повлияла и пенализация. Санкции всех частей включают альтернативно назначаемое дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (от 5 до 20 лет). Основным видом наказания является лишение свободы в пределах от 4 до 20 лет). Депенализирован по ч. 1 ст. 134 УК РФ основной вид наказания в виде ограничения свободы сроком до трех лет, что ухудшает положение осужденного.

Нетрудно заметить, что предельные сроки в ч. 3 и 4 ст. 134 УК РФ основного вида наказания (лишение свободы) и дополнительного наказания (лишение права работать на определенных должностях или заниматься определенной деятельностью) идентичны ч. 3 и 4 ст. 131 и 132 УК РФ. Так, ч. 3 всех анализируемых статей содержат санкцию с верхним пределом — 15 лет лишения свободы — и дополнительным наказанием — до 20 лет лишения права работать на определенных должностях или заниматься определенной деятельностью. В ч. 4 верхний предел лишения свободы равен 20 годам. Такой же срок и у дополнительного наказания в виде лишения права работать на определенных должностях или заниматься определенной деятельностью. Преступление, предусмотренное ст. 134 УК РФ, ненасильственное и даже совершенное при отягчающих обстоятельствах, не может быть приравнено к изнасилованию или насильственным действиям сексуального характера.

Ст. 134 УК РФ законодатель сопроводил *примечанием*. Оригинально, что на его основании лицо освобождается не от уголовной ответственности, как во всех примечаниях Особенной части, а от наказания в связи с утратой лица и его деяния общественной опасности, которая, вероятно, происходит по причине заключения брака между виновным и потерпевшей.

Заслуживают внимания два факта. Первый касается юридической техники. В примечании говорится о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 134 УК РФ. Деяние заключается в совершении полового сношения, мужеложства или лесбиянства. Однако в России однополые браки запрещены, поэтому виновные, совершившие лесбийские действия или мужеложство, разумеется, не могут заключить брак с потерпевшими и не могут быть освобождены от уголовного наказания на основании данного примечания. Половое сношение или иные действия сексуального характера возможны между гетеросексуальными партнерами, которые могут вступить в брачные отношения. Но, как уже отмечалось, об «иных действиях сексуального характера» в диспозиции законодатель умолчал, чем создал ситуацию неоднозначного толкования анализируемой нормы. Предлагаем содержание ч. 1 ст. 134 УК РФ дополнить словами «иные действия сексуального характера», чтобы избежать расхождения между названием статьи и ее содержанием. В примечании необходимо указать конкретные действия: половое сношение или иные действия сексуального характера (последнее деяние представляет собой сексуальные перверсии в отношении потерпевших противоположного с виновным пола).

Второй факт касается юридической природы данного примечания. Впервые законодатель обозначил частный случай освобождения от наказания, предусмотренный ст. 80-1 УК РФ «Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки». Все имеющиеся в Особенной части примечания предоставляют возможность освобождения от уголовной ответственности. Считаем это логичным: вступление в брак виновного и потерпевшего не подпадает под условия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные ст. 75, 76 УК РФ. Здесь действительно наблюдается ситуация изменения обстановки. Однако возникает следующий вопрос. От наказания виновного освобождает суд. Нужно ли проводить дорогостоящую судебную процедуру, если еще на досудебных стадиях субъекты уголовного конфликта исчерпали его, вступив в брак? В Уголовном кодексе есть пример, когда обстоятельства освобождения от уголовной ответственности не охватываются содержанием норм Общей части. Так, примечание к ст. 122 «Заражение ВИЧ-инфекцией» предусматривает освобождение лица именно от уголовной ответственности при согласии другого лица на действия, грозящие заражением. Редакция примечания к ст. 134, на наш взгляд, может быть представлена в следующем виде: «Лицо, совершившее половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, может быть освобождено от уголовной ответственности в связи вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим)».

Изменения в ст. 135 УК «Развратные действия» определяют, что максимальный предел дополнительного наказания в виде лишения права работать на определенных должностях или заниматься определенной деятельностью равен не 20, как в ст. 134, а 45 годам. Примечание об освобождении от наказания отсутствует.

Усиление уголовное ответственности за половые преступления произошло не только за счет изменений диспозиций и санкций норм

Особенной части, но и благодаря воле законодателя, о чем свидетельствуют дополнения, внесенные в ст. 79 и 80 Уголовного кодекса. Данные нормы сопровождаются специальным указанием на формализованный предел фактически отбытого наказания за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Перечень подобных преступлений законодателем не представлен. Полагаем, что при толковании закона следует исходить из содержания видового и непосредственного объектов преступлений, предусмотренных главой 18 УК РФ, а также из характеристики личности потерпевших (точнее достижения или недостижения ими определенного возраста).

Таким образом, под преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних следует подразумевать правонарушения, перечисленные в главе 18 УК РФ за исключением обозначенных в ч. 2 ст. 131 и 132, а также предусмотренных ст. 133, совершенных в отношении лиц, достигших восемнадцатилетнего возраста. Как условие освобождения от наказания данный предел является самым высоким из установленных ст. 79 и 80 УК РФ — не менее трех четвертей назначенного наказания. Здесь преступления сексуального характера против несовершеннолетних являются исключительной категорией. Цель такого установления — превентивное воздействие. Однако законодатель слова нарушил общие правила кодификации уголовного закона: в других пунктах данных статей формальные пределы отбытого наказания установлены в зависимости от категории правонарушений, определенных в соответствии со ст. 15 УК РФ.

Итак, Федеральный закон № 215-ФЗ от 27 июля 2009 г. криминализировал и пенализировал ряд деяний, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних. В связи с этим можно сделать выводы:

1. Ни одна из законодательных новелл, внесенных в главу 18 Уголовного кодекса, не имеет обратной силы по причине включения новых криминообразующих признаков и (или) установления или усиления наказуемости, а также ухудшения положения осужденного иным образом (п. «г» ч. 3 ст. 79 и ч. 2 ст. 80). Поэтому они не могут быть применены за деяния, совершенные до вступления указанного закона в силу, т. е. до 30 июля 2009 г.

2. Замена субъективных признаков, отражающих осведомленность виновного о возрасте потерпевших («заведомость») приведет к объективному вменению деяний, предусмотренных соответствующими пунктами и частями ст. 131 и 132 УК РФ, что противоречит принципу виновной ответственности (ч. 2 ст. 5).

3. Установление одинакового двадцатилетнего предела для дополнительного наказания в виде лишения права работать на определенных должностях или заниматься определенной деятельностью в ч. 3 и 4 ст. 131 УК РФ (аналогично ч. 3 и 4 ст. 132 УК РФ) не отвечает принципу системности санкций норм Особенной части. Сроки данного вида наказания должны быть сопоставимы со степенью общественной опасности преступлений, предусмотренных соответствующими частями. Например, ч. 3 — до 15 лет, ч. 4 — до 20 лет. В противном случае нарушается принцип справедливости.

4. В санкцию ст. 133 УК РФ «Понуждения к действиям сексуального характера» следует включить квалифицирующий признак «в отношении заведомо несовершеннолетних потерпевших», а в санкцию данной нормы — дополнительное наказание в виде лишения права работать на определенных должностях или заниматься определенной деятельностью не менее 5 лет или без такового.

5. Диспозиция нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» следует дополнить признаком «иные действия сексуального характера».

6. Следует сбалансировать санкции за правонарушения, предусмотренные ч. 3 и 4 ст. 131 (132) УК РФ и ч. 3 и 4 ст. 134 УК РФ, сообразно характеру и степени общественной опасности данных преступлений. Ненасильственное действие, предусмотренное ч. 4 ст. 134 УК РФ, наказывается так же сурово, как и насильственное, совершенное при исключительно отягчающих обстоятельствах. При сопоставлении наказания в виде лишения свободы в санкции ч. 4 ст. 134 УК РФ с аналогичным наказанием в ч. 2 ст. 105 УК РФ, можно установить, что сроки лишения свободы идентичны (от 12 до 20 лет). Однако степень общественной опасности убийства и развратных действий, бесспорно, различна.

Поступила 30.09.09.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А. А. Чебуренков

В статье рассмотрены основные вопросы, касающиеся анализа гносеологической сущности расследования, определены пределы и уровни познания, его структурные элементы, выявлена специфика осуществления следователем познавательной деятельности по уголовным делам.

При расследовании следователь должен выявить и изучить ранее неизвестные фактические обстоятельства преступления по оставленным следам. Это обусловливает необходимость специального рассмотрения гносеологической стороны расследования, где оно выступает как познавательный, исследовательский процесс, подчиненный общим (универсальным) законам познания, реализуемый в особых, определяемых правовыми нормами, формах уголовного судопроизводства. Его движущей силой, внутренним источником развития признается отношение «субъект — объект». Диалектически обусловленное противоречие между следователем как субъектом и преступным событием как объектом познания требует разрешения в ходе расследования, отражая внутреннее содержание познавательной деятельности по расследуемому делу [7, с. 5].

В практической и мыслительной деятельности следователя по уголовному делу именются все необходимые предпосылки для познания содержания события преступления в соответствии с тем, каким оно было в действительности. Установлено, что любое событие преступления независимо от того, выразилось ли оно в действии или бездействии, в силу закономерной взаимосвязи и развития явлений материального мира обязательно порождает во внешней среде различные изменения — следы преступления — носители (источники) информации (сведений) о преступлении в целом или отдельных его обстоятельствах. Извлеченная и зафиксированная с помощью предусмотренных уголовно-процессуальным законом средств информация приобретает характер доказательств, на основе которых следователь делает вывод о свойствах и связях раскрываемого преступления. Объективная природа информации, обусловливающая объективный характер доказательств, позволяет следователю при условии соблюдения требований закона, устанавливающих порядок доказывания, сделать достоверные выводы об обстоятельствах расследуемого события и правильно применить к установленным фактам соответствующие нормы закона.

Цель расследования как познавательной деятельности заключается в получении следователем достоверного и полного знания о событии во всех его юридически значимых чертах и определяет общую направленность познания по уголовному делу на исследование преступной деятельности в разных ее проявлениях (объект познания) и конкретное событие преступления как элемент данной деятельности (предмет познания) в их полном соответствии с действительностью.

В криминалистической литературе в систему предмета познания деятельности по расследованию преступлений включаются не только обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, но и пред- и посткриминальные события, связанные с преступлением; его временные и пространственные характеристики; обстановка его совершения, а также следы как носители информации об исследуемом событии [8, с. 10—13].

Познавательные элементы в деятельности следователя органично вплетены в процессуальную форму ее реализации. Установленный законом порядок осуществления процесса познания по уголовному делу (использование лишь предусмотренных законом источников знания, обязательная процедура получения и запечатления знаний, условия их применения для принятия решений и т. д.) призван обеспечить наиболее эффективный, оптимальный путь познания расследуемого события.

Выступая субъектом познания, следователь в ходе расследования не пассивно, не механически запечатлевает в сознании факты, связанные с событием преступления, выявленные их свойства и связи. Познание следователя необходимо рассматривать как активную форму

© А. А. Чебуренков, 2009

отображения объекта, как фактор воздействия на окружающую действительность. На это прямо указывает уголовно-процессуальный закон, предписывая следователю в целях достижения требуемых результатов выявлять и устанавливать необходимые обстоятельства по делу, совершать для этого определенные действия, принимать конкретные решения и т. д.

Знание отображает объект познания в соответствии с задачами, потребностями и целями субъекта. Это важный признак его познавательной деятельности. Активность и целесообразность присущи и познавательной деятельности следователя, осуществляемой сообразно целям и задачам, определяемым законом. Важное программное и информационно-ориентирующее значение для определения той объективной реальности, которая познается в процессе расследования, имеет закрепленный в ст. 73 УПК РФ [10] перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Познание расследуемого события — это сложный диалектический процесс постоянного углубления и расширения знания следователя о событии. Практическое осуществление указанного процесса требует определения его границ, объема получаемых знаний, установления степени конкретизации и детализации изучаемых обстоятельств дела, обеспечивающей необходимую глубину их исследования.

Для обозначения уровня конкретизации достоверных знаний следователя об исследуемом событии, необходимого и достаточного для достижения целей расследования, в литературе Н. Н. Медведевым предложено понятие «пределы расследования». Фактически в данном случае подразумеваются и *пределы познания по расследуемому делу*, поскольку оценке подлежат состояние и результаты познавательной деятельности следователя. Сделанный далее обоснованный вывод об индивидуальном характере пределов расследования в каждом случае сохраняет значение и в отношении пределов познания по уголовному делу, которые различаются в зависимости от особенностей расследуемого события. Так, в одних случаях пространственно-временные связи, характеризующие преступление, устанавливаются на уровне измерения в сутках или метрах, в других случаях — гораздо точнее; выяснение механизма образования следов преступника на месте происшествия может быть необязательным, а может иметь решающее значение (например, при разоблачении инсценировки); по одним делам нет необходимости детально выяснять действия подозреваемого до момента совершения преступления, по другим это нужно в целях проверки алиби, о котором заявил подозреваемый [7, с. 53—55].

Признание индивидуальности пределов познания по конкретному делу обусловливает особую роль следователя в их определении. Вопрос об установлении пределов познания расследуемого события не может быть юридически формализован, поэтому на практике следователь решает его самостоятельно на основе требований закона в зависимости от особенностей расследуемого преступления. При этом важно обеспечить оптимальное определение пределов познания по каждому делу, что предполагает нахождение искомых пределов между условно выделяемыми их нижним и верхним порогами. Выходить за границу нижнего порога пределов нельзя, поскольку это означает неполное уяснение значимых обстоятельств расследуемого события, влекущее недостоверные, ошибочные выводы следователя по делу; перекрывать верхний порог пределов познания нецелесообразно, так как это означает получение избыточной доказательственной информации, что связано с излишним загромождением материалов дела, потерей времени, искусственным затруднением доказывания [7, с. 55—56].

Точное определение следователем пределов исследования преступного события, ориентирование на них в процессе совершения познавательных и иных действий позволяют следователю достигнуть требуемого уровня познания по расследуемому делу. В зависимости от содержания результатов деятельности следователя по выяснению обстоятельств события преступления можно разграничить различные уровни познания, соответствующие возможностям следователя и решаемым им задачам.

Низкий — обстоятельства расследуемого события познаны неправильно, нереально, информация о них недостоверна, сделанные на их основе выводы следователя не отражают объективной действительности.

Средний — когда все обстоятельства познаны правильно, но им дана неправильная, ошибочная правовая оценка.

Высокий — все обстоятельства расследуемого события познаны правильно и полно, им дана верная правовая оценка.

В основе разграничения выделенных при анализе расследования преступлений уровней познания лежит степень, глубина проникновения субъекта в сущность познаваемого события, позволяющая точно применить к установленным признакам соответствующие правовые нормы. Не может быть критерием такой дифференциации временной фактор, определяющий объем и содержание знаний следователя в зависимости от времени, в течение которого осуществляется исследование обстоятельств дела. Временной фактор, влияя на познавательный про-

цесс, не является решающим при выделении в его содержании различных уровней познания [7, с. 64].

В практике расследования уголовных дел возможен выход следователя на любой из указанных уровней познания. Вместе с тем очевидно, что необходимым и достаточным для решения всех задач, стоящих перед следователем, является лишь высокий уровень познания; в иных случаях не обеспечивается получение достоверного и полного знания о расследуемом событии, принимаемые следователем решения не могут считаться обоснованными, не исключены ошибочные выводы по результатам анализа имеющихся в распоряжении следствия сведений, а также неправильная квалификация установленных деяний и т. п.

Познание в любой деятельности (в том числе в расследовании преступлений) осуществляется в двух формах — чувственной и рациональной, которые находятся в неразрывном диалектическом единстве.

Чувственное познание используется прежде всего при непосредственном отражении человеком с помощью органов чувств внешнего мира в форме ощущений, восприятий, представлений и соответствует эмпирическому уровню знаний. В деятельности по расследованию чувственное познание связано с обнаружением следов преступления при производстве различных следственных действий. Однако следователь, в силу ограниченных возможностей, не всегда может непосредственно воспринимать предметы и явления объективной действительности, их свойства или отношения. Поэтому в процессе расследования непосредственное восприятие многих свойств и явлений часто заменяется косвенным наблюдением с помощью различных технических приборов и приспособлений, которые преобразуют первичное свойство в другое, подлежащее непосредственному восприятию. В других случаях используются комплексы приборов, увеличивающие возможности восприятия за порогами органов чувств человека [6, с. 253, 395—398].

Процесс познания при расследовании преступлений не может ограничиваться только эмпирическим уровнем. При всей важности эмпирическое знание ограниченно, потому что, во-первых, ограничены естественные возможности органов чувств, во-вторых, они способны отразить лишь внешние качества и стороны событий, простейшие отношения между вещами и явлениями [9, с. 50]. Чувственные данные, получаемые благодаря воздействию предметов и явлений окружающей среды на органы чувств познающего субъекта, обязательно подвергаются некоторому преобразованию, первоначальной логической обработке, оценке, поэтому в «чистом» виде чувственное познание практически невозможно, оно всегда осмысленно [7, с. 60]. Таким образом, процесс познания по уголовному делу предполагает в качестве обязательного элемента применение *рациональных приемов мышления* и, как следствие, достижение более высокого, логического уровня с присущим ему сложным выводным характером знания [6, с. 250].

Рациональное в познавательной деятельности следователя представлено прежде всего суммой профессиональных знаний, создающих условия для понимания им полученной информации, её поиска, оценки, систематизации, правильного выбора и эффективного использования. Существенное значение для следователя приобретают имеющиеся у него криминалистические знания и опыт. В необходимых случаях следователь пользуется опосредствованными знаниями путем привлечения к расследованию соответствующих специалистов, экспертов [3, с. 253].

С учетом рассмотренных положений о формах и закономерностях познания применительно к деятельности по расследованию преступлений в содержании расследования, раскрываемого с гносеологических позиций, можно выделить две взаимосвязанные стороны: **информационную**, когда компоненты знания даются в «готовом» виде, путем получения информации непосредственно об устанавливаемых обстоятельствах по делу, и **логическую** — выведение знания об обстоятельствах преступления из других, ранее познанных, обстоятельств (в результате получается новое, выводное знание, не содержащееся в той информации, которая используется в качестве посылок для вывода).

Разграничение информационного и выводного знания производится в зависимости от способа (пути) его получения в механизме познавательной деятельности. При расследовании преступлений использование различных способов получения необходимых знаний позволяет познать сложную систему связей и отношений, образующих преступное событие, всестороннее, полно и объективно. В таком специфическом объекте исследования, каким является преступление, одни элементы — внешне проявляющиеся признаки, характеризующие событие преступления, способ его совершения, личность субъекта и т. п. — познаются информационным путем (с помощью получения показаний свидетелей-очевидцев, потерпевших, восприятия обстановки места происшествия, обнаружения предметов, связанных с преступлением, и т. п.). Другие элементы — характеризующие преступление внутренние связи, обычно скрытые, а нередко и замаскированные внешними формами явления, недоступны непосредственному вос-

приятию и требуют познания логическим путем. Таким образом устанавливается, в частности, виновность лица, выявляются мотивы, цели преступления, причины его совершения и др. [7, с. 72—74].

Вопрос о соотношении в познавательной деятельности по расследованию преступлений информационной и логической сторон разрешается на основе раскрытия диалектики их взаимосвязи. Обе названные стороны расследования тесно переплетаются и взаимодополняются, а границы между ними весьма подвижны и относительны. В связи с этим нельзя представлять процесс познания при расследовании преступления в виде раздельных, разновременных и сменяющих друг друга стадий — информационной и логической. Расследование не может быть осуществлено только информационным путем, поскольку не исключены недостоверность и неполнота поступающей информации, либо только логическим, так как для этого необходимо наличие в качестве исходных посылок для вывода информационного знания.

Познавательная деятельность следователя, как и весь процесс расследования преступлений, носит индивидуальный характер, зависящий от ситуационных особенностей совершения конкретного преступления и его расследования. В большинстве случаев следователь ориентируется на получение данных о характерных обстоятельствах расследуемого события. Типичное в преступной деятельности связывается не только с частой повторяемостью, распространенностью каких-либо способов совершения отдельных видов преступлений, обстановки криминального события и т. п., но и с существованием устойчивых, закономерных связей в структурс механизма преступления, между следообразующими и следовоспринимающими объектами (при образовании следов — последствий содеянного), выявление которых позволяет с наибольшей степенью вероятности объяснить весь процесс реализации субъектом его преступного замысла [2, с. 21—26].

Вместе с тем при расследовании преступлений следует учитывать и возможные нетипичные (нераспространенные, случайные) их признаки. Так, преступление может характеризоваться: а) нетипичностью личности субъекта преступления; б) нетипичностью места, времени, способов совершения и сокрытия преступлений; в) нетипичностью образования и отражения в окружающей действительности следов — последствий содеянного, выступающих в качестве судебных доказательств; г) нетипичностью исходных следственных ситуаций и дальнейших ситуаций расследования. На практике расследование такого рода преступлений обычно связано со значительными трудностями, в первую очередь при выявлении и познании закономерностей их совершения, проверке и оценке признаков преступного события и т. п. С учетом этого в криминалистике указывается на необходимость творческого применения методических рекомендаций по расследованию отдельных видов преступлений, использования в нетипичных следственных ситуациях систем нестандартных методов и приемов расследования [2, с. 24—25].

Процесс познания, как и любая другая деятельность, характеризуется различной степенью управляемости со стороны лица, реализующего эту деятельность. Осуществляемый в ходе предварительного расследования процесс познания отличается несколько ограниченной управляемостью, причиной чего является определенная неупорядоченность поступления информации, используемой для решения поставленных перед следователем задач [3, с. 254—255]. Поступление необходимой информации по уголовному делу не всегда зависит от желания и не поддается полностью регулированию субъектом, осуществляющим познание, следователем. Объем информации, скорость, время ее поступления во многом зависят от обстоятельств, в ходе которых осуществляется познание.

Существенные ограничения на объем и достоверность поступающей к следователю информации существуют при наличии фактора противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц. Образующиеся на пути поиска и получения следователем сведений о преступлении своеобразные «информационные барьеры», по мнению В. Н. Карагодина, определяют специфику познавательного процесса в условиях оказанного или продолжаемого противодействия расследованию. На практике такие ситуации наблюдаются при попытках конкретных лиц предупредить возникновение информации о преступлении, изменить (фальсифицировать) или уничтожить соответствующую информацию, создать новые следы-отражения, не адекватные действительному событию, организовать трудности в получении информации следователем или облечении ее в форму доказательств и т. д. [4, с. 33—41].

Когда субъектам противодействия удается достигнуть желаемого, следствие не может установить всей картины происшедшего, получить объективную и полную информацию об обстоятельствах преступного события и его участниках, дать правильную оценку и правовую квалификацию деяний. Рассмотренные препятствия в развитии познавательного процесса по расследуемому делу требуют устранения специальными криминалистическими методами и средствами. Формирование достоверного знания следователя об обстоятельствах расследуемого события возможно не только путем после-

довательной реализации познавательных актов, непрерывного хода мыслительных операций по исследованию события преступления, но и с помощью эвристических возможностей следователя и его интуитивного мышления.

Практика расследования уголовных дел показывает, что при разрешении той или иной проблемной ситуации в условиях недостатка или отсутствия исходной информации для следователя выбор правильного варианта поведения часто выступает как озарение, т. е. ответ приходит внезапно [5, с. 70—71]. Механизм такого способа получения нового знания в современной науке расценивается не как некая таинственная способность человека угадывать истину, а как научно объяснимый психологический процесс интуитивного мышления, начавшийся с «логического тупика», т. е. с установления невозможности решения проблемы с помощью логических средств преобразования ситуации.

Рассматриваемый процесс в рамках эвристической мыслительной деятельности следователя основывается на умении воспринимать всю картину расследуемого события сразу во всех деталях и интуитивной догадке о нужном направлении поиска решения определенной задачи. Непосредственность, свернутость, сокращенность, внезапность и неосознанность решения проблемы в акте интуиции всегда обусловлены предыдущей мыслительной деятельностью, опытом и знаниями следователя. В момент озарения (инсайта) необходимые знания актуализируются мгновенно, интуитивная догадка опережает ряд звеньев осознанного логического рассуждения благодаря высокой готовности опыта и творческим способностям субъекта, в результате чего быстро и непосредственно получается готовое решение задачи [9, с. 162—164; 5, с. 70—71].

Специфика расследования обусловливает существенные особенности оценки и использования знания, являющегося результатом интуиции, в деятельности следователя. Интуитивно полученное знание до его обоснования носит лишь вероятный характер и относительно итоговых результатов познавательной деятельности следователя имеет «промежуточное» значение. В процессе доказывания интуитивное знание должно быть превращено в логически и фактически обоснованное достоверное знание [9, с. 165] и с этой целью в ходе продолжающегося расследования все интуитивные предположения следователя необходимо подвергнуть тщательному анализу и всесторонней проверке (как проверяются следственные версии). Только в результате подтверждения соответствующие предположения могут рассматриваться как достоверное знание.

Субъективность, безотчетность интуитивного мышления и вероятный характер получаемого в результате знания означают то, что интуиция в следственной деятельности не может иметь процессуального значения. Поэтому важнейшие процессуальные решения следователя об избрании меры пресечения, предъявлении обвинения, окончании расследования и т. д. должны основываться лишь на проверенных доказательствах, а не на интуиции и предположениях. Также недопустимо с помощью интуиции производить окончательную оценку доказательств и формировать по ее итогам выводы следователя по уголовному делу [1, с. 119; 9, с. 164—165].

Вместе с тем при поиске новых доказательств и их предварительной оценке, планировании и определении направления расследования в условиях информационной недостаточности, при выборе тактических решений, допускающих определенную степень тактического риска, вообще при невозможности решить какую-либо сложную задачу расследования обычными способами интуитивное мышление следователя и его непосредственный результат (озарение, или инсайт) — эффективное познавательное средство, обеспечивающее результативность отдельных следственных действий и процесса расследования преступления в целом. В криминалистике неоднократно отмечались случаи, когда только с помощью интуиции следователями был найден выход из того тупика, куда по каким-либо причинам зашло расследование преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Белкин Р. С.** Криминалистика : проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике / Р. С. Белкин. — М. : Юрид. лит., 1988. — 304 с.

2. **Гавло В. К.** О диалектике типичного и атипичного в методике расследования / В. К. Гавло // Повышение эффективности расследования преступлений : межвуз. сб. науч. тр. — Иркутск, 1986. — С. 21—30.

3. **Дулов А. В.** Судебная психология : учеб. пособие / А. В. Дулов. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Минск : Вышейш. шк., 1975. — 462 с.

4. **Карагодин В. Н.** Преодоление противодействия предварительному расследованию / В. Н. Карагодин. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1992. 176 с.

5. **Котов Д. П.** Психология следователя / Д. П. Котов, Г. Г. Шиханцов. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. — 133 с.

6. Курс криминалистики. Общая часть / отв. ред. В. Е. Корноухов. — М. : Юристъ, 2000. — 782 с.

7. **Медведев Н. Н.** Теоретические основы расследования : учеб. пособие / Н. Н. Медведев. — Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 1977. — 104 с.

8. **Образцов В. А.** Выявление и изобличение преступника / В. А. Образцов. — М. : Юристъ, 1997. — 336 с.

9. **Ратинов А. Р.** Судебная психология для следователей / А. Р. Ратинов. — М. : Юрлитинформ, 2001. — 352 с.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Официальный текст. — М. : Омега-Л, 2010. — 207 с. — (Кодексы Российской Федерации).

Поступила 30.09.09.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕУВАЖЕНИЕ К СУДУ

С. Н. Помнина

В период построения правового государства законодательное регулирование уголовной ответственности за посягательства на нормальную деятельность суда, органов прокуратуры, предварительного расследования по осуществлению правосудия приобретает особую актуальность. В статье рассматриваются наиболее проблемные вопросы квалификации уголовно наказуемых действий, выражающихся в проявлении неуважения к суду, а также предложены эффективные пути разрешения отмеченных проблем.

Конституционное закрепление принципа разделения властей позволяет говорить о том, что судебная власть является независимой и самостоятельной, представляющей собой особую форму государственной деятельности по реализации властных полномочий посредством судебных органов, действующих в законодательно определяемых пределах. Особая роль в системе правовых норм, направленных на защиту интересов правосудия, отведена нормам уголовного права, объединенным в главе 31 УК РФ «Преступления против правосудия».

По мнению Ю. И. Кулешова, под преступлениями против правосудия понимаются общественно опасные противоправные виновные деяния, посягающие на процессуальную деятельность суда по рассмотрению и разрешению входящих в его компетенцию дел, на процессуальную и постпроцессуальную деятельность иных лиц, содействующих достижению задач и целей правосудия, осуществляющих точное и неукоснительное исполнение принятого судом решения, а также на личную безопасность участников процесса и их близких [3, с. 206—207].

Одним из наиболее опасных преступлений, посягающих не только на честь и достоинство личности, но и на самостоятельность судебной власти, ее авторитет и безопасность деятельности судей и иных лиц, содействующих осуществлению правосудия, является неуважение к суду, ответственность за которое предусмотрена ст. 297 УК РФ. Проведенный анализ статистических данных о структуре преступности в Российской Федерации свидетельствует об устойчивом росте числа выявленных преступлений, предусмотренных указанной статьей. Так, если во втором полугодии 2002 г. были возбуждены 18 уголовных дел, в 2003 г. — 52, в 2004 г. — 80, то в первом полугодии 2005 г. — 55 уголовных дел данной категории.

Введение в действующее уголовное законодательство данной нормы связано прежде всего с реализацией неотъемлемого конституционного права любого человека, находящегося на территории Российской Федерации, на защиту чести, достоинства, репутации.

Основанием для квалификации действий по ст. 297 УК РФ является наличие таких призна-

© С. Н. Помнина, 2009

ков состава преступления, как оскорбление конкретного лица участника судебного разбирательства (ч. 1) и оскорблении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (ч. 2), т. е. действия в отношении указанных лиц и в целом к системе правосудия, свидетельствующие о явном неуважении к процедурам и принципам отправления правосудия.

Уголовная ответственность за неуважение к суду дает определенные гарантии защиты интересов правосудия и способствует повышению авторитета суда, который наряду с честью и достоинством лиц, являющихся участниками судебного разбирательства, является непосредственным объектом данного преступного посягательства.

Конструкция рассматриваемого состава преступления позволяет отнести к обязательным признакам наличие потерпевшего, которым может быть судья, присяжный заседатель или иное лицо, участвующее в отправлении правосудия, а также иные участники процессуальной деятельности по рассмотрению и разрешению дела по существу. Показателен в этом отношении пример из судебной практики. Так, гражданин Л., обзывая следователя районной прокуратуры К., сознавал, что наносит оскорбление, унижая его честь и достоинство в неприличной форме. Однако следователь не может быть потерпевшим согласно ст. 297 УК РФ, в связи с чем действия Л. квалифицируются по ч. 1 ст. 130 УК РФ [6, с. 685].

Как указывает А. В. Наумов, к участникам судебного разбирательства в соответствии с ч. 1 ст. 297 УК РФ следует отнести: по уголовному делу — потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика, секретаря судебного заседания, гражданского ответчика и их представителей, прокурора, защитника; по гражданскому делу — истца, ответчика и их представителей, защитника, прокурора, свидетелей, эксперта, специалиста, переводчика, секретаря судебного заседания [2, с. 705]. Следует отметить, что секретарь судебного заседания согласно положениям уголовно-процессуального законодательства не относится к лицам, участвующим в отправлении правосудия, и не может рассматриваться в качестве потерпевшего применительно к ст. 297 УК РФ. На наш взгляд, имеющийся пробел в действующем уголовном законодательстве необходимо устранить, поскольку без секретаря заседания суд не может функционировать, так как отсутствие в деле протокола судебного заседания является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим безусловную отмену приговора. Подчеркнем, что в судебной практике действия лица, выраженные в оскорблении секретаря судебного заседания, обычно рассматриваются как административное правонарушение, что представляется нам не совсем верным.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 297 УК РФ, выражается в оскорблении, признаки которого раскрываются в ст. 130 УК РФ, поэтому эти две нормы соотносятся между собой как общая и специальная.

Оскорбление — это унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме.

Унижение чести и достоинства — это отрицательная оценка личности, дискредитация человека, подрыв его морального престижа как в глазах окружающих, так и в собственных глазах. Наличие унижения, его степень (глубину) в первую очередь оценивает потерпевший. Унижением чести и достоинства судьи будет отрицательная по сути и непристойная по форме оценка, данная в связи с его деятельностью по осуществлению правосудия [4, с. 95].

Примечательно, что оскорбление должно иметь «неприличную форму», сущность которой законодательно не определена, что в свою очередь приводит к появлению многочисленных вариантов расшифровки данного понятия. В уголовном законодательстве ряда зарубежных стран выражение «неприличная форма» действий при определении оскорбления не употребляется, что не сказывается отрицательно на уголовно-правовой борьбе с этим преступлением. В уголовно-правовой доктрине высказано предложение применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 297 УК РФ, требование неприличной формы выражения оскорбления считать излишним [1, с. 198].

Однако, на наш взгляд, наличие данного признака в норме российского уголовного законодательства способствует недопущению избыточной криминализации различных распространенных видов оскорбительных действий, по малозначительных по содержанию и последствиям. В связи с этим для обеспечения единообразия следственной и судебной практики необходимо точное определение названного понятия в законе.

По мнению Н. И. Ветрова, под неприличной формой понимается такой способ оценки личности, который противоречит установленным правилам поведения, требованиям общечеловеческой морали, носит издевательский, циничный характер [5, с. 698]. Субъективное восприятие потерпевшим позволяет установить наличие факта оскорбления, но окончательно этот вопрос должен быть решен судом.

Отсутствие четкого определения категории «неприличная форма» приводит к широкому толкованию данного термина и возникновению

трудностей на практике при отграничении действий, направленных на унижение чести и достоинства личности, от критической оценки человека и его поступков. Следует подчеркнуть, что «неприличная форма» не всегда реализуется только путем употребления нецензурной лексики. Форма оценки личности потерпевшего, как справедливо отмечает Ю. И. Кулешов, зависит от интеллектуальных способностей виновного. Чем примитивнее личность, тем циничнее и вульгарнее форма оценки потерпевшего при желании его оскорбить и унизить. Высокообразованный человек нередко использует литературно приемлемые выражения. В контексте они могут быть не менее оскорбительными, чем, например, нецензурная брань, и должны быть уголовно наказуемы. Для верной квалификации следует руководствоваться мнением специалистов, поскольку детальное рассмотрение сущности понятий «оскорбление», «непристичная форма» — проблема не только лингвистическая, но и экстралингвистическая, т. е. требует заключения эксперта-психолога [3, с. 334—335]. Как показывает практика, проведение лингвистической экспертизы занимает длительное время и окончить дознание в установленный законом 30-дневный срок невозможно, что делает данное обстоятельство основной объективной причиной низкой результативности расследования преступлений данной категории.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает привлечение эксперта только после возбуждения уголовного дела, однако процессуальной практике известна и внепроцессуальная форма использования специальных познаний сведущего лица — получение дознавателем консультаций специалиста. В данном случае целесообразно обратиться с запросом в соответствующую организацию, например в вузы, имеющие в структуре филологические факультеты, с изложением фабулы и вопросов, требующих решения. Для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, направлять запрос желательно в ходе проведения предварительной проверки по материалу. На основании ответа специалистов в ходе расследования уголовного дела возникнет необходимость проведения соответствующей экспертизы.

Таким образом, оскорбительные действия, в какой бы форме они ни выражались, должны представлять собой такое изложение оценки личности, которое носит характер глубокого унижения чести и умаления достоинства, поскольку форма оскорбления, несомненно, существенна, но важнее его содержание.

Очевидно, что действия, выражающиеся в проявлении уголовно наказуемого неуважения к суду, обязательно должны быть связаны с предметом и процедурами преступного разбирательства. Так, гражданин М., находясь в зале Калужского областного суда во время проведения заседания, умышленно, осознавая преступный характер действий, выражая явное неуважение к суду, оскорбил участника судебного процесса — свидетеля А., обратившись к нему со словами: «Какой ты свидетель? Ты и говорить не умеешь. Безграмотный, тупой бездарь, вот ты кто. Дегенерат и ублюдок, тварь ты безродная», унизив тем самым его честь и достоинство. Действия М. были квалифицированы по ч. 1 ст. 297 УК РФ [7].

Как отмечает И. М. Тяжкова, преступные действия, выражающие неуважение к суду, могут быть совершены в устной форме (например, в виде ругательств или нецензурных прозвищ), в письменной форме (например, в виде записок или писем неприличного содержания), в виде телодвижений (например, в виде непристойных жестов, плевков, срывании одежды и др.).

По конструкции объективной стороны состав преступления, предусмотренный ст. 297 УК РФ, является формальным, т. е. его следует считать оконченным с момента высказываний либо совершения действий, носящих оскорбительный характер, независимо от наступивших последствий, которые могут быть учтены при назначении наказания. При этом не имеет значения, совершены ли указанные действия во время судебного разбирательства, но необходимо установить, чтобы оскорбление потерпевшего было связано именно с деятельностью по осуществлению правосудия. Так, Судебная коллегия Верховного Суда РФ, утверждая приговор, которым М. была осуждена по ч. 2 ст. 297 УК РФ за нецензурную брань в коридоре суда в адрес судьи после провозглашения приговора, указала, что не может согласиться с доводами осужденной о том, что к моменту, когда она ругалась, судебное заседание было завершено [6].

При квалификации действий, выразившихся в неуважении к суду, необходимо четко отграничивать рассматриваемое деяние, характеризующееся повышенной общественной опасностью, от административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.3 КоАП «Неисполнение распоряжения судьи или судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов». Следует отметить, что уголовно наказуемое деяние выражается прежде всего в оскорблении, а административное правонарушение — в неисполнении законного распоряжения судьи или судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов о прекращении действий, нарушающих установленные в суде правила, т. е. неподчинение распоряжению председательствующего, нарушение порядка во время судебного

заседания, а равно совершение иных действий, свидетельствующих о явном пренебрежении к суду и установленным в суде правилам. Примечательно, что нередко по фактам оскорбления в процессе судебного заседания судьи принимают решение о привлечении лиц к административной ответственности при явном наличии в деянии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 297 УК РФ.

Субъектом исследуемого состава преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъективная сторона анализируемого состава преступления характеризуется наличием прямого умысла, мотивы и цели могут быть различными и на квалификацию содеянного не влияют. При этом виновный должен осознавать, что совершаемые им оскорбительные действия обращены к конкретному участнику процесса; в противном случае состав преступления, предусмотренный ст. 297 УК РФ, отсутствует.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что значимость общественных отношений, возникающих при отправлении правосудия, обусловливает необходимость их охраны, в том числе уголовно-правовыми средствами, поскольку органы правосудия играют важную роль при осуществлении функций охраны и укрепления законности в борьбе с преступностью и иными правонарушениями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Амиров К. М.** Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование : проблемы теории и законодательства / К. М. Амиров, Б. В. Сидоров, К. Н. Харисов / под общ. ред. Б. В. Сидорова. — Казань : Мастер Лайн, 2003. — 365 с.

2. **Наумов А. В.** Российское уголовное право. Курс лекций. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / А. В. Наумов. — М. : Юрид. лит., 2004. — 832 с.

3. Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. 5 / под ред. А. И. Коробеева. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. 951 с.

4. Преступления против правосудия / А. Н. Александров, Ю. И. Антонов, А. В. Галахова [и др.] ; под ред. А. В. Галаховой. — М. : Норма, 2005. — 416 с.

5. Уголовное право. Особенная часть / под ред. Н. И. Ветрова, Б. И. Лялунова. — М. : Проспект, 1998. — 812 с.

6. Уголовное дело № 80 кп-099 49 // Архив Верхов. Суда РФ. — 1999 год.

7. Уголовное дело 2-27/08 // Архив Калуж. област. суда. — 2008 год.

8. Уголовное право России. Практический курс : учеб.-практ. пособие / Р. А. Адельханян, Д. И. Аминов, Ю. П. Аникиев [и др.] ; под общ. ред. А. И. Бастрыкина ; под науч. ред. А. В. Наумова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2007. — 808 с.

Поступила 30.09.09.

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОТСТВАХ И ИХ ВЫЯВЛЕНИЯ

П. В. Малышкин, А. В. Чукуров

В статье рассматривается процесс выявления криминальных банкротств, осуществляемый в рамках предварительной проверке информации о них, предложена методика их выявлений.

Выявление и расследование криминальных банкротств представляет серьезную проблему для правоохранительных органов. Обусловлено это в первую очередь отсутствием конкретных методик, направленных как на выявление признаков преступных банкротств, так и на их расследование. Выявление криминальных банкротств осуществляется в рамках предварительной проверки информации о преступлении. Отправной точкой служит сообщение о возможно совершенном или готовящемся преступлении. Процесс выявления любого преступления предшествует возбуждению уголовного дела и служит способом получения информации для принятия решения о возбуждении (отказе в возбуждении) уголовного дела, с которого и начинается процесс расследования.

Предварительная проверка по преступлениям, связанным с криминальными банкротствами, является методикой их выявления. Она подразумевает выполнение следующих действий.

1. *Получение первичной информации о совершенном или подготавливаемом преступном банкротстве.* Фактически это поводы для возбуждения уголовного дела, предусмотренные ст. 140 УПК России: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном преступлении, полученное из иных источников [1]. В каждом из указанных случаев закон предписывает обязанность дознавателя, органа дознания, следователя и прокурора принять, зарегистрировать и проверить полученную информацию.

В заявлении о преступлении, в данном случае криминальном банкротстве, указываются данные, которыми располагает заявитель в отношении подготавливаемого или совершенного преступления. При принятии от заявителя сообщения о преступлении он в обязательном порядке должен быть предупрежден о заведомо ложном доносе. Как правило, заявителями о преступном банкротстве являются кредиторы организации-должника. Кроме того, законодателю доступны и другие источники получения информации о преступлении, например: 1) материалы оперативных разработок; 2) сообщения в СМИ. В данном случае проверка проводится следователем или органом дознания по соответствующему указанию прокурора; 3) материалы, полученные из контрольно-ревизионного управления и других организаций, уполномоченных контролировать финансово-хозяйственную деятельности юридических и физических лиц; 4) материалы из Федеральной службы финансового мониторинга, арбитражных судов, а также полученные от арбитражных, временных и административных управляющих. Всегда составляется рапорт об обнаружении признаков преступления, по которому принимается решение.

2. *Изучение полученных сведений и оценка достаточности оснований для возбуждения уголовного дела.* На данном этапе принимается решение о необходимости предварительной проверки сообщения о преступлении либо о возбуждении уголовного дела без ее проведения. Если в сведениях, полученных в соответствии со ст. 140 УПК России, достаточно данных, указывающих на признаки криминальных банкротств, уголовное дело возбуждается немедленно. Если же сведения неполные, то наступает третий этап выявления.

3. *Определение недостающих сведений и начало предварительной проверки в соответствии со ст. 144 УПК Российской Федерации.* Основным этапом в расследовании любого преступления является возбуждение уголовного дела. Ему предшествуют различного рода действия, направленные на предварительную проверку поступившей о преступлении информации. Предварительная проверка представляет собой мыслительный процесс по оценке данных, указывающих на признаки преступления. Если в поводе уже содержатся основания для возбуждения уголовного дела, проведение предварительной проверки не обязательно. Предварительная проверка проводится в слу-

© П. В. Малышкин, А. В. Чукуров, 2009

чаях, когда в поступившей и зарегистрированной в соответствии с действующим законодательством информации о преступлении, недостаточно первоначальных данных для возбуждения уголовного дела или отказа в нем, и имеет две основные цели: 1) получение достаточных данных, указывающих на признаки преступления; 2) получение сведений об отсутствии признаков преступления. В зависимости от результатов предварительной проверки будет решаться вопрос о возбуждении уголовного дела или отказе в нем.

Специфика криминальных банкротств связана с неполнотой первоначальных сведений о преступлении и сложностями в сборе исходной, необходимой для проведения первичной проверки, информации. Органу, осуществляющему предварительную проверку, необходимо определить, каких именно данных недостаточно и каким образом их получить. Анализ практики показывает, что их объем и содержание индивидуальны и полный перечень составить невозможно. Проверка информации о совершенном или готовящемся криминальном банкротстве осуществляется в большинстве случаев путем проведения опросов, оперативно-розыскных мероприятий, различного рода ревизий, аудиторских проверок и т. д., которые в свою очередь требуют больших временных затрат. Для таких случаев Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает возможность продления срока предварительной проверки до 10 суток, а в исключительных случаях — до 30 суток.

4. *Планирование и выполнение мероприятий по сбору информации в рамках предварительной проверки по сообщениям о преступных банкротствах, ее анализ и формирование выводов о наличии (отсутствии) признаков криминальных банкротств.* После того как орган, осуществляющий предварительную проверку, определит, какие именно ему необходимы сведения для полной проверки сообщения о преступлении, он намечает мероприятия по их наработке, а также определяет источник получения.

Практика показывает, что на стадии предварительной проверки по сообщениям о преступных банкротствах выяснению подлежат следующие обстоятельства: 1) причинен ли в результате указанных действий крупный ущерб; 2) возбуждено ли в отношении указанного должника дело по банкротству в арбитражном суде; 3) если да, то на какой стадии находится процедура банкротства; 4) имеются ли в действиях арбитражных управляющих нарушения, совершенные в пользу должника или третьих лиц; 5) существуют ли по указанному делу исковые производства в порядке гражданского судопроизводства; 6) список кредиторов и очередность выплаты задолженности; 7) есть ли нарушения в финансово-хозяйственной деятельности должника. Отметим, что вышеизложенная группа обстоятельств является общей. В то же время каждое преступление, предусмотренное ст. 195, 196, 197 УК России [2] при выявлении будет иметь и дополнительные, отражающие именно его специфику.

Наиболее эффективными действиями при проведении предварительной проверки сообщений о преступных банкротствах были бы: истребование и получение документов, характеризующих финансово-хозяйственную деятельность должника; получение объяснений от свидетелей и очевидцев; наведение справок; направление требований о проведении ревизий, документальных проверок, инвентаризаций; поручение иных исследований специалистам.

При выявлении криминальных банкротств источниками информации могут выступать: 1) документы, свидетельствующие об учреждении и регистрации должника; 2) бухгалтерская отчетность должника за последний отчетный период до даты подачи заявления в арбитражный суд о признании должника несостоятельным (банкротом) и дате проведения экспертизы, а также за срок продолжительностью не менее 12 месяцев, предшествующий дате подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом), с аналитической расшифровкой активов; 3) договоры и иные документы, на основании которых производились отчуждение или приобретение имущества должника, изменение в структуре активов, увеличение или уменьшение кредиторской задолженности, а также другие деловые бумаги по сделкам или действиям, повлекшим изменения в финансово-хозяйственном положении должника; 4) документы, содержащие сведения о составе руководства организации-должника за весь период проверки, а также о лицах, обладающих правом дачи обязательных для организации-должника указаний либо имеющих возможность иным образом определять действия организации-должника; 5) перечень имущества должника на дату подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом), а также за период продолжительностью не менее одного года до даты подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом); 6) список дебиторов (за исключением организаций с суммой долга менее 1 % от величины задолженности) с указанием величины задолженности на дату подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом), а также срок не менее 12 месяцев, предшествующий дате подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом); 7) документы, подтверждающие осуществление мер по истребованию дебиторской задолженности; 8) справка о задолженности перед бюджетом и внебюджетными фондами с раздельным указанием сумм основной задолженно-

сти, штрафов, пеней и иных финансовых (экономических) санкций на дату подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом), а также за период продолжительностью не менее 12 месяцев, предшествующий дате подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом); 9) перечень кредиторов (за исключением организаций с суммой долга менее 1 % от величины задолженности) должника с указанием основной суммы задолженности, штрафов, пеней и иных финансовых (экономических) санкций за ненадлежащее выполнение обязательств по каждому кредитору и сроков наступления их исполнения на дату подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом), а также за период продолжительностью не менее 12 месяцев, предшествующий дате подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом); 10) отчеты по оценке бизнеса, имущества должника, соответствующие требованиям ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»; 11) отчет временного управляющего о проведении процедуры наблюдения; 12) информация, полученная в результате опроса лиц, обладающих сведениями, необходимыми для проведения предварительной проверки; 13) арбитражные суды; 14) Федеральная служба по финансовому мониторингу.

Неправомерные действия при банкротстве совершаются в двух формах: 1) в сокрытии, отчуждении, передаче, уничтожении имущества, и/или финансовой документации, или сведений о них; 2) в неправомерном удовлетворении имущественных требований отдельных кредиторов в ущерб другим кредиторам. При выявлении признаков первой формы преступления необходимо иметь в виду, что указанные действия должны быть совершены именно при банкротстве (т. е. после возбуждения в отношении должника производства в арбитражном суде) или в предвидении банкротства. Наибольший интерес заслуживает формулировка «предвидения банкротства». Вероятно, это промежуток времени, когда субъект указанного преступления уяснит, что банкротства избежать не удастся. Вторая форма преступления может быть совершена только после признания должника дебитором и введения в отношении него процедуры конкурсного производства. Именно на этой стадии осуществляется выплата задолженностей кредиторам.

Полагаем, что на стадии предварительной проверки по сообщениям о неправомерных действиях при банкротстве необходимо: 1) получить от организации-должника всю документацию, отражающую его финансово-хозяйственную деятельность за предполагаемый период совершения преступления; 2) провести на указанном предприятии ревизии, встречные проверки и т. д.; 3) назначить экспертное исследование финансово-хозяйственной деятельности должника, поставив вопрос о реальном положении финансового состояния и наличии у должника активов, которыми он имеет право распоряжаться; 4) во взаимодействии с оперативными сотрудниками провести ряд совместных мероприятий по установлению возможных мест хранения документов, предметов, а также различного рода носителей информации, которые могут свидетельствовать о совершенном преступлении; 5) опросить материально ответственных лиц и руководителей должника о совершении предприятием сделок, вызывающих интерес для следствия; 6) запросить в Федеральной налоговой службе отчетность рассматриваемого предприятия за 12 месяцев, предшествующих периоду, в течение которого было совершено преступление, с целью дальнейшего анализа. Отметим, что резкое уменьшение активов предприятия косвенным образом может подтвердить совершение преступления; 7) добыть список кредиторов и очередность погашения задолженности; 8) получить документацию, отражающую порядок, размер и очередность уже выплаченной задолженности кредиторам; 9) установить, возбуждено ли в арбитражном суде производство по делу о банкротстве в отношении указанного должника; 10) во взаимодействии с представителями территориальных органов Федеральной службы по финансовому мониторингу провести анализ деятельности организации-должника, выявляя законность действий должника при осуществлении процедур банкротства, в том числе при выплате задолженностей кредиторам.

После указанных мероприятий необходимо проанализировать полученные сведения и установить, имеются ли в действиях руководителя признаки неправомерных действий при банкротстве. Свидетельствовать о них могут: 1) несоответствие предоставленных финансово-хозяйственных документов действительности; 2) выявленные в ходе проведения ревизий и инвентаризаций недостачи товарно-материальных ценностей; 3) нарушения в ведении кассовых операций; 4) получение материалов оперативной разработки, указывающих на сокрытие, уничтожение или фальсификацию финансовой документации; 5) сокрытие, уничтожение или фальсификация сведений об имуществе находящегося в введении должника от арбитражного, временного или конкурсного управляющего, а также от правоохранительных органов; 6) резкое снижение активов должника после возбуждения в арбитражном суде в отношении него производства по банкротству; 7) информация, полученная от лиц, осведомленных о совершенных неправомерных действиях при банкротстве; 8) получение материалов, указывающих на осознание субъектом преступления

совершения противоправных действий при банкротстве или в его предвидении; 9) нарушение графика выплат задолженностей кредиторам; 10) совершение сделок по передаче, отчуждению имущества без согласования с арбитражным управляющим, когда законом предусмотрена такая обязанность; 11) заявления о том, что документация, отражающая финансово-хозяйственную деятельность, находится в правоохранительных органах, и поэтому не может быть предоставлена; 12) сокрытие от органов следствия или от арбитражных управляющих договоров, в соответствии с которыми должник несет имущественные обязательства; 13) сведения, полученные от представителей территориальных органов Федеральной службы финансового мониторинга о наличии нарушений в деятельности должника при проведении процедур банкротства.

Преднамеренное банкротство — доведение должника до банкротства путем создания или увеличения неплатежеспособности. Оно может быть совершено в двух формах: 1) умышленное создание неплатежеспособности; 2) умышленное увеличение сложившейся неплатежеспособности. Тактической особенностью при выявлении преднамеренного банкротства является необходимость определения формы совершения преступления. Дело в том, что неплатежеспособность не обязательно может быть создана искусственно. Допускается ее образование в результате неправильного ведения финансово-хозяйственной деятельности, что носит гражданско-правовой характер. В то же время увеличение такой задолженности, носящее умышленный характер, является преступным и должно подлежать уголовному наказанию. Умышленно созданная неплатежеспособность уголовно наказуема.

Наиболее успешным способом выявления преднамеренного банкротства является анализ финансово-хозяйственной деятельности, смысл которого сводится к сравнению имеющихся у должника активов с его задолженностями и изменение этих активов в конкретный промежуток времени в сравнении с изменениями задолженности. Если в течение проверяемого периода времени количество активов должника значительно снизилось, а долги увеличились, то возможно предположить умышленное увеличение неплатежеспособности.

Необходимо учитывать, что при измерении активов в расчет берутся и чистые активы, и оборотные средства, и все наложенные на должника штрафные санкции. Проведение анализа финансово-хозяйственной деятельности должника предполагает рассмотрение динамики вышеназванных показателей за период проверки. После оценки всех активов анализируется их использование за проверяемый промежуток времени. В случае их значительного снижения анализируются условия совершения сделок должника за этот же период, повлекших существенные изменения в показателях обеспеченности обязательств должника перед его кредиторами, оцениваются условия совершения сделок с выявлением их выгодности.

Признаками заведомо невыгодных сделок являются: 1) завышение или занижение цены на приобретаемое (поставляемое) имущество; 2) заведомо невыгодные для должника сроки и (или) способы оплаты по реализованному или приобретенному имуществу; 3) любые формы отчуждения или обременения обязательствами имущества должника, если они не сопровождаются эквивалентным сокращением задолженности. Однако невыгодность условий сделок не может быть единственным способом совершения данного преступления.

Таким образом, примерный перечень мероприятий, направленных на выявление преднамеренного банкротства, выглядит следующим образом: 1) получение и анализ документации, отражающей ведение должником финансово-хозяйственной деятельности; 2) получение в арбитражном суде сведений о наличии (отсутствии) в отношении должника возбужденного производства по банкротству; 3) получение и анализ договоров, контрактов, сделок, совершаемых должником в проверяемый период; 4) совместное со специалистами определение выгодности этих сделок; 5) проведение инвентаризаций, ревизий должника; 6) получение в ФНС отчетности, предоставленной должником за 12 месяцев до проверки; 7) получение документов первичного учета; 8) проведение встречных проверок на предприятиях, которым было передано имущество или денежные средства; 9) выявление у должника гарантийных обязательств; 10) совместное с территориальными органами Федеральной службы финансового мониторинга проведение анализа деятельности должника с целью обнаружения признаков преднамеренного банкротства; 11) проведение во взаимодействии с оперативными работниками мероприятий по установлению возможных свидетелей, соучастников преступления и других лиц, обладающих информацией о совершенном или подготавливаемом преступлении.

Основываясь на изложенном, к признакам преднамеренного банкротства можно отнести: 1) заметное снижение активов должника, не приведшее к уменьшению задолженности; 2) заведомо невыгодное совершение сделок; 3) необоснованно завышенное расходование денежных средств принадлежащих должнику (представительские расходы, приобретение автотранспорта, помещений и т. д.), необходимости в которых не было; 4) выдачу гарантий по кредитам третьих лиц; 5) сокрытие должником до-

ходов и выручки; б) приказы, исполнение которых принесло явный вред должнику, изданные лицами, чьи распоряжения являются обязательными к исполнению. Таким образом, основным критерием, по которому будет решаться вопрос о наличии либо отсутствии признаков преднамеренного банкротства, — условия выгодности ведения финансово-хозяйственной деятельности должника.

По результатам выявления преднамеренного банкротства делаются выводы: 1) обеспеченность должника за проверяемый период не претерпела значительных ухудшений, и признаки преднамеренного банкротства отсутствуют; 2) обеспеченность должника значительно ухудшилась, но сделки, совершенные им, соответствуют рыночным условиям, нормам и обычаям делового оборота, и признаки преднамеренного банкротства отсутствуют; 3) обеспеченность должника ухудшилась, и сделки, совершенные им, не соответствуют рыночным условиям, нормам, обычаям делового оборота, и признаки преднамеренного банкротства усматриваются.

Полагаем, что для проведения предварительной проверки по сообщениям о фиктивном банкротстве необходимо осуществление следующих мероприятий: 1) получения сведений о наличии (отсутствии) в арбитражном суде дела по банкротству в отношении должника; 2) выяснения, на какой стадии находится производство по банкротству, если оно вынуждено; 3) установления, имеется ли в отношении должника решение арбитражного суда о признании его банкротом; 4) выявления публикаций о признании должника банкротом; 5) составления списка потенциальных кредиторов должника; 6) запроса и получения всей документации, отражающей финансово-хозяйственную деятельность должника; 7) совместного с представителями территориальных органов Федеральной службы финансового мониторинга проведения анализа этих документов; 8) назначения проведения ревизий и инвентаризаций с целью выяснения фактического финансового состояния должника.

Для установления признаков фиктивного банкротства определяется обеспеченность краткосрочного обязательства должника его оборотными активами, которое определяется как отношение величины оборотных активов к величине краткосрочных пассивов. На основании произведенных расчетов делаются выводы: 1) если величина обеспеченности краткосрочных обязательств должника его оборотными активами равна или более единицы, то признаки фиктивного банкротства присутствуют; 2) если величина обеспеченности краткосрочных обязательств должника его оборотными активами менее единицы, то признаки фиктивного банкротства отсутствуют. Таким образом, признаками, указывающими на фиктивное банкротство, являются: 1) превышение активов должника над его пассивами в свете заявления руководителем должника обратного; 2) распространение руководителем должника информации о банкротстве, например в СМИ, с предоставлением соответствующих документов, подтверждающих несостоятельность должника, но являющихся фальшивыми; 3) заявления руководителя или собственника должника о его несостоятельности с одновременным предложением сократить задолженность или отказаться от нее, равно как и просить отсрочки выплаты задолженности.

5. *Принятие процессуального решения о возбуждении (отказе в возбуждении) уголовного дела по сообщению о криминальном банкротстве.* Предварительная проверка сообщений о преступлениях должна быть закончена принятием решения не позднее трех суток со дня поступления сообщения. По результатам проверки решение должно быть принято и до истечения указанного срока, если будут установлены основания для возбуждения дела, отказа в этом или для передачи сообщения по подследственности. Срок проверки исчисляется с тех суток, в течение которых был принят повод к возбуждению дела. Если регистрация повода к возбуждению дела была задержана, то срок исчисляется не с момента его регистрации, а с момента первичного получения сотрудником правоохранительных органов повода к возбуждению дела. Если сообщение о преступлении было передано по подследственности, то срок проверки исчисляется заново — с момента получения сообщения другим органом расследования. После того как органом, проводящим предварительную проверку по сообщениям о криминальных банкротствах, будут сформированы выводы о наличии (отсутствии) признаков преступного банкротства, им же должно быть принято решение о возбуждении (отказе в возбуждении) уголовного дела и принятии его к производству или передаче по подследственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Официальный текст. — М. : Омега-Л, 2010. — 207 с. – (Кодексы Российской Федерации).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации. — М. : Эксмо, 2010. — 192 с. — (Российское законодательство).

Поступила 30.09.09.

РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Е. В. Бурдина

В статье определяются место и роль юридической науки на новом этапе развития судебной системы, связанном с внедрением информационных технологий в судебную практику. Сформулированы предложения по использованию отдельных форм взаимодействия вузовской юридической науки с судами, обосновывается взгляд на повышение значения юридического знания.

Основными признаками информационного общества являются возрастающая ценность информации и, как следствие, стремительное развитие технических средств ее сбора, передачи, тиражирования и хранения, а также развитие информационных технологий. Представители многих гуманитарных наук изучают тенденции и характеристики информационного общества, дают рекомендации относительно путей и направлений его дальнейшего движения. Однако в отечественной юриспруденции еще не в полной мере осознаны зависимости между стремительными процессами, происходящими в мире, в первую очередь в сфере экономики, и состоянием дел в судебной сфере.

Фактором негативного плана следует признать недооценку меняющихся социально-экономических условий. По этому поводу Э. Г. Костов указывал: «В целом, игнорируя мировые реалии, российская правовая доктрина практически самоустранилась от новейших тенденций, от геоэкономической модели мирового развития. Это уже служит тормозом для формирования национальной стратегии развития в XXI веке» [2]. Традиционным остается подход, в рамках которого проблемы судебной сферы рассматриваются изолированно от других явлений общественной жизни как целостная и самодостаточная, а в силу особого статуса судей — порой и закрытая сфера. Все это приводит к непониманию новой роли суда в изменяющемся мире, далеко не всеми представителями судейского сообщества, в том числе руководителями, осознаются иные реалии функционирования судебной власти в системе изменившихся принципов организации мира.

Поскольку без осмысления происходящих в России и мире перемен невозможно верно координировать и направлять развитие судебной системы, остановимся на некоторых, по нашему мнению, основных положениях. Внедрение и широкое использование информационных технологий, являясь признаком информационного общества, требует иного отношения к научному знанию. Решая проблемы информатизации судебной сферы, необходимо, на наш взгляд, сокращать разрыв между научным юридическим знанием и судебной практикой, рассматривая это направление как задачу на среднесрочную перспективу.

В соответствии с Федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России» на 2007—2011 годы» [10] до 2011 г. предполагаются создание 75 тыс. автоматизированных рабочих мест в судах общей юрисдикции, 14 тыс. мест в арбитражных судах, формирование системы электронного документооборота, создание 2 200 сайтов судов общей юрисдикции и 13 сайтов арбитражных судов, что позволит размещать в Интернете сведения, касающиеся их деятельности.

Следует назвать обстоятельства, предопределяющие острую потребность в привлечении научных знаний в судебную систему. *Во-первых*, усложнение действующего законодательства и динамика его обновления. Очевидно, что при

© Е. В. Бурдина, 2009

стабильном законодательстве вопросы правоприменения решаются легче.

Российское право, по мнению зарубежных исследователей, находится на реконструкции и подвержено динамике, усложняющей его понимание [4, с. 210—211]. Несмотря на то что черты новой российской юридических системы уже определены, происходит заимствование юридических институтов из разных систем права: немецких, французских, американских институтов вне контекста их правовых традиций. В связи с этим адаптировать право к условиям российской действительности призваны именно суды, формируя собственную практику. Бесспорно, что проблемы единообразия указанных присмов при переходном характере национального права представляют значительную сложность.

Факторами, усугубляющими проблему единства судебной практики, выступают большая нагрузка, во многих случаях — чрезмерная, на судей и работников аппарата судов, а также малый стаж работы судей основного звена. Загруженность судов основного звена закономерна при недостатке специалистов отсутствии развитых форм несудебной защиты гражданских прав. Так, в Англии и Уэльсе насчитывается около 30 тыс. магистратских судей, т. е. в 10 раз больше, чем профессиональных судей всех иных категорий, выполняющих функцию судов основного звена [3, с. 9]. В России аналогичными полномочиями наделены мировые судьи. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 1999 г. № 218-ФЗ «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации» (редакция от 3 декабря 2008 г.) [8] в нашей стране определены 7 435 мировых судей и соответствующее этому числу количество судебных участков. На 31 декабря 2007 г. штатная численность судей судов общей юрисдикции (без мировых судей) составляла 23 172 ед. [11].

Отсутствие устойчивости национального права, его пробельность, в отдельных случаях противоречивость, объединенные с недостаточностью судебного персонала, при неразвитости аналитической функции в деятельности судов мешают цельности судебной равенства, что снижает гарантии равенства каждого перед законом и судом. Данные обстоятельства предопределяют потребность в анализе судебной практики, ее обобщениях, проводимых на всех уровнях судебной системы, и согласованиях применительно к судам разной компетенции. Полагаем, что специфика данного этапа связана с усилением значения аналитической функции судов. Такая работа сделает ресурс юридиче- ской науки с ее методологией научного анализа востребованным. На наш взгляд, Россия вступила в тот период, когда изучение и обобщение судебной практики должны давать импульсы для развития юридической доктрины и, на ее основе, национального законодательства. Это, по нашему мнению, и является развитием права на собственной основе.

Во-вторых, потребность в эффективности информатизации судов и внедрения информационных технологий. Считаем, что эффективность использования информационных технологий в судебной сфере должна определяться в виде соотношения между полученной пользой (решенной проблемой) и издержками на нее. Издержки на информационное обеспечение судов, стоимость информационного обеспечения, предполагаем, значительны. Они определены в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007—2011 годы [10]. Какова цель внедрения информационных технологий? Какой планируется получить результат?

Целевые установки применительно к одним и тем же процессам у разных субъектов могут различаться. Так, в определенных случаях неодинаково оцениваются современное состояние судебной системы и первоочередные задачи ее совершенствования, например с точки зрения руководителей судов, органов судейского сообщества [7] и, с другой стороны, научных кругов, юридической общественности, экспертов [6, с. 5]. Полагаем, что цели внедрения технических средств в деятельность судов должны в первую очередь соответствовать интересам гражданского общества.

В связи с этим внедрение затратных технических средств и информационных технологий в судебную сферу связывается социумом с повышением качества судебной деятельности, прежде всего правосудия и судебных актов, что, по нашему мнению, следует рассматривать как приоритетную цель информатизации судов наряду с оптимизацией делопроизводства и информированием граждан о деятельности судебных учреждений.

Целевые установки информатизации судов не продиктованы федеральным законодательством. Закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», который вступит в силу с 1 июля 2010 г. [9], определяет формы предоставления информации о деятельности судов и структуру такой информации, размещаемой в Интернете. Если положения данного нормативного документа считать реализованными лишь при условии, что вся указанная в законе информация будет размещена на сайтах судов, то качество работы судов не изменится. Составляющее архивного хранения будет переведено в электронную форму и публично размещено. В этом случае лишь окупятся затра-

ты правительства страны на внедрение информационных технологий в судебную систему. Очевидно, что судебную реформу ускоряют не только количественные показатели освоения информационных технологий. Значительная роль принадлежит и факторам согласованности судебной практики, утверждению ее стабильности, а также ориентации населения на апробированные способы защиты прав граждан, особенно в сфере так называемых «повседневных»* дел [4, с. 222—223].

Информатизация судов ведет к прозрачности судебной практики. При этом возможно сравнить акты, принятые в разных регионах. Проведенный автором анализ практики применения Жилищного кодекса РФ в районных судах Республики Мордовия с 2004 по 2006 г. выявил несходства в рассмотрении и разрешении отдельных категорий жилищных споров даже в одном многосоставном суде.

С учетом внедрения электронных делопроизводства и банка судебных актов и потребностью в их размещении (за отдельными исключениями) на сайтах судов основной проблемы становится обработка имеющейся информации, ее анализ и обобщение. Ценность, по нашему мнению, представляют не материалы судебных дел, а их систематизация, что позволит привести к единообразию практику повседневного правосудия в судах основного звена, направить граждан путем предложения образцов исковых заявлений по оптимальному пути право защиты.

Укажем и на проблемы юридического знания: качество исследований снижается из-за низкого престижа в обществе ученых при небольших заработных платах и недостаточном финансировании разработок. Научная деятельность оценивается как «хобби» профессорско-преподавательского состава, исследования часто проводятся по устоявшейся методологии и не отличаются новизной. Так, отсутствуют диссертационные исследования по вопросам судебного управления, в том числе судейского самоуправления, хотя органы судейского сообщества функционируют с конца 1980-х гг. Практически нет работ, посвященных судебной политике, и теорию судебной власти нельзя считать завершенной.

Судебная система слабо, преимущественно на уровне высших судебных органов, привлекает научные кадры, использует имеющийся потенциал для разрешения актуальных проблем правоприменения, решая их в основном собственными силами. На региональном уровне за исключением нескольких субъектов Федерации взаимодействие юридической науки и судебной системы проходит начальную стадию. Юридическая наука не получает социального заказа, не востребована обществом как производительная сила, как создание технологий, внедряемых в практику работы судов, функционируя преимущественно в форме учебного производства, не всегда связанного с потребителями его конечного продукта. Такая ситуация губительна для науки.

Рейтинги мировых университетов показывают, что оценка деятельности вузов осуществляется по шести блокам, где наряду с образовательной деятельностью учитываются научно-исследовательская деятельность, профессиональная компетентность профессорско-преподавательского состава и т. д. Если по образовательному блоку российским вузам удается оставаться на ведущих позициях, то научная работа и профессиональная компетенция отстают (например, Мордовский государственный университет, имея высокие показатели по образовательному блоку (135—136-е место), занимает лишь 430-ю строчку в блоке профессиональной компетенции кадрового состава) [5].

Для Российской Федерации с ее разноуровневой системой судов, ограниченной локализацией юридических научных ресурсов, использование для «внутренних» нужд системы лишь потенциала Российской академии правосудия явно недостаточно. Считаем необходимым использование и научного потенциала региональных учебных и научных учреждений.

Согласимся с профессором М. И. Клеандровым, который призывает к отступлению от сверхцентрализации в научно-исследовательской и преподавательской деятельности в системе судебной власти. По его мнению, данную работу можно было бы возложить не только на Российскую академию правосудия, но и на мощные юридические центры (вузовскую науку), имеющиеся в каждом из федеральных округов [1, с. 480].

Считаем, что ресурсы научного сопровождения судебной реформы следует изыскивать не только в масштабах федеральных округов, что уже означает приближение к нуждам практики, но и, если возможно, в каждом субъекте Федерации. Такое привлечение юридической науки к государственным программам развития судебной системы даст новый импульс научным разработкам, позволит качественно совершенствовать вузовскую науку, «отфильтровать» признанные юридические центры от порочащих правовую науку.

Формы взаимодействия теории и практики

---

* *В зарубежной литературе правосудие, осуществляемое мировыми судьями и районными судами, именуется «повседневным».*

могут быть различными, в том числе апробированными опытом: создание научно-консультативных советов при областных и равных им судах, издание совместных журналов, проведение конференций, «круглых столов», научно-методических семинаров. По нашему мнению, обязательно наличие при судах областного уровня научно-консультативного совета, состоящего из признанных в регионе специалистов в сфере права, что следует закрепить на уровне закона, определяя структуру суда среднего звена. Кроме указанных, могут быть использованы и новые формы сотрудничества: привлечение представителей науки к работе советов судей всех уровней в качестве консультантов, размещение заказа на проведение научных исследований и т. д.

Приоритетной становится потребность в проведении в судебной сфере узкопрактических исследований, например по применению законодательства или по отдельным вопросам функционирования мировой юстиции. Такие исследования пока не проводятся.

Привлечение научного потенциала требует не только финансирования, но и причисления юридической науки к ресурсам дальнейшего продвижения судебных реформ в нашей стране. Полагаем, что при разработке целевой программы развития судебной системы в Российской Федерации на 2012—2016 гг. следует определить роль юридической науки в плане государственных мероприятий с соответствующим выделением финансовых ресурсов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Клеандров М. И.** Экономическое правосудие в России : прошлое, настоящее, будущее / М. И. Клеандров. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 600 с.

2. **Кочетов Э. Г.** Глобализация мира : новая геоэкономическая и геофинансовая конфигурация / Э. Г. Кочетов // Законодательство и экономика. — 1999. — № 8. — С. 48.

3. **Кудрявцева Е. В.** Гражданское судопроизводство Англии / Е. В. Кудрявцева. — М. : Городец, 2008. — 320 с.

4. **Леже Раймон.** Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / Раймон Леже. — М. : Волтерс Клувер, 2009. — 584 с.

5. Нас измерили! Университетская образовательная и научно-исследовательская деятельность подверглась измерениям агентства «Рейтор» // Голос МГУ. — 2009. — 1 окт.

6. Оптимизация гражданского правосудия России / авт. кол. : С. Л. Дегтярев, И. Г. Медведев, С. С. Трушников [и др.] ; под ред. В. В. Яркова ; авт. предисл. В. Ф. Яковлев. — М. : Волтерс Клувер, 2007. — 178 с.

7. Постановление Президиума Совета судей Российской Федерации «Об утверждении Методических рекомендаций по формированию и размещению информации о деятельности судов общей юрисдикции в глобальной сети общего пользования Интернет на официальном интернет-сайте суда» от 13 августа 2008 г. № 162 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ssrf.ru. — Загл. с экрана.

8. Собрание законодательства Российской Федерации. — 2000. — № 1. — Ст. 1.

9. Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 52 (часть I). — Ст. 6217.

10. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2007—2011 годы (утв. постановлением Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. № 583) (с изменениями от 10 апреля 2007 г., 14 февраля 2008 г., 17 марта 2009 г.) [Электронный ресурс]. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

11. Федеральный закон от 19 декабря 2006 года № 238-ФЗ «О федеральном бюджете на 2007 год». Ст. 114 // СЗ РФ. — 2006. — № 52 (II). — Ст. 5504.

Поступила 30.09.09.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В. Б. Кусляйкин

В статье говорится о роли результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. Предлагается придать им статус доказательств и внести соответствующие поправки в уголовно-процессуальное законодательство.

Нет необходимости говорить о том, что оперативно-розыскная деятельность нужна государству, обществу, гражданам, поскольку без нее не может эффективно осуществляться борьба с преступностью. Однако как вид социально полезной деятельности она всегда будет вызывать в обществе неоднозначную оценку, которая в первую очередь связана с ограничением прав и свобод граждан, применением специфических средств и методов борьбы с преступностью, использованием мер принуждения и т. д.

С принятием Закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» Верховным Советом Российской Федерации 13 марта 1992 г. (это можно без преувеличения назвать событием исключительной важности) удалось:

1) создать нормативно-правовую основу оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации;

2) придать оперативно-розыскной деятельности официальный статус государственно-правовой формы борьбы с преступностью [1].

Оперативно-розыскная деятельность как вид государственной деятельности наконец стала легитимной.

Закон «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» был нормативным актом переходного периода, создавался впервые и опередил по времени принятие Конституции [2], поэтому он обладал существенными недостатками определенной декларативностью, неконкретностью отдельных положений, противоречивостью статьям основного закона. В связи с этим возникла необходимость внесения в указанный закон изменений и дополнений, приведения его в соответствие с Конституцией РФ, а также с насущными потребностями реальной обстановки в стране. Как следствие, 5 июля 1995 г. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» был принят в новой редакции, 12 августа подписан Президентом Российской Федерации и вступил в силу с 18 августа 1995 г. Им предусмотрен ряд принципиально новых правовых установлений, например:

— включение в число основных задач добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации;

— дополнение перечня оперативно-розыскных мероприятий оперативным внедрением, контролируемой поставкой, оперативным экспериментом, которые на практике проводились оперативными подразделениями государственных органов, но на основании ведомственных нормативных актов;

— более четко сформулированные основания проведения оперативно-розыскных мероприятий;

— нахождение под судебным контролем оперативно-розыскных мероприятий, проведение которых ограничивает конституционные права граждан на неприкосновенность жилища, тайну почтовых, телеграфных и иных сообщений, снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров;

— положение, регламентирующее основания и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан;

— использование результатов оперативно-розыскной деятельности для подготовки и осуществления следственных действий, которые могут служить непосредственным поводом и основанием для возбуждения уголовного дела;

— возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими сбор, проверку и оценку доказательств;

— установление порядка передачи результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд.

© В. Б. Кусляйкин, 2009

В п. 36.1 ст. 5 действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ дается определение результатов оперативно-розыскной деятельности, под которыми понимаются сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда [3].

В соответствии со ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных сведений, имеющих значение для уголовного дела. Согласно ч. 2 данной статьи в качестве доказательств принимаются показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключение и показания эксперта и специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы, но не говорится о результатах оперативно-розыскной деятельности. Нет о них упоминания и в ст. 140 УПК РФ среди поводов и оснований для возбуждения уголовного дела, к которым законодатель причисляет заявление о преступлении, явку с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

Легитимными для уголовного судопроизводства в соответствии со ст. 86 и 89 УПК РФ являются лишь материалы оперативно-розыскной деятельности, которые получены посредством следственных действий, т. е. в результате производства контроля и записи переговоров (ст. 186 УПК РФ), но в отношении лишь двух категорий преступлений. В итоге из совокупности ценнейшей первичной информации о преступлении и преступнике, собранной при проведении оперативно-розыскных мероприятий, в сферу уголовного судопроизводства попадает лишь та их часть, которая получена по уже возбужденному уголовному делу при производстве единственного в УПК следственного действия [6].

В связи с усеченностью процессуального статуса результатов оперативно-розыскной деятельности эффективность их использования в уголовном судопроизводстве крайне низка. Как показывает практика, оперативные аппараты органов, указанных в ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [3], располагают обширным конфиденциальным материалом, содержащим прямые свидетельства деятельности организованных криминальных структур, сообществ и совершаемых ими преступлений. Однако для уголовного судопроизводства эти сведения почти не используются либо «мертвы», так как в результате отставания уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в этом аспекте от требований времени они не могут быть ни поводом, ни основанием к возбуждению уголовного дела, ни бесспорным процессуальным доказательством. Если же из этого правила делается исключение, то оно непременно становится предметом рассмотрения нескольких судебных инстанций, в том числе Верховного Суда РФ, о чем свидетельствуют судебная практика по уголовным делам, а также определения Конституционного Суда Российской Федерации, вынесенные им по результатам рассмотрения заявлений граждан о несоответствии положений отдельных статей Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» Конституции Российской Федерации [4; 5].

В связи с этим для устранения указанного пробела в законодательстве представляется целесообразным внести изменения в УПК РФ, в частности в ст. 74 и 140, придав результатам оперативно-розыскной деятельности статус доказательств. В пользу этого предложения говорит и определение доказательств, данное в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, соответствующее определению результатов оперативно-розыскной деятельности, обозначенному в п. 36-1 ст. 5 кодекса [6]. Отличие результатов оперативно-розыскной деятельности по механизму их образования от доказательств выявляется только в процессуальной форме, которую необходимо привести в требуемое соответствие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 17. — Ст. 892.

2. Конституция Российской Федерации. Принята 12 декабря 1993 года // Рос. газ. — 1993. — 25 дек.

3. Об оперативно розыскной деятельности : Федеральный закон РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 33. — Ст. 3349.

4. Обзоры судебной практики Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http:// www/supcourt.ru/vs_docs.php. — Загл. с экрана.

5. Определение Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гр-кя Черновой И. Т. от 14 июля 1998 г. № 86-О // СЗ РФ. — 1998. — № 34. — Ст. 4368.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : по состоянию на 1 декабря 2009 г. — М. : Кнорус, 2009. — 224 с. — (Законы и Кодексы).

Поступила 30.09.09.

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ И ОПРЕДЕЛЕНИЙ СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

М. В. Пальчикова

Статья посвящена сущности и значению постановлений и определений суда первой инстанции в российском уголовном процессе как промежуточных судебных решений, выполняющих важную функцию и отражающих ход всего судебного разбирательства. В статье рассмотрены сущностные моменты, отражающие их значение для всего судебного разбирательства и для постановления приговора как итогового решения.

Судебное разбирательство — процедура сложная, многофункциональная, несущая, помимо прочего, воспитательное и идеологическое значение. Именно в этой стадии осуществляется правосудие [2, С. 369] — деятельность суда по рассмотрению уголовного дела по существу и разрешению его путем вынесения соответствующего определения.

На суд как на носителя государственной власти возложена обязанность по принятию решений, причем в них должна быть отражена воля государства, но в то же время они должны быть правосудными. Кроме того, суд — единственный орган власти, где индивид вправе рассчитывать на «разговор» с государством на равных.

В уголовном судопроизводстве уровень законности прежде всего выражается в действиях и решениях, которые исходят от органов и должностных лиц, осуществляющих судопроизводство. Суды уходят от политики закрытости, становятся прозрачными для общества.

Осуществляя правосудие в рамках судебного разбирательства, судья (суд) соблюдает определенную процедуру (уголовно-процессуальную форму). Чем логичнее и последовательнее она будет закреплена в законе, тем проще судье разрешать поставленные задачи, не отвлекаясь на продумывание нерегламентированных моментов, касающихся вынесения и фиксации указанных решений. Точность и полнота детальной регламентации порядка и оснований совершаемых в рамках судебной процедуры действий, принятия на их основе решений, их процессуальной фиксации и оформления судебных актов позволяют суду полнее реализовывать возложенные на него функции именно по разрешению дела по существу. Соблюдение указанных положений снизит количество вынужденных и невынужденных отступлений от незыблемых принципов судопроизводства.

Суд не вправе давать органам расследования указания относительно необходимости получения каких-либо дополнительных доказательств или изменения квалификации преступления на более тяжкое, предъявлять обвинение или отказываться от него, но обязан оказывать содействие сторонам в реализации их прав и обязанностей, обеспечивать по их просьбе получение и исследование дополнительных доказательств, имеющих значение для дела.

Следует отметить, что сводить весь смысл деятельности судьи исключительно к разрешению вопроса о виновности либо невиновности лица излишне. В процессе рассмотрения дела к задачам судебного разбирательства прибавляется также соблюдение процедуры, обеспечивающей реализацию в судебном разбирательстве всех уголовно-процессуальных принципов. Именно это позволяет последовательно добиваться эффективной деятельности всей судебной системы.

В суде надлежащая процессуальная форма достигается за счет строго определенного уго-

© М. В. Пальчикова, 2009

ловно-процессуальным законом порядка действий конкретного судьи (всего состава суда при коллегиальном рассмотрении уголовных дел). Обеспечение прав личности в судебном разбирательстве будет полным настолько, насколько судья стремится к соблюдению процессуальной формы, исполнению возложенных на него законом обязанностей по защите личности в рамках судебного разбирательства. От своевременности и правильности решения, например о назначении дела к рассмотрению или отложении судебного разбирательства, отводе судьи или других субъектов процесса, удовлетворении или отказе в ходатайстве, заявленного стороной, обеспечении гласности судебного разбирательства, зависит признание его справедливым в том смысле, которое этому понятию придает ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [1, с. 57]. Права и свободы субъектов судебного разбирательства гораздо проще реализовать, соблюдая предписанный законом порядок.

Судебное производство включает комплекс действий и решений, которые необходимо совершить и принять судье до момента вынесения приговора. При этом каждое судебное решение должно свидетельствовать о реализации тех конституционных принципов, на которых основана вся судебная процедура. В процессе рассмотрения суд принимает множество «промежуточных решений» — постановления судьи либо определения суда, которые выносятся в рамках процедуры судебного разбирательства по предусмотренным законом правилам и оформляются в надлежащем порядке. В зависимости от момента принятия они носят и ключевой (решение об исключении доказательств, о применении мер принуждения и т. п.), и завершающий судебное разбирательство (решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования) характер. С точки зрения соблюдения процессуальной формы указанные решения обязательно должны выноситься при наличии оснований, предусмотренных законом, в строго установленном порядке и фиксироваться в определенном документе. Закрепленный в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации порядок принятия решений в судебном разбирательстве не в полной мере отражает существующую судебную процедуру [3].

Таким образом, определения значительны, поскольку:

— являются единственной, помимо приговора, формой выражения принимаемых судом решений;

— выносятся в условиях, обеспечивающих наиболее полное равенство участников процесса, состязательность сторон, и сопровождаются наибольшими процессуальными гарантиями;

— являются актами государственного органа — суда, вследствие чего становятся общеобязательными и приобретают властный характер;

— реализуют осуществление исключительной функции суда — отправления правосудия;

— влияют на движение дела, на возникновение, развитие, окончание процесса;

— устраняют возможные препятствия уголовно-процессуальной деятельности;

— создают возможности для разрешения дела;

— влияют на справедливость, законность, обоснованность приговора;

— определяют права и обязанности, ответственность физических и юридических лиц;

— имеют организующее и воспитательное значение. С одной стороны, эти акты создают необходимые условия для реализации правовых норм, в частности норм уголовного права, с другой — воспитывают граждан в духе уважения к закону;

— являются реализацией судейского усмотрения при применении норм процессуального права;

— могут отменяться или изменяться только вышестоящими судебными инстанциями и только при наличии указанных в законе оснований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Лупинская П. А.** Судебные решения : содержание и форма / П. А. Лупинская // Рос. юстиция. — 2001. — № 11. — С. 57.

2. **Строгович М. С.** Уголовный процесс : учеб. для юрид. ин-тов и факультетов / М. С. Строгович. — М.: Наука, 1946. — 328 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : по состоянию на 1 декабря 2009 г. — М. ; Кнорус, 2009. — 224 с. — (Законы и Кодексы).

Поступила 30.09.09.

ПОВТОРНОЕ РАССМОТРЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В КАССАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ

Л. Д. Калинкина

Статья посвящена анализу оснований, условий к процедуре принятия решений при повторном рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке. Предлагается авторский вариант толкования положений ст. 389 УПК РФ.

Применительно к стадии кассационного производства термин «повторный» встречается лишь в ст. 389 УПК РФ, где предусматривается, что «суд кассационной инстанции повторно рассматривает уголовное дело в кассационном порядке по кассационным жалобе или представлению, если кассационная жалоба осужденного, его защитника или законного представителя, также потерпевшего или его законного представителя поступила тогда, когда уголовное дело в отношении этого осужденного уже рассмотрено по кассационным жалобе или представлению другого участника уголовного судопроизводства. Суд разъясняет участникам уголовного судопроизводства право обжаловать вновь вынесенное кассационное определение, если оно противоречит ранее вынесенному, в порядке, установленном главой 48 настоящего Кодекса» [14].

Проблемы кассационного производства всегда были предметом пристального внимания исследователей [1; 10], но вопросы о повторном рассмотрении дела в кассационном порядке, о формах повторения тех или иных действий и решений в ходе кассационного обжалования и пересмотра судебных решений в уголовно-процессуальной литературе никогда не рассматривались. Вместе с тем признавалась необходимость исследования повторного рассмотрения дела в кассационном порядке [7]. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2008 г. № 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса в судах апелляционной и кассационной инстанций» также «не отражены вопросы, связанные с практикой применения ч. 1 ст. 389 УПК РФ» [2]. При этом в комментариях к ней в основном упоминаются ситуации, когда возникает необходимость применения правил, указанных в данной норме [1, с. 657], а также определяются условия, при наличии которых возможно повторное рассмотрение уголовного дела в суде кассационной инстанции.

Законодательно обозначенным таким требованием является поступление кассационных жалоб и представлений после рассмотрения уголовного дела судом кассационной инстанции. Так, практически во всех комментариях к ст. 389 УПК РФ отмечается, что такое условие возникает, когда был пропущен срок на кассационное обжалование, а к моменту восстановления срока для отдельных участников судом кассационной инстанции были уже рассмотрены ранее поданные жалобы других участников уголовного судопроизводства [4—6; 8]. Между тем необходимость повторного рассмотрения уголовного дела судом кассационной инстанции возникает, когда, например, срок на кассационное обжалование не был пропущен, однако дополнительные кассационная жалоба поступила в суд первой инстанции до рассмотрения уголовного дела в суде кассационной инстанции, но в суд кассационной инстанции поступила уже после рассмотрения уголовного дела по первоначальным кассационным жалобам.

С учетом того, что судом кассационной инстанции рассматриваются все кассационные жалобы и представления, в том числе дополнительные, в вышеуказанном случае диктуется повторное рассмотрение уголовного дела судом кассационной инстанции. Такие случаи, в частности, могут возникать, когда в суд первой инстанции до рассмотрения уголовного дела в кассационном порядке поступает дополнительная кассационная жалоба к основной жалобе осужденного от его нового защитника, вступившего в процесс на этапе кассационного обжалования приговора. Дополнительная кассационная жалоба может поступить в суд первой инстанции и тогда, когда уголовное дело было уже направлено для рассмотрения в суд кассационной инстанции, но до его рассмотрения в кассационном порядке. Необходимость ознакомления участников уголовного судопроизводства со всеми кассационными жалобами и кассационными представлениями, установления для них срока на подачу возражений может затянуть время

© Л. Д. Калинкина, 2009

отправления таких дополнительных кассационных жалоб и кассационных представлений, что может повлечь за собой их поступление в суд кассационной инстанции лишь после рассмотрения уголовного дела судом кассационной инстанции.

Подобные ситуации будут возникать до тех пор, пока в УПК РФ не будет определено, до какого момента могут подаваться дополнительные кассационные жалобы и кассационные представления участников уголовного судопроизводства, какими должны быть действия судов первой и кассационной инстанций, если дополнительные кассационные жалобы и представления поступили в суд первой инстанции после направления уголовного дела в суд кассационной инстанции, но до его рассмотрения судом кассационной инстанции, в течение какого времени участники уголовного судопроизводства должны быть ознакомлены с такими дополнительными кассационными жалобами и представлениями.

Полагаем, что в таких случаях суд первой инстанции обязан немедленно известить суд кассационной инстанции о поступивших дополнительных кассационных жалобах и представлениях, с направлением надлежаще заверенных их копий. Суд кассационной инстанции до поступления таких дополнительных кассационных жалоб и представлений с данными об ознакомлении с ними всех участников уголовного процесса не должен назначать судебные заседания суда кассационной инстанции, дела, снимать с рассмотрения на основании данных, полученных из судов первой инстанции.

Анализ данной нормы порождает и другой принципиальный вопрос, ответа на который закон не содержит, — право суда кассационной инстанции в ходе повторного рассмотрения уголовного дела в порядке ст. 389 УПК РФ фактически пересматривать первоначально состоявшееся судебное решение, если ч. 2 ст. 389 УПК РФ обязывает суд разъяснить участникам уголовного судопроизводства право на обжалование нового решения в порядке надзора, если оно противоречит первоначальному. Таким образом, закон подразумевает, что по одному и тому же уголовному делу могут быть два кассационных определения, в том числе противоречащих друг другу. Как поступить, если стороны в таких случаях не воспользовались правом на обжалование одного из таких кассационных определений и оба вступили в законную силу? Какому из них в таких случаях следует отдавать приоритет и какое из них обладает большей юридической силой? Повторно вынесенное кассационное определение может быть вынесено другим составом суда. Так же оно может отменить, в отличие от предыдущего, состоявшееся судебное решение, возвратив уголовное дело на новое судебное рассмотрение с той или иной стадии судебного производства. Наконец до пересмотра одного из состоявших кассационных определений в порядке надзора уголовное дело может уже быть возвращено на новое судебное рассмотрение, хотя в литературе отмечается, что положение, содержащееся в ч. 1 ст. 389 УПК РФ, — полноценная норма права, принятая законодательным органом страны [8].

В качестве ответов на данные вопросы в комментариях к ст. 389 УПК РФ называют правило, сформулированное в ней: вновь вынесенное кассационное определение, если оно противоречит ранее вынесенному, может быть пересмотрено в порядке судебного надзора. Поэтому при противоречивости кассационных определений суд кассационной инстанции обязан разъяснить участникам судопроизводства их право на обжалование вновь вынесенного определения, в порядке, предусмотренном главой 48 УПК РФ. Указанное правило УПК РФ не предусматривает случай, когда стороны не воспользовались своим правом на обжалование одного из кассационных определений и они вступили в законную силу. Какому из них в таких случаях следует отдать приоритет и какое именно обладает большей юридической силой? В уголовно-процессуальной литературе подобные варианты оставлены без внимания.

УПК Республики Казахстан содержит норму, в которой может быть найден один из вариантов выхода из указанных ситуаций. Так, ст. 423-2 «Повторное рассмотрение дела в апелляционной инстанции» диктует:

«1. Повторное рассмотрение дела в апелляционной инстанции без отмены апелляционного постановления допускается, если:

1) апелляционные жалобы, протест в отношении некоторых осужденных, поданные в установленный срок, поступят в суд апелляционной инстанции после рассмотрения дела в отношении других осужденных;

2) пропущенный срок для обжалования, опротестования восстановлен судом в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, после рассмотрения дела в отношении других осужденных.

2. Суд апелляционной инстанции обязан рассмотреть жалобы осужденного, его защитника или представителя и в тех случаях, когда дело в отношении данного лица было рассмотрено по апелляционным жалобам, протесту других участников процесса.

3. В случае, если вновь вынесенное постановление войдет в противоречие с ранее вынесенным постановлением апелляционной инстанции, председатель соответственно Верховного суда или областного и приравненного к нему

суда вносит представление в надзорную инстанцию об отмене одного из апелляционных постановлений» [3].

В ч. 2 ст. 434 УПК Республики Молдова о рассмотрении кассационной жалобы указывается: «Если при рассмотрении кассационной жалобы устанавливается, что ее разрешение может привести к противоречию с решением, вынесенным ранее Высшей судебной палатой, Расширенная коллегия своим определением без указания мотивов отклоняет от себя компетенцию в пользу Пленума Высшей судебной палаты, который рассматривает данную кассационную жалобу» [12].

Аналогичный порядок о пересмотре одного из противоречивых кассационных определений по одному и тому же уголовному делу предлагался раньше Пленумом Верховного суда СССР в Постановлении от 17 декабря 1971 г. № 10 «О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке». В нем разъяснялось: когда «по каким-либо причинам кассационные жалобы или протест в отношении некоторых осужденных, поданные в установленный срок, поступят после рассмотрения дела в отношении остальных осужденных или когда этот срок будет восстановлен, а также в случаях, когда кассационная жалоба осужденного или его защитника поступит после рассмотрения дела по кассационному протесту или кассационной жалобе другого участника процесса в отношении этого же осужденного, суд кассационной инстанции обязан направить дело председателю суда, правомочному внести протест в порядке надзора, с тем, чтобы состоявшееся определение было отменено, а все жалобы и протест были рассмотрены судом кассационной инстанции одновременно» [9].

Действующий УПК Узбекистана порядок практически сохраняет. В частности, в ст. 508 УПК Узбекистана о дополнительном рассмотрении уголовного дела в кассационной инстанции закрепляет правило: «Если по каким-либо причинам кассационные жалоба или протест в отношении некоторых осужденных, поданные в установленный срок, поступят в суд кассационной инстанции после рассмотрения уголовного дела в отношении других осужденных или если пропущенный срок будет восстановлен судом в порядке, предусмотренном статьей 501 настоящего Кодекса, а также если кассационная жалоба осужденного, его защитника или законного представителя поступят, когда дело в отношении этого осужденного уже рассмотрено по кассационной жалобе или протесту другого участника процесса, суд кассационной инстанции обязан рассмотреть такую жалобу или протест и вынести по ним определение.

В случае, если это определение войдет в противоречие с ранее вынесенным, дело направляется председателю суда, правомочному принести протест в порядке надзора, для разрешения вопроса об опротестовании одного или обоих определений.

Порядок дополнительного рассмотрения дела применяется и для разрешения частной жалобы и частного протеста, поступивших с опозданием» [13].

Полагаем, что во избежание конкуренции решений суда кассационной инстанции в таких случаях суду кассационной инстанции следует направить дело председателю суда, правомочному возбуждать надзорное производство, с тем чтобы состоявшееся определение было отменено, а все жалобы и представления были рассмотрены судом надзорной инстанции одновременно с учетом доводов вновь поступивших кассационных жалоб и представлений участников уголовного судопроизводства. Как правильно отмечено в УПК Республики Молдова, суд кассационной инстанции в этом случае должен «отклонить от себя компетенцию» [12] в пользу суда надзорной инстанции. Исходя из этого ст. 389 УПК РФ следует дополнить указанным правилом.

При анализе положений ст. 389 УПК РФ в литературе также высказано предложение о недопустимости повторного участия судей при повторном рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке тех же судей, которые принимали участие в ходе первоначального производства в суде кассационной инстанции. В таких случаях, как отмечалось в литературе, участие одних и тех же судей «не исключает сомнений в их беспристрастности, поскольку они связаны первым судебным решением и возможным стремлением принять такое же кассационное определение [4].

Однако едва ли с таким предложением можно согласиться: в ст. 63 УПК РФ нет запрета на недопустимость повторного участия судьи кассационной инстанции по этому же делу УПК РФ, если вынесенное с его участием определение не было отменено; повторное рассмотрение уголовного дела судом кассационной инстанции происходит по тем же материалам уголовного дела и по одному и тому же судебному решению, только рассматриваются и оцениваются новые доводы в дополнительных жалобах и представлениях. При этом их оценка также происходит через призму кассационных оснований к отмене или изменению судебных решений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Губенко А.** Кассационное обжалование приговоров : теория и практика / А. Губенко // Уголов. право. — 2007. — № 1. — С. 77 – 79.

2. **Контуш Н. Н.** Вопросы производства в суде второй инстанции : комментарий к постановлению Пленума Верховного суда РФ от 23.12.2008 № 28 / Н. Н. Контуш // Уголов. процесс. — 2009. — № 3. — С. 12.

3. Кодекс Республики Казахстан от 13.12.1997 № 206-1 «Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. — Режим ждоступа: http://www.pavlodar.com/rakov/?dok=00147&ogl=all. — Загл. с экрана.

4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. Я. Сухарева. — 2-е изд., перераб. — М. : Норма, 2004. — 1104 с.

5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. И. Радченко ; науч. ред. В. Г. Томина, М. П. Полякова. — 2 с изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт-Издат, 2006. — 1124 с.

6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Л. Н. Башкатов, Б. Е. Безлепкин [и др.] ; отв. ред. И. Л. Петрухин. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : ТК Велби ; Изд-во Проспект, 2008. — 344 с.

7. **Мартынчик Е. Г.** Кассационное производство в российском уголовном процессе : некоторые особенности и черты / Е. Г. Мартынчик // Рос. судья. — 2002. — № 12. — С. 10—11.

8. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / авт. кол. : В. К. Бобров, В. П. Божьев, С. В. Бородин [и др.] ; под общ. ред. В. М. Лебедева ; науч. ред. В. П. Божьев. — 3-е изд., перераб. и доп., научн.-практ. — М. : Юрайт-Издат, 2007. — 1158 с.

9. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 17.12.1971 № 10 «О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_861/doc861a328x936.htm. — Загл. с экрана.

10. Производство в суде кассационной инстанции. Материалы дискуссии // Уголов. процесс. — 2007. — № 6. — С. 19—29.

11. **Смирнов А. В.** Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. — 3-е изд., перераб. и доп. М. : Кнорус, 2007. — 992 с.

12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.yurotdel.com/zakony/ugolovno-processualuyi kodeks-respubliki-moldova.html. — Загл. с экрана.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.fmc.uz/legisl.pfp?id=k_ug_pr. — Загл. с экрана.

14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : по состоянию на 1 декабря 2009 г. -- М. : Кнорус, 2009. — 224 с. — (Законы и Кодексы).

Поступила 30.09.09.

КАССАЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

М. А. Жадяева

В статье рассматриваются основные черты кассационного производства как гарантии обеспечения прав и законных интересов личности в российском уголовном судопроизводстве: свобода обжалования судебного решения, проверка его законности, обоснованности и справедливости, пределы рассмотрения уголовного дела судом кассационной инстанции, недопустимость ухудшения положения осужденного (оправданного), возможность представления в суд кассационной инстанции дополнительных материалов.

Ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации гарантирует, что каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также просить о помиловании или смягчении наказания. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство (ч. 3 ст. 1 УПК РФ) [5; 8]. Международно-правовые акты также предусматривают право каждого осужденного за преступление на то, чтобы вынесенный в отношении него приговор был пересмотрен вышестоящей судебной инстанцией [3; 4].

Ч. 3 ст. 46 Конституции предусматривает дополнительные гарантии защиты прав человека и гражданина, диктуя, что каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. С момента ратификации Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод количество жалоб граждан, обратившихся в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), увеличилось с 2 490 в 2001 г. до 10 009 — в 2005-м [1]. Чаще всего Конвенцию нарушали власти Турции (257 постановлений, по которым выявлено хотя бы одно нарушение Конвенции), России (233), Румынии (189), Польши (129), Украины (110 постановлений). В России в 2008 г. наиболее часто нарушалось право на справедливое судебное разбирательство — 159 страсбургских вердиктов по поводу нарушения ст. 6 Конвенции (в 2007 г. — 127). Количество поданных жалоб в 2008 г. возросло по сравнению с 2007 г. на 20 %. При этом Россия занимает в этом отношении лидирующие позиции, поскольку более половины жалоб против нее ожидают рассмотрения [6]. Ведутся дискуссии о необходимости ратификации Протокола № 14 к Европейской Конвенции, который будет способствовать ускорению производства по делам в ЕСПЧ. Все члены Совета Европы, кроме России, подписали данный протокол. Возможно, наша страна не одобряет, что дело на начальном этапе его производства будет рассматриваться не комитетом из трех судей, а единолично судьей. При этом судья, рассматривающий дело единолично, может объявить индивидуальную жалобу неприемлемой или удалить ее из списка дел, причем данное решение не будет подлежать обжалованию. Кроме того, согласно Протоколу судьи будут избираться на девятилетний срок. Предусматриваются «дружеское урегулирование спора» единоличным решением судьи и комитетом судей; возможность объявления индивидуальной жалобы приемлемой; вынесение постановления по существу, если предметом жалобы являются вопросы толкования и применения положений Конвенции или Протоколов к ней, решенные в утвердившейся практике ЕСПЧ; отсутствие требований о рассмотрении жалобы по существу, если права заявителя нарушены незначительно или ему не причинен существенный вред при соблюдении принципа уважения прав человека. Несомненно, что единоличное рассмотрение дел несколько уступает коллегиальному. При этом не стоит забывать, что и в суде надзорной инстанции судья также единолично изучает жалобу или представление,

© М. А. Жадяева, 2009

обладая правом отказа в их удовлетворении согласно п. 1 ч. 3 ст. 406 УПК РФ [8]. В сложных случаях судьи могут перелать рассмотрение вопроса о неприемлемости жалобы на рассмотрение комитета (три судьи), или палаты (семь судей), или Большой палаты (семнадцать судей). Судьи на предварительном этапе получают возможность не только единолично решить вопрос о приемлемости жалобы, но и разрешить ее. Таким образом, механизмы, закрепленные в Протоколе № 14 к Конвенции, способствуют ускорению судопроизводства прежде всего в интересах заявителей, а процедура, предложенная Протоколом, носит конкретный организационный характер.

Применительно к Российской Федерации под исчерпанием национальных средств понимают прохождение первой и кассационной инстанций в российской судебной системе. Так, по делу Тумилович против РФ жалоба была признана неприемлемой, так как была подана по истечении шестимесячного срока с момента вынесения последнего судебного решения [2]. Несмотря на то что жалоба была рассмотрена по гражданского делу, именно она послужила прецедентом, в результате которого надзорный порядок пересмотра судебных решений был признан неэффективным в рамках Европейской Конвенции.

Российские власти считают, что количество жалоб, подаваемых в ЕСПЧ, возможно сократить благодаря запрету обращения до исчерпания национальных средств защиты. Однако рассмотрение дела в надзорной инстанции не препятствует инициированию данного процесса и в ЕСПЧ.

Ч. 3 ст. 354 УПК РФ определяет, что в кассационном порядке рассматриваются жалобы и представления на не вступившие в законную силу решения судов первой и апелляционной инстанций за исключением жалоб и представлений на не вступившие в законную силу приговоры и постановления, вынесенные мировыми судьями, рассматриваемые судом апелляционной инстанции [8].

По сути, кассационное производство содействует выявлению нарушений закона, допущенных нижестоящим судом еще до его вступления в законную силу, не разрешая обращения к исполнению незаконных, необоснованных и несправедливых судебных решений, способствуя выявлению и защите прав и законных интересов осужденного, оправданного, потерпевшего, гражданского истца и других участников процесса. Кассационное рассмотрение уголовного дела служит выявлению судебных ошибок, их устранению, являясь гарантией верного осуществления правосудия в РФ. К основным чертам, характеризующим российское кассационное производство, относятся:

— *свобода обжалования судебного решения* — предоставление права на подачу кассационной жалобы и (или) представления широкому кругу лиц, закрепленных в ч. 4 ст. 354 УПК РФ [8], а именно осужденному, оправданному, их защитникам и законным представителям, государственному обвинителю или вышестоящему прокурору, потерпевшему и его представителю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям в части, касающейся гражданского иска. Обжалованию подлежат судебные решения, не вступившие в законную силу. Лицо, подавшее жалобу или представление до начала судебного заседания, имеет право изменить их или дополнить новыми доводами. При этом в дополнительном представлении прокурора или в его заявлении об изменении представления, равно как и в дополнительной жалобе потерпевшего, частного обвинителя и их представителей, поданных по истечении срока обжалования, не может быть поставлен вопрос об ухудшении положения осужденного, если такое требование содержалось в первоначальной жалобе или представлении (ч. 4 ст. 359 УПК РФ). Предполагается и отзыв жалобы и (или) представления до начала заседания суда кассационной инстанции (ч. 3 ст. 359 УПК РФ) [8]. Ранее действовавший УПК РСФСР 1960 г. не предъявлял формальных требований к кассационной жалобе (представлению), что являлось одной из важных гарантий доступа к правосудию, когда жалоба могла быть составлена участниками процесса без обращения к адвокату [7]. Однако такая практика имела и негативную сторону, поскольку участники обжаловали приговор нижестоящего суда вне формальных рамок, и подавались так называемые «краткие жалобы», а по истечении определенного времени — дополнительные кассационные жалобы или протест, которые, по сути, являлись основными. Все это в свою очередь вело к затягиванию рассмотрения дела судом данной инстанции. С принятием УПК РФ в 2001 г. закреплены требования к кассационной жалобе (представлению). При этом, если поданные жалоба или представление не соответствуют требованиям, предъявляемым ч. 1 ст. 375 УПК, это служит препятствием к рассмотрению уголовного дела в кассационном порядке, в результате чего судьей назначается срок для пересоставления (ч. 3 ст. 375 УПК РФ) [7]. При этом стороны могут также подавать дополнительные кассационную жалобу или представление до начала судебного заседания. Как правило, они дополняют первоначальные, при этом в дополнительном представлении прокурора или его заявлении об изменении представления, равно как и в дополнительной жалобе потерпевшего, частного обвинителя или их представителей, не может быть поставлен

вопрос об ухудшении положения осужденного, если такое требование не содержалось в первоначальных жалобе или представлении (ч. 4 ст. 359 УПК РФ). Кроме того, ст. 356 УПК РФ по сравнению со ст. 328 УПК РСФСР 1960 г. увеличивает срок обжалования приговора с семи до десяти суток [7; 8]. Это также положительно сказывается на обоснованности и мотивированности первоначально поданных кассационной жалобы или представления.

— *проверка законности, обоснованности и справедливости судебного решения.* Применительно к действующему кассационному порядку рассмотрения уголовного дела по УПК РФ данное положение означает, что суд не рассматривает повторно дело по существу, а только проверяет приговор с указанных позиций. Суд кассационной инстанции выявляет, соблюдены ли судом первой инстанции требования уголовного закона при вынесении приговора, а также не нарушен ли порядок рассмотрения уголовного дела и постановления приговора, предусмотренная уголовно-процессуальным законом. Также суд кассационной инстанции удостоверяется в соответствии выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела. Проверка, несмотря на норму ч. 4 ст. 377 УПК РФ [7], ведется по имеющимся и дополнительно представленным материалам. Средства, предоставленные апелляционному суду, больше соответствуют проверке обоснованности приговора. Следовательно, способы проверки судебных решений в кассационном порядке в большей степени применимы для контроля соблюдения норм материального и процессуального права;

— *пределы рассмотрения уголовного дела судом кассационной инстанции*, где законность, обоснованность и справедливость приговора или иного судебного решения проверяются лишь в той части, в которой были обжалованы. Если будут установлены обстоятельства, которые касаются интересов других лиц, осужденных или оправданных по этому же уголовному делу в отношении которых жалоба или представление не были поданы, то уголовное дело проверяется и в отношении этих лиц, но с учетом запрета ухудшения их положения (ч. 2 ст. 360 УПК РФ) [8].

Несмотря на то что ч. 2 ст. 360 УПК РФ закрепила, что суд кассационной инстанции рассматривает законность, обоснованность и справедливость судебного решения лишь в той части, в которой оно обжаловано, если судом будет усмотрена ошибка либо нарушение законных прав сторон, суд обязан выйти за пределы доводов жалобы, даже если обстоятельства, установленные им, не будут касаться интересов других лиц. Эта позиция нашла отражение и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, где предусмотрено, что в соответствии с положениями ч. 2 ст. 360 во взаимосвязи с положениями ст. 6 УПК РФ суды апелляционной и кассационной инстанций вправе выйти за пределы апелляционных (кассационных) жалоб или представления и проверить производство по уголовному делу в полном объеме, если этим не будет допущено ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, уголовное дело в отношении которого прекращено, поскольку неисправление судебной ошибки искажало бы суть правосудия и смысл приговора как акта правосудия[1]. Считаем возможным закрепить в УПК РФ норму, ранее содержавшуюся в ст. 332 УПК РСФСР, обязывающую суд кассационной инстанции проверить дело в отношении всех осужденных вне зависимости от доводов жалобы и (или) представления [7]. Сказанное позволяет заключить, что суд, рассматривающий дело в апелляционном или кассационном порядке, проверяет законность, обоснованность и справедливость судебного решения в полном объеме в отношении всех осужденных или оправданных.

— *недопустимость ухудшения положения осужденного (оправданного) в результате рассмотрения дела в суде кассационной инстанции.* При пересмотре уголовного дела судом кассационной инстанции законодателем установлено общее правило, по которому, принимая решение в суде данной инстанции, суд не вправе ухудшить положение осужденного или оправданного. Это предусмотрено ч. 2, 3 ст. 360, ч. 2 ст. 369, ч. 1 ст. 370, ст. 385, ч. 1 ст. 387 УПК РФ [8]. Запрет на ухудшение положения осужденного или оправданного может рассматриваться не только как гарантия защиты прав и законных интересов личности, но и как проявление демократических, гуманных начал в российском уголовном судопроизводстве. Тем не менее оставление в силе оправдательных, обвинительных приговоров, по которым лица осуждены за менее тяжкое преступление, нежели совершенное ими, противоречило бы назначению уголовного судопроизводства, определенного в ст. 6 УПК РФ. Поэтому уголовно-процессуальный закон предусматривает ряд условий, в соответствии с которыми может быть поставлен вопрос о необходимости применения закона о более тяжком преступлении или назначения более

---

[1] *О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2008 г. № 28 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».*

строгого наказания (ч. 4 ст. 360, ч. 2 ст. 369, ч. 1 ст. 370, ч. 2 ст. 383, ст. 385 УПК РФ), а именно наличия представления прокурора либо жалобы потерпевшего, частного обвинителя или их представителей. При этом суд кассационной инстанции в случае необходимости применения закона о более тяжком преступлении или назначения более строгого наказания вправе лишь отменить оправдательный или обвинительный приговор и направить дело на новое судебное разбирательство (п. 3 ч. 1 ст. 378 УПК РФ) [8].

— *возможность предоставления в суд кассационной инстанции дополнительных материалов.* Ч. 5 ст. 377 УПК РФ закрепляет положение, в соответствии с которым стороны в подтверждение или опровержение доводов, приведенных в кассационной жалобе и (или) представлении, вправе представить в суд кассационной инстанции дополнительные материалы. Не раскрывая сути документов, которые могут быть представлены в качестве дополнительных, законодатель тем не менее закрепляет ограничительные требования к ним: 1) они не могут быть получены путем производства следственных действий; 2) лицо, представляющее суду дополнительные материалы, обязано указать, каким путем они получены и в связи с чем возникла необходимость их представления (ч. 6 ст. 377 УПК РФ) [8]. В ранее действовавшей редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 было разъяснено, что под дополнительными материалами необходимо понимать прежде всего письменные: характеристики, справки о наградах, инвалидности, копии вступивших в законную силу судебных решений и другие документы, полученные в соответствии с процессуальным законодательством[2]. В этом случае также неопределенным являлся вопрос о том, что подпадает под категорию «Другие документы, полученные в соответствии с процессуальным законодательством», могут ли это быть аудио-, видеозапись, фотоснимки, результаты частной детективной деятельности, адвокатских расследований и др. При этом согласно ч. 7 ст. 377 УПК РФ изменение приговора или его отмена с прекращением уголовного дела на основании дополнительных материалов не допускаются за исключением случаев, когда данные или сведения не требуют дополнительной проверки и оценки судом первой инстанции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Европейский суд по правам человека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wikipedia.org.wiki. — Загл. с экрана.

2. Европейский суд по правам человека недоступен для россиян : по материалам сайта Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.espch.ru/content/view/144/34. — Загл. с экрана.

3. Конвенция о защите прав и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.

4. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека : заключена в г. Минске 26.05.1995; Россия ратифицировала Конвенцию ФЗ от 04.11.1995 № 163-ФЗ; Конвенция вступила в силу для России 11.08.1998 // СЗ РФ. — 1999. — № 13. — Ст. 1489.

5. Конституция Российской Федерации. Принята 12 декабря 1993 года // Рос. газ. — 1993. — 25 дек.

6. Россия догоняет Турцию по количеству нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюл. Европ. суда по правам человека. — 2009. — № 3. — С. 1.

7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nalog.consultant.ru/doc34685.html. — Загл. с экрана.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : по состоянию на 1 декабря 2009 г. — М. : Кнорус, 2009. — 224 с. — (Законы и Кодексы).

Поступила 30.09.09.

[2] *О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».*

СУЩЕСТВЕННОЕ НАРУШЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА В СИСТЕМЕ КАССАЦИОННЫХ ОСНОВАНИЙ К ОТМЕНЕ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЮ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

В. В. Якомаскина

В данной статье определяется понятие существенных нарушений уголовно-процессуального закона, дается их анализ в системе кассационных оснований к отмене или изменению судебного решения, рассматривается соотношение предусмотренных в УПК РФ оснований, препятствующих признанию состоявшегося судебного решения вступившим в законную силу.

К кассационным основаниям к отмене или изменению приговора в ст. 379—383 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации причислены несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, неправильное применение уголовного закона, нарушение уголовно-процессуального закона, несправедливость приговора. При этом кодекс не разъясняет, какие из указанных оснований влекут отмену приговора, а какие — его изменение [15]. Согласно законодательству они могут повлечь за собой как отмену, так и изменение приговора в кассационном порядке, что подтвердил проведенный нами анализ Бюллетеней Верховного Суда РФ за 2001—2006 гг. [4]. Исключение составили нарушения уголовно-процессуального закона, определяемые через критерии их существенности. Нередки случаи частной отмены приговора, несмотря на то, что действующий УПК РФ, как и УПК РСФСР, не предусматривает частичную отмену приговора [15; 16]. Так, приговор Октябрьского районного суда г. Саранска от 21 мая 2003 г., по которому были осуждены А., Т. и Ш., был в кассационном порядке отменен в части разрешения гражданского иска Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РМ. Основанием послужило то, что гражданский иск был взыскан не с осужденных, а с их попечителя и законного представителя без признания кого бы то ни было гражданскими истцами и гражданскими ответчиками [1]. Согласно кассационной практике, опубликованной в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации, практике Верховного Суда Республики Мордовия, данным изучения кассационной практики Верховного Суда Республики Татарстан, Верховного Суда Республики Хакасия за 2001—2006 гг. нет ни одного случая изменения приговора в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона [4—7]. Нарушения уголовно-процессуального закона, признаваемые судом кассационной инстанции существенными, на практике влекут за собой лишь отмену приговора. К ним причисляют:

— постановление обвинительного приговора на предположениях в нарушение требований ч. 4 ст. 302 УПК РФ;

— неуказание в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора мотивов, почему суд одни доказательства признал достоверными, а другие отверг, а также умолчание времени, мотивов, способа совершения преступления в нарушение требований ст. 299, 307 УПК РФ;

— защиту одним и тем же лицом двух подсудимых, интересы которых противоречат друг другу в нарушение ч. 6 ст. 49, п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ;

— нарушение требований ст. 34 УПК РФ о передаче уголовного дела по подсудности;

— лишение потерпевшего права участвовать в судебном разбирательстве, выступать в судебных прениях;

— несоответствие обвинительного приговора требованиям ст. 303, 308 УПК РФ: исправления в обвинительном приговоре не оговорены и не удостоверены подписями судей в совещательной комнате до провозглашения приговора;

— нарушение требований ст. 240 УПК РФ о непосредственности и устности судебного разбирательства;

— неисполнение судом первой инстанции в ходе судебного разбирательства указаний суда кассационной инстанции, обязательных для исполнения при новом рассмотрении уголовного дела в нарушение требований ч. 6 ст. 388 УПК РФ;

— неуказание в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора основа-

© В. В. Якомаскина, 2009

ний оправдания подсудимого, доказательства, их подтверждающие; мотивы, по которым суд отвергает доказательства, представленные стороной обвинения в нарушение ст. 305 УПК РФ;

— участие судьи, рассматривавшего уголовное дело в суде второй инстанции, в рассмотрении этого же уголовного дела в суде первой инстанции;

— непривлечение надлежащего ответчика к участию в ходе судебного разбирательства, вызвавшего частичную отмену обвинительного приговора [8].

В ходе изучения кассационной практики нами были выявлены случаи, когда приговор в кассационном порядке отменялся не только из-за существенных нарушений уголовно-процессуальных норм, регламентирующих порядок производства стадии судебного разбирательства, но и в связи с несоблюдением уголовно-процессуального закона, допущенных в ходе подготовки уголовного дела к судебному заседанию. Такие существенные нарушения уголовно-процессуального закона расцениваются как препятствия для рассмотрения уголовного дела судом и без их устранения нельзя признать действующим постановленный приговор.

Так, Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия в кассационном порядке 28 мая 2003 г. был отменен приговор Краснослободского районного суда Республики Мордовия от 4 февраля 2003 г. в отношении Б., осужденного по ч. 4 ст. 111 УК РФ, в связи с тем, что по делу не было проведено предварительного слушания, хотя обвиняемый Б. при ознакомлении с материалами уголовного дела ходатайствовал о его проведении [2].

Указанные кассационные основания для отмены или изменения приговора за исключением такого основания, как односторонность и неполнота дознания, предварительного и судебного следствия предусматривались и в УПК РСФСР. В УПК РФ есть и отдельные редакционные различия по сравнению с УПК РСФСР. Так, несправедливость приговора в УПК РСФСР именовалась как несоответствие назначенного судом наказания тяжести совершенного преступления и личности осужденного. Несмотря на терминологические различия, и УПК РФ, и УПК РСФСР одинаково определяют сущность и содержание данного кассационного основания. Так, ст. 347 УПК РСФСР указывает, что «не соответствующим тяжести преступления и личности осужденного признается наказание, когда оно хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующим уголовным законом, но по своему размеру является явно несправедливым как вследствие мягкости, так и вследствие суровости» [16]. В ч. 1 ст. 383 УПК РФ указаны те же критерии определения несправедливости приговора за исключением того, что при оценке мягкости и суровости наказания кодекс включил требования чрезмерности. Кроме того, в определение понятия несправедливости приговора УПК РФ добавил, что наказание не только по размеру, но и по виду может быть несправедливым. Согласно ч. 1 ст. 383 УПК РФ «несправедливым является приговор, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости» [15]. Кроме того, ч. 2 ст. 383 УПК РФ, в отличие от УПК РСФСР, предусматривает, что «приговор может быть также отменен в связи с необходимостью назначения более строго наказания ввиду признания наказания, назначенного судом первой или апелляционной инстанции, несправедливым вследствие его чрезмерной мягкости лишь в случаях, когда по этим основаниям имеется представление прокурора либо заявление частного обвинителя, потерпевшего или его представителя» [15].

УПК РФ иначе, нежели УПК РСФСР, определяет случаи неправильного применения уголовного закона. УПК РСФСР причисляет к ним: 1) неприменение судом закона, который подлежал применению; 2) применение закона, подлежащего применению; 3) неправильное истолкование закона, противоречащее его точному смыслу. УПК РФ определяет их как: 1) нарушение требований Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации; 2) применение верных статьи, пункта и (или) части статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации; 3) назначение наказания более строгого, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Без каких-либо различий по сравнению с УПК РСФСР УПК РФ в ст. 380 определяет, когда приговор признается не соответствующим фактическим обстоятельствам уголовного дела: 1) выводы суда не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании; 2) суд не учел обстоятельства, которые могли существенно повлиять на выводы суда; 3) при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, в приговоре не указано, по каким основаниям суд принял одни из этих доказательств и отверг другие; 4) выводы суда, изложенные в приговоре, содержат существенные противоречия, которые

повлияли или могли повлиять на решение вопроса о виновности или невиновности осужденного или оправданного, на правильность применения уголовного закона или определение меры наказания.

Содержание указанных кассационных оснований, предусмотренных ст. 379—383 УПК РФ, позволяет их разделять на уголовно-правовые и уголовно-процессуальные [15]. Такие основания, как неправильное применение уголовного закона и несправедливость приговора, относятся к уголовно-правовым, поскольку в них закрепляются критерии оценки законности, обоснованности и справедливости приговора с точки зрения норы уголовного закона. В частности, оценка приговора с точки зрения общих начал назначения наказания, закрепленных в ст. 60 УК РФ, даст возможность вывода о справедливости или несправедливости назначенного судом наказания [18]. Несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела и нарушение уголовно-процессуального закона являются уголовно-процессуальными основаниями. В них закреплены критерии оценки правосудности приговора с точки зрения норм уголовно-процессуального закона. Так, п. 3 и 4 ч. 1 ст. 305, п. 2 ч. 1 ст. 307 УПК РФ устанавливают правило, что в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора должны быть указаны основания оправдания подсудимого и доказательства, их подтверждающие; мотивы, по которым суд отвергает доказательства, представленные стороной обвинения; а в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора — доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства. Оценка законности и обоснованности постановленного приговора с точки зрения указанных правил позволяет выводить суду кассационной инстанции о наличии или отсутствии такого кассационного основания, как несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой или апелляционной инстанции (ст. 380 УПК РФ). Несоблюдение требований, содержащихся в вышеуказанных нормах, а именно в ч. 1 ст. 305 и ч. 1 ст. 307 УПК РФ, приводит или к тому, что выводы суда не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании (п. 1 ч. 1 ст. 380 УПК РФ), или при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, в приговоре не указано, по каким основаниям суд принял одни из этих доказательств и отверг другие (п. 3 ч. 1 ст. 380 УПК РФ) [15]. Одновременно несоблюдение указанных предписаний УПК РФ образует и другое кассационное основание в виде нарушения уголовно-процессуального закона. В таких случаях происходит совмещение кассационных оснований к отмене приговора. Учитывая, что при обнаружении несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела нарушаются уголовно-процессуальные нормы, все такие случаи относим к нарушениям норм уголовно-процессуального закона. Однако их выделение законодателем в качестве самостоятельного кассационного основания в виде несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела может быть объяснено огромным значением нарушаемых норм для обеспечения правосудного приговора по уголовному делу и тем, что соблюдение таких норм безусловно гарантирует постановление законного, обоснованного приговора по уголовному делу. Таким образом, роль, значение и характер уголовно-процессуальных норм, направленных на обеспечение соответствия приговора фактическим обстоятельствам, обусловили, что в УПК РФ нарушение таких норм уголовно-процессуального закона предусмотрено в качестве самостоятельного кассационного основания для отмены или изменения приговора. Такой подход к анализу кассационного основания, предусмотренного ст. 380 УПК РФ, дает основание утверждать о том, что и оно представляет собой нарушение уголовно-процессуального закона. Подобный вывод подтверждается решениями судов кассационной инстанции, когда при отмене незаконного, необоснованного приговора в кассационном порядке в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела в кассационных определениях указывается и на нарушение норм уголовно-процессуального закона. В частности, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 25 августа 2005 г. № 22-2891 было указано, что выводы суда, изложенные в приговоре, не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании, что является нарушением уголовно-процессуального закона и влечет за собой отмену приговора в отношении К., осужденного по ч. 4 ст. 111 УК РФ [10].

При отсутствии в УПК РФ односторонности и неполноты судебного следствия в качестве кассационного основания и наличия в ее рамках случая не проведения экспертизы, когда по закону является обязательным ее проведение, на практике суды кассационной инстанции на данное основание продолжают ориентироваться при оценке правосудности приговоров, оценивая такие факты, как нарушение уголовно-процессуального закона. Так, отменяя приговор Краснослободского районного суда в отношении Б., суд кассационной инстанции указал, что в соответствии со ст. 196 УПК РФ назначение и производство судебной экспертизы обязательно,

если необходимо установить причину смерти, что по данному делу не было выполнено [2].

Важно при этом указать в кассационных определениях как кассационные основания, при наличии которых принято решение об отмене или изменению приговора, так и те нормы УК и УПК РФ, нарушение которых привело к тому или иному основанию. Вместе с тем, по данным изученной вышеуказанной кассационной практики, нередко в кассационных определениях не указывается, по какому кассационному основанию приговор отменен.

По данным изучения кассационной практики Верховного Суда Республики Мордовия, были также обнаружены случаи, когда в качестве безусловно существенных оцениваются нарушения уголовно-процессуального закона, не отнесенные к таковым в ч. 2 ст. 381 УПК РФ, где содержится перечень безусловных оснований к отмене приговора, а в редакции данной нормы указанные в ней нарушения уголовно-процессуального закона являются основаниями отмены или изменения судебного решения в любом случае. Так, отменяя обвинительный приговор Старошайговского районного суда РМ от 1 октября 2003 г. в отношении З., С., С. и З. по такому основанию, как нарушение требований ст. 227 УПК РФ, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия в кассационном определении указала на то, что «допущенное судьей нарушение уголовно-процессуального закона, в соответствии со ст. 381 УПК РФ, влечет за собой безусловную отмену приговора в связи с несоблюдением процедуры судопроизводства, а также лишения и ограничения гарантированных УВПК РФ прав участников уголовного судопроизводства» [3]. К сожалению, Уголовно-процессуальный кодекс вообще не содержит правила о безусловной отмене приговора и не устанавливает отдельного перечня таких нарушений уголовно-процессуального закона, которые влекли бы лишь безусловную отмену приговора.

В УПК Казахстана в отличие от УПК РФ сохранено такое основание для отмены или изменения приговора судом апелляционной инстанции, как односторонность или неполнота дознания, предварительного или судебного следствия [9]. В УПК РСФСР [16] односторонне или неполно проведенными признавались дознание, предварительное или судебное следствие, которые оставили невыясненными обстоятельства, установление которых могло иметь существенное значение при постановлении приговора. В ч. 2 ст. 343 УПК РФ предусмотрены случаи, когда дознание, предварительное или судебное следствие признавалось односторонним или неполным: 1) не были допрошены лица, чьи показания имеют существенное значение для дела, или не была проведена экспертиза, когда ее проведение по закону является обязательным, а равно не были истребованы документы или вещественные доказательства, имеющие существенное значение; 2) не были исследованы обстоятельства, указанные в определении суда, передавшего дело для производства дополнительного расследования или на новое судебное рассмотрение; 3) не установлены с достаточной полнотой сведения о личности обвиняемого [15]. Данное основание также представляло собой нарушение уголовно-процессуального закона, свидетельством чего являлась такая безусловно неполная процедура дознания, предварительного или судебного следствия, как непроведение экспертизы в случаях, когда по закону ее проведение является обязательным.

В соответствии со ст. 412 УПК Казахстана в качестве основания для отмены или изменения приговора в апелляционном порядке рассматривается односторонность и неполнота судебного следствия. При этом понятие и содержание данного основания определены аналогично тому, как они практиковались и раскрывались в УПК РСФСР (см.: ст. 413 УПК Казахстана). Определение понятия нарушения уголовно-процессуального закона в законодательстве Казахстана, Узбекистана, Украины, Армении, Кыргызстана и Беларуси трактуется различно [9; 11—14; 17]. Например, УПК Узбекистана определяет их как такие нарушения, которые лишили или стеснили установленные законом права участников процесса либо иным образом помешали суду всесторонне рассмотреть дело и повлияли или могли повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора; УПК Кыргызстана — такие нарушения норм УПК при расследовании дела, судебном разбирательстве, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участвующих в деле лиц, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем помешали всесторонне и объективно исследовать обстоятельства дела, повлияли или могли повлиять на постановление правосудного приговора. Если говорить об основаниях к отмене или изменению судебного решения, отмене приговора в любом случае, то эти основания совпадают, но к ним добавляются другие. Например, в УПК Армении приговор подлежит отмене во всяком случае, если нарушен принцип тайного постановления приговора; в приговоре полностью отсутствует его описательно-мотивировочная часть; нарушена подсудность дела; остальные основания, которые закрепляет данный УПК, те же, что и в УПК РФ.

В УПК РФ не закрепляет требование всестороннего, полного и объективного исследова-

ния обстоятельств дела. Ранее оно предусматривалось ст. 20 УПК РСФСР [16]. Между тем при оценке законности и обоснованности справедливости приговора в решениях суда кассационной инстанции такая формулировка нередко используется [3].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архив Верховного Суда Республики Мордовия. Наряды кассационных определений по отмененным приговорам. 2003 // Дело № 22-518.

2. Архив Верховного Суда Республики Мордовия. Наряды кассационных определений по отмененным приговорам. 2003 // Дело № 22—558/03.

3. Архив Верховного Суда Республики Мордовия. Наряды кассационных определений по отмененным приговорам. 2003 // Дело № 22-1064-2003.

4. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.supcourt.ru/vs_docs.php. — Загл. с экрана.

5. Верховный Суд Республики Татарстан : обзоры судебной практики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vs.tat.sudrf.ru. — Загл. с экрана.

6. Верховный Суд Республики Хакасия : документы суда [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vs.hak.sudrf.ru. — Загл. с экрана.

7. Информационный бюллетень Верховного Суда РМ и Управления Судебного департамента в РМ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.verhsud.saransk.ru/Byllet.htm. — Загл. с экрана.

8. **Калинкина Л. Д.** Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и их правовые последствия // Уголов. процесс. — 2007. — № 1. — С. 29—34.

9. Кодекс Республики Казахстан от 13.12.1997 № 206-1 «Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www. pavlodar.com. — Загл. с экрана.

10. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 25 августа 2005 года № 22-2891 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.oblsud.omsk.ru. — Загл. с экрана.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.base.spinform.ru. — Загл. с экрана.

12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.base.spinform.ru. — Загл. с экрана.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pravo.by. — Загл. с экрана.

14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.fmc.uz. — Загл. с экрана.

15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : по состоянию на 1 декабря 2009 г. — М. : Кнорус, 2009. — 224 с. — (Законы и Кодексы).

16. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nalog.consultant.ru. — Загл. с экрана.

17. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 28 декабря 1960 года № 1001-V (по состоянию на 5 ноября 2009 года) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.base.spinform.ru. — Загл. с экрана.

18. Уголовный кодекс Российской Федерации : по состоянию на 15 ноября 2009 года. — Новосибирск : Сиб. кн. изд-во, 2009. — 160 с.

Поступила 30.09.09.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ПОДСУДИМОГО В ХОДЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

И. Н. Мамаев

Статья посвящена исследованию порядка обеспечения права подсудимого в ходе судебного производства по уголовным делам. На основе данных изучения судебной практики выявлены наиболее часто встречающиеся проблемы при обеспечении подсудимого предусмотренными уголовно-процессуальным законом правами. Приводится краткая классификация прав подсудимого.

По данным 500 архивных уголовных дел, рассмотренных Атяшевским, Кочкуровским, Ковылкинским, Чамзинским, Ичалковским, Ардатовским районными судами Саранска, Верховным Судом Республики Мордовия, исследовалось реальное обеспечение прав подсудимого.

Принималось во внимание, что субъектами, их гарантирующими, являются судья и защитник в силу полномочий.

Суд в лице председательствующего принимает подсудимого под «надзор» в начале судебного следствия после разъяснения в соответствии со ст. 267 УПК РФ прав, предусмотренных ст. 47 УПК РФ. Данное положение, не предполагая, на первый взгляд, вариантов нарушения, многого не разъясняет, тем самым толкая правоприменителей на самостоятельный поиск возможных путей решения возникших вопросов, провоцируя, таким образом, различного рода нарушения, которые во многих случаях является причиной отмены приговора.

Как свидетельствуют материалы изученной практики, судьи часто выбирают расширительное толкование ст. 262 УПК РФ, разъясняя подсудимому как можно больший круг прав, что, видимо, по их мнению, уже является неоспоримым условием предотвращения нарушения прав подсудимого. При этом перечень прав меняется в зависимости от времени и места слушания дела. При этом не существует определенной системности в том, какие права разъясняются подсудимому, кроме прав, предусмотренных ст. 47 УПК РФ, и каждый правоприменитель по внутреннему убеждению [3] разъясняет те права, которые считает нужными.

Как показывает изученная практика, выбор председательствующим норм уголовно-процессуального закона, содержащих права подсудимого, необходимые для разъяснения, не всегда понятен. Чаще всего используются: ст. 47 УПК РФ «Права подсудимого»; ч. 2 ст. 292 УПК РФ «Право подсудимого ходатайствовать об участие в прениях сторон»; ч. 3 ст. 227 УПК РФ «Сроки принятия судом решения по поступившему уголовного делу; ст. 234 УПК РФ «Порядок проведения предварительного слушания»; ч. 4 ст. 325 УПК РФ «Требования к постановлению о назначении уголовного дела к слушанию судом присяжных заседателей»; ст. 132 УПК РФ «Взыскание процессуальных издержек» и ст. 51 Конституции РФ [2; 9]. Таким образом, на практике подсудимому разъясняются нормы уголовно-процессуального закона, в которых не всегда содержатся его права, хотя практически из любой нормы, содержащей обязанности других субъектов уголовного судопроизводства по отношению к подсудимому, можно вывести права подсудимого [5].

Как отмечает К. Ф. Гуценко, разъяснения прав участникам уголовного процесса включает три составных элемента: 1) информирование участников уголовного процесса о том, какими правами и обязанностями они обладают; 2) выяснение, понятен ли им смысл и содержание этих прав и обязанностей; 3) обеспечение возможности осуществления этих прав [10].

Из непосредственного наблюдения за ходом 50 судебных заседаний следует, что едва ли можно утверждать о ясности для подсудимого его прав, озвученных председательствующим в судебном заседании. Нередко у судей вырабатывается профессиональное умение так быстро проговаривать слова при разъяснении прав, что расслышать и понять их не удается.

Ни в одном из изученных нами протоколов судебного заседания не упоминается, что подсудимый заявил ходатайство о том, что права ему не ясны и он просит председательствующего повторно разъяснить их. После указания статей закона, которые были разъяснены подсудимому как его права, стоит отметка «Права поняты».

В 2002—2003 гг. Правозащитным Центром города Казани был реализован проект «Мониторинг уголовного судопроизводства 2003», итоги которого отражены в брошюре [4]. По результа-

© И. Н. Мамаев, 2009

там посещения 64 уголовных процессов в рамках этого проекта было установлено:

— право подсудимого возражать против обвинения, давать показания по предъявленному обвинению либо отказываться от дачи показаний разъяснялось в 44 случаях. В 7 случаях данное право не разъяснялось, в остальных случаях судебные заседания либо не состоялись, либо были отложены. Вышеназванное право разъяснялось в 86 %;

— право подсудимого заявлять отводы разъяснялось в 40 случаях; в 13 случаях судьи не сочли нужным разъяснять такое право;

— право подсудимого представлять доказательства разъяснялось в 50 случаях; не разъяснялось в 3 случаях; данный пункт в 11 анкетах не был заполнен, так как дела не состоялись либо были отложены;

— право подсудимого участвовать в исследовании доказательств разъяснялось в 42 случаях, в 10 случаях не разъяснялось, в остальных 12 случаях дело отложили либо судебное заседание не состоялось;

— право подсудимого заявлять ходатайства разъяснялось в 49 случаях, в 4 случаях не разъяснялось, в остальных 11 случаях дело было отложено либо не состоялось;

— право подсудимого выступать в судебных прениях разъяснялось 41 случае, в 12 случаях не разъяснялось, в остальных 11 случаях судебные заседания были отложены либо не состоялись;

— право подсудимого пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно, разъяснялось в 24 случаях, не разъяснялось в 29 случаях, в остальных 11 случаях судебные заседания были отложены либо не состоялись;

— право задавать вопросы лицам, участвующим в деле, свидетелям, экспертам разъяснялось в 25 случаях, не разъяснялось в 27 случаях, в остальных 12 случаях судебное заседание не состоялось либо было отложено;

— право обжаловать приговор, определение, постановление суда и получать копии обжалуемых решений разъяснялось в 27 случаях, не разъяснялось в 26 случаях, в остальных 11 случаях судебное заседание не состоялось либо было отложено;

— право знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания разъяснялось в 22 случаях, не разъяснялось в 42 случаях.

Поскольку одним из прав, гарантируемых законом подсудимому, является право иметь защитника, при изучении указанных выше дел обращалось внимание на момент и основания вступления защитника в процесс, обеспечение подсудимому права на свободу выбора защитника, на проводимые в ходе судебные разбирательства процессуальные действия защитника по отстаиванию прав и законных интересов подсудимого.

По данным нашего изучения было установлено, что 30 % защитников, о чем свидетельствуют ордера адвокатов, действовали в суде на основании договора поручения, а остальные 70 % — по назначению. При этом очень часты случаи, когда защитник, действовавший в ходе досудебного производства по назначению, в суде действовал на основании договора поручения; либо когда защитника, участвующего по соглашению на стадии предварительного расследования, в ходе судебного производства заменял защитник по соглашению; когда наряду с защитником по назначению в процессе участвовал защитник, с которым у подсудимого заключено соглашение [7].

Нередко в ордерах в графе о реквизитах документа, на основании которого действует защитник, нами были встречены такие формулировки: «по назначению», «по соглашению», «постановление», «соглашение», «ст. 51», «по постановлению суда ст. 51», «постановление следователя», «в порядке ст. 51», «ст. 51 УПК», «договор» и т. д. При этом часто указание на ст. 51 УПК РФ не всегда свидетельствует о том, что по данному уголовному делу участие защитника обязательно, он действует по назначению либо по приглашению. В случае назначения защитника судом в материалах уголовных дел отсутствовали постановления суда о назначении защитника с мотивировкой вынесения такого решения.

Кроме того, адвокаты халатно относятся к заполнению остальных граф ордера, допуская следующие ошибки: не указывают полностью фамилию, имя и отчество подсудимого, стадию уголовного судопроизводства, для которого выписан ордер, и т. д. Нередки ситуации, когда ордер не представлялся в суд либо отсутствовал в деле [6].

Так как права обвиняемого распространяются и на подсудимого, председательствующий в судебном разбирательстве разъясняет в соответствии со ст. 267 УПК РФ подсудимому его права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ [9]. Такая ситуация не в полной мере учитывает особенностей стадии судебного разбирательства, поскольку подсудимый в данной стадии имеет ряд прав, не указанных в ст. 267 УПК РФ, необеспечение которых может привести к отмене приговора.

Например, в ст. 47 не указано право подсудимого на участие в прениях сторон, хотя в соответствии с ч. 1 ст. 292 при отсутствии защитника в прениях сторон участвует подсудимый. Нет права и на последнее слово подсудимого, которое указано в ст. 293 УПК РФ, но в соответ-

ствии с п. 6 и 7 ч. 2 ст. 381 УПК РФ непредоставление подсудимому права участия в прениях сторон и последнего слова является основаниями для отмены или изменения судебного решения в любом случае.

Это в свою очередь диктует расширения ст. 267 УПК РФ за счет включения в нее ссылки на статьи УПК РФ, где содержатся ключевые права полсудимого и разъяснение которых было бы обязанностью председательствующего. Такое изменение за счет ряда отсылочных норм приведет к запутанности. Более логичным было бы предусмотреть в УПК РФ статью, устанавливающую непосредственно правовой статус подсудимого, и полномочия по разъяснению его прав и обязанностей возложить на председательствующего.

При этом в суде нередко забывают разъяснить подсудимым другие права, которые предусмотрены не в ст. 47 УПК РФ, а в других нормах кодекса: право на участие в прениях и репликах сторон (ч. 2 ст. 292 УПК РФ), право на предо- ставление суду в письменном виде предлагаемых им формулировок решений по вопросам, указанным в п. 1—6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ (ч. 7 ст. 292) и др. Представляется необходимым в ст. 267 УПК РФ предусмотреть весь перечень прав подсудимого, отличных от прав обвиняемого.

Кроме того, следует также законодательно определить, что нормы о правах подсудимого относятся к числу фундаментальных в уголовно-процессуальном законодательстве. Без их соблюдения невозможно признать состоявшееся судебное решение вступившим в законную силу [1]. Подобный подход порождается и изменениями, внесенными законодателем в ч. 2 ст. 405 УПК РФ, где предусмотрено, что пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора и последующих судебных решений, вынесенных в связи с его обжалованием, по основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела допускаются в срок, не превышающий одного года со дня их вступления в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены фундаментальные нарушения Уголовно-процессуального кодекса, повлиявшие на законность приговора, определения или постановления суда.

Среди прав, указанных в ч. 3—4 ст. 47 УПК РФ, безусловно к подсудимому применимы: право защищать свои права и законные интересы и иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите; право возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний (в том числе при согласии дать показания, быть предупрежденным о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, даже при его последующем отказе от этих показаний; право представлять доказательства; право заявлять ходатайства и отводы; право давать показания и объясняться на родном языке или языке, которым он владеет; право пользоваться помощью переводчика бесплатно; право пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно; право иметь свидания с защитником без ограничения их числа и продолжительности наедине и конфиденциально; право знать содержание постановления о назначении судебной экспертизы, ставить вопросы эксперту и знакомиться с его заключением; право снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств; право приносить жалобы на действия (бездействие) и решения прокурора и суда и принимать участие в их рассмотрении судом; право возражать против прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 27 УПК РФ; право участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой инстанций, а также в рассмотрении судом вопроса об избрании в отношении него меры пресечения; право знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания; право обжаловать определение, постановление суда и получать копии обжалуемых решений; право получать копии принесенных по уголовному делу жалоб и представлений и подавать возражения на них; защищаться иными средствами и способами, не запрещенными УПК РФ.

Существует множество классификационных критериев, позволяющих представить всю палитру прав человека. Их градация осуществляется по степени общности прав, их носителям, сферам направленности, возможностям осуществления, времени актуализации, формам нормативного воплощения, процедурам защиты, способам гарантированности, защитным механизмам и т. д. По сферам жизнедеятельности выделяют личные, политические и социально-экономические права или гражданские, политические, социальные, экономические и культурные.

Все права подсудимого относятся к личным. Особенностью этой группы прав и свобод является предоставление их на равном основании всем физическим лицам, находящимся на территории России независимо от того, является ли то или иное лицо гражданином, иностранцем или лицом без гражданства.

Конституция Российской Федерации [2] содержит личные права, которые в дальнейшем реализуются в нормах уголовно-процессуально-

го права: право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22); право на неприкосновенность личной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени (ст. 23, п. 1); право на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений (ст. 23, п. 2); право на неприкосновенность жилища (ст. 25); право на пользование родным языком (ст. 26, п. 2); право на рассмотрение дела, в том суде тем судьей, к подсудности которых оно отнесено (ст. 47, п. 1); право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей (ст. 47, п. 2); право на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48, п. 1); право пользоваться помощью адвоката с момента задержания, заключения под стражу (ст. 48, п. 2); презумпция невиновности (ст. 49, п. 1); право на пересмотр приговора вышестоящим судом, право просить о помиловании или смягчении наказания (ст. 50, п. 3); право отказаться от свидетельствования против себя, супруга или близких родственников (ст. 51, п. 1); право потерпевших на доступ к правосудию и компенсации ущерба (ст. 52); право на возмещение государством вреда, причиненного органами государственной власти или их должностными лицами (ст. 53).

Классификация прав подсудимого в большей степени является условной, так как они не иерархичны и должны обеспечиваться государственной властью безоговорочно, нарушение любого права лишает процесс возможности достижения назначения уголовного судопроизводства. В свою очередь их можно также разделить на следующие группы:

— в зависимости от того, где закреплено право подсудимого:

1) права, предусмотренные Конституцией РФ, другими федеральными и конституционными законах;

2) права, предусмотренные УПК РФ;

— в зависимости от того, кто реализует право подсудимого:

1) права, которые подсудимый может делегировать защитнику (право заявлять ходатайства и отводы, право приносить жалобы на действия (бездействия) суда, право представлять доказательства);

2) права, которые он реализует лично (право на последнее слово, право на участие в судебном разбирательстве по уголовному делу, право пользоваться услугами защитника, право пользоваться помощью переводчика бесплатно);

— в зависимости от исключительности использования права только на стадии судебного разбирательства:

1) права, которыми подсудимый мог пользоваться и на других стадиях уголовного судопроизводства (право прибегнуть к услугам защитника, право давать показания по предъявленному обвинению либо отказаться от дачи показаний, право на участие в судебном заседании по решению вопроса об избрании меры пресечения);

2) права, которые возможно реализовать только на стадии судебного разбирательства (право на заявление ходатайств об исключении доказательств, право на участие в репликах и прениях сторон, право на последнее слово);

— в зависимости от момента использования права на стадии судебного разбирательства:

1) права, которыми можно воспользоваться в любой момент судебного разбирательства (право на ходатайства по истребованию дополнительных доказательств или предметов, право на пользование письменными заметками, право заявлять отводы);

2) права, используемые либо только на определенном этапе стадии судебного разбирательства (право на получение разъяснений прав от председательствующего, право участвовать в прениях и репликах сторон, право на последнее слово);

3) права, используемые лишь в определенной ситуации (право на отказ от оглашении показаний данных в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства, право обжаловать решения суда и получать копии обжалуемых решений, право на освобождение в зале судебного заседания в предусмотренных законом случаях);

— в зависимости от обязанностей других участников процесса активными поступками содействовать реализации прав подсудимого:

1) права, связанные с обязанностями других участников процесса (право на ознакомление с протоколом судебного заседания, право на получение копий всех решений суда, право снимать копии с материалов уголовного дела);

2) права, не связанные с обязанностями других участников процесса (право на пользование письменными заметками, право заявлять ходатайства и отводы, право на последнее слово).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Калинкина Л. Д.** Совершенствование норм УПК РФ о нарушениях уголовно-процессуального закона — необходимое условие обеспечения должной процедуры производства по уголовным делам [Электронный ресурс] / Л. Д. Калинкина // Стратегия уголовного судопроизводства. Ма-

териалы международной конференции, посвященной 160-летней годовщине со дня рождения проф. И. Я. Фойницкого 11—12 октября 2007 г. Режим доступа: http://www.iuaj.net. — Загл. с экрана.

2. Конституция Российской Федерации. Принята 12 декабря 1993 года // Рос. газ. — 1993. — 25 дек.

3. **Мартышкин В. Н.** Пределы судебного усмотрения и механизмы его ограничения в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] / В. Н. Мартышкин // Стратегии уголовного судопроизводства. Материалы международной конференции, посвященной 160-летней годовщине со дня рождения проф. И. Я. Фойницкого 11—12 октября 2007 г. — Режим доступа: http://www.iuaj.net. — Загл. с экрана.

4. Мониторинг уголовного судопроизводства 2003 [Электронный ресурс] / Правозащитный Центр города Казани. — Режим доступа: http://www.investigation.ru. — Загл. с экрана.

5. **Тюрин О. В.** 976 прав обвиняемого в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, или 976 защитительных позиций / О. В. Тюрин. — М. : Экзамен, 2007. — 318 с.

6. Уголовное дело № 1-154/07 // Архив Пролет. район. суда г. Саранск РМ. — 2007 год.

7. Уголовное дело № 1-43/07 // Архив Пролет. район. суда г. Саранск РМ. — 2007 год.

8. Уголовное дело № 1-48/07 // Архив Пролет. район. суда г. Саранск РМ. — 2007 год.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по состоянию на 1 декабря 2009 г. — М. : Кнорус, 2009. — 224 с. — (Законы и Кодексы).

10. Уголовный процесс : учеб. для студ. юрид. вузов и факультетов / под ред. К. Ф. Гуценко. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Зерцало-М, 2004. — 736 с.

Поступила 30.09.09.

УКАЗАНИЯ ПРОКУРОРА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Мухудинова Н. Р., Крысин В. В.

В рамках статьи представлено исследование по вопросам о правовой природе, задачах, значении указаний прокурора в российском уголовном судопроизводстве, место указаний прокурора в системе актов прокурорского надзора

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации[1] предоставляет полномочие давать указания таким участникам уголовного судопроизводства, как прокурор, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания: «В ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор уполномочен… давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий» (п. 4 ч. 2 ст. 37); «руководитель следственного органа уполномочен… давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения» (п. 3 ч. 1 ст. 39); «…начальник подразделения дознания вправе… давать дознавателю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения» (п. 2 ч. 3 ст. 40.1).

В колексе также упоминаются указания начальника органа дознания, обязательные для дознавателя (ч. 4 ст. 41), но это полномочие не конкретизировано.

---

[1] *Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон Российской Федерации: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декабря 2001 г. : введ. Федер. законом Рос. Федерации № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».*

© Н. Р. Мухудинова, В. В. Крысин, 2009

Право прокурора давать указания дознавателю и следователю обусловлено его функцией надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Право руководителя следственного органа давать указания следователю, а также право начальника подразделения дознания давать указания дознавателю обусловлены их функцией процессуального руководства и ведомственного процессуального контроля за процессуальной деятельностью соответственно следователя и дознавателя. Процессуальное полномочие прокурора, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания давать указания — это элемент механизма взаимодействия прокурора, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания со следователем, дознавателем.

Уголовно-процессуальное право давать указания в отечественном уголовном процессе исторически было присуще только прокурору. Уголовно-процессуальный институт дачи прокурором указаний сохранится и в новом Уголовно-процессуальном кодексе, принятом в 2001 г., хотя и в несколько видоизмененном состоянии, что было обусловлено новыми реалиями общественной жизни, осуществлением правовой реформы и т. п. Так, должностными лицами, наделенными правом давать указания, признаны и руководитель следственного органа, и начальник подразделения дознания.

Последние существенные перемены в уголовно-процессуальном институте дачи указаний в российском уголовном судопроизводстве произошли в 2007 г. в связи с созданием Следственного комитета при прокуратуре РФ и изменениями процессуального статуса характера и объема процессуальных полномочий прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя. Были расширены полномочия и процессуальная самостоятельность следователя и руководителя следственного органа. Вместе с тем функции прокурора по надзору за процессуальной деятельностью как органов дознания, так и органов предварительного следствия сохранились (закреплены в ст. 37 УПК РФ), но изменились характер полномочий прокурора и формы и методы осуществления прокурорского надзора. Возможности реализации прокурором функции надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия сегодня существенно ограничены.

Итак, полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия уменьшились (в то же время прокурор сохранил большой объем полномочий по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания), а полномочия руководителя следственного органа по контролю за процессуальной деятельностью следователя расширились. Ряд надзорных полномочий, ранее присущих прокурору, сегодня переданы руководителю следственного органа. Наблюдается возрастание роли ведомственного контроля, осуществляемого руководителем следственного органа в отношении следователя. Ранее (до изменений УПК РФ 2007 г.) прокурор имел право наряду с надзором за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия осуществлять предварительное расследование, а также осуществлял процессуальное руководство предварительным расследованием, т. е. фактически руководство деятельностью следователя, дознавателя. Постановления и указания прокурора, будучи формами выражения его надзорной «воли», были за редким исключением обязательны для следователя и дознавателя. С 2007 г. прокурор утратил большинство процессуальных полномочий, которые в том числе позволяли ему осуществлять процессуальное руководство предварительным расследованием (например, право возбуждать уголовное дело, отменять незаконные постановления следователя и др.).

Одной из объективных причин изменения характера и объема процессуальных полномочий прокурора и руководителя следственного органа является создание Следственного комитета при прокуратуре РФ, что привело к обособлению следственного аппарата органов прокуратуры и вызвало необходимость разработки новых подходов к осуществлению прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного расследования. Указанные изменения уголовно-процессуального законодательства и законодательства о прокуратуре вызвали много обоснованной критики со стороны как ученых, так и правоприменителей. Так, по мнению З. Еникеева [5; с. 38—41], далеко не все поправки в законодательстве прогрессивны и социально оправданны, кроме того, они противоречат международным стандартам деятельности прокуратур, придающим им главную роль в уголовном судопроизводстве. Таким образом, ученый считает необходимым восстановление полномочий прокурора по надзору за законностью предварительного расследования в полном объеме.

В то же время, подвергая критике отдельные законодательные новеллы по рассматриваемому вопросу, исследователи отмечают положительную роль разделения следствия и надзора как шага к повышению объективности прокурорского надзора [4; с. 33—35]. Так, Н. Говорков отмечает, что ранее прокурор, осуществляя одновременно и руководство следствием и надзор за ним, предъявляя претензии к следователю, фактически делал это по отношению к себе

как руководителю следствия. Когда же в 2007 г. надзор и следствие разделили, недовольство следователем со стороны прокурора возросло. Прокуроры перестали игнорировать нарушения, которые, безусловно, были и раньше [2; с. 31—33].

Согласимся с тем, что независимо от качества действующего уголовно-процессуального закона следует приложить все усилия для достижения назначения уголовного судопроизводства, обеспечения прав и законных интересов личности.

Рассмотрим, что понимается под указаниями прокурора.

В русском языке слово *указание* означает наставление, разъяснение, указывающее, как действовать [9; с. 719]. «Указывать, указать» — показывать, дать увидеть; толковать, объяснять, наставлять, учить; приказывать, велеть, повелевать, приказывать, предписывать, наказывать; обращать внимание [3; с. 480—481]. «Указать», т. е. указать на что-нибудь (указать на ошибку), дать узнать, показать, назвать для сведения; установить, определить (указать, как вести работу), объявить порицание [12; с. 720]. В качестве синонимов используются слова *инструкция*, *предписание*, *директива*, *совет*, соответственно указать — показать, обратить внимание, приказать [1; с. 557].

В Уголовно-процессуальном кодексе нет определения понятия указаний прокурора. Термин «указание» используется в законодательных актах в разных значениях. В УПК РФ, например, — в качестве адресованного судье, прокурору, руководителю следственного органа, следователю требования привести ту или иную информацию, доводы, мотивы при принятии процессуальных решений: «Прокурор вправе в порядке и по основаниям, которые установлены настоящим Кодексом, отказаться от осуществления уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения» (ч. 4 ст. 37).

Кроме УПК РФ, термин «указания» употребляет Федеральный закон «О прокуратуре РФ»[2] — при перечислении полномочий Генерального прокурора. Так, в соответствии с п. 1 ст. 17 данного закона «Генеральный прокурор РФ издает обязательные для исполнения всеми работниками органов и учреждений прокуратуры приказы, указания, распоряжения, положения и инструкции, регулирующие вопросы организации и деятельности системы прокуратуры РФ и порядок реализации мер материального и социального обеспечения указанных работников, за исключением штата и структуры системы Следственного комитета при прокуратуре РФ». В этом случае указания Генерального прокурора — это ведомственные нормативно-правовые акты, правовая природа которых, а также задачи и значение не аналогичны указаниям прокурора в уголовном судопроизводстве. Однако при этом следует отметить, что для обозначения различных по правовой природе полномочий прокурора (т. е. полномочия Генерального прокурора РФ издавать ведомственные нормативно-правовые акты — указания — и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве давать указания дознавателю о направлении расследования, производстве процессуальных действий) законодатель употребил одинаковый термин — «указания», который наиболее полно отражает суть полномочия прокурора в указанных случаях.

Указания Генерального прокурора РФ являются ведомственным нормативно-правовым актом общего характера, принимаемым по отдельным вопросам организации и деятельности прокуратуры, практики применения законов. Указания (в отличие, например, от приказов), как правило, регулируют более узкие направления деятельности органов прокуратуры. В частности, они могут быть посвящены вопросам организации надзора в той или иной сфере. Указания могут издаваться на основании как обобщения материалов прокурорской и следственной практики, так и результатов конкретных проверок. Указаниями, например, вводятся в действие методические рекомендации прокурорским работникам по различным аспектам их деятельности. Некоторые указания Генерального прокурора РФ по обязательности выходят за пределы прокурорской системы. Так, указания Генерального прокурора РФ по вопросам дознания, не требующие законодательного регулирования, являются обязательными для исполнения всеми органами дознания независимо от их ведомственной принадлежности согласно п. 2 ст. 30 Закона о прокуратуре. При этом подразумеваются указания общего, принципиального характера, а не по конкретным уголовным делам. Они являются результатом обобщения практики деятельности правоохранительных органов по применению законов в процессе расследования преступлений, направлены на ее совершенствование [10; с. 57—58, 148].

Указания может принимать не только Генеральный прокурор РФ, но и его первый заместитель — Председатель Следственного комитета при прокуратуре РФ, который издает указания, обязательные для исполнения всеми сотрудниками комитета. Кроме того, во испол-

---

[2] *О прокуратуре РФ: Федеральный закон Российской Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».*

ние приказов Генерального прокурора РФ с целью решения конкретной задачи организации работы или вопроса, касающегося деятельности отдельного подразделения, заместители Генерального прокурора РФ могут издавать соответствующие указания [11].

Указания — это исконно присущие прокуратурс акты надзора. Именно при осуществлении прокурорского надзора постоянно прослеживается полномочие прокурора давать указания. Например, при осуществлении надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, прокурор в соответствии с Федеральным законом «О прокуратурс РФ», Приказом Генерального прокурора РФ от 25 апреля 2000 г. № 56 «Об организации надзора за исполнением Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“» наделен полномочием давать письменные указания об осуществлении тех или иных оперативно-розыскных мероприятий либо требовать их прекращения.

Указания используются как способ осуществления руководства вышестоящими прокурорами по отношению к нижестоящим. Примером может служить п. 2 Приказа Генерального прокурора РФ от 30 января 2008 г. № 15 «О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора»: «Жалобы на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора проверять прокурорам соответствующих уровней, их заместителям и по их указанию другим должностным лицам органов прокуратуры в соответствии с установленной компетенцией» [8].

В научной литературе прослеживается единое мнение относительно правовой природы указаний прокурора в уголовном судопроизводстве. Исследователи рассматривают их как акты прокурорского надзора, как меры прокурорского реагирования. Важно уяснение места указаний прокурора среди других мер реагирования при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. По мнению некоторых исследователей [7; с. 25—27], место, которое ранее в арсенале процессуальных полномочий прокурора занимали указания, теперь занято таким полномочием прокурора, как «требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия» (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Указания прокурора являются одним из видов процессуальных решений, принимаемых им при производстве по уголовному делу. Как и процессуальные решения, они выносятся только уполномоченными на то государственными органами и должностными лицами в пределах их компетенции; выражают властное веление, подтверждают, изменяют или прекращают уголовно-процессуальные отношения, подтверждают наличие или устанавливают отсутствие материально-правовых отношений; принимаются в установленном порядке и выражаются в определенной законом форме [6; с. 51].

Несмотря на существенное сокращение полномочий прокурора по надзору за предварительным следствием, его право давать указания сохранилось в отношении не только дознавателя, но и следователя. В большинстве случаев указания прокурора адресованы дознавателю (указания о направлении расследования; о производстве процессуальных действий; а также указания, которые даются в связи с возвращением прокурором дознавателю уголовного дела, поступившего к прокурору с обвинительным актом (указания о производстве дополнительного расследования; указания об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых) в соответствии с п. 4, 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Прокурор может давать следователю указания только последнего типа, т. е. по уголовному делу, расследование по которому фактически завершено и исправить что-либо часто уже невозможно [4, с. 33—35].

Согласно научной литературе полномочия прокурора направлены либо на выявление нарушений закона, либо на их устранение, либо на их предупреждение. Исходя из этого полномочие прокурора давать указания дознавателю относятся ко второму типу [10; с. 269—270].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Александрова З. Е.** Словарь синонимов русского языка. Около 9 000 синонимических рядов / под ред. Л. А. Чешко. — Изд. 3-е. — М. : Сов. энциклопедия, 1971. — 600 с.

2. **Говорков Н.** Хотели сделать лучше... / Н. Говорков // Законность. — 2008. — № 7. — С. 31—33.

3. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4 / В. Даль. — М. : Рус. яз., 1981—1982. — 683 с.

4. **Дмитриев С.** Шаг вперед, два шага назад / С. Дмитриев // Законность. — 2008. — № 7. — С. 33—35.

5. **Еникеев З.** Правовое положение прокурора в уголовном судопроизводстве / З. Еникеев // Законность. 2008. — № 6. — С. 38—41.

6. **Лупинская П. А.** Уголовно-процессуальные документы. Их виды и значение / П. А. Лупинская // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. — М. : Юристъ, 2003. — 797 с.

7. **Никифоров С.** Исполнение требований прокурора / С. Никифоров // Законность. — 2009. — № 4. — С. 25—27.

8. О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30 января 2008 г. № 15 // Законность. — 2008. — № 3.

9. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. — 16-е изд., испр. — М. : Рус. яз., 1984. — 797 с.

10. Прокурорский надзор. Российская прокуратура в правовом демократическом государстве : учебник / под ред. А. Я. Сухарева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2008. — 464 с.

11. Регламент Генеральной прокуратуры РФ : утвержден Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17 апреля 2008 г. № 67 // Законность. — 2008. — № 7. — С. 47—62.

Поступила 30.09.09.

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ ДИСПОЗИТИВНЫХ НАЧАЛ В МЕХАНИЗМЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ НАДЗОРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

О. А. Сухова, Л. И. Сафонова

В рамках настоящей статьи исследуются актуальные проблемы реализации диспозитивных начал в рамках порядка возбуждения надзорного производства в российском состязательном уголовном судопроизводстве. Авторы приходят к выводу о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части механизма возбуждения надзорного производства и максимальной реализации в нем диспозитивных начал с целью надлежащей защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, недопущения ограничения свободы обжалования в порядке надзора. В частности, предлагается закрепить положение, в соответствии с которым обжалование осужденным, потерпевшим и иным, указанным в ч. 1 ст. 402 УПК РФ лицом, вступившего в законную силу судебного решения должно влечь непосредственную проверку правосудности этого решения судом надзорной инстанции.

Исходя из ч. 3 ст. 123 Конституции РФ и ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ УПК РФ[1] состязательность и равноправие сторон предполагает не только четкое разграничение функций субъектов уголовного судопроизводства, но и возможность каждой из сторон активно отстаивать законный интерес, проявлять процессуальную инициативу.

Согласно УПК РФ производство в суде надзорной инстанции построено в соответствии с концепцией «исключительности» данной стадии уголовного процесса [4, с. 8—9], поскольку возбуждение надзорного производства, т. е. инициация проверки правосудности судебного решения, согласно ст. 406 УПК РФ не зависит от волеизъявления сторон и может осуществиться

[1] *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. 174-ФЗ (в послед. ред. от 18.07.2009 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».*

© О. А. Сухова, Л. И. Сафонова, 2009

только по решению установленных законом должностных лиц — судьи или председателя суда надзорной инстанции. Данный порядок, безусловно, сказывается на инициативности сторон, которая является отражением диспозитивных начал в уголовном процессе.

В ч. 2 ст. 402 УПК РФ надзорные жалоба и представление, в отличие от апелляционных и кассационных поводов, определяются как ходатайства. Такая трактовка обусловлена тем, что, обращаясь с просьбой о пересмотре вступившего в законную силу судебного решения, уполномоченный на то участник изначально прежде всего ходатайствует о возбуждении надзорного производства (даже если такое ходатайство конкретно не сформулировано в надзорных жалобе или представлении, это предполагается). Таким образом, просьба об устранении нарушений закона занимает в надзорных жалобе или представлении второе место после обращения (ходатайства) к суду о принятии решения о возбуждении надзорного производства и передаче жалобы или представления на рассмотрение суда надзорной инстанции.

Проверка правосудности судебных решений в порядке надзора по УПК РФ становится возможной при условии не только принесения уполномоченными на обжалование субъектами в установленном законом порядке и с соблюдением всех обязательных реквизитов непосредственно в суд соответствующей инстанции надзорных жалобы или представления в соответствии со ст. 404 УПК РФ, но и принятия уполномоченным судьей суда надзорной инстанции решения о возбуждении надзорного производства в порядке, установленном ст. 406 УПК РФ.

Таким образом, возможность возбуждения надзорного производства, в отличие от апелляционного и кассационного, связывается не с подачей жалобы или представления, а с усмотрением судьи надзорной инстанции, что и определяет «исключительность» данной стадии уголовного процесса.

С учетом изложенного возникают вопросы о том, насколько эффективна данная процедура возбуждения надзорного производства, обеспечивает ли вынесение правосудного судебного решения, а главное, не нарушает ли свободу обжалования и не ограничивает ли инициативу сторон, которая направлена на судебную защиту их прав и свобод.

Рассмотрение надзорных жалоб и представлений в порядке ст. 406 УПК РФ носит предварительный (проверочный) характер, ибо здесь по существу решается только вопрос о наличии или отсутствии оснований, предусмотренных ст. 379 УПК РФ (несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела; нарушение уголовного-процессуального закона; неправильное применение уголовного закона; несправедливость приговора), для передачи жалобы или представления на рассмотрение суда надзорной инстанции.

С одной стороны, данный этап производства в суде надзорной инстанции необходим для того, чтобы не загружать суды надзорной инстанции безусловно необоснованными жалобами и представлениями на уже вступившее в законную силу, а значит, приобретшее качества обязательности для исполнения, исключительности и непоколебимости, судебное решение. С другой стороны, такой порядок ограничивает конституционные права участников уголовного процесса на судебную защиту и пересмотр незаконных, необоснованных и несправедливых судебных решений, охрана которых является назначением уголовного судопроизводства.

Исходя из ст. 406 УПК РФ решение вопроса о возможности рассмотрения уголовного дела в порядке надзора зависит только от личного усмотрения судьи, уполномоченного на рассмотрение жалобы (представления). Между тем институт обжалования в порядке надзора связан как инициирующий проверку правосудности вынесенного нижестоящим судом и вступившего в законную силу решения, в связи с чем ответственность за качество обжалуемого решения не может возлагаться на судью, единолично принимающего решение об отказе в удовлетворении надзорных жалобы или представления.

Процессуальное решение судьи об отказе в удовлетворении надзорной жалобы (представления), вынесенное в порядке ч. 3 ст. 406 УПК РФ, есть не что иное, как его точка зрения относительно законности, обоснованности и справедливости оспариваемого решения, сформировавшаяся на основе изучения доводов, изложенных в жалобе (представлении) [2]. Процессуально указанное решение оформляется в виде постановления, и факт его вынесения означает лишь окончание производства по конкретной надзорной жалобе (представлению), а не производства в суде надзорной инстанции.

К тому же невозможна оценка судьей единолично качества решения нижестоящего только посредством его анализа без ознакомления с содержанием уголовного дела. Можно ли говорить о мотивированности такого решения, если действующий УПК РФ, в отличие от УПК РСФСР, не закрепляет *обязанности* судьи истребовать уголовное дело? Как следует из ч. 2 ст. 406 Уголовно-процессуального кодекса, в необходимых случаях судья, рассматривающий надзорные жалобу (представление), вправе истребовать в пределах компетенции, установлен-

ной ст. 403 УПК РФ, любое уголовное дело для их разрешения.

Закон не называет причин истребования дела [5, с. 27], но они сформулированы Пленумом Верховного Суда РФ при толковании ч. 2 ст. 406 Уголовно-процессуального кодекса. Согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 1 «О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции»* «при решении вопроса об истребовании уголовного дела в порядке, предусмотренном частью второй статьи 406 УПК РФ, следует исходить из того, что дело должно быть истребовано в каждом случае, когда возникают сомнения в законности, обоснованности и справедливости приговора, законности и обоснованности определения или постановления. Лица, правомочные рассматривать ходатайства о пересмотре вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, не вправе допускать отказ в истребовании уголовных дел, если содержащиеся в жалобе или представлении доводы не опровергаются доказательствами, приведенными в судебных документах. Решение о возбуждении надзорного производства без истребования уголовного дела может быть принято в тех случаях, когда нарушения, влекущие пересмотр приговора или иного судебного решения, усматриваются из судебных решений и иных материалов, прилагаемых к жалобе или представлению (дело рассмотрено незаконным составом суда, осужденный не достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, истекли сроки давности уголовного преследования и т. п.)»[2].

Толкование Пленума Верховного Суда РФ относительно критериев для истребования уголовного дела и данные им в п. 7—9 постановления от 11 января 2007 г. № 1 разъяснения о наличии у судьи-докладчика обязанностей при вынесении постановления об отказе в удовлетворении надзорных жалобы или представления привести аргументированные ответы на все доводы, в которых оспаривается правосудность судебного решения, и изложить мотивы, по которым эти доводы признаются несущественными, а при принятии процессуального решения о возбуждении надзорного производства — изложить в постановлении, в чем именно заключается нарушение, допущенное в предыдущем судебном разбирательстве, повлияло или могло повлиять данное нарушение на законность, обоснованность и справедливость оспариваемого судебного решения, правом рассмотрения надзорных жалобы или представления, руководствуясь ст. 6 и ч. 1 ст. 410 УПК РФ, а также разъяснения о наличии права проверить производство по уголовному делу в полном объеме в отношении лица, о котором ставится вопрос о пересмотре судебного решения, позволяет сделать вывод о том, что судья, единолично рассматривающий вопрос о возможности возбуждения надзорного производства, наделен слишком широкими полномочиями. Не случайно одним из результатов изучения надзорных жалобы или представления в ч. 3 ст. 406 УПК РФ законодатель обозначает вид решения, который носит наименование «постановление об отказе в удовлетворении надзорной жалобы или представления», а не постановления об отказе в возбуждении надзорного производства. С учетом наличия у судьи-докладчика таких полномочий практически сложно представить и возможность реализации данного в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 1 разъяснения нормы ч. 3 ст. 406 УПК РФ о том, что «судья, принимая решение о возбуждении надзорного производства, не вправе в данном постановлении предрешать выводы суда надзорной инстанции».

Полагаем, что в УПК РФ надлежит закрепить положение, в соответствии с которым обжалование осужденным, потерпевшим и иным, указанным в ч. 1 ст. 402 УПК РФ лицом, вступившего в законную силу судебного решения должно влечь непосредственную проверку его правосудности судом надзорной инстанции. Указанное положение позволит в наибольшей степени обеспечить защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, которые с учетом наличия усложненной процедуры возбуждения надзорного производства и складывающейся судебной практики, свидетельствующей о небольшом количестве случаев передачи судьей (по итогам изучения жалобы или представления) уголовного дела для рассмотрения в суд надзорной инстанции, скептически относятся к реализации данной возможности. Это часто обусловлено и позицией Европейского суда по правам человека, который указал на возможность граждан Российской Федерации обращаться в данный суд после реализации права кассационного обжалования, минуя стадию производства в суде надзорной инстанции.

---

* *Далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 1.*

[2] *О применении судами норм главы 48 Уголовно-процессуального ко-декса Российской Федерации, регламентирующих производство в надзорной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».*

Европейский суд по правам человека не относ данную стадию к числу обязательных национальных судебных процедур, без прохождения которых жалоба не может быть принята к производству. Гражданин России сразу после вступления судебного решения в законную силу может обращаться за защитой прав в межгосударственные органы, в частности в Европейский суд по правам человека [3, с. 31—32]. Но всегда ли реализация этого права отвечает интересам гражданина? Европейский суд по правам человека не вправе пересматривать судебные решения, принятые в рамках национальной правовой системы. Не вправе он, например, смягчить наказание, переквалифицировать содеянное на более мягкий закон, применить закон, освобождающий от ответственности, тогда как решение таких вопросов входит непосредственно в компетенцию суда надзорной инстанции.

Вступивший в законную силу приговор суда обязателен для всех государственных органов, их должностных лиц, негосударственных организаций, должностных лиц и граждан. На всей территории Российской Федерации он подлежит точному и неуклонному исполнению. В то же время надзорная практика неопровержимо свидетельствует, что разного рода нарушения судами первой инстанции допускаются систематически, а проверяющие их работу по апелляционным и кассационным жалобам вышестоящие суды нередко этого не замечают. Необходимо отметить также, что в надзорную инстанцию поступает немало дел, которые по различным причинам так и не подверглись ни апелляционной, ни кассационной проверке.

При таких обстоятельствах оспаривать необходимость существования надзорной инстанции как дополнительной гарантии реализации конституционного права гражданина на судебную защиту, как это иногда пытаются делать некоторые теоретики, представляется нецелесообразным.

Ст. 404 **УПК РФ** регламентирует порядок принесения надзорных жалобы и представления. Последнее должно отвечать требованиям ст. 375 кодекса, определяющей реквизиты кассационных жалобы и представления, в том числе обязывающей лицо, которое подает их, приводить в документах доводы с указанием основания к отмене или изменению обжалуемого судебного решения, а также ст. 405, допускающей возможность инициирования процедуры надзорного производства с постановкой вопроса об ухудшении положения осужденного (оправданного и лица, в отношении которого прекращено уголовное дело) лишь при наличии фундаментальных нарушений уголовно-процессуального закона в срок, не превышающий одного года со дня вступления в законную силу обжалуемого судебного решения. Надзорные жалоба или представление направляются непосредственно в суд надзорной инстанции, правомочный в соответствии со ст. 403 УПК РФ пересматривать обжалуемое судебное решение.

Согласно ч. 2 ст. 404 УПК РФ к надзорным жалобе или представлению прилагаются: копия приговора или иного решения, которые обжалуются; копия приговора или постановления апелляционной инстанции, определения кассационной инстанции, постановления надзорной инстанции, если они выносились по данному уголовному делу; в необходимых случаях — копии иных процессуальных документов, подтверждающих, по мнению заявителя, доводы, изложенные в жалобе или представлении.

Надзорные жалоба и представление должны строго соответствовать требованиям, изложенным в ст. 375 УПК РФ, что однако не ограничивает субъекта обжалования в их мотивировке и обосновании в объеме, который он определяет самостоятельно. Следует указать и на наличие присутствующей на практике дифференциации распространения указанных требований применительно к субъектам-профессионалам (прокурору, адвокату-защитнику, адвокату-представителю) и субъектам-непрофессионалам, защищающим личный интерес и не всегда обладающим знаниями в области юриспруденции, а потому не способным соблюсти весь перечень предъявляемых требований. Вместе с тем закрепление реквизитов надзорных жалобы и представления призвано дисциплинировать субъекта обжалования в плане соблюдения уголовно-процессуальной формы. В связи с этим актуально совершенствование федерального законодательства в части обеспечения права на получение квалифицированной юридической помощи на бесплатной основе при составлении надзорной жалобы субъектом-непрофессионалом.

Исходя из сложившейся судебной практики в случае несоответствия установленным ст. 375 **УПК РФ** требованиям, что препятствует возбуждению производства в суде надзорной инстанции и рассмотрению уголовного дела в порядке надзора, надзорные жалоба или представление направляются уполномоченным судьей суда надзорной инстанции их автору для пересоставления с обозначением недостатков и установлением срока для их устранения. На наш взгляд, необходимо закрепить в **УПК РФ** четкий механизм оставления надзорных жалобы и представления без рассмотрения вследствие их несоответствия нормам ст. 404 кодекса.

Изложенные проблемы указывают на необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства, а именно механизма возбуждения надзорного производства и

максимальной реализации в нем диспозитивных начал с целью надлежащей защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в рамках состязательного уголовного судопроизводства, недопущения ограничения свободы обжалования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Давыдов В. А.** Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам : производство в надзорной инстанции : науч.-практ. пособие / В. А. Давыдов. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 238 с.

2. **Давыдов В. А.** Практика применения гл. 48 УПК РФ / В. А. Давыдов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.lawmix.ru/comm.php?id=2860. — Загл. с экрана.

3. **Османов Т. С.** Процессуальный порядок рассмотрения надзорной жалобы / Т. С. Османов // Рос. судья. — 2005. — № 2. — С. 25–29.

4. **Чебуренков А. А.** Полномочия суда надзорной инстанции в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Чебуренков ; Мордов. гос. ун-т. — Саранск, 2004. — 25 с.

Поступила 30.09.09.

НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Е. В. Митяева

В статье исследовано значение и выявлен ряд проблем правового регулирования, касающихся непосредственности исследования доказательств по уголовному делу.

Среди общих условий судебного разбирательства особое место занимает положение о непосредственности. Его значение для судебного разбирательства обусловлено прежде всего тем, что оно, во-первых, относится к деятельности суда и участников судебного разбирательства; во-вторых, определяет деятельность по исследованию доказательств, т. е. основное содержание деятельности суда и участников судебного разбирательства при рассмотрении уголовных дел.

В соответствии со ст. 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) в суде первой инстанции все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию [7]. Суд заслушивает показания подсудимых, потерпевших, свидетелей, заключения экспертов, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы. В этой формулировке закреплена сущность непосредственности судебного разбирательства. Судьи получают сведения об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения дела, и делают выводы на основе личного восприятия всех доказательств в судебном заседании, а не по письменным материалам.

Не являясь очевидцами события преступления, судьи решают вопрос о наличии преступления и виновности подсудимого только путем исследования доказательств по делу. Они должны не только удостовериться, что преступление действительно было совершено или не совершено, но и убедить всех присутствующих, прежде всего участников судебного разбирательства, в правильности выводов. Суд познает обстоятельства дела посредством исследования доказательств. Любое исследование, в том числе упомянутое, проводится по определенному методу — способу «теоретического освоения фактического материала», выражающемуся в обобщенном подходе к исследованию и дающему возможность ориентироваться в фактах действительности [1]. Таким образом, методом исследования доказательств является способ их исследования судом, а ст. 240 УПК РФ определяет, что суд первой инстанции при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу.

Итак, непосредственность судебного раз-

© Е. В. Митяева, 2009

бирательства выражает не характер знания суда об обстоятельствах дела, а метод исследования доказательств судом и участниками судебного разбирательства, определяет их обращение с источниками фактических данных [6]. Суд исследует не факты, а источники доказательств, поэтому непосредственное исследование доказательств по делу следует понимать как личное восприятие судом источников доказательств, установление и изучение таким путем в ходе судебного разбирательства фактических данных. Суд оперирует опосредованным значением, добытым из исследованных источников доказательств. Непосредственность судебного разбирательства — важнейшая гарантия реализации принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, лежащая в основе формирования внутреннего убеждения судей.

Являясь методом исследования доказательств, непосредственность судебного разбирательства выступает как связующее звено в системе общих условий судебного разбирательства, направленных на обеспечение проведения непосредственного исследования доказательств судом и участниками судебного разбирательства.

Анализ категории непосредственности исследования доказательств в системе общих условий судебного разбирательства позволяет сделать вывод о том, что она, будучи взаимосвязанной с другими требованиями закона — устностью, гласностью, неизменностью состава суда и т. д. — образует их предпосылку и обусловливает их роль и значение в механизме осуществления правосудия. Прежде всего непосредственность судебного разбирательства определяет устную форму исследования доказательств.

Общие условия судебного разбирательства содержат требования, например, к деятельности суда: состав суда должен быть неизменным; суд принимает меры к нарушителям порядка в судебном заседании и т. д. Очевидно, что они направлены на создание условий, необходимых для непосредственного исследования доказательств. При нарушении неизменности состава суда судья, участвовавший в судебном заседании не с самого начала, не будет иметь полного представления обо всех обстоятельствах дела. Разрешение судом вопросов во время судебного разбирательства становится возможным именно после непосредственного исследования им всех доказательств по делу. Иногда для устранения обстоятельств, препятствующих непосредственному исследованию доказательств, суд выносит определение или постановление, например, в случае с отложением судебного разбирательства при неявке кого-либо из вызванных лиц или в связи с необходимостью истребования новых доказательств или приостанавливает производство по уголовному делу, если подсудимый скрылся или тяжело болен и потому не может быть допрошен во время заседания.

В судебном разбирательстве доказательства исследуются судом и участниками. Последние способствуют непосредственности судебного разбирательства, поскольку показания подсудимого, потерпевшего, гражданских истца и ответчика являются источниками доказательств и непосредственно исследуются судом.

Закон строго регламентирует случаи рассмотрения дела в отсутствие участников судебного разбирательства, например требует проведения разбирательства с обязательным участием подсудимого и только в виде исключения допускает его удаление из зала судебного заседания (ч. 3 ст. 258 УПК РФ). Право подсудимого лично участвовать в заседании является составной частью справедливого судебного разбирательства.

Европейский суд по правам человека в постановлении по делу Романова против Российской Федерации (2005 г.) указал, что из понятия «справедливое судебное разбирательство» следует, что лицо, которому предъявлено обвинение в совершении преступления, должно, согласно общему принципу, иметь право присутствовать и эффективно участвовать в разбирательстве по делу в суде первой инстанции. В данном деле указанное требование не было соблюдено, поскольку Гагаринский районный суд г. Москвы рассмотрел дело заявителя в его отсутствие. Европейский Суд отмечает, что в данном деле нельзя вести речь о том, что заявитель не участвовал в судебном заседании, поскольку он отказался от использования соответствующего права. С другой стороны, заявитель, который находился под стражей, и его адвокаты подавали ходатайства в Гагаринский районный суд г. Москвы о личном участии заявителя в судебном заседании. Названные ходатайства были отклонены, поскольку администрация следственного изолятора, где содержался заявитель, предположительно отказывалась доставлять больных заключенных в суд, а в ином случае — поскольку показания душевнобольного человека не могли быть приняты в качестве доказательства. В обязанности государства входит обеспечение участия в судебном заседании обвиняемого, содержащегося под стражей. В исключительных случаях суд первой инстанции может продолжить рассмотрение дела, если обвиняемый отсутствует в связи с болезнью, при условии, что его или ее интересы достаточным образом защищены. Если в судебном заседании необходимо произвести оценку личности и характера обвиняемого, а также его психического

состояния в момент совершения преступления и если исход судебного разбирательства может нанести ему существенный ущерб, значимую роль для соблюдения справедливости судебного разбирательства может сыграть его участие в судебном заседании, а также предоставленная ему возможность участвовать в нем вместе с адвокатом. По данному делу Европейский суд признал нарушение п. 1 и подпункта «с» п. 3 ст. 6 Конвенции [4].

Законодатель в ч. 2 ст. 240 Уголовно-процессуального кодекса особо оговорил, что отступление от условия непосредственности — оглашение показаний, данных при производстве предварительного расследования, возможно лишь в случаях, предусмотренных ст. 276 и 281 УПК РФ.

Полагаем, что отступление от непосредственности исследования в части возможности оглашения показаний лиц, даже в указанных в законе случаях, и последующее использование этих показаний в качестве доказательств нарушают принцип состязательности сторон, в том числе их равноправие перед судом, так как при этом главным образом нарушается право лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Так, например, оно лишено возможности непосредственно допросить свидетеля обвинения или потерпевшего.

В п. «d» ч. 3 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (статье, определяющей содержание права на справедливое судебное разбирательство и объем минимальных прав обвиняемого) указывается на право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены [3].

Пособие Российской академии правосудия «Прецеденты и комментарии к статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод», комментируя содержание этого права, указывает: «По сути дела, все показания, на основании которых строится обвинение, должны быть взяты в присутствии обвиняемого в ходе публичных слушаний с учетом принципа состязательности» [5].

Разрешение в законе несколько упрощенной процедуры представления доказательств находится в противоречии с общепризнанными нормами международного права, являющимися в соответствии с ч. 3 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство.

В практике рассмотрения уголовных дел нередки случаи, когда лица, допрашиваемые в суде, изменяют показания относительно данных в ходе предварительного следствия и даже относительно данных в предыдущих судебных заседаниях, при этом иногда приводят такие доводы в обоснование, что суд обязан принять их во внимание и признать их достоверными. При оглашении показаний лица, особенно отсутствующего во время судебного заседания, ссылка на эти показания как на доказательство при вынесении приговора фактически создает возможность осуждения лица на основании непроверенных доказательств и частично — домыслов и предположений, что противоречит ч. 4 ст. 14 («Презумпция невиновности»)[1].

Следовательно, нормы УПК РФ, предусматривающие возможность оглашения показаний лиц, допрошенных в ходе предварительного следствия, должны быть пересмотрены и выверены в соответствии с нормами международного права и принципами уголовного судопроизводства.

Вместо непосредственного восприятия доказательств судьи часто необоснованно ограничиваются оглашением письменных материалов дела. 24 декабря 2003 г. Ярославским областным судом Н. был оправдан по ч. 1 ст. 30 — п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в связи с отсутствием события преступления. Государственный обвинитель в кассационном представлении просил отменить приговор и направить дело на новое рассмотрение. В качестве вещественных доказательств по делу были предъявлены аудиокассеты с записью разговоров Н., М. и Л. Они приобщены к материалам дела и исследованы при производстве фоноскопической экспертизы. Между тем вопреки требованиям ст. 240 УПК РФ в судебном заседании кассеты не прослушивались, содержание аудиозаписи по существу не исследовалось, хотя ходатайства заявлялись.

После обсуждения вопроса о возможности прослушивания аудиокассет председательствующим вынесено постановление об оглашении заключений фоноскопических экспертиз и об отказе в прослушивании аудиокассет на основании того, что запись содержит много нецензурных выражений. Однако в законе нет такого основания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, проверив материалы дела, удовлетворила кассационное представление гособвинителя и направила дело на новое рассмотрение в связи с нарушением уголовно-про-

---

[1] *Уренева О. В. Принцип состязательности сторон и оглашение в судебном заседании показаний лиц, данных при производстве предварительного расследования или ранее данных к судебном заседании / О. В. Уренева [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».*

цессуального закона, повлиявшим на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора (ст. 381 УПК РФ) [2].

Значение непосредственности исследования доказательств определяется прежде всего тем, что невыполнение этого требования нарушает самостоятельность суда. Недопустимо, чтобы мотивировка решения суда о виновности подсудимого, об объеме обвинения и его доказанности содержала ссылку на материалы предварительного расследования и повторяла соответствующие выводы органов предварительного расследования.

Непосредственность является существенным условием правильного установления обстоятельств дела и позволяет избежать искажений при передаче суду необходимой для разрешения дела информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Алексеев С. С.** Общая теория права. В 2 т. Т.2. / С. С. Алексеев. — М. : Юрид. Лит., 1982. — 321 с.

2. **Васяев А. А.** Непосредственность исследования доказательств судом / А. А. Васяев // Уголовный процесс. — 2007. — № 10. — С. 45—46.

3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6 / отв. ред. Н. Б. Токорина. — М. : [б. и.], 1997. 160 с.

4. Европейский Суд по правам человека и Российская Федерация. Постановления и решения, 2005. Т. 2 / Администрация Президента Российской Федерации. — М. : Новая юстиция, 2006. — 512 с.

5. **Маул Н.** Прецеденты и комментарии к статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод : пособие / Н. Маул, К. Харби, Л. Б. Алексеева ; Рос. акад. правосудия. 2001. — 220 с.

6. **Тыричев И. В.** Принципы советского уголовного процесса : учеб. пособие / И. В. Тыричев. — М., 1983. — 80 с.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : по состоянию на 1 декабря 2009 г. М. : Кнорус, 2009. — 224 с. — (Законы и Кодексы).

Поступила 30.09.09.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УСТАНОВЛЕННОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ЗАКОНОМ ПОРЯДКА НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СТАДИИ КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА

О. А. Сухова, О. Г. Сардаева

В рамках настоящей статьи анализируются актуальные проблемы реализации установленного уголовно-процессуальным законом порядка непосредственного исследования доказательств в стадии кассационного производства и предлагаются пути их разрешения. Признавая характер нормы ч. 4 ст. 377 УПК РФ как расширяющей апелляционные начала в стадии кассационного производства, авторы обосновывают необходимость надлежащего нормативного обеспечения указанного порядка в УПК РФ и его буквальной практической реализации. При этом указывается на недопустимость скептического отношения к содержанию нормы ч. 4 ст. 377 УПК РФ со стороны Пленума Верховного Суда РФ, который дважды давал ограничительное толкование данной нормы, а в последнем постановлении по данному вопросу признал несостоятельность данного им разъяснения с учетом позиции законодателя по расширению апелляционных начал в стадии кассационного производства.

Действующий уголовно-процессуальный закон максимально приблизил российскую кассацию к апелляционной форме проверки правосудности судебных решений. Об этом свидетельствует положение ч. 4 ст. 377 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)[1], согласно которому при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке суд вправе по ходатайству стороны непосредственно исследовать доказательства по правилам главы 37 УПК РФ, устанавливающей процедуру судебного следствия в рамках судебного разбирательства.

В соответствии с ч. 1 ст. 240 УПК РФ непосредственное исследование доказательств как содержание судебного следствия в стадии судебного разбирательства состоит в том, что суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, рассматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по исследованию доказательств. Судебное следствие является обязательной неотъемлемой частью судебного разбирательства, а также апелляционного производства. В стадии же кассационного производства суд наделяется *правом*, а не обязанностью непосредственно исследовать доказательства, и то лишь по *ходатайству стороны*. Поскольку это *право*, то суд кассационной инстанции вполне может отказаться от его реализации, оставив без удовлетворения заявленное ходатайство стороны.

Нельзя не обратить внимание на то, что возможность непосредственного исследования доказательств в суде кассационной инстанции оказалась практически нереализуемой. Так, кассационная практика Верховного Суда Республики Мордовия за период с 2005-го по первое полугодие 2009 г. не позволила нам усмотреть ни одного случая заявления сторонами ходатайства о непосредственном исследовании доказательств.

Первым поводом для скептического отношения к содержанию нормы ч. 4 ст. 377 УПК РФ явилось разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, который в п. 25 постановления от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[2] указал, что под непосред-

---

[1] *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. 174-ФЗ (в послед. ред. от 18.07.2009 г.). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».*

[2] *О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».*

© О. А. Сухова, О. Г. Сардаева, 2009

стоящим исследованием доказательств в суде кассационной инстанции следует понимать проверку имеющихся в уголовном деле доказательств, получивших оценку суда первой инстанции (оглашение показаний свидетелей, потерпевшего, заключения эксперта и т. п.). Однако это разъяснение высшего судебного органа общей юрисдикции РФ, напротив, вызвало еще большее недоумение как в теории уголовного процесса, так и на практике.

В поддержку приведенной позиции Пленума Верховного Суда РФ, например, высказался В. Л. Будников, который, обосновывая ее правильность, заметил, что такая позиция не позволяет кассационному производству превращаться де-факто в апелляционное [2, с. 15].

К. Б. Калиновский и А. В. Смирнов, напротив, отмечают, что Пленум Верховного Суда РФ прямо говорит лишь об оглашении письменных протоколов и документов, хотя благодаря словам «...и т. п.», идущим после, логически можно сделать вывод и о возможности проведения иных следственных действий по проверке доказательств, которые также предусмотрены гл. 37 УПК РФ; закон же требует от кассационной инстанции именно непосредственного исследования доказательств, но оглашение письменных протоколов (например, допросов) никак не может быть приравнено к непосредственному исследованию доказательств, напротив, оно есть не что иное, как изъятие из данного принципа уголовного судопроизводства [8, с. 877].

Следует признать, что с принятием указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ ситуация не изменилась: норма ч. 4 ст. 377 УПК РФ оставалась практически недействующей. Это обусловлено прежде всего непониманием правоприменителя в лице суда кассационной инстанции относительно целесообразности введения данного апелляционного элемента в рамках стадии кассационного производства, всегда воспринимавшейся как пересмотр уголовного дела преимущественно по уже имеющимся материалам, который не может завершиться вынесением нового судебного решения, разрешающего уголовное дело по существу. Расширение же апелляционных начал в стадии кассационного производства на уровне возможности непосредственного исследования доказательств и установления новых фактических обстоятельств уголовного дела представлялось излишним в кассационной практике. Скептическое отношение к содержанию нормы ч. 4 ст. 377 УПК РФ суда кассационной инстанции предопределило и отношение сторон к реализации предоставленного им права ходатайствовать о непосредственном исследовании доказательств как к нецелесообразной.

По мнению Н. А. Колоколова, сам факт прочтения вслух в очередной раз того, что уже многократно было изучено сторонами и судьями в процессе подготовки к судебному заседанию, представляется суду нецелесообразным и абсурдным; именно мотивируя тем, что материалы дела уже изучались сторонами, суд отказывал в удовлетворении ходатайств осужденных о проведении «нового судебного следствия» [5, с. 8].

Анализируя возможность непосредственного исследования доказательств в суде кассационной инстанции в целом и характер составляющих его процессуальных действий в частности, К. Б. Калиновский и А. В. Смирнов отмечают, что судебное следствие в кассационном суде в полном объеме не проводится, что содержанием данных процессуальных действий является лишь проверка ранее собранных в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства доказательств, но не собирание новых доказательств, что любые дополнительные материалы могут быть получены здесь лишь путем представления их сторонами в подтверждение доводов, приведенных ими в кассационных жалобах или представлениях, но не с помощью следственных действий; а это не допускает проведения в кассационном суде производства первоначальной, дополнительной или повторной экспертизы, следственного эксперимента и предъявления для опознания, которые всегда имеют целью получение новых или дополнительных доказательств [8, с. 889].

Пленум Верховного Суда РФ 23 декабря 2008 г. принял качественно новое постановление № 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций»[3], с принятием которого утрачивает силу п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 года № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В п. 14 постановления от 23 декабря 2008 г. № 28 под исследованием доказательств судом кассационной инстанции понимается проверка имеющихся в уголовном деле доказательств, исследованных судом первой инстанции, вследствие чего устанавливается запрет на проведение допроса свидетелей, назначение судебных экспертиз судом второй инстанции и т. п.

---

[3] *О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2008 г. № 28. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».*

Между тем буквальное толкование ч. 4 ст. 377 УПК РФ позволяет прийти к выводу о том, что стороны исходя из ст. 37 УПК РФ наделяются в суде кассационной инстанции правами заявлять ходатайства о вызове новых свидетелей, истребовании вещественных доказательств и документов, в исследовании которых было отказано в суде первой и апелляционной инстанции, проведении судебных экспертиз и т. д. Однако Пленум Верховного Суда РФ, как указано выше, вновь толкуя ч. 4 ст. 377 УПК РФ, пришел к необходимости обеспечения единообразной судебной практики путем признания «документального» характера кассационного производства, который допускает лишь исследование письменных материалов уголовного дела; в результате же проведения следственных действий, нередко направленных на получение новых доказательств, суд кассационной инстанции становится неправомочным субъектом распоряжения такими данными, поскольку они не были первоначально получены и исследованы нижестоящим судом.

Так, по мнению С. В. Бурмагина, в случае производства любых следственных действий (перепроса свидетелей, освидетельствования и т. п.) суд кассационной инстанции получает новые доказательства (аналогично суду апелляционной инстанции), однако по закону он не уполномочен при принятии решения апеллировать доказательствами и обстоятельствами, которые не были предметом рассмотрения суда первой (апелляционной) инстанции и последним не оценивались [7, с. 28]. Подобных взглядов придерживается и В. И. Капитанюк, отмечая, что если суд кассационной инстанции наделить правом допрашивать свидетелей, то во второй инстанции будет даваться оценка доказательствам, которые не были исследованы судом первой инстанции. Не случайно в ч. 7 ст. 377 УПК РФ закреплено, что в суд кассационной инстанции могут быть представлены дополнительные материалы, которые не требуют дополнительной проверки и оценки судом первой инстанции [7, с. 29].

Следует обратить внимание и на точку зрения С. А. Ворожцова, который считает недопустимым проведение следственных действий в процессе непосредственного исследования доказательств, таких как вызов и допрос свидетелей, экспертов, иных лиц, назначение и проведение экспертиз, поскольку иное превратит кассационную инстанцию в апелляционную в полном смысле, для которой исследование фактических обстоятельств дела с учетом правил производства в суде первой инстанции является первоочередным моментом [3, с. 383].

Последним нововведением является принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ № 12 от 30 июня 2009 г. «О внесении изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2008 г. № 28 „О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций“»[4], которым исключен абзац 1 п. 14, где содержался запрет непосредственного исследования доказательств в суде кассационной инстанции вопреки прямому указанию уголовно-процессуального закона (ч. 4 ст. 377 УПК РФ).

Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ признал несостоятельность данного им разъяснения с учетом позиции законодателя по расширению апелляционных начал в стадии кассационного производства, тем самым создав условия для буквальной реализации нормы ч. 4 ст. 377 УПК РФ.

В уголовно-процессуальной литературе последних лет усматриваются различные позиции относительно расширения апелляционных начал в стадии кассационного производства. Ряд авторов обосновывают объективную необходимость и целесообразность существования ныне действующего кассационного порядка рассмотрения дела в качестве одной из важнейших гарантий реализации права лиц (обвиняемых, подозреваемых и осужденных) на детальную проверку законности, обоснованности и справедливости вынесенных решений по делу, а в случае выявления нарушений — на их изменение или отмену [1, с. 17; 6, с. 29]; другие же отмечают стремительно выражающееся в законодательстве «сращивание» апелляционного и кассационного производств с четко фиксированными элементами апелляции за некоторыми исключениями [4, с. 34], указывают на то, что в рамках уголовно-процессуального регулирования размывается тонкая, почти неуловимая грань между апелляцией и кассацией, а их различие сводится лишь к форме, в которой выражены итоговое решение (приговор и определение) и отсутствие ведения протокола [6, с. 28].

Как отмечают К. Б. Калиновский и А. В. Смирнов, поводом для осторожного отношения Пленума Верховного Суда РФ к возможностям судебного следствия в данной инстанции послужило положение ч. 6 ст. 377 УПК РФ,

---

[4] *О внесении изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2008 г. № 28 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2009 г. № 12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».*

где содержится запрет на получение путем проведения следственных действий так называемых дополнительных материалов. По мнению авторов, во многом благодаря разрешению законодателем проведения в данной инстанции исследования доказательств методами судебного следствия, она перестает быть сугубо кассационной, приближаясь по процессуальной форме и характеру принимаемых решений к апелляции, которая в большей степени соответствует стандартам состязательного судопроизводства, чем чистая кассация [8, с. 901].

В свете возможности непосредственного исследования доказательств в стадии кассационного производства не мог не возникнуть вопрос о необходимости ведения протокола заседания суда кассационной инстанции.

Конституционный Суд РФ еще в определении от 12 июля 2005 г. № 335-О[3] указал на то, что отсутствие в 377-й и других статьях УПК РФ прямого указания на необходимость протоколирования заседания суда кассационной инстанции не препятствует принятию соответствующим судом решения о необходимости ведения такого протокола, что вытекает из поло-жений ч. 4 ст. 377 УПК РФ, предписывающей в случае исследования судом кассационной инстанции доказательств руководствоваться требованиями главы 37 УПК РФ, определяющей порядок исследования доказательств в суде первой инстанции. Одним из обязательных элементов этого порядка в соответствии со ст. 259 УПК РФ является ведение протокола судебного заседания, в котором отражаются в том числе результаты произведенных в судебном заседании действий по исследованию доказательств.

Как верно отмечает Н. А. Колоколов, в мировой практике любое судебное разбирательство сопровождается не только письменным протоколом, но и аудио-, видеозаписью, что способствует жесткой фиксации без искажений всего сказанного участниками по делу и их дисциплинированию [5, с. 8].

Полагаем, что суд кассационной инстанции вправе исследовать доказательства как посредством анализа уже имеющихся письменных материалов уголовного дела, так и по общим правилам, регулирующим порядок судебного следствия в рамках главы 37 УПК РФ, а соответственно осуществлять ряд процессуальных действий, в ходе которых возможно получение новых доказательств по делу, с учетом того, что некоторые из обстоятельств могли быть проигнорированы и не учтены судом первой инстанции, что отразилось или могло отразиться на правосудности приговора.

Как отмечалось ранее, в рамках кассационного производства законодатель наделил стороны возможностью инициировать непосредственное исследование доказательств, при этом не предоставив суду кассационной инстанции права применить данный порядок самостоятельно по личной инициативе. Полагаем, что законодатель при этом исходил из принципа состязательности и в то же время учел «проверочный» характер стадии кассационного производства.

Видится бесспорной позиция законодателя, изложенная в ч. 4 ст. 377 УПК РФ, относительно того, что ходатайство о непосредственном исследовании доказательств может быть принесено в суд стороной, а не лицом, подавшим жалобу (представление). Тем самым любой участник со стороны как защиты, так и обвинения имеет возможность ходатайствовать о непосредственном исследовании доказательств в суде второй инстанции независимо от того, он или иной участник был инициатором возбуждения кассационного производства. Представляется возможной и подача ходатайств от обеих сторон уголовного процесса; в этом случае они оба будут изначально определять границы непосредственного исследования доказательств с точки зрения объема обозначенных в них доказательств. Вместе с тем следует учитывать и то, что правом кассационного обжалования может пользоваться и лицо, которое не приобрело в уголовном процессе статус участника какой-либо стороны в процессе (например, заявитель, которому судом отказано в удовлетворении жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела, или свидетель, которому судом отказано в удовлетворении жалобы на действия (бездействия) следователя). Полагаем, что в этой части следует внести соответствующие дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс.

С учетом изложенных выводов считаем необходимым обратить внимание на п. 6 Постановления Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 УПК РФ в связи с запросом президиума Курганского областного суда», в котором отмечается, что «гарантируемое Конституцией Российской Федерации право на судебную защиту подразумевает создание государством необходимых условий для эффективного и справедливого разбирательства дела прежде всего в суде первой ин-

---

[3] *По жалобе гражданина Дикина Александра Витальевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 377 и 388 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 335-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».*

станции, где разрешаются все существенные для определения прав и обязанностей сторон вопросы; ошибки же, допущенные судом первой инстанции, подлежат исправлению судом второй инстанции в процедурах, наиболее приближенных к производству в суде первой ин-станции»[6].

Таким образом, Конституционный Суд РФ еще ранее, до принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ № 12 от 30 июня 2009 г., обозначил курс на создание в российском уголовном процессе максимально приближенной к апелляции формы проверки правосудности судебных решений судом второй инстанции. Указывая на необходимость существования производства в суде второй инстанции в качестве механизма реализации права на судебную защиту, Конституционный Суд РФ отмечает необходимость реализации процедур, наиболее приближенных к судебному разбирательству в суде первой инстанции, а соответственно дает направление в плане совершенствования предусмотренного действующим уголовно-процессуальным законом порядка непосредственного исследования доказательств и применительно к стадии кассационного производства с целью достижения предусмотренного ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства.

Полагаем, что в УПК РФ следует предусмотреть детальный порядок непосредственного исследования доказательств судом кассационной инстанции, который бы позволил усматривать четкие пределы прав суда кассационной инстанции и не допускал неоднозначной трактовки положений уголовно-процессуального закона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Бардамов Б. Г.** Сущность, содержание и значение кассационного производства в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Б. Г. Бардамов ; Байкальск. гос. ун-т экон. и права. — Иркутск, 2006. — 23 с.

2. **Будников В. Л.** Участие суда в уголовно-процессуальном доказывании / В. Л. Будников // Рос. судья. — 2006. — № 11. — С. 13—16.

3. **Ворожцов С. А.** Кассационный порядок рассмотрения уголовного дела / С. А. Ворожцов // Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ : практ. пособие / С. В. Ворожцов, В. А. Давыдов, В. В. Дорошков [и др.] ; под. ред. В. П. Верина. — М. : Юрайт-Издат, 2007. — 589 с.

4. **Калмыков В. Б.** Проблемы законодательного регулирования процедуры непосредственного исследования доказательств судом кассационной инстанции в порядке ч. 4 ст. 377 УПК РФ / В. Б. Калмыков // Следователь. — 2009. — № 5. — С. 31—36.

5. **Колоколов Н. А.** Кассация в призме постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2008 № 28 / Н. А. Колоколов // Уголов. процесс. — 2009. — № 1. — С. 3—10.

6. **Поздняков М. Л.** Принятие решения по существу в суде кассационной инстанции / М. Л. Поздняков // Уголов. процесс. — 2007. — № 3. — С. 27—30.

7. Производство в суде кассационной инстанции : Материалы заочного круглого стола / С. В. Бурмагин, А. В. Губенко, В. И. Каминский [и др.] // Уголов. процесс. — 2007. — № 6. — С. 28—29.

8. **Смирнов А. В.** Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2009. — 997 с.

Поступила 30.09.09.

[6] *По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 УПК РФ в связи с запросом президиума Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ ТОЛЬКО СУДОМ

А. В. Шигуров

В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы реализации принципа осуществления правосудия только судом: неурегулированность в законе понятия «правосудие», а также процедуры распределения дел между судьями.

Нормативное содержание принципа осуществления правосудия только судом закреплено в ч. 1 ст. 118, ст. 49 Конституции РФ, ст. 8 УПК РФ [8; 15] и включает в себя следующие положения: 1) правосудие по уголовному делу в Российской Федерации осуществляется только судом; 2) никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом; 3) подсудимый не может быть лишен права на рассмотрение его уголовного дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено УПК РФ.

В соответствии с Постановлением КС РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности ст. 418 УПК РСФСР...» следствиями из принципа осуществления правосудия только судом являются следующие положения: «1) никакой иной орган не может принимать на себя функцию отправления правосудия; 2) на суд не может быть возложено выполнение каких бы то ни было функций, не согласующихся с его положением органа правосудия» [5].

Значение данного принципа в уголовном судопроизводстве заключается в том, что он защищает гражданина от возможности применения к нему уголовного наказания каким-либо иным государственным органом, кроме суда, а следовательно, гарантирует каждому гражданину законность, обоснованность, мотивированность, справедливость решений по уголовному делу.

Анализ нормативной базы данного принципа свидетельствует о наличии теоретических и практических проблем реализации принципа осуществления правосудия только судом.

Первой проблемой является неурегулированность в законе процедуры распределения дел в суде. Ч. 1 ст. 47 Конституции РФ предоставляет каждому право на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Закрепление в законе процессуального порядка распределения дел является гарантией того, что такой порядок будет объективным и тот или иной руководитель не сможет влиять на распределение дел между судами и судьями с целью обеспечить определенный, нужный ему результат рассмотрения дела. Уголовно-процессуальное законодательство СССР предусматривало возможность вмешательства вышестоящих судов в вопросы распределения дел между судами. Такой порядок был признан неконституционным решением Конституционного Суда РФ. В Постановлении от 16 марта 1998 г. № 9-11 [6] было признано не соответствующим Конституции произвольное изменение подсудности уголовных дел во внепроцессуальной форме и в отсутствие прямо указанных в законе оснований и условий для этого. Данное требование в основном соблюдается. Вмешательство председателя вышестоящего суда в вопросы распределения дел между судами предусматривается лишь ст. 35 УПК РФ, когда все судьи нижестоящего суда подлежат отводу.

Проблемным остается механизм распределения дел между судьями в суде. Указанная норма Конституции требует, чтобы порядок определения не только суда, но и судьи был урегулирован законом, в данном случае Уголовно-процессуальным кодексом. Однако при регулировании процедуры направления дела в суд и подготовки уголовного дела к судебному заседанию данное требование Конституции было оставлено законодателем без внимания. Поскольку в действующем уголовно-процессуальном законе этот порядок не прописан, создается реальная возможность для произвольного решения данного вопроса председателем суда. Важность решения данной проблемы в свете принципа независимости судей уже отмечалась рядом ученых, в частности Н. Колоколовым [4], О. В. Макаровой [9] и др., но вопрос остается нерешенным. Следует заметить, что механизм распределения уголовных дел урегулирован и в подзаконных ведомственных актах. Так, в Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде (в редакции от 23 января 2007 г., с изменениями от

© А. В. Шигуров, 2009

21 мая 2007 г.), утвержденной Приказом Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации 29 апреля 2003 г., не обозначены правила распределения уголовных дел. Существующий пробел восполняется двумя способами. Наиболее распространена практика принятия председателем суда по каждому поступившему уголовному делу отдельного решения о распределении дела одному из судей. Оно отражено в надписи на сопроводительном письме либо в книге учета входящей информации, не обосновывается председателем и не может оспариваться участниками процесса, а следовательно, может приниматься с учетом личных, а также коррупционных интересов председателя суда.

Вместе с тем современная наука разработала ряд принципов распределения дел между судьями в многосоставных судах: предметный (предполагает учет специализации судей, способствуя профессиональному росту судьи в какой-либо сфере и повышению качества отправления правосудия), временной (рассчитанный на прием всех дел, поступивших за день, «дежурным» судьей), территориальный (зональный), смешанный и др.

Анализ зарубежного и международного опыта свидетельствует о том, что существование объективного, независимого от заинтересованных лиц, механизма распределения дел в многосоставных судах рассматривается как важная гарантия независимости судьи при отправлении правосудия. Так, в п. 14 «Основных принципов независимости судебных органов [11], принятых на седьмом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившем в Милане с 26 августа по 6 сентября 1985 г. и одобренных резолюцией 40/146 Генеральной ассамблеи ООН от 13 декабря 1985 г. подчеркивается, что «распределение дел между судьями в судах, к которым они относятся, является внутренним делом судебной администрации». В Рекомендации № R (94)12 «О независимости, эффективности и роли судей в отправлении правосудия» [13], принятой Комитетом министров государств — членов Совета Европы на основании ст. 15.b Устава Совета Европы, говорится, что «на распределение дел не должны влиять желания любой из сторон в деле или любые лица, заинтересованные в исходе этого дела». Такое распределение может производиться с помощью жеребьевки или системы автоматического распределения в алфавитном порядке или каким-либо аналогичным образом.

Европейский суд по правам человека также требует, чтобы способы распределения дел в конкретном суде были объективными, указывает на недопустимость произвольной и необоснованной передачи дел из одного судебного подразделения в другое, от одного судьи к другому [10]. Европейский суд рассматривает данные требования как обязательные гарантии разрешения спора беспристрастным судом.

Опыт зарубежных государств свидетельствует о возможности поручения функции распределения дел в многосоставных судах административным работникам суда. В США этой обязанностью наделен главный администратор суда (главный клерк). Он распределяет дела в соответствии с общепринятой политикой суда, как правило, в случайном порядке [12].

На основе обозначенных положений можно сделать ряд выводов.

Во-первых, ответом на данный вопрос должно стать внесение в УПК РФ норм, регулирующих: 1) правила (принципы) распределения дел между судьями в суде; 2) процессуальную форму решения о передаче дела конкретному судье для рассмотрения по существу; 3) должностных лиц, уполномоченных принять решение о передаче дела судье.

Во-вторых, механизм распределения дел между судьями в многосоставном суде должен исключать влияние на него любых заинтересованных лиц, в том числе председателя суда. Решением проблемы было бы введение автоматизированных систем делопроизводства в суде, которые бы не только вели учет поступивших в суд дел, но и по определенным, рассмотренным выше, принципам распределяли дела между судьями.

Второй проблемой реализации принципа осуществления правосудия только судом является отсутствие в Конституции РФ и иных нормативных актах определения понятия правосудия. С нашей точки зрения, это существенно уменьшает гарантирующее значение рассматриваемого принципа. В настоящее время в научной литературе можно выделить два подхода к пониманию термина «правосудие». Группа авторов, среди которых А. П. Гуськова, считает, что правосудие является единственной формой реализации судебной власти, а следовательно, включает в себя все виды судебной деятельности, связанные с осуществлением судебной власти [1]. Более обоснованна, на наш взгляд, другая точка зрения, в соответствии с которой под правосудием по уголовным делам понимается деятельность суда по рассмотрению дел в условиях судебного заседания и их разрешению по существу с принятием соответствующих решений. Подобных взглядов придерживаются М. С. Строгович, З. З. Зинатуллин и др. [2; 14]. Такое понимание правосудия закрепляется и в решениях Конституционного Суда Россий-

ской Федерации. В Постановлении от 25 января 2001 г. № 1-П указывается: «...под осуществлением правосудия понимается не все судопроизводство, а лишь та его часть, которая заключается в принятии актов судебной власти по разрешению подведомственных суду дел, т. е. судебных актов, разрешающих дело по существу» [7].

При анализе понимания термина «правосудие» необходимо учитывать, что принцип осуществления правосудия только судом означает: данный вид деятельности может осуществлять только суд. Включение в понятие «правосудие» деятельности суда по проверке по жалобам участников процесса законности и обоснованности решений должностных лиц органов предварительного расследования, деятельности по выявлению обстоятельств, препятствующих назначению судебного заседания, и т. п. приводит к неправильному выводу, что описанный принцип запрещает осуществление данных видов деятельности иными участниками процесса. Общеизвестно, что на досудебных стадиях прокурор вправе проверять и законность, и обоснованность решений следователя, выявлять и устранять препятствия для назначения судебного заседания. Таким образом, данные виды деятельности, не связанные с разрешением дела по существу, нельзя отнести к правосудию. Следовательно, понимание термина как единственной формы реализации судебной власти представляется нам слишком широким, не соответствующим Конституции.

Однако, и первый, и второй подходы к пониманию термина «правосудие» обладают общим недостатком — не позволяют определить содержание правосудия, предмет данной деятельности суда. Для раскрытия этих понятий необходимым анализ процессуального законодательства, которое закрепляет подведомственность и подсудность конкретных дел. Это свидетельствует о том, что принцип осуществления правосудия только не может гарантировать, что разрешение уголовных, гражданских и других категорий дел будет относиться к компетенции судебных органов. Иными словами, если законодатель пожелает внести изменения в процессуальный кодекс и передать выполняемые судом полномочия по разрешению дел другому органу, принцип осуществления правосудия только судом, закрепленный в ст. 118 Конституции РФ, не будет этому препятствовать. В сочетании со ст. 49 основного кодекса, диктующей принцип презумпции невиновности, он гарантирует, что уголовные дела будут рассматриваться только судом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Гуськова А. П.** УПК РФ — новое содержание, новая процессуальная форма / А. П. Гуськова // Вести. Оренбург. гос. ун-та. — № 3. — С. 4—8.

2. **Зинатуллин З. З.** Уголовно-процессуальные функции : учеб. пособие / З. З. Зинатуллин, Т. З. Зинатуллин. — Ижевск : Детектив-информ, 2002. — С. 168.

3. Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде : утв. Приказом Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29 апреля 2003 г. № 36 (в ред. Приказов Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 01.08.2005 № 85, от 27.12.2006 № 146, от 23.01.2007 № 6, с изм., внесенными Решением Верховного Суда от 21.05.2007 № ГКПИ 06-1601 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.starorussky.nvg.sudrf.ru/modules. — Загл. с экрана.

4. **Колоколов Н. А.** Распределение, перераспределение дел в многосоставных судах / Н. А. Колоколов // ЭЖ-Юрист. — 2007. — № 13. — С. 14–16.

5. Конституционный суд Российской Федерации. Постановление от 28.11.96 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края // Рос. газ. — 1996. — 6 дек.

6. Конституционный суд Российской Федерации. Постановление 16.03.98 № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан // Рос. газ. — 1998. — 25 марта.

7. Конституционный суд российской Федерации. Постановление от 25 января 2001 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положения пункта d статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Ферации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Камянова и Н. В. Труханова [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.akdi.ru/ks/post/91/htm. — Загл. с экрана.

8. Конституция Российской Федерации. Принята 12 декабря 1993 года // Рос. газ. — 1993. — 25 дек.

9. **Макарова О. В.** Некоторые проблемы укрепления гарантий независимости судей / О. В. Макарова // Журн. рос. права. — 2008. — № 5. — С. 25–27.

10. Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и праза на правосудие : информационное письмо ВАС РФ от 20.12.1999 № С1-7/СМП-1341 // Вести. ВАС РФ. — 2000. — № 2.

11. Основные принципы независимости судебных органов. Одобрены резолюциями Генеральной Ассамблеи 40/32 от 29 ноября 1985 г. и 40/146 от 13 декабря 1985 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.terralegis.org/terra/act/pij.htm. — Загл. с экрана.

12. **Прокудина Л. А.** Институт администраторов суда в США (история формирования и современный статус) / Л. А. Прокудина // Администратор суда. — 2007. — № 4. — С. 27—29.

13. Рекомендация № R (94)12 Комитета министерств государствам-членам о независимости, эффективности и роли судей. Принята комитетом министров 13 октября 1994 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.coe.int. — Загл. с экрана.

14. **Строгович А. И.** Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1 / М. С. Строгович. М. : Наука. 1968. — 470 с.

Поступила 30.09.09.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРЕКРАЩЕНИЕМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ЗА ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН

Е. И. Шигурова

В статье рассматриваются актуальные теоретические и практические проблемы реализации института прекращения уголовного дела за примирением сторон. Обосновывается необходимость введения в субъектах РФ специальной службы примирения.

Уголовное преследование — это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Оно является частью производства по уголовному делу, поэтому прекращение уголовного дела влечет за собой одновременно и прекращение уголовного преследования, в то время как допускается прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого без прекращения уголовного дела.

В процессуальном смысле исследуемый институт представляет собой достаточно объемное правовое явление, включающее конкретные основания для прекращения производства по делу, указанные в законе; процессуальный порядок, т. е. законодательно регламентированную процедуру, претворения норм института на практике; процессуальных субъектов; сроки осуществления конкретных процессуальных действий в рамках прекращения производства по делу; процессуальные документы как средства фиксации соблюдения уголовно-процессуальной формы, а также правовые последствия как результат прекращения производства по уголовному делу. За каждым из этих понятий стоит определенная группа уголовно-процессуальных норм, регламентирующих их возникновение и осуществление в уголовном судопроизводстве и в совокупности образующая институт уголовно-процессуального права.

Примирение лица, совершившего предусмотренное уголовным законом деяние, с потерпевшим можно считать разновидностью деятельного раскаяния — субъективного возвращения преступившего закон человека в «правовое поле». Примирение, во-первых, дает возможность разрешить конфликтную ситуацию между пострадавшим и лицом, совершившим преступное деяние, без дополнительных условий, с меньшими процессуальными и моральными затратами; во-вторых, способствует решению противоречий перепрессивными мерами, сглаживает их; в-третьих, гарантирует восстановление нарушенного права, компенсацию издержек, связанных с нанесением ущерба благам потерпевшего.

Под примирением принято понимать процессуальную деятельность обвиняемого и потерпевшего, направленную на преодоление последствий преступления. В ходе примирения, как правило, достигается взаимопонимание по

© Е. И. Шигурова, 2009

поводу происшедшего, причин, его вызвавших, и последствий для потерпевшего; разрабатывается и исполняется соглашение о возмещении вреда; разрабатываются и исполняются планы по изменению поведения участников конфликта. На мировых судей закон возлагает лишь обязанность разъяснить сторонам возможность и последствия примирения (ч. 5 ст. 319 Уголовно-процессуального кодекса) [4]. Для потерпевшего таким последствием является невозможность повторного обращения в суд с просьбой о привлечении обидчика к уголовной ответственности по данному эпизоду обвинения, а для подсудимого — прекращение дела по нереабилитирующему основанию, влекущему соответствующие правовые последствия, в том числе предъявление гражданского иска.

Поскольку примирение — двусторонний акт, для отказа в возбуждении уголовного дела или для его прекращения недостаточно желания потерпевшего примириться с обидчиком. Необходимо получить согласие на прекращение дела по этому основанию от лица, которое просили привлечь к уголовной ответственности. Раскаяние виновного и прощение его потерпевшим не являются обязательными условиями прекращения дела за примирением. Достаточным для принятия мировым судьей решения о прекращении дальнейшего производства по делу будет наличие формального заявления сторон о достижении примирения.

Поскольку речь идет о прекращении уголовного дела ввиду примирения потерпевшего (его законного представителя) с обвиняемым или подозреваемым в совершении преступления, лицо освобождается от уголовной ответственности после того, как вслед за возбуждением уголовного дела по нему проведены следственные действия, которыми установлены обстоятельства, входящие в предмет доказывания. К ним относятся: 1) подтверждающие совершение конкретным лицом (лицами) определенных деяний, за которые Уголовным кодексом предусмотрена уголовная ответственность [5]; 2) содержащие сведения о наличии оснований, условий и иных обстоятельств, которые согласно закону создают предпосылки к прекращению уголовного дела.

Практика применения института примирения показала, что он не получил ни положительных откликов у правоприменителей, ни должного распространения. Генеральный прокурор Российской Федерации в выступлении на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ 3 февраля 2006 г. в присутствии Президента выразил отношение и к прекращению уголовных дел следователями в целом. По его мнению, «новый УПК позволил в разы сократить количество прекращенных производством уголовных дел, на расследование которых напрасно тратились средства, время и людские ресурсы.

В 2001 году до принятия Кодекса по России было прекращено 348 тыс. уголовных дел, или практически каждое пятое. В 2005 году число прекращенных дел составило 88 тыс., или чуть больше 7 % от общего числа оконченных. В Республике Саха (Якутия), Нижегородской, Сахалинской, Ульяновской и ряде других областей этот показатель не превышает полтора-два процента» [1]. Между тем доля преступлений небольшой и средней тяжести составляет до 70 % от числа зарегистрированных преступлений и более 60 % — от числа дел, разрешенных судами. По статистическим данным МВД РФ за 2007 г., на досудебных стадиях за примирением сторон по ст. 25 УПК РФ [4] было прекращено следователями прокуратуры всего 529 уголовных дел, тогда как в суд направлены дела в отношении около 200 тыс. лиц. Применение ст. 25 УПК РФ составило примерно 0,3 %. У следователей МВД этот показатель составил 1,5 %. Даже дознавателями, расследующими преимущественно дела о преступлениях небольшой или средней тяжести, по этому основанию было прекращено всего 2 % уголовных дел от числа лиц, направленных в суд.

Несколько лучше складывается судебная практика, что подтверждается анализом общей характеристики судимости за 2008 г., опубликованной на сайте Судебного департамента РФ [3]. Из 1 233 000 лиц, в отношении которых дела были разрешены судами в 2008 г., 780 489 (63,3 %) были привлечены к уголовной ответственности за совершение преступлений небольшой и средней тяжести. Из них в отношении 262 900 лиц (33,7 %) дела были прекращены судом с применением ст. 25 УПК РФ. Это неплохой показатель, но наказания, назначаемые судами, косвенно свидетельствуют о том, что он мог бы быть существенно выше. Лишение свободы условно было назначено 419 800 лицам, штраф — 90 400; исправительные или обязательные работы — еще 49 900, т. е. в общей сложности еще в отношении 560 100 чел. можно было бы обсуждать вопрос о прекращении уголовного дела, используя процедуру примирения. Если учесть, что при назначении таких видов наказания интересы потерпевшего обеспечиваются в значительно меньшей степени, чем это могло бы быть при осуществлении его примирения с обвиняемым, то следует признать, что суды не полностью используют потенциал, заложенный в ст. 25 УПК РФ [4].

Опрос судей показал, что существуют определенные объективные трудности, препятствующие более активному использованию института примирения. Так, мировые судьи отметили, что

при их нагрузке, даже по делам частного обвинения, они не имеют времени для реальных действий, направленных на примирение сторон и вынуждены ограничиваться лишь формальным уведомлением о праве на примирение. Переговоры со сторонами длительны и требуют иной, психологической, подготовки.

Судьи районных судов отметили, что для дел публичного и частно-публичного обвинения Уголовно-процессуальный кодекс не предусматривает процедуры примирения, и подобная деятельность выходит за пределы полномочий судьи, создает для него дополнительные сложности при производстве по делу. Поэтому судье проще вынести обвинительный приговор, минимизировав наказание, чем организовывать и проводить какие-либо действия по реальному примирению сторон.

Все это вызывает необходимость разработки дополнительных механизмов, в первую очередь организационных, которые бы способствовали более активному использованию и совершенствованию института примирения в уголовном судопроизводстве. Самая приемлемая площадка для их отработки, на наш взгляд, — судопроизводство, осуществляемое мировыми судьями. Во-первых, подсудные им категории дел охватывают только преступления небольшой и средней тяжести. Во-вторых, примирение наиболее соответствует исторической и социально-правовой роли мировой юстиции. В-третьих, количество дел, рассматриваемых в настоящее время мировыми судьями, значительно превышает нормальную нагрузку. Предлагается создать в субъектах Федерации, при исполнительных органах, осуществляющих организационное обеспечение деятельности мировых судей, специальную службу примирения, в состав которой будут входить штатные и внештатные медиаторы. Для этого разработан и вынесен на обсуждение доктринальный проект Модельного закона субъектов Российской Федерации «О службе примирения», который создаст необходимые условия к внедрению примирительных процедур сначала в практику мировых судей. По мере отработки и совершенствования практику можно будет распространять и на районные суды, создавая новые институциональные структуры.

Подобный опыт, накопленный в странах Европы, получил положительную оценку и был рекомендован к распространению Комитетом Министров Совета Европы еще в 1999 г. (Рекомендация № R(99)19 от 15 сентября 1999 г.) [2]. Россия существенно отстает в признании и принятии института примирения как альтернативы при разрешении уголовно-правовых конфликтов. До настоящего времени нет ни официально признанной профессии медиатора, ни образовательных стандартов по их подготовке, ни соответствующих учебных заведений. Полагаем, что инициатива субъектов Федерации по созданию служб примирения могла бы послужить развитию и распространению института примирения в уголовном судопроизводстве и в целом развитию восстановительной юстиции как новой технологии урегулирования правовых конфликтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Владимира Устинова на расширенной коллегии Генеральной прокуратуры России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www/narcom.ru/publ/info/612. — Загл. с экрана.

2. Рекомендация № R(99)19 Комитета Министров государствам — членам, посвященная медиации в уголовных делах // Организация и проведение программ восстановленного правосудия. Методическое пособие / под ред. Л. М. Карнозовой и Р. Р. Максудова. — М. : МОО «Центр „Судебно-правовая реформа"», 2006. — С. 182—213.

3. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.cdep.ru. — Загл. с экрана.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : по состоянию на 1 декабря 2009 г. — М. : Кнорус, 2009. — 224 с. — (Законы и Кодексы).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации : по состоянию на 15 ноября 2009 года. — Новосибирск : Сиб. книж. изд-во, 2009. — 160 с.

Поступила 30.09.09.

РАССМОТРЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ КОЛЛЕГИАЛЬНЫМ СОСТАВОМ СУДА ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ КОДЕКСАМ СТРАН СНГ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Е. И. Фадеева

В статье проанализированы особенности уголовных дел коллективным составом суда по УПК РФ и УПК стран СНГ. В частности, исследуются вопросы формирования коллегиального состава суда, замены судьи, порядок вынесения итоговых и промежуточных решений коллегией суда по уголовному делу в суде первой, кассационной, надзорной инстанции и некоторые другие особенности рассмотрения уголовного дела данным составом суда по УПК РФ и УПК стран СНГ, на основании чего автор предлагает внести соответствующие изменения в УПК РФ.

Коллегиальный порядок рассмотрения уголовного дела обеспечивает привлечение к решению процессуальных задач повышенной сложности индивидуального мыслительного потенциала нескольких судей, что создает повышенные правовые гарантии от принятия незаконных и необоснованных властных решений. Рассмотрение уголовных дел коллегиальным составом суда предусматривается как УПК РФ, так и уголовно-процессуальными законодательствами государств СНГ. Вместе с тем порядок рассмотрения уголовных дел рассматриваемым составом, в частности вопросы формирования коллегиального состава суда, замены судьи, порядок вынесения итоговых и промежуточных решений коллегией судей по уголовному делу в суде первой, кассационной и надзорной инстанции, в различных государствах во многом различен.

УПК РФ [7] не предусматривает порядок формирования коллегиального состава суда, в нем отсутствуют нормы, диктующие, каким образом должно приниматься решение о возложении обязанностей председательствующего при коллегиальном рассмотрении уголовного дела, не разрешены вопросы о порядке назначения судьи-докладчика при рассмотрении уголовного дела в суде кассационной и надзорной инстанции. Вместе с тем Уголовно-процессуальные кодексы некоторых стран СНГ предусматривают не только порядок формирования коллегиального состава суда, но и порядок принятия уголовного дела к производству коллегией судей. Так, в ст. 299 УПК Республики Казахстан 1998 г. указано, что при поступлении уголовного дела председатель суда или другой судья по его поручению разрешает вопрос о принятии дела к производству в суде [2]. В УПК Республики Молдова 2003 г. закреплено, что поступившее в судебную инстанцию дело не позднее чем в трех-дневный срок распределяется резолюцией председателя судебной инстанции или его заместителя судье или, в зависимости от обстоятельств, составу суда в соответствии с установленным в начале года порядком распределения номеров дел судьям в алфавитном порядке их фамилий. Отступление от этого правила допускается лишь в случае резкого ухудшения здоровья судьи, которому выпал соответствующий номер дела, или же в связи с иными обоснованными причинами, которые должны быть изложены в мотивированном определении о передаче дела другому судье. Одновременно с распределением дела составу суда председатель судебной инстанции или его заместитель назначает председательствующего в судебном заседании из числа судей, входящих в состав суда (ст. 344) [6]. Уголовно-процессуальное законодательство Армении предусматривает порядок принятия уголовного дела к производству коллегией судей. Так, в соответствии со ст. 291 УПК Армении 1998 г. уголовное дело судьи в установленном порядке принимают к производству, о чем выносится постановление. В течение трех суток с момента принятия уголовного дела к производству суд обязан поставить в известность обвиняемого, его защитника, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей, направив им

© Е. И. Фадеева, 2009

памятку установленной формы, с разъяснением прав и обязанностей адресата, включая разъяснение порядка и сроков направления в суд ходатайств и заявлений [4].

Отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе РФ норм, предусматривающих порядок формирования коллегиального состава суда, возложения на одного из судей, входящих в состав коллегии, обязанностей председательствующего, на наш взгляд, не согласуется со ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в части рассмотрения уголовного дела судом, созданным на основании закона. Предлагаем дополнить УПК РФ главой 32.1 «Распределение поступившего в суд уголовного дела», разместив ее в разделе IX «Производство в суде первой инстанции»:

«Статья 226.1. Поступившее в суд уголовное дело не позднее чем в трехдневный срок распределяется председателем суда или лицом, исполняющим обязанности председателя суда в период временного отсутствия председателя суда, судье или в зависимости от обстоятельств, предусмотренных п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, коллегии из трех судей федерального суда общей юрисдикции.

Статья 226.2. При наличии обстоятельств, предусмотренных п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, одновременно с определением членов состава суда из их числа назначается председательствующий в судебном заседании.

Статья 226.3. Распределение поступившего в суд уголовного дела оформляется постановлением, в котором указываются:

1) дата и место вынесения постановления;

2) наименование суда, фамилия и инициалы судьи, вынесшего постановление;

3) дата поступления в суд уголовного дела;

4) фамилия, имя, отчество лица (лиц), привлекаемого (привлекаемых) к уголовной ответственности, дата и место его (их) рождения;

5) формулировка обвинения с указанием пункта, части, статьи Уголовного кодекса Российской Федерации;

6) фамилия, имя, отчество судьи, а при наличии обстоятельств, предусмотренных п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, — судей, которому (которым) распределяется уголовное дело для рассмотрения;

7) фамилия, имя, отчество председательствующего в судебном заседании при наличии обстоятельств, предусмотренных п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ».

Полагаем, что подобный порядок распределения уголовных дел должен быть предусмотрен и при поступлении кассационной и надзорной жалобы (представления) соответственно в суд кассационной или надзорной инстанции. При этом, на наш взгляд, при поступлении в суд надзорной инстанции надзорной жалобы (представления) председатель суда должен их передать сначала судье для предварительного рассмотрения, а в случае принятия последним решения о возбуждении надзорного производства и передаче жалобы или представления на рассмотрение суда надзорной инстанции — соответственно персонально определенному составу суда с назначением из их числа председательствующего.

Различно в УПК РФ и УПК стран СНГ регламентированы вопросы неизменности состава суда, рассматривающего уголовное дело. В частности, ст. 312 УПК Республики Казахстан предусматривает, что при невозможности одного из судей продолжать участвовать в судебном разбирательстве он заменяется другим судьей, а разбирательство дела начинается сначала. При этом ст. 313 закрепляет возможность назначения запасного судьи при коллегиальном рассмотрении дела, требующего продолжительного времени для его разбирательства, который присутствует в главном судебном разбирательстве с момента открытия судебного заседания или принятия судом решения о его участии и, в случае выбытия одного из судей, заменяет его. Разбирательство дела продолжается, однако запасной судья вправе требовать возобновления любых судебных действий. Положения о возможности участия при рассмотрении уголовного дела запасного судьи продиктованы ст. 289 УПК Республики Беларусь [5], ст. 309 УПК Азербайджанской Республики [1], ст. 31 УПК Республики Молдова [6]. Вместе с тем Уголовно-процессуальные кодексы данных государств также не требуют, чтобы в случае замены одного судьи другим, судебное разбирательство начиналось сначала.

Считаем, что предусмотренные указанными кодексами положения о продолжении судебного разбирательства в случае замены судьи (судей), входящих в состав коллегии, нарушают принцип непосредственности исследования доказательств, когда судья, вступивший в состав коллегии, непосредственно не воспринимал всего происходящего в судебном разбирательстве ранее, в связи с чем более правильными представляются положения ст. 242 УПК РФ, ст. 302 УПК Армении, согласно которым в случае замены одного судьи на другого судебное разбирательство начинается сначала. Вместе с тем в УПК РФ следует предусмотреть порядок замены судьи в случае невозможности продолжения его участия в рассмотрении уголовного дела (в случае смерти, временной нетрудоспособности, нахождения в командировке, избрания или перевода на иную должность, приостановления или прекращения полномочий судьи, отвода и т. д.). В частности, предлагаем дополнить ст. 242 частью третьей:

«3. Замена одного судьи другим производится председателем суда или лицом, исполняющим обязанности председателя суда в период временного отсутствия последнего, о чем выносится постановление, в котором указываются:

1) дата и место вынесения постановления;

2) наименование суда, фамилия и инициалы судьи, вынесшего постановление;

3) фамилия, имя, отчество лица (лиц), привлекаемого (привлекаемых) к уголовной ответственности, дата и место его (их) рождения;

4) формулировка обвинения с указанием пункта, части, статьи Уголовного кодекса Российской Федерации;

5) фамилия, имя, отчество судьи, не имеющего возможность продолжать участие в дальнейшем рассмотрении уголовного дела с обоснованием причин такой невозможности;

6) фамилия, имя и отчество судьи, заменяющего выбывшего судью».

Считаем важным остановиться на соотношении норм УПК РФ и УПК стран СНГ, регламентирующих статус председательствующего судебной коллегии. В соответствии с п. 26 ст. 5; ст. 243 УПК РФ председательствующим является судья, который руководит судебным заседанием, принимает меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон, обеспечивает соблюдение распорядка судебного заседания, разъясняет всем участникам судебного разбирательства их права и обязанности, порядок их осуществления, а также знакомит с регламентом судебного заседания. Ст. 260 УПК Украины 1960 г. предусматривает, что председательствующий руководит судебным заседанием, направляя судебное следствие на обеспечение осуществления сторонами своих прав, устраняет с судебного следствия все то, что не касается рассматриваемого дела, и обеспечивает надлежащий высокий уровень судебного процесса [8]. Полагаем, редакция УПК РФ в рассматриваемой части имеет преимущества, поскольку охватывает более обширный перечень прав, которыми наделен председательствующий, тогда как УПК Украины в ст. 260 не указывает, например, на обязанность председательствующего разъяснять участникам судебного заседания их права и обязанности, знакомить с регламентом судебного заседания. Также вызывает возражение закрепленное в УПК Украины положение о возложении на председательствующего обеспечения высокого уровня судебного процесса, что, по нашему мнению, не согласуется с принципом беспристрастности суда при рассмотрении уголовного дела.

По-разному регламентированы в УПК РФ и УПК стран СНГ вопросы о порядке принятия и закрепления коллегиальных решений суда, принятых в ходе судебного заседания. В соответствии с ч. 2 ст. 256 УПК РФ, ст. 273 УПК Украины, ст. 301 УПК Республики Беларусь при коллегиальном рассмотрении уголовного дела отдельные виды определений (например, об отводах, о назначении судебной экспертизы) выносятся в совещательной комнате и излагаются в виде отдельного процессуального документа, подписываемого судьями. Вместе с тем указанной статьей УПК РФ предусмотрено, что все иные определения по усмотрению суда выносятся в зале судебного заседания и подлежат занесению в протокол, тогда как УПК Украины и Республики Беларусь предусматривают, что все другие решения (за исключением предусмотренных законом) могут по усмотрению суда выноситься или путем вынесения определения в совещательной комнате, или после совещания судей на месте с занесением решения в протокол судебного заседания. Представляется, что и в УПК РФ следует предусмотреть возможность вынесения иных определений, не предусмотренных законом, не только в зале судебного заседания, но и по усмотрению суда в совещательной комнате, в связи с чем предлагаем последнее предложение ч. 2 ст. 256 УПК РФ изложить следующим образом: «Все иные определения или постановления по усмотрению суда выносятся или в совещательной комнате и излагаются в виде отдельного процессуального документа, подписываемого судьей или судьями, если уголовное дело рассматривается судом коллегиально, с указанием об этом в протоколе судебного заседания, или в зале судебного заседания с занесением принятого решения в протокол судебного заседания».

В случае вынесения судом определения на месте без удаления в совещательную комнату, протокол судебного заседания является своеобразной формой, в которую облекается вынесенное судом определение, которое согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ должно отвечать требованиям законности, обоснованности и мотивированности. Поэтому предлагаем в протоколе судебного заседания не только констатировать факт вынесения судом определения, вынесенного без удаления суда в совещательную комнату, но и отражать его содержание с указанием оснований и мотивов принятого решения (если решение суда содержало таковые), в связи с чем предлагаем п. 7 ч. 1 ст. 259 УПК РФ изложить в следующей редакции: «7) содержание определений или постановлений, вынесенных судом без удаления в совещательную комнату, с указанием оснований и мотивов вынесенного решения».

Считаем необходимым остановиться в сравнительном ключе на вопросах, связанных с порядком вынесения судьей, входящим в коллегию, особого мнения, по УПК РФ и УПК отдельных стран СНГ. В соответствии с ч. 5

ст. 301 УПК РФ судья, оставшийся при особом мнении по постановленному приговору, вправе письменно изложить его в совещательной комнате. В ст. 347.6 УПК Азербайджанской Республики предусмотрено положение о возможности судьи, оставшимся во время принятия решения при особом мнении, изложить его в письменном виде в срок до трех суток с момента провозглашения итогового судебного решения. Полагаем, что особое мнение может быть изложено в совещательной комнате только до момента выхода судей из совещательной комнаты. При этом недопустимыми считаем отзыв особого мнения судьи, внесение в него исправлений и дополнений после выхода суда из совещательной комнаты.

В соответствии с ч. 2 ст. 303 УПК РФ приговор должен быть подписан всеми судьями, в том числе судьей, оставшимся при особом мнении. На наш взгляд, данная норма не согласуется с принципом свободы оценки доказательств, в соответствии с которым судья оценивает доказательства по внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью (ст. 17 УПК РФ). Подписывая приговор, судья, выразивший несогласие с выводами большинства судей, вынужден поступиться внутренним убеждением. С целью устранения подобного противоречия представляется целесообразным указывать в приговоре на наличие особого мнения судьи. Так, в УПК Республики Беларусь 1999 г. предусмотрено, что судья, оставшийся при особом мнении, не подписывает приговор, о чем напротив его фамилии делается отметка: «Особое мнение». Предлагаем так же изложить второе предложение ч. 2 ст. 303 УПК РФ. Считаем, что при закреплении данной нормы в УПК РФ судьей, оставшимся при особом мнении, может быть подписан приговор без ущемления его обязанности принимать решение, руководствуясь внутренним убеждением.

Ч. 5 ст. 301 УПК РФ предусмотрено право судьи остаться при особом мнении только по постановленному приговору, тогда как, например, УПК Украины предусматривает такую возможность не только по результатам рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции (ст. 339), но и в суде апелляционной инстанции. Так, в ст. 379 данного кодекса закреплено, что судья апелляционного суда, оставшийся при постановлении приговора, вынесении определения или постановления при особом мнении, вправе изложить его в письменном виде в совещательной комнате. Этот документ не подлежит оглашению, но приобщается к делу. УПК Украины также предусматривает право судьи остаться при особом мнении в суде апелляционной инстанции. Ст. 380 УПК Кыргызской Республики 1999 г. предусматривает возможность выражения судьей особого мнения также в суде надзорной инстанции [3].

Считаем, что отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации норм о возможности выражения судьей, входящим в коллегию, особого мнения в суде кассационной и надзорной инстанции необоснованно ограничивает свободу выражения внутреннего судейского убеждения, в связи с чем необходимо внести изменения, предусматривающие возможность изложения судьей, входящим в состав коллегии суда кассационной или надзорной инстанции, особого мнения, а также предусмотреть порядок вынесения особого мнения на данных стадиях уголовного процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IГ) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.law.vl.ru/comments/show_law.php?law_id=12&law_name. — Загл. с экрана.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 г. № 206-1 (по состоянию на 7 апреля 2009 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/download.fwx?regnom=1272. — Загл. с экрана.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 года № 62 (в редакции Законов Кыргызской Республики от 22 июня 2001 года № 55, 28 июня 2001 года № 62, 4 августа 2001 года № 81, 20 марта 2002 года № 41, 16 октября 2002 года № 141, 13 марта 2003 года № 61) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.law.vl.ru/comments/show_law.php?law_id=12&law_name. — Загл. с экрана.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 года № ЗР-248 (в редакции Законов Республики Армения от 06.10.2001 г. № ЗР-215, 15.11.2001 г. № ЗР-242, 12.12.2001 г. № ЗР-263, 18.01.2005 № НО-57) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.base.spinform.ru/download.fwx?regnom=7160. — Загл. с экрана.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.base.spinform.ru/download.fwx?regnom=2002. — Загл. с экрана.

6. Уголовно процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г., № 122-XV [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://yurotdel.com/zakony/ugolovno-processualnyi-kodeks-respubliki-moldova.html. — Загл. с экрана.

7.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : по состоянию на 1 декабря 2009 г. — М. : Кнорус, 2009. — 224. — (Законы и Кодексы).

8. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 28 декабря 1960 года № 1001-V [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.law.vl.ru/comments/show_law.php?law_id=12&law_name. — Загл. с экрана.

Поступила 30.09.09.

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИРОДООХРАННЫХ ОРГАНОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

И. Н. Жочкина

Отсутствие четкого взаимодействия по вопросам организации экологического управления и контроля между центром и регионами на сегодняшний день является существенной проблемой, блокирующей деятельность государственных органов в этой сфере. Создание надежного и эффективного механизма, способного обеспечить сбалансированное решение экологических задач и проблем сохранения окружающей среды для удовлетворения жизненных потребностей населения, является основной задачей нашего государства. Именно при наличии четкой государственной политики в области экологии будут решены вопросы охраны окружающей среды и рационального природопользования.

Почти двадцать лет назад в нашей стране была организована первая самостоятельная служба по охране окружающей среды — Государственный комитет по охране окружающей природной среды. В настоящее время федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере изучения, использования, воспроизводства и охраны природных ресурсов, обеспечения промышленной и экологической безопасности, гидрометеорологии, мониторинга окружающей среды, является Министерство природных ресурсов и экологии РФ. Министерство осуществляет координацию и контроль деятельности подведомственных ему Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Росприроднадзора, Ростехнадзора, Федерального агентства водных ресурсов и Федерального агентства по недропользованию [6].

Согласно ст. 72 Конституции РФ «охрана окружающей среды»[1] природопользование и экологическая безопасность находится в совместном ведении РФ и ее субъектов. Полномочия, осуществляемые органами государственной власти субъектов РФ Российской Федерации по предметам совместного ведения, определяются прежде всего Конституцией РФ, федеральными законами, а также договорами о разграничении полномочий и соглашениями.

Следует отметить, что при всех достоинствах Федерального закона «Об охране окружающей среды» [9] он концептуально неверно делит объект контроля. Предполагается, что на одной и той же территории функционируют органы экологического контроля разных уровней — федеральные и региональные (в настоящее время законодателем исключен муниципальный экологический контроль [5]). Поскольку окружающая среда едина, такой подход представляется совершенно неприемлемым. Орган, осуществляющий экологический контроль (согласно Постановлению Правительства № 285 от 31 марта 2009 г. это геологический, водный, земельный и лесной контроль [7]), в рамках федеральной компетенции, региональной и муниципальной власти на территории одного региона должен быть единственным.

В настоящее время полномочия в сфере

---

[1] *Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».*

© И. Н. Жочкина, 2009

охраны окружающей среды и природопользования размыты и распределены между целым рядом органов: экологическим контролем и экологической экспертизой занимаются Ростехнадзор и Росприроднадзор, разработкой нормативно-правовых актов — Министерство природных ресурсов и экологии РФ и Ростехнадзор; функционированием особо охраняемых природных территорий — Росприроднадзор; животным миром (за исключением видов, занесенных в Красную Книгу РФ) — Министерство сельского хозяйства и продовольствия России; экологическим мониторингом — и Росприроднадзор, и Гидрометцентр. В итоге за охрану окружающей среды не отвечает никто. Необходимо создание единого государственного органа для решения экологических проблем, например Государственного комитета по экологии. В интервью с руководителями ряда служб указывается на возможность создания Национального агентства по охране окружающей среды. В научной литературе имеются предложения по созданию Федерального агентства по охране окружающей среды. Однако это приведет к созданию еще одного органа экологического управления, что вызовет дополнительные расходы, но причины совмещения и дублирования функций федеральных служб сохранятся [2].

Считаем, что новая структура должна подчиняться непосредственно Президенту либо Правительству и заниматься комплексом вопросов по охране окружающей среды и использованию природных ресурсов. Несомненно, следует возобновить деятельность экологических (природоохранных) фондов в рамках нового органа. В то же время новая организация должна быть управляющей независимой организацией, чтобы объективно отстаивать общественные и государственные интересы. Целостность как результат взаимосвязи и взаимодействия всех элементов и уровней обеспечивает устойчивость и качественную определенность системы [10]. При этом в настоящее время действующие и функционирующие федеральные службы должны остаться в неизменном виде, исключив лишь дублирование полномочий.

Предполагается, что в этом случае не теряется смысл ст. 65 Закона «Об охране окружающей среды» о запрещении совмещения функций государственного контроля в области охраны окружающей среды (государственного экологического контроля) и функций хозяйственного использования природных ресурсов.

В настоящее время происходит реорганизация всей системы природопользования и охраны окружающей среды. Начиная с 2004 г. в рамках проводимой административной реформы происходит перераспределение природоохранных полномочий между Российской Федерацией, ее субъектами и органами местного самоуправления. Реализация природоохранных полномочий направлена на сохранение и восстановление окружающей среды, ликвидацию негативного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду, сохранение благоприятной окружающей среды для проживания населения. В литературе справедливо отмечается, что система природоохранного регулирования России не отвечает требованиям, предъявляемым к таким системам в странах с развитой рыночной экономикой, и проигрывает им по факторам прозрачности и эффективности [3].

Все же попытка создания идеально встроенной и эффективно работающей управленческой вертикали была. Реформа должна была сформировать оптимальную структуру органов исполнительной власти, жесткое распределение функций между ними, отлаживание взаимодействия и т. д. Так, например, министерствам предписывалось вырабатывать политику государства, службам — осуществлять контрольно-надзорные полномочия, а федеральным агентствам — предоставлять от имени государства услуги, управлять имуществом, вести реестры [1].

Необходимо не только определить предметы ведения каждого органа, но и наладить межотраслевое сотрудничество, координировать деятельность всех природоохранных органов. Многие функции следует перераспределить, иногда даже ликвидировать, упразднить.

Так, например, в целях исключения дублирования полномочий издано Распоряжение Ростехнадзора от 29 июля 2009 г. № 46-рп [8], согласно которому контроль за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты за негативное воздействие на окружающую среду, за соблюдением лицензиатами лицензионных условий и требований по осуществлению деятельности по сбору, использованию, обезвреживанию, транспортировке, размещению отходов 1—4-го классов опасности остается за Ростехнадзором как за администратором платы. Контрольно-надзорные мероприятия по соблюдению экологических требований осуществляет Росприроднадзор, одновременно рассматривая дела об административных правонарушениях, выявленных органами Ростехнадзора. В итоге полномочия по осуществлению экологического контроля возлагаются на два органа. Здесь налицо нарушение норм ст. 3 ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»[2] о недопустимости проводимых в отношении одного юридического лица или одного

[2] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

индивидуального предпринимателя несколькими органами государственного контроля проверок исполнения аналогичных обязательных требований, в данном случае экологических. Целесообразнее передать экологический контроль полностью в компетенцию Росприроднадзора, а за Ростехнадзором закрепить промышленную и экологическую безопасность.

Создание надежного и эффективного механизма, способного обеспечить сбалансированное решение экологических задач и проблем сохранения окружающей среды для удовлетворения жизненных потребностей населения, является основной задачей управления природоохранной деятельностью.

Соглашаясь с тем, что местный уровень власти, находящийся в непосредственной близости к региональным проблемам, способен максимально приблизить предпринимаемые меры по рациональному природопользованию и повышению качества окружающей среды к особенностям того или иного региона, необходимо помнить, что именно центр определяет политику в области управления природопользованием. Для этого требуется четкое определение компетенции природоохранных органов по схеме, где «управление» принадлежит региональным властям, а «контроль и надзор» — прерогатива федеральных органов и органов прокуратуры. При этом органы прокуратуры не должны подменять специальные природоохранные.

Отсутствие четкого взаимодействия по вопросам организации экологического управления и контроля между центром и регионами сегодня также является существенной проблемой, блокирующей деятельность государственных органов.

Еще в 2005 г. на заседании Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по природным ресурсам и природопользованию было рекомендовано предоставить возможность субъектам РФ и Российской Федерации решать вопросы взаимоотношений в области охраны окружающей среды путем передачи полномочий друг другу исходя из финансовых и административных возможностей конкретного региона, что позволило бы обеспечить индивидуальный подход к разграничению полномочий в этой области.

Данная проблема в течение нескольких последних лет не находит решения во многих регионах, в том числе в Республике Мордовия. Предложения о взаимодействии по вопросам разрешительной и контрольно-надзорной деятельности в сфере охраны окружающей среды и списки юридических лиц, имеющих объекты негативного воздействия, подлежащие федеральному и региональному контролю, остаются нерассмотренными. Данный вопрос теряет свое юридическое значение в связи с принятием Постановления Правительства РФ от 31 марта 2009 г. № 285, которое определило перечень объектов хозяйственной деятельности, находящихся в ведении Российской Федерации в соответствии со ст. 71 Конституции РФ [7].

Для реализации нормы ст. 72 Конституции РФ недостаточно только принятия нормативно-правового акта, устанавливающего критерии разграничения объектов. Требуется взаимодействие и слаженная работа, что может выражаться в заключении соответствующих соглашений. Соблюдение условий контролируется федеральными органами исполнительной власти, которые несут ответственность за ненадлежащее исполнение переданных полномочий. От скорости и качества завершения согласительных процедур будут зависеть действенность и эффективность государственного контроля и управления в сфере охраны окружающей среды на территории каждого региона.

Так, в Республике Мордовия с 2005 г. создано и действует Министерство природных ресурсов, которое осуществляет государственное регулирование в области изучения, воспроизводства, использования и охраны недр, земельных и лесных ресурсов, животного мира и охраны окружающей среды в пределах компетенции [4]. В настоящее время в МПР РМ на согласовании находится проект Соглашения о взаимодействии с Управлением Росприроднадзора по РМ, определяющее организацию совместных действий указанных органов в части составления единой системы учета объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду; осуществления государственного экологического контроля; исполнения переданных отдельных полномочий РФ в области водных отношений, охраны и использования объектов животного мира. Документ разработан в целях реализации Указа Президента РФ от 02 июля 2005 г. № 773 «Вопросы взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ и территориальных органов исполнительной власти» [11], Постановления Правительства РФ от 5 декабря 2005 г. № 725 «О взаимодействии и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти» [12]. Открытым остается вопрос о том, кто будет координировать заключение такого рода соглашений, какой механизм урегулирования спорных вопросов.

Согласно вышеупомянутому Постановлению № 725 разногласия между территориальными органами и органами исполнительной власти субъектов РФ по вопросам взаимодействия и координации их деятельности разрешаются руко-

водителем федерального органа исполнительной власти, в подчинении которого находится территориальный орган, либо путем проведения согласительных процедур. Однако практически эту процедуру достаточно сложно реализовать. Возникает вопрос, каков же предел этих полномочий.

Возможно, есть необходимость создания Независимого координационного совета при Правительстве Республики Мордовия с законными представителями указанных органов, в рамках которого решались бы все вопросы с участием общественности.

Многие субъекты Российской Федерации, например Татарстан и Башкортостан, уже заняли активную позицию в правовом оформлении государственной политики в области природопользования и охраны окружающей среды. Отметим, что правовой базы по охране окружающей среды в Республике Мордовия пока нет. Таким образом, Республика Мордовия может развивать концептуальные положения в области обеспечения экологически безопасного устойчивого развития только в рамках федеральной экологической политики и федеральной нормативно-правовой базы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Библиотечка Российской газеты. Выпуск 7. Новый этап реформы управления : совершенствование разграничения полномочий. — М. : Наука, 2006. — 290 с.

2. **Васильева М. И.** О совершенствовании системы и структуры органов экологического управления (к предложениям о создании федерального агентства по охране окружающей среды) / М. И. Васильева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http: // www.garant.ru. — Загл. с экрана.

3. **Власов В. А.** Государственное управление в сфере охраны окружающей среды и природопользования : вопросы теории и практики : дис ... канд. юрид. наук / В. А. Власов. — Екатеринбург, 2007. — 265 с.

4. Вопросы Министерства природных ресурсов Республики Мордовия : Постановление Правительства Республики Мордовия от 01.09.05 № 344 // Изв. Мордовии. — 2005. — 9 сент.

5. О внесении изменения в статью 64 Федерального закона «Об охране окружающей среды» : Федеральный закон от 24 июня 2008 г. № 93-ФЗ // СЗ РФ. — 2008. — № 26. — Ст. 3012.

6. О Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 29.05.2008 г. № 404 // СЗ РФ. — 2008. — № 22. — Ст. 2581.

7. О перечне объектов, подлежащих федеральному экологическому контролю : Постановление Правительства РФ от 31.03.2009 г. № 285 // СЗ РФ. — 2009. — № 14. — Ст. 1668.

8. Об исключении дублирования полномочий территориальными органонами Ростехнадзора полномочий территориальных органов Росприроднадзора при проведении мероприятий по контролю : Распоряжение Ростехнадзора от 23.07.09 № 46-рп // Экология производства. — 2009. — № 8.

9. Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10.01.2002 №7-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 2. — Ст. 133.

10. **Радченко А. И.** Основы государственного и муниципального управления : системный подход : учебник / А. И. Радченко. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Март, 2007. — 608 с.

11. Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 27. — Ст. 2730.

12. Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 50. — Ст. 5311.

Поступила 30.09.09.

КОНЦЕПЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ И ЮРИСПРУДЕНЦИИ

В. Г. Абрамов

В статье автор исследует экологическое правонарушение как правовой институт. Сущность понятия раскрывается в трех аспектах. По мнению автора, исследуемое понятие имеет фактический, материальный, формальный (юридический) признаки. В качестве предмета правонарушения автор видит окружающую среду.

Термин «экологическое правонарушение», прочно вошедший в лексикон науки экологического права, получил легальное закрепление в ст. 42 Конституции Российской Федерации. Данное обстоятельство предопределяет актуальность детального изучения сущности и природы экологического правонарушения как комплексной категории, объединяющей в содержании наиболее типичные и существенные признаки разнообразных вариантов противоправного поведения, совершающегося в сфере взаимодействия общества и природы.

Социальная значимость указанной проблемы усиливается состоянием окружающей среды во многих регионах, которое вызывает большую тревогу. Как было отмечено в Экологической доктрине Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г., условия в местах жительства практически половины населения страны не соответствуют критериям благоприятного состояния среды обитания: в течение нескольких последних лет среднегодовые уровни загрязнения ее компонентов превышали нормативы предельно допустимых концентраций вредных веществ. «Дальнейшая деградация природных систем ведет к дестабилизации биосферы, утрате ее целостности и способности поддерживать качества окружающей среды, необходимые для жизни» [12].

Резко возросла степень вредоносности последствий негативного воздействия на отношения в сфере взаимодействия общества и природы. Усложнился характер причиняемого вреда: его объективное проявление стало более многогранным. В некоторых случаях материальные последствия нарушения законодательства в области охраны окружающей среды физически могут наступить по прошествии достаточно длительного времени и за пределами той территории, где было совершено противоправное деяние, что свидетельствует об их межрегиональной или даже трансграничной природе. Плюс к этому нежелательные изменения в качественном состоянии среды способны отрицательное сказаться на иных охраняемых законом благах, интересах, в том числе обладающих повышенной социальной ценностью (на жизни и здоровье людей).

Как представляется, в основе упомянутого исследования должна лежать определенная концепция. Вполне очевидно, что в первую очередь нуждается в некотором разъяснении содержание термина «концепция» (от лат. conceptio — «понимание, система»). Им чаще всего обозначается система взглядов, тот или иной способ понимания, трактовки какого-либо предмета, явления, основная точка зрения на данный предмет или явление [7, с. 293]. Следовательно, концепция экологического правонарушения представляет собой определенный способ его трактовки, формирующий основополагающую точку зрения на существо изучаемого понятия. Данный способ, естественно, базируется на системе взглядов и представлений о природе этого понятия.

Выступая в роли объекта научного анализа, экологическое правонарушение характеризуется сложностью и многогранностью внутреннего содержания. Подобное обстоятельство обусловливает существование различных форм его внешнего проявления, представляющих в виде своеобразных форм его бытия. Во-первых, объективное выражение экологическое правонарушение находит в статическом и динамическом состояниях. Во-вторых, в статическом состоянии можно выделить следующие аспекты: а) теоретические (доктринальные) положения учения об экологическом правонарушении; б) нормативные (легальные) его конструкции. В первом из этих случаев оно предстает как *научное понятие* и выражается в виде базовых, основополагающих постулатов, образующих сердцевину отмеченного учения, а в совокупности — соот-

© В. Г. Абрамов, 2009

ветствующую доктрину. Таким образом, вполне обоснованно выделение **доктринального (теоретического) аспекта** рассматриваемой категории. Вторая форма объективного выражения экологического правонарушения характеризует его как *правовой институт*, состоящий из норм, в которых сформулированы составы преступлений и проступков, совершающихся в сфере взаимодействия общества и природы. Это позволяет говорить о его **легальном (нормативном) аспекте**. Динамическое же состояние предполагает реальное, фактическое проявление в объективной действительности и тем самым свидетельствует о его **практическом аспекте**. Оно характеризует экологическое правонарушение как *социальное явление* — конкретное противоправное деяние.

Рассматриваемое в означенном контексте, экологическое правонарушение представляет собой многогранное понятие, структурные элементы которого отличаются четкой иерархией и одновременно диалектическим единством. Так, постулаты правовой доктрины служат своеобразным теоретическим фундаментом для конструирования составов конкретных противоправных деяний. В свою очередь совокупность признаков, закрепленных в правовой норме, определяет динамическое состояние экологического правонарушения. В этом случае оно выступает как юридический факт — определенное фактическое обстоятельство, с наличием которого нормы права связывают наступление юридически значимых последствий.

Вместе с тем во взаимодействии элементов данной структуры наличест-вует не только прямая, но и обратная связь. Это процесс объективный, поскольку практический аспект экологического правонарушения способен оказывать воздействие на отдельные доктринальные положения, что, естественно, требует уточнения формулировок тех или иных нормативных конструкций либо разработки новых их вариантов.

В наиболее общем понимании экологическое правонарушение есть нарушение экологических прав, интересов субъектов. Социальная экология (от лат. socialis — «общественный» и греч. oikos — «дом, среда обитания»; logos — «слово, учение») как раздел общей экологии представляет собой науку о месте проживания человека, систему знаний о закономерностях взаимодействия общества с окружающей средой [2, с. 363]. Таким образом, термин «экология» целесообразно употреблять в значении учения, специфической области знаний (аналогичная точка зрения уже высказывалась в науке экологического права [1, с. 55]). Использование их в каком-либо ином контексте допустимо с известной долей условности. Следовательно, экологическое правонарушение предстает в виде теоретического понятия, область применения которого должна ограничиваться соответствующей доктриной.

Основы современной доктрины экологического правонарушения определяет совокупность признаков, составляющих содержание его понятия:

1) любой проступок или преступление проявляется в реальной действительности как акт поведения — *деяние* (действие либо бездействие). Это есть **фактический** признак анализируемого понятия;

2) данное деяние *вредоносное*, причиняющее (способное причинить) вред социальным отношениям, личным и (или) общественным интересам в сфере взаимодействия общества и природы. Данное свойство, воплощая характеристику социальной сущности экологического правонарушения, выступает в виде его **материального признака**;

3) это всегда *виновное* деяние;

4) данное деяние *противоправное*, т. е. запрещенное правовыми нормами под угрозой применения мер юридической ответственности. Это **формальный (юридический)** признак рассматриваемого понятия [9, с. 477—478]. Образуя целостную структуру, означенные признаки свидетельствуют о комплексном характере экологического правонарушения как правового института.

Экологическая направленность противоправного поведения определяется сочетанием ряда факторов:

а) посягательством на специфический объект — *отношения, интересы в сфере взаимодействия общества и природы*, которые проявляются в объективной действительности как устойчивая система социальных связей субъектов, возникающих на основе их стремления к сохранению и восстановлению благоприятного качественного состояния окружающей среды [4, с. 58; 6, с. 219; 10, с. 375];

б) причинением *вреда окружающей среде* (отдельным ее составляющим), а посредством этого — жизни или здоровью человека, имуществу физических, юридических лиц, государства, муниципальных образований; либо существованием реальной угрозы наступления такого вреда. Именно факт наличия вреда для окружающей среды или существования угрозы его наступления как объективное проявление неблагоприятных последствий запрещаемого нормами права деяния говорит о совершении экологического правонарушения (правонарушения в области охраны окружающей среды) [8, с. 271].

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» важнейшей составляющей последней называет природную среду (природу), которую образует совокупность отдельных ее ком-

понентов, а также природных и природно-антропогенных объектов. Другой элемент — антропогенные объекты: материальные блага, созданные людьми для обеспечения социальных потребностей и не обладающие естественными природными свойствами [5]. Подобное понимание окружающей среды позволяет выделить в ее содержании природную и социальную составляющие. (Аналогичная трактовка ее сущности в течение достаточно длительного времени остается господствующей в правовых системах многих зарубежных государств.)

Окружающая среда предстает своеобразным интегрированным предметом экологического правонарушения. Такой вывод логически обусловлен следующим обстоятельством. Различные ее элементы находятся в органической взаимосвязи и постоянном взаимодействии, образуя систему. Причинение вреда одной из ее частей неизбежно отражается на состоянии системы в целом. Отсюда вполне очевидно, что вред, причиняемый какому-либо компоненту природной среды, природному, природно-антропогенному или антропогенному объекту, правомерно рассматривать как форму проявления вреда для окружающей среды.

В результате количественных и качественных потерь в среде обитания человека происходят негативные изменения показателей, обусловливающих благоприятное состояние природной среды, что может, как отмечалось, оказать отрицательное влияние на жизнь и здоровье людей, имущество физических, юридических лиц, государства, муниципальных образований. Поэтому указанные блага также берутся под охрану эколого-правовыми нормами (нормами экологического права). Следовательно, в содержании вреда как совокупности неблагоприятных последствий запрещаемого данными нормами поведения необходимо выделять вред первичного и вторичного происхождения [8, с. 332]. Применительно к рассматриваемой разновидности противоправных деяний вред жизни, здоровью и имуществу будет иметь производную природу, поскольку он порожден причинением вреда окружающей среде.

Именно в посягательстве на специфическую область социальных отношений, личных и общественных интересов, а также в наступлении негативных последствий определенного характера и содержания заключается вредоносность таких деяний. Ее наиболее высокая степень свидетельствует об общественной опасности поведения, которая присуща исключительно преступлениям [3, с. 135, 156; 11, с. 152—153]. Опасность посягательств на интересы, отношения, возникающие и функционирующие в сфере взаимодействия общества и природы, заключается в нанесении им достаточно серьезного вреда — нарушающего условия их существования и содержащего угрозу уничтожения соответствующей системы социальных связей, интересов субъектов.

Анализ конструкций составов правонарушений в области охраны окружающей среды позволяет сделать однозначный вывод: их общественную опасность определяет, главным образом, факт наличия вреда для жизни или здоровья человека либо существования реальной угрозы его наступления. В свою очередь последствия такого рода возможны только в результате причинения ущерба природной среде (отдельным ее компонентам), а психическое отношение к ним субъекта «экологически значимого» противоправного поведения предполагает исключительно неосторожную форму его вины. Данная позиция представляется единственно верной, поскольку *умышленное причинение вреда охраняемым эколого-правовыми нормами интересам, которые характеризуются повышенной социальной ценностью, не охватывается содержанием понятия экологического правонарушения* и выходит за его рамки, требуя дополнительной юридической оценки таких последствий.

Приведенные положения образуют ядро современной концепции экологического правонарушения. Одновременно они обусловливают формулирование определения, в котором в концентрированном виде отражались бы базовые постулаты соответствующей доктрины. Оно должно фиксировать все необходимые признаки, составляющие содержание анализируемого понятия, выделяя при этом его отличительные свойства и специфику. В данном контексте представляется рациональным следующее теоретическое определение экологического правонарушения: это есть **запрещенное правовыми нормами под угрозой применения мер юридической ответственности виновное деяние, посягающее на отношения в сфере взаимодействия общества и природы и причиняющее вред окружающей среде, а посредством этого — жизни или здоровью человека, имуществу субъектов либо содержащее реальную угрозу причинения такого вреда.**

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Бринчук М. М.** Экологическое право (право окружающей среды) : учеб. для высш. юрид. учеб. заведений / М. М. Бринчук. — М. : Юристъ, 1999. — 688 с.

2. **Дедю И. И.** Экологический энциклопедический словарь / И. И. Дедю. — Кишинев : Гл. ред. МСЭ, 1989. — 408 с.

3. Курс уголовного права. В 5 т. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. — 624 с.

4. **Малеин Н. С.** Правонарушение : Понятие, причины, ответственность / Н. С. Малеин. — М. : Юрид. лит., 1985. — 192 с.

5. Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 2. — Ст. 133.

6. Общая теория государства и права : акад. курс. В 3 т. Т. 3 / отв. ред. М. Н. Марченко. — М. : Зерцало—М, 2001. — 528 с.

7. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; 4-е изд., доп. РАН. Ин-т рус. яз. — М. : Азбуковник, 1999. — 944 с.

8. **Петров В. В.** Экологическое право России : учеб. для вузов / В. В. Петров. — М. : БЕК, 1995. — 557 с.

9. Проблемы общей теории права и государства : учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. — М. : НОРМА, 2002. — 832 с.

10. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М. Н. Марченко. — М. : Юристъ, 2002. — 656 с.

11. **Шемшученко Ю. С.** Правовые проблемы экологии / Ю. С. Шемшученко. — Киев : Наук. думка, 1989. — 232 с.

12. Экологическая доктрина Российской Федерации : распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р // СЗ РФ. — 2002. — № 36. — Ст. 3510.

Поступила 19.11.05.

НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Ю. А. Крылова

Статья посвящена проблемам обособления некоммерческих организаций в системе юридических лиц. Особое значение данная проблематика приобретает в рамках разворачивающейся реформы законодательства, где вопросы системы юридических лиц имеют первостепенное значение.

Законодательное разграничение юридических лиц на коммерческие и некоммерческие, проведенное в Гражданском кодексе Российской Федерации, имеет большое практическое значение. Пробелы и противоречия в правовом регулировании приводят к тому, что нередко некоммерческие организации, не меняя гражданско-правового статуса, превращаются в чисто коммерческие структуры. Забыв об основном предназначении, а именно о необходимости достижения социально полезной цели, они направляют все усилия исключительно на получение прибыли, которая в дальнейшем идет далеко не на уставные цели, а трансформируется в доход учредителей. Такая тенденция характерна для современной российской действительности, что вносит дисбаланс в общественные отношения. Для предотвращения этого негативного процесса требуется оптимальное соотношение между заинтересованностью гражданского оборота в обеспечении определенного уровня защиты прав и законных интересов кредиторов и членов некоммерческих организаций и правовым обеспечением полноправной деятельности некоммерческой организации, предусматривающей в некоторых случаях ее участие в коммерческом обороте.

Действующее законодательство (ст. 50 ГК РФ) определяет коммерческие юридические лица как организации, преследующие извле-

© Ю. А. Крылова, 2009

пис прибыли в качестве основной цели деятельности, а под некоммерческими юридическими лицами — организации, где извлечение прибыли не является основной целью деятельности и полученная прибыль не распределяется между участниками [9]. Как видно из законодательного определения некоммерческой организации, оно основано не на характеристике свойств данной категории юридических лиц, а на отрицательном сопоставлении с коммерческими организациями.

Указанное деление согласуется с формулировкой, данной в ст. 2 ФЗ «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ [13]. При этом, принимая за критерий разграничения характер основной деятельности, законодатель исходит из необходимости одновременного наличия у некоммерческих организаций обоих отличительных признаков: запрета на извлечение прибыли в качестве основной цели деятельности, а также запрета на распределение прибыли между участниками. Однако до сих пор эффективный контроль над соответствием предпринимательской деятельности некоммерческой организации вышеуказанным ограничениям отсутствует, а негативные последствия для организаций, нарушающих, по сути, эти формальные ограничения, не наступают.

Необходимо отметить, что в некоторых случаях законодатель смешивает функции коммерческих и некоммерческих организаций, что приводит к размыванию этого основополагающего деления юридических лиц. Оно, например, прослеживается в п. 2 ст. 11 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [14], который допускает функционирование фондовых бирж в форме либо некоммерческих партнерств, либо акционерных обществ и тем самым, по сути, уравнивает некоммерческие и коммерческие организации в качестве участников рынка. В Федеральном законе от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» [15] указано, что сельскохозяйственный кооператив может быть либо производственным, либо потребительским. Согласно ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ» [16] физкультурно-спортивные организации могут создаваться в форме как коммерческих, так и некоммерческих организаций. Какими критериями должны руководствоваться учредители, выбирая ту или иную организационно-правовую форму юридического лица, неясно.

Еще более сложная ситуация складывается с такой организационно-правовой формой некоммерческой организации (далее по тексту НКО), как государственная корпорация. Впервые о ней упоминается в Законе «О некоммерческих организациях» еще в 1999 г. Ст. 7.1 действующего закона определяет государственную корпорацию как не имеющую членства некоммерческую организацию, учрежденную Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданную для осуществления социальных, управленческих и иных общественно полезных функций [13]. Правила в отношении осуществления государственной корпорацией предпринимательской деятельности точно совпадают с другими организационно-правовыми формами НКО и основаны на ст. 24 Закона «О некоммерческих организациях», согласно которой государственная корпорация может осуществлять предпринимательскую деятельность, так как это служит достижению целей, ради которых госкорпорация создана. Однако цели государственной корпорации, определенные в специальных федеральных законах, отличаются от общей формулировки, закрепленной в п. 1 ст. 7.1 Закона «О некоммерческих организациях», где сказано, что данный вид некоммерческой организации создается для осуществления социальных, управленческих, и иных общественно полезных целей. Так, например, ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 17 мая 2007 г. № 82 «О банке развития» [12] устанавливает, что Внешэкономбанк действует «в целях обеспечения повышения конкурентоспособности экономики Российской Федерации, ее диверсификации, стимулирования инвестиционной деятельности путем осуществления инвестиционной, внешнеэкономической, страховой, консультационной и иной предусмотренной настоящим законом деятельности...». Из приведенной в качестве примера нормы видно, что корпорации, действующие в определенном секторе экономики, могут осуществлять ту же деятельность, что и коммерческие организации. Об этом свидетельствует и перечень функций банковских операций Внешэкономбанка, закрепленный в ч. 3 и 4 ст. 3 указанного закона, который не оставляет никаких сомнений относительно квалификации основной деятельности корпорации в качестве предпринимательской. На абсурдность сложившейся ситуации указывают и многие известные ученые-цивилисты [7].

Таким образом, анализируя нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность некоммерческих юридических лиц, можно сделать вывод о необходимости выработки четкого концептуального подхода к формированию системы некоммерческих организаций, который необходимо проводить одновременно с совершенствованием законодательства о коммерческих юридических лицах [5, с. 21].

Первый критерий, лежащий в основе деления всех юридических лиц на коммерческие и некоммерческие в российском гражданском за-

конодательстве, — направленность основной цели организации. В настоящее время в гражданском праве идет жесткая дискуссия по поводу эффективности применения данного критерия на практике. Так, О. Н. Кашковский пишет о том, «что такой критерий, как основная цель деятельности, не может быть признан пригодным для разграничения коммерческих и некоммерческих организаций» [8, с. 20]. В. И. Андреев отмечает: «При таком подходе оказывается, что деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации не имеет практического значения. Нередко некоммерческие организации осуществляют целиком предпринимательскую деятельность, не отвечая по правилам п. 3 ст. 401 ГК... Гражданский закон не позволяет создание иных организационно-правовых форм юридического лица как коммерческой организации, хотя и разрешает некоммерческим организациям заниматься предпринимательской деятельностью, ставя тем самым под сомнение и в теоретическом плане само деление на коммерческие и некоммерческие организации» [2, с. 72].

Гражданское законодательство не определяет понятие «основная цель деятельности» некоммерческой организации и не содержит признаков, с помощью которых можно было бы отделить «основное» от «неосновного». Более того, для некоторых видов некоммерческих организаций законом предусмотрены цели, близкие к целям коммерческих организаций, например: потребительский кооператив учреждается для осуществления торговой, заготовительной, производственной деятельности; автономная некоммерческая организация создается для предоставления услуг в области образования, здравоохранения, культуры, науки, права, физической культуры и спорта и иных услуг. Таким образом, автономная некоммерческая организация, созданная для осуществления образовательной деятельности, может предоставлять платные образовательные и консультационные услуги, производить и продавать необходимые для образовательного процесса книги и другие материалы, программные обеспечение и иные сопутствующие товары, сдавать помещения в аренду, получая прибыль.

Однако наличие в законодательстве признаков «основной» деятельности НКО не гарантировало бы возможности определения того, является ли основная деятельность организации исключительно предпринимательской или непредпринимательской: один и тот же вид деятельности может быть направлен одновременно на достижение целей создания некоммерческой организации и на извлечение прибыли. Например, некоммерческая организация, в качестве цели создания которой определено развитие физической культуры и спорта, может осуществлять деятельность на платной, т. е. на прибыльной, основе. В этом случае вся деятельность организации, являясь предпринимательской, одновременно реализует и общественно полезную цель — развитие физической культуры и спорта. И цель извлечения прибыли, и общественно полезная цель равнозначны, т. е. выделить, какая из них является главной, а какая второстепенной, затруднительно [17, с. 25]. Заслуживает внимания высказывание К. Н. Беляева, который ставит вопрос о целесообразности использования понятия «основная цель». «Может быть, — рассуждает автор, — было бы лучше определить, что для некоммерческих организаций извлечение прибыли вообще не является целью ее деятельности, и не делать акцент на несновной ее характер» [3, с. 38].

В настоящее время многие некоммерческие организации обосновывают ведение предпринимательской деятельности именно тем, что это необходимо для достижения уставных целей организации, но очень часто под «маской» скрывают именно коммерческие организации. В. В. Ляпаев, анализируя деятельность общественных объединений, приходит к выводам: «Будучи выброшенными в стихию рынка, общественные объединения, чтобы выжить, а значит иметь ресурсы для развития, зачастую вынуждены идти по пути латентной, а нередко и явной коммерциализации. Тенденция к коммерциализации деятельности общественных объединений проявляется в том, что добывание денег становится основной целью их создания, а не дополнительной и подчиненной уставным целям, как это предусмотрено законодательством» [11, с. 96].

В подобных случаях Е. А. Суханов предлагает в отношении таких юридических лиц, как благотворительные, религиозные и иные общественные объединения, нуждающихся в соответствующей имущественной базе, формировать ее либо за счет добровольных взносов и пожертвований участников (учредителей), либо за счет деятельности созданных ими в качестве учредителей коммерческих юридических лиц — хозяйственных обществ и (или) товариществ. В этом случае юридические лица в роли обычных предпринимателей становятся нормальными участниками имущественных отношений, а учредители получают возможность полностью сосредоточиться на основной деятельности. В качестве юридических лиц такие организации должны заниматься исключительно текущей хозяйственной деятельностью (ремонтом и (или) арендой помещений, обслуживанием транспорта и иного необходимого оборудования, выпуском печатной продукции), которая при подобном подходе действительно будет носить сугубо вспомогательный характер [1, с. 18].

Если принять предпринимательскую деятельность некоммерческой организации за «неосновную» цель, возникнет логическое противоречие, так как предпринимательская деятельность может быть для субъекта только основной и не может быть подчинена никакой иной цели, кроме извлечения прибыли. Кроме того, из определения предпринимательской деятельности данного ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации следует, что указанный вид деятельности может осуществляться только специальными субъектами, т. е. лицами, зарегистрированными в установленном порядке в качестве предпринимателей. Очевидно, что к их числу некоммерческие организации в любом случае не относятся, поэтому упомянутое положение ст. 50 ГК РФ противоречит норме приведенной статьи. Многие ученые в этом случае предлагают взамен деления юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации ввести новую градацию: предпринимательская (прибыльная) организация и непредпринимательская (бесприбыльная) организация [4, с. 32]. Можно согласиться с Е. А. Сухановым, который отмечает, что «...термины „предпринимательские и непредпринимательские" — это просто вопрос словоупотребления и принципиального значения он не имеет» [7].

Более значимой и серьезной мы считаем необходимость полного запрета занятия предпринимательской деятельностью некоммерческим организациям. Это позволит законодателю в рамках Гражданского кодекса РФ создать серьезное препятствие неоправданному использованию различных форм некоммерческих организаций для осуществления предпринимательской деятельности. Даже если она вполне законна, прибыль таких организаций, как правило, не декларируется либо косвенно перераспределяется через фонд оплаты труда. Таким образом, льготные налоговые предоставления со стороны государства некоммерческим организациям, в том числе благотворительным фондам, оказываются неоправданными и несправедливыми, что в свою очередь подрывает доверие широких кругов населения.

В Гражданском кодексе можно будет установить четко очерченный перечень организационно-правовых форм некоммерческих организаций по аналогии с перечнем организаций коммерческих, так как сейчас отсутствие данного ограничения приводит к бурному росту разнообразных форм квазинекоммерческих организаций, которые со временем потребуют их легального закрепления и детальной регламентации их правового статуса в законе. По этому поводу четко высказался Б. М. Гонгало: «Думается, что не ограничив перечень форм некоммерческих организаций в ГК РФ, мы тем самым открыли ящик Пандоры» [10]. На наш взгляд, запрет на занятие предпринимательской деятельностью помешает тем, кто использует эту законодательную щель в целях реализации частных интересов и дискредитации общественных и иных некоммерческих организаций.

Что же касается возражений людей, которые, возможно, увидят в этом предложении посягательство на законные интересы некоммерческих организаций по обеспечению собственного существования, то данная проблема легко может быть разрешена путем создания и деятельности коммерческой организации. Она будет заниматься необходимой предпринимательской деятельностью, а ее результат будет направлен на реализацию целей некоммерческой организации. Таких примеров достаточно в мировой правовой практике.

Второй критерий — распределение полученной прибыли между участниками некоммерческой организации, по мнению многих ученых, значителен в современных условиях. Это обстоятельство отмечает и В. А. Рахмилович: «...признаком, отличающим коммерческие организации от некоммерческих, по ГК, практически остается право первых распределять полученную прибыль между своими участниками и отсутствие такого права у вторых» [9, с. 122].

Но действительно ли на практике данный критерий деления юридических лиц имеет столь эффективное применение? Не осуществляя глубокий анализ действующего законодательства, регулирующего деятельность НКО, в качестве примера можно привести те же потребительские кооперативы, прибыль которых, согласно п. 5 ст. 116 ГК, может распределяться между его членами. Что же касается иных организационно-правовых форм НКО, то в настоящее время многие из них находят действенные способы распределения доходов от предпринимательской деятельности между участниками. Любая некоммерческая организация нуждается в грамотном управлении. В свою очередь управление организацией — это деятельность физических лиц, которая должна вознаграждаться. Следовательно, оплату труда руководителей НКО вполне резонно рассматривать как действие, направленное на достижение целей организации и требующее расходов (из прибыли, полученной от предпринимательской деятельности) [6, с. 245].

П. 3 ст. 50 ГК РФ и п. 3 ст. 26 Федерального закона «О некоммерческих организациях» устанавливают запрет на распределение прибыли некоммерческих организаций между их участниками (членами). Таким образом, остается неразрешенным вопрос о праве их учредителей на получение части их прибыли. Он урегулирован в нормах «специального» законодательства не-

однозначно. Так, согласно п. 2 ст. 6 Федерального закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» [19] прибыль, полученная благотворительной организацией, не подлежит распределению между ее учредителями. Между тем в отношении учредителей (собственников) благотворительных учреждений установлено иное правило. В силу п. 2 ст. 299 ГК РФ учредитель (собственник) учреждения имеет право собственности на доход, полученный от использования имущества, находящегося в оперативном управлении учреждения, и, таким образом, может изъять этот доход по основаниям, предусмотренным п. 2 ст. 296 ГК РФ. В этом случае можно сделать вывод о несоответствии общих норм ФЗ «О некоммерческих организациях» и ст. 6 Закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», что вновь подчеркивает необходимость совершенствования гражданского законодательства в этой области.

Итак, два основных отличительных признака, указанные в российском законодательстве в качестве критериев разграничения коммерческих и некоммерческих организаций, не позволяют провести четкий раздел между ними. Извлечение прибыли, равно как и ее распределение, — признак, который может характеризовать как коммерческую организацию, так и некоммерческую, и в части случаев отличить коммерческое юридическое лицо от некоммерческого можно лишь по организационно-правовой форме. Установить на практике, когда извлечение прибыли является основной целью организации, а когда побочной, бывает довольно трудно, и многие некоммерческие организации фактически коммерциализируются, в большей мере осуществляя предпринимательскую, нежели некоммерческую, деятельность. Запрет на распределение прибыли более универсален и значим и применим не ко всем видам некоммерческих организаций. Прежде всего это касается потребительского кооператива, который, по мнению ряда авторов, должен быть признан коммерческой организацией на законодательном уровне [18, с. 15].

Таким образом, сегодня можно говорить только о становлении российского законодательства о некоммерческих организациях. Существующее избыточное многообразие видов некоммерческих организаций, несомненно, переходит все разумные границы и нуждается в адекватной коррекции.

Использование в современных условиях легальных критериев разграничения юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации способствует образованию разрыва между концептуальным и фактическим содержанием понятия «некоммерческая организация». Установлено также, что в настоящее время в гражданском законодательстве существует проблема выработки принципов четкого деления юридических лиц на коммерческие и некоммерческие и многие НКО, не изменяя правового статуса, фактически превратились в коммерческие юридические лица, необоснованно использующие льготы, предоставляемые для достижения общественно полезных целей деятельности, для корпоративного обогащения. В связи с этим возникает острая необходимость как в научном осмыслении действующего законодательства, так и в изучении теоретического и практического опыта западноевропейских стран, с целью определения основных путей по совершенствованию правового регулирования предпринимательской деятельности как некоммерческих организаций, так и коммерческих юридических лиц с их участием.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Авилов Г. Е.** Юридические лица в современном российском гражданском праве // Г. Е. Авилов, Е. А. Суханов // Вестн. гражд. права. — 2006. — Т. 6, № 1. — С. 14—25.

2. **Андреев В. И.** Роль государства в развитии малого предпринимательства / В. И. Андреев // Правовые проблемы малого предпринимательства. — М., 2001. — С. 59—91.

3. **Беляев К. П.** О делении юридических лиц на коммерческие и некоммерческие в гражданском законодательстве // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. С. С. Алексеева ; Исследовательский центр частного права. Уральский филиал. Российская школа частного права. Уральское отделение. — М., 2000. С. 35—48.

4. **Белых В. С.** Субъекты предпринимательской деятельности : понятие и виды / В. С. Белых // Правовое положение субъектов предпринимательской деятельности : сб. науч. тр. / отв. ред., сост В. С. Белых. Екатеринбург, 2002. — С. 28—29.

5. **Валявина Е. Ю.** Развитие законодательства о некоммерческих организациях / Ю. О. Валяева // Журн. рос. права. — 2009. № 1. — С. 18—26.

6. **Вербицкая Ю. О.** О делении организаций на коммерческие и некоммерческие / Ю. О. Вербицкая // Корпорации и учреждения : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. — М., 2007. — С. 24—25.

7. Интернет-интервью с Е. А. Сухановым «Перспективы развития гражданского законодательства в России : планы и современные реалии» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/interview/sukhanov.htm/ — Загл. с экрана.

8. **Кашковский О. П.** Правовое регулирование предпринимательской деятельности некоммерческих организаций : дис. канд. юрид. наук : 12.00.04 / О. П. Кашковский. — М., 2000. — 184 с.

9. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. О. Н. Садикова. — М. : Контракт ; Инфра-М, 1997. — 778 с.

10. Комментарий к Федеральному закону «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». / под ред. Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинникова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2006. — 302 с.

11. **Лапаев В. В.** Закон об общественных объединениях нуждается в совершенствовании / В. В. Лапаев // Журн. рос. законодательства. — 1997. — № 4. — С. 93—97.

12. О банке развития : Федер. закон от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ // СЗ РФ. — 2007. — № 22. — Ст. 2562.

13. О некоммерческих организациях : Федер. закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ [с посл. измен. от 03.06.2009 г.] // СЗ РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 145.

14. О рынке ценных бумаг : Федер. закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ [с посл. измен. от 03.06.2009 г.] // СЗ РФ. — 1996. — № 17. — Ст. 1918.

15. О сельскохозяйственной кооперации : Федер. закон от 8 декабря 1995 г. [с посл. измен. от 03.12.2008г.] // СЗ РФ. — 1995. — № 50. — Ст. 4870.

16. О физической культуре и спорте в РФ : Федер. закон от 4 декабря 2007 г. [с посл. измен. от 07.05.2009 г.] // СЗ РФ. — 2007. — № 50. — Ст. 6242.

17. **Новодворский В. Д.** Признаки предпринимательской деятельности некоммерческих организаций / В. Д. Новодворский, Г. А. Перфильев // Некоммерческие организации в России. — 2004. — № 3. — С. 23—28.

18. **Суханов Е. А.** Некоммерческие организации как юридические лица / Е. А. Суханов // Хозяйство и право. — 1998. — № 4. — С. 11—17.

19. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // Рос. газ. — 1995. — 17 авг.

Поступила 30.09.09.

СООТНОШЕНИЕ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО В ПРАВООТНОШЕНИЯХ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

В. А. Чудайкин

В статье анализируются вопросы содержания отношений института несостоятельности (банкротства). На основе анализа нормативных и доктринальных положений автор приходит к выводу о сложном комплексном характере частно-правовых и публично-правовых отношений несостоятельности (банкротства).

Правовые отношения — это отношения между субъектами, урегулированные нормами права и состоящие во взаимной связи субъективных прав и юридических обязанностей участников [8, с. 742]. По природе правоотношения можно классифицировать на частные и публичные. Деление основано на различии между интересами, которые берутся под защиту норы права. Часть из них настолько важны для государства, что оно становится их носителем. Такой характер имеют, например, оборона государства от внешних врагов, борьба с преступностью, образование. Они относятся к публичным и защищаются публичным правом [11, с. 345]. Другую, частноправовую, категорию составляют интересы, которые считаются достоянием

© В. А. Чудайкин, 2009

отдельных частных лиц: обладание имуществом, обзаведение семьей, получение наследства [11, с. 346]. В Российской Федерации приоритет отдается правам и свободам человека и гражданина, а связи с чем частноправовые отношения более распространены, нежели публичные. Отношения, регулируемые конкурсным правом, складываются между должником, не способным исполнить денежное обязательство и (или) обязанность по уплате обязательных платежей, с одной стороны, и его кредиторами — с другой, по поводу соразмерного удовлетворения их требований в очередности, предусмотренной законом, за счет имущества должника [7, с. 30].

Вопрос о природе правоотношений несостоятельности (банкротства) является дискуссионным. Основная проблема заключается в том, что нормы конкурсного права невозможно отнести к какому-либо конкретному правовому институту или отрасли [9, с. 62].

Ряд авторов расценивают конкурсное право как институт частного права. Так, В. Ф. Попондопуло предлагает дифференцировать «институт частного права — конкурсное право» и «институт публичного права банкротства». Вместе с тем, указывает автор, законодательство о несостоятельности является комплексным и состоит из законодательных и подзаконных актов, содержащих нормы частного и публичного права, направленные на урегулирование комплекса взаимосвязанных в реальной действительности частных (горизонтальных) и публичных (вертикальных) отношений, возникающих в связи с несостоятельностью лица [7, с. 77]. Часть отношений, регулируемых конкурсным правом, составляют, входящие в структуру предмета гражданско-правового регулирования — имущественных и связанных с ними неимущественных отношений с участием граждан и юридических лиц, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников (п. 1 ст. 2 ГК РФ) [3]. Отношения между должником и кредиторами, возникшие благодаря неисполнению денежных обязательств по поводу соразмерного удовлетворения требований кредиторов за счет имущества должника, носят частноправовой характер. Одна из особенностей метода частноправового регулирования в данном случае состоит в том, что удовлетворение требований кредиторов осуществляется в очередности, предусмотренной Законом «О несостоятельности...». О частноправовом характере данных отношений, указанном В. Ф. Попондопуло, свидетельствует также следующее: правовой статус субъектов отношений (должник, кредиторы — субъекты гражданского (обязательственного) права); юридическое содержание отношений (совокупность обязанностей неплатежеспособного (включая несостоятельного) должника и прав требований кредиторов); юридический объект отношений (действия должника (арбитражного управляющего) по соразмерному удовлетворению требований кредиторов из имущества должника в очередности, предусмотренной законом) [7, с. 30]. На наш взгляд, банкротство, например градообразующих организаций, затрагивает не только интересы неопределенного круга лиц. Банкротство крупных предприятий может отразиться на состоянии экономики страны в целом.

По мнению Е. А. Васильева, отношения, возникающие в связи с абсолютной неплатежеспособностью должников, регулируются целым комплексом норм материального и процессуального характера, образующих специфический институт гражданского и торгового права — несостоятельность, или конкурсное право [4, с. 441]. Об институте несостоятельности (банкротства) невозможно говорить как об отрасли права, это комплексная отрасль законодательства.

М. В. Телюкина полагает, что частноправовые и публично-правовые элементы конкурсных отношений настолько взаимосвязаны, что нет необходимости разделять публичные и частные аспекты конкурсного права [9, с. 66].

В том же контексте рассматривает природу конкурсных правовых отношений и А. Б. Агеев, определяя правоотношения банкротства как комплексные материально-процессуальные охранительно-регулятивные, основанием возникновения которых является неисполнение или ненадлежащее исполнение должником денежных обязательств. Правоотношение банкротства в охранительном аспекте рассматривается как мера юридической ответственности, способом реализации которой выступает ликвидация должника [1, с. 6, 37]. Критикуя данную позицию, Е. Г. Дорохина указывает, что гражданско-правовая ответственность как один из способов защиты гражданских прав не только направлена на охрану имущественной сферы потерпевшей стороны, но и предполагает соответствующее материальное (имущественное) воздействие на правонарушителя. Такое воздействие предусматривает возложение невыгодных имущественных последствий на нарушителя, связанное с применением санкций, причем приводящих к определенным лишениям имущественного или личного характера. Именно невыгодность имущественных последствий в совокупности с применением санкции отличает меру гражданско-правовой ответственности от принудительного исполнения обязанности. Санкции, влекущие за собой определенные лишения, должны быть применены к нарушителю третьим лицом. При банкротстве мы видим обратное: должник вправе самостоятельно подать заявле-

ние о признании его банкротом; банкротство должника-гражданина скорее благо, нежели невыгодное последствие правонарушения, поскольку освобождает должника от дальнейшего исполнения требований кредиторов, не выполненных в ходе конкурсного производства [5, с. 32—33]. Именно концепция ликвидации как способа реализации юридической ответственности будет выступать целью института несостоятельности (банкротства). На наш взгляд, эта функция наиболее присуща финансовому оздоровлению должника.

Попытку представить правоотношение банкротства как способ защиты прав кредиторов предпринял А. И. Белоликов, полагавший, что отношения кредиторов друг с другом являются основным предметом регулирования законодательства о банкротстве, в связи с чем банкротство является способом защиты права кредитора не столько от должника, сколько от иных кредиторов. При этом отношения, складывающиеся между кредиторами, направлены на максимальное увеличение своей доли исполнения обязательств за счет имущества должника [2, с. 34]. Между тем нельзя согласиться с утверждением, что предметом конкурсного права являются преимущественно правовые отношения между кредиторами, поскольку разногласия не могут являть основой для развития правоотношений в процессе банкротства [5, с. 111].

Наиболее удачна, по нашему мнению, позиция С. А. Карелиной: институт несостоятельности (банкротства), формируясь на стыке частного и публичного права, приобрел новое качество, не сводимое к свойствам отдельных его исходных элементов, речь идет о едином целостном предмете правового регулирования, в нашем случае — об отношениях, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством) должника [6, с. 54]. Безусловно, особое место в процессе несостоятельности занимает одно из основных правовых средств частного права — соглашение, заключаемое на различных этапах дела о несостоятельности. Так, в соответствии со ст. 132 Закона «О несостоятельности (банкротстве)» [10] установление специального правового режима имущества социально значимых объектов влечет за собой особый порядок их продажи — путем проведения торгов в форме конкурса. Затем орган местного самоуправления заключает с покупателем соглашение об исполнении условий.

Согласно положениям ст. 79 Закона «О несостоятельности (банкротстве)» соглашение об обеспечении обязательств должника в соответствии с графиком погашения задолженности заключается в течение 15 дней с даты введения финансового оздоровления. Процедура финансового оздоровления вводится арбитражным судом на основании решения собрания кредиторов. Но в приведенных примерах использование соглашения как одного из основных частно-правовых средств регулирования зависит от использования публично-правовых средств. Решение собрания кредиторов (по аналогии с решением общего собрания участников хозяйственных обществ) нельзя отнести к частно-правовым средствам регулирования отношений в сфере несостоятельности. В. Химичев указывает, что для осуществления основного права кредитора, состоящего в удовлетворении его материально-правового требования к должнику, законодатель наделяет кредитора дополнительно специфичными правами, которые не вытекают из гражданского правоотношения [12, с. 33]. Одним из них является право участвовать в коллегиальных органах кредиторов, которые выражают их общую волю. Данное средство существенно влияет на динамику отношений, связанных с несостоятельностью.

Должник не вправе без согласия собрания (комитета) кредиторов в рамках финансового оздоровления совершать сделки или несколько взаимосвязанных: а) в отношении которых у него имеется заинтересованность или которые связаны с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения прямо или косвенно имущества должника, балансовая стоимость которого составляет более 5 % балансовой стоимости активов должника на последнюю отчетную дату, предшествующую сроку заключения сделки; б) которые влекут за собой выдачу займов (кредитов), поручительств и гарантий, а также учреждение доверительного управления имуществом должника (п. 2 ст. 82 Закона «О несостоятельности (банкротстве)». Согласно ст. 101 указанного закона крупные, а также сделки, в совершении которых имеется заинтересованность, заключаются внешним управляющим только с согласия собрания (комитета) кредиторов.

Предлагаем, что эффективное использование как частноправовых, так и публично-правовых средств регулирования может существенным образом повлиять на характер финансово-хозяйственной деятельности должника и процесс восстановления его платежеспособности. Таким образом, публично-правовые средства регулирования отношений несостоятельности оказывают непосредственное влияние на содержание и порядок применения частно-правовых средств. В свою очередь последние способствуют реализации публично-правовых средств [6, с. 56]. В частности, положения ст. 95 Закона «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривают введение моратория на удовлетворение требований кредиторов, который, безусловно, является публично-правовым средством. Введе-

ние моратория влечет за собой ряд юридических последствий, одним из которых является начисление процентов на сумму требований конкурсного кредитора и уполномоченного органа в порядке и размере, установленном в Законе «О несостоятельности (банкротстве)». Соглашением внешнего управляющего с конкурсным кредитором могут быть предусмотрены и меньший размер подлежащих уплате процентов или более короткий срок начисления процентов по сравнению с указанными в законе.

Примечательно, что многие соглашения в процессе осуществления предпринимательской деятельности строятся в соответствии с Типовыми соглашениями, утверждаемыми государственными органами, в результате чего происходит трансформация частноправового средства в публично-правовое [6, с. 57]. Так, в целях реализации Федерального закона от 9 июля 2002 г. № 83-ФЗ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей»[1]. Правительство РФ утвердило Типовые соглашения о реструктуризации долгов и о списании сумм пеней и штрафов. Ряд средств экономического, организационного, информационного и другого характера, приобретающих в процессе реализации норм права правовую форму, также неразрывно взаимодействуют с публично-правовыми средствами. Например, продажа предприятия должника и последующее заключение договора купли-продажи в рамках внешнего управления возможны лишь после опубликования сообщения о продаже на торгах (п. 6 ст. 109 Закона «О несостоятельности (банкротстве)».

О публично-правовом характере банкротства говорит и то, что с социальной и экономической точки зрения оно является невыгодным, ведет к цепочке неплатежей, неисполнения ряда обязательств, поэтому прибегать к ликвидации необходимо в исключительных случаях. Институт банкротства, на наш взгляд, преследует особую социально и экономически значимую цель — восстановление платежеспособности должника и его финансовое оздоровление. Исходя из этого возникает объективная потребность в государственном регулировании процесса несостоятельности, для того чтобы противостоять частным устремлениям отдельных кредиторов, и удовлетворения публичных интересов.

Таким образом, безусловно, в правоотношениях несостоятельности (банкротства) присутствуют как частные, так и публичные начала, которые тесным образом взаимодействуют и переплетаются между собой. Часть отношений, регулируемых конкурсным правом, составляют частноправовые между должником и кредиторами, возникшие из неисполнения денежных обязательств, по поводу соразмерного удовлетворения требований кредиторов за счет имущества должника, а также соглашения, заключаемые на различных этапах дела о несостоятельности.

Остальные нормы конкурсного права посвящены регулированию публично-правовых отношений. К таковым относятся регулирующие процедуру финансового оздоровления, так как ее цель не может сводиться исключительно к удовлетворению требований кредиторов в полном объеме, а заключается в улучшении состояния деятельности предприятий и экономики в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Агеев А. Б.** Банкротство в гражданском праве. Проблемы теории : автореф. дис. канд. юрид. наук / А. Б. Агеев. — М., 2001. — 24 с.

2. **Белоликов А. И.** Принципы банкротства / А. И. Белоликов // Право и экономика. — 2004. — № 8. — С. 32—37.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации : по состоянию на 1 марта 2009 года. — М. : Эксмо, 2009. — 912 с.

4. Гражданское и торговое право капиталистических государств / под ред. Е. А. Васильева. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М. : Международ. отношения, 1993. — 556 с.

5. **Дорохина Е. Г.** Природа правоотношения несостоятельности (банкротства) / Е. Г. Дорохина // Журн. рос. права. — 2006. — № 5. — С. 110—117.

6. **Карелина С. А.** Правовое регулирование отношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством) : сфера взаимодействия частноправовых и публично-правовых средств / С. А. Карелина // Законодательство. — 2008. — № 8. — С. 52—60.

7. **Попондопуло В. Ф.** Конкурсное право : правовое регулирование несостоятельности (банкротства) : учебное пособие / В. Ф. Попондопуло. — М. : Юристъ, 2001. — 331 с.

---

[1] *Постановление Правительства Российской Федерации от 30 января 2003 г. № 52 «О реализации Федерального закона „О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей“» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

8. Теория государства и права : учебник / под ред. М. Н. Марченко. — М. : Зерцало, 2009. — 848 с.

9. **Телюкина М. В.** Основы конкурсного права / М. В. Телюкина ; Российская академия наук ; Институт государства и права. — М. : Волтерс Клувер, 2004. — 560 с.

10. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)». — М. : Эксмо, 2009. — 288 с.

11. **Хвостов В. М.** Общая теория права : элементарный очерк / В. М. Хвостов. — 6-е изд., испр. и доп. — СПб. : Н. П. Карабасников, 1994. — 155 с.

12. **Химичев В. А.** Защита прав кредиторов при банкротстве / В. А. Химичев. — М. : Волтерс Клувер, 2005. — 176 с.

Поступила 30.09.09.

ПРАВОВОЙ СТАТУС КОМНАТ В БЫВШИХ ОБЩЕЖИТИЯХ: ГРАНИЦЫ ПРАВОМОЧИЙ СОБСТВЕННИКА (НАНИМАТЕЛЯ)

Т. И. Нестерова

Статья посвящена проблемам правового статуса комнат в жилых домах, исключенных из состава общежитий или утративших статус общежития в силу закона.

Российское законодательство предусматривает несколько оснований для исключения жилых помещений из числа общежитий.

1. В Законе РФ от 4 июля 1991 г. № 1541-I «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» [3] всегда существовал запрет на приватизацию жилых помещений в общежитиях. Однако необходимо различать общежития и жилые дома, которые назывались общежитиями, но фактически ими не являлись.

Гражданин, которому отказывают в приватизации комнаты в общежитии, может обратиться в суд с иском об исключении жилого помещения из числа общежитий ввиду несоответствия его признакам общежития. После получения положительного решения суда гражданин вправе приватизировать соответствующее помещение.

2. В соответствии со ст. 7 Федерального закона РФ от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» к отношениям по пользованию жилыми помещениями, которые находились в жилых домах, принадлежавших государственным или муниципальным предприятиям либо государственным или муниципальным учреждениям и использовавшихся в качестве общежитий, и переданы в ведение органов местного самоуправления, применяются нормы Жилищного кодекса о договоре социального найма [2].

Реализуя указанные положения, органы местного самоуправления могут принять решение о снятии статуса общежития с соответствующих домов. Однако отсутствие такого решения не может препятствовать осуществлению гражданами прав нанимателя жилого помещения по договору социального найма, поскольку их реализация не может быть поставлена в зависимость от оформления органами местного самоуправления указанных документов [4].

Как указано в определении Верховного Суда РФ от 21 ноября 2006 г. №85-В06-19[1], из буквального смысла ст. 7 ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» следует, что общежития, которые принадлежали государственным или муниципальным предприятиям либо государственным или муниципальным учреждениям и были переданы в ведение органов местного самоуправления, с момента вступления в силу названного Федерального закона утрачивают статус общежитий и к

[1] *Определение Верховного Суда РФ от 21 ноября 2006 г. № 85-В06-19 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».*

© Т. И. Нестерова, 2009

ним применяется правовой режим, установленный для жилых помещений, предоставленных по договорам социального найма. Следовательно, граждане, занимающие такие жилые помещения, с момента вступления в силу указанного Федерального закона приобретают в отношении данных жилых помещений все права и обязанности, предусмотренные для нанимателя жилого помещения по договору социального найма.

Таким образом, в зависимости от того, по какому основанию комната исключается из состава общежития, гражданин приобретает либо право собственности на комнату (после приватизации), либо право пользования соответствующей комнатой (с момента вступления в силу ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации»). Причем и в том и другом случае дом, где расположена комната, может либо оставаться в составе общежитий, либо быть выведен из состава общежитий впоследствии (по решению органа местного самоуправления).

В настоящее время возникает необходимость определения границ правомочий собственника (нанимателя) комнаты в общежитии (бывшем общежитии). Помимо права собственности (пользования) на комнату, гражданину должна переходить еще и доля в праве собственности на общее имущество квартиры (или право пользования общим имуществом): кухня, коридор, санузел и т. д. Это означает, что должен существовать единый объект, состоящий из нескольких комнат и общего имущества, которым в совокупности пользуются наниматели (наниматели и собственники; собственники), а именно коммунальная квартира. Ситуация осложняется тем, что внутреннее строение бывших общежитий представляет собой большое количество изолированных комнат с общими туалетом, душем, кухней.

Достаточно сложно представить себе коммунальную квартиру, состоящую из 18 комнат, однако иного варианта, кроме признания секции (крыла, этажа — в зависимости, от того, какой объект обособлен) коммунальной квартирой и присвоения всей квартире единого номера, нет. В противном случае, если признать, что наниматели (собственники) обладают только отдельной комнатой, мы придем к выводу, что общее имущество на каждом этаже в виде коридора (санузла, туалета) принадлежит муниципалитету, что представляется наиболее парадоксальным в случае, когда все комнаты в бывшем общежитии приватизированы. Между тем общеизвестно, что общее имущество никогда не было самостоятельным объектом права. Ни коридор, ни санузел нельзя использовать отдельно от комнаты, а тем более распоряжаться ими. А комната в совокупности с общим имуществом — составная часть коммунальной квартиры.

Жилищный кодекс Российской Федерации [1] не содержит определения коммунальной квартиры. На основе анализа ст. 59, а также ст. 41—43 ЖК РФ можно сделать вывод о том, что коммунальная квартира — жилое помещение, состоящее из двух и более комнат, занимаемых несколькими гражданами, не являющимися членами одной семьи, как по отдельным договорам найма, так и принадлежащих им на праве собственности; в коммунальных квартирах наряду с изолированными комнатами, предоставленными жильцам по договорам социального найма и (или) переданными им в собственность, имеется также общее имущество: туалет, коридор, ванная, душ. Согласно норме п. 1. ст. 41 ЖК РФ общее имущество — это имущество, используемое для обслуживания более чем одной комнаты.

Учитывая данные положения ЖК РФ, можно отнести обособленную совокупность комнат с общим имуществом (секцию, крыло, этаж) к коммунальной квартире. Тот же самый вывод можно сделать исходя из ст. 62 ЖК РФ. Согласно данной статье предметом договора социального найма жилого помещения должно быть жилое помещение (жилой дом, квартира, часть жилого дома или квартиры). Таким образом, по договору социального найма отдельному нанимателю (вместе с членами его семьи) может предоставляться либо отдельный обособленный объект — дом, квартира, либо часть данного объекта — часть дома, квартиры (заметим, не комната, а часть квартиры, т. е. комната с общим имуществом). Таким образом, когда речь идет о части квартиры, подразумевается часть коммунальной квартиры, когда несколько пользователей (собственников) пользуются по различным договорам социального найма одной квартирой. Следовательно, комната предметом договора социального найма выступать не может. Вышеизложенное приводит к выводу о невозможности указания в договоре комнаты как самостоятельного объекта такого договора.

Ситуация с правом собственности на комнату в общежитии не такая однозначная. Раздел II Жилищного кодекса Российской Федерации предполагает право собственности на жилое помещение без раскрытия содержания последнего. Ст. 16 относит к жилым помещениям жилой дом либо его часть; квартиру либо ее часть; комнату.

Однако, как уже упоминалось, невозможно приобрести какие-либо права на комнату, не обладая правом на общее имущество. Поэтому необходимо внести изменения в ЖК РФ, исключив комнату из числа объектов права собственности.

Между тем судебная практика в ряде случа-

ев развивается именно по парадоксальному направлению (признание права собственности только на комнату в общежитии), чреватому негативными последствиями в будущем. Приведем лишь один пример из однотипной судебной практики. Лефортовский районный суд Саранска в решении от 3 ноября 2004 г., рассмотрев иск П. к Администрации г. Саранска и МУ «Городское агентство по приватизации жилищного фонда и обмену жилой площади» решил: иск П. удовлетворить; исключить жилое помещение, расположенное по адресу: г. Саранск, ул. Веселовского, д. 83, комната 81, из числа жилых помещений, имеющих статус общежития; обязать Администрацию г. Саранска заключить с П. договор о бесплатной передаче ей в собственность жилого помещения, расположенного по адресу: г. Саранск, ул. Веселовского, д. 83, комната 8*

В результате П. было выдано свидетельство о праве собственности на комнату в общежитии общей площадью 17,9 кв. м. Когда все комнаты в общежитии будут исключены из состава общежитий и приватизированы, а граждане станут их собственниками, муниципалитет останется собственником большого количества вспомогательных помещений в доме начиная от коридоров и заканчивая туалетами.

Существует несколько вариантов решения проблемы.

Во-первых, как уже указывалось, в ЖК РФ необходимо внести изменения и исключить комнаты из числа объектов права собственности. Во-вторых, дать в кодексе конкретное определение коммунальной квартиры, например, как в первой редакции Закона г. Москвы от 11 марта 1998 г. № 6 «Основы жилищной политики в городе Москве» (п. 1 ст. 18): «Квартира коммунального заселения — жилое помещение, состоящее из двух и более комнат, занимаемых несколькими гражданами как по отдельным договорам найма, так и принадлежащих им на праве частной собственности». В-третьих, при рассмотрении судами исков об исключении комнат в общежитиях из числа таковых и их приватизации суд должен определить состав коммунальной квартиры, в которую входит вышеуказанная комната, привлечь остальных владельцев (собственников) комнат к участию в процессе и вынести решение об исключении из состава общежития комнаты в коммунальной квартире и обязании агентств по приватизации к приватизации комнаты в коммунальной квартире. При использовании данной конструкции (коммунальной квартиры) снимаются указанные в данной статье противоречия, ведь приватизация комнат в коммунальных квартирах проблем не вызывает, а количество этих комнат (две или восемнадцать) значения не имеет. Если все пользователи комнат в коммунальной квартире выступают истцами по иску, можно предъявить еще одно дополнительное требование к муниципалитету об изменении нумерации квартиры и присвоении ей единого номера.

Судебная практика также подтверждает нашу позицию о признании нескольких комнат в секции (крыле) общежития коммунальной квартирой. Так, в определении СК Омского областного суда от 5 июня 1996 г. № 33-964[2] указано следующее. К., занимающая комнату № 3 с семьей в составе трех человек, и Г., занимающая комнату № 2 вдвоем с Б., проживающие в одной секции дома, обратились с иском к ГЖК и администрации района о предоставлении освободившейся в секции комнаты № 1 как нуждающимся в улучшении жилищных условий. Г. указала также, что при снятии в 1994 г. с дома статуса общежития ее перевели в положение поднанимателя, ордер на комнату № 2 был выдан на Б. Истцы отметили, что три комнаты изолированные, в секции имеется санузел, секция изолирована от общего коридора. Судебная коллегия Омского областного суда, вынося определение, указала: статус общежития с дома, где проживают истцы, снят; поэтажный план дома свидетельствует о том, что каждая секция представляет собой коммунальную квартиру.

В кассационном определении СК Пензенского областного суда от 17 апреля 2007 г. № 33-671[3] также говорится о предоставлении освободившегося жилого помещения в коммунальной квартире, которая ранее была общежитием. В постановлении Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 5 декабря 2007 г. № 44г-830/07[4] также говорится о коммунальной квартире в бывшем общежитии. В постановлении Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 31 января 2007 г. № 44г-43/07[5] говорится о расторжении договора социального найма ввиду выезда нанимателей из комнаты в коммунальной квартире в доме, ранее являвшемся общежитием.

---

* *Адрес изменен.*

[2] *Определение Судебной коллегии Омского областного суда от 5 июня 1996 г. № 33-964 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».*

[3] *Определение Судебной коллегии Пензенского областного суда от 17 апреля 2007 г. № 33-671 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».*

[4] *Постановление Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 5 декабря 2007 г. № 44г-830/07 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».*

[5] *Постановление Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 31 января 2007 г. № 44г-43/07 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ [с посл. измен. от 23.07.2008 г.] // СЗ РФ. — 2005. — № 1 (ч. I). — Ст. 14.

2. О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации : федер.закон от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ [с посл. измен. от 01.12.2007 г.] // СЗ РФ. — 2005. — № 1 (ч. 1). — Ст. 15.

3. О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации : закон РФ от 4 июля 1991 г. № 1541-1 [с посл. измен. от 11.06.2008 г.] // Рос. газ. — 1993. — № 5. — С. 5.

4. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 апреля 2007 г. № 37-В07-2 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. — 2008. — № 4. — С. 8.

Поступила 06.10.09.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО СОЗДАНИЮ НОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

О. М. Родионова

В статье анализируется специфика создания норм гражданского права как совместная деятельность органов власти и общества. Выявленные особенности позволяют по-новому взглянуть на проблему значимости ряда регуляторов, не имеющих статуса норм гражданского права, например, локальных норм.

Для развития понимания нормы гражданского права, как и любой другой, необходимо, не отказываясь от признания ее специфичности, видеть назначение этого явления, его обусловленность внешними факторами и связь с другими правовыми феноменами. Поэтому обратимся к анализу элементов деятельности по созданию норм гражданского права, которая включает в себя цель, предмет, орудия (средства), операции (или действия), субъекта деятельности, продукт (результат). Определить норму гражданского права как результат соответствующей гражданско-правовой деятельности можно, раскрыв содержание каждого из указанных элементов.

1. Субъекты гражданско-правовой деятельности по созданию гражданско-правовых норм

Относительно субъекта, создающего нормы права, господствует взгляд, согласно которому норма права «определяется государственной волей господствующих или влиятельных в данном обществе классов, сословий, социальных групп, партий, воздействующих на формирование и развитие права» [18, с. 507]. Однако еще Н. М. Коркунов отмечал: «Правило должного всегда содержит в себе веление действовать так или иначе, но не всегда само есть веление чьей-либо воли». В качестве примера норм, не исходящих от государства и тем самым опровергающих исключительно волевой порядок создания норм права, ученый приводит обычай, нормы которого «...не представляются актами повелевающей воли» [11, с. 156].

Можно ли в таком случае назвать единообразный источник норм права как правил деятельности? А. В. Поляков, суммируя высказывания многих исследователей, определил его так: «Долженствование всегда есть положительная ценность, которая может восприниматься субъектом как автономная (свободно признаваемая) или гетерономная (внешне обязывающая). В последнем случае должное предстает в сознании субъекта как объективная реальность». Для нашего исследования очень важен и другой вывод исследователя: «...должное... возникает только в результате деятельности социальных субъектов, которые и интерпретируют их в качестве объективно-социально-значимых норм» [16]. Это утверждение согласуется с деятельностным подходом в определении субъектов создания норм гражданского права.

С позиции деятельностного подхода правило деятельности вырабатывается в ходе совместной деятельности всех сил общества, а если сложилось государство, то совместно с ним.

© О. М. Родионова, 2009

Если государство имеет большой авторитет, то в качестве должного будут выступать его веления. В случае, если государство не обладает таким авторитетом или намеренно уклоняется от изъявления воли (как в случае с либеральным государством), то должное и соответственно нормы права могут определяться другими силами.

Конечно, может возникнуть вопрос о значении негосударственных норм права, но это больше сфера политики, чем права. Отметим, что исторически нормы гражданского права развивались в основном как нормы сильного, авторитетного государства, способного стать арбитром в решении многочисленных имущественных и личных неимущественных конфликтов. Сегодня нет оснований опровергать господствующее в правоведении утверждение о том, что норма гражданского права устанавливается или санкционируется государством. Даже в случае с обычаем очевидно, что государство остается силой, творящей право, поскольку санкционирует не им созданные нормы, «которые становятся правом только и именно в результате придания им общеобязательной силы» [18, с. 208]. Не санкционированные в качестве норм права правила поведения остаются фактами реальной действительности.

Эта позиция оспаривается в науке гражданского права. Некоторые исследователи считают правила поведения, выработанные конкретными юридическими лицами для регулирования отношений внутри организации (корпоративные нормы), правовыми. Так, Т. В. Кашанина утверждает, что государство санкционирует корпоративные нормы, поскольку «нормы, изданные государством, в определенных случаях определяют и процедуру принятия корпоративных норм» [10, с. 85]. Однако санкционирование должно выразиться не в указании порядка принятия норм, а в их общеобязательности, что отсутствует в данном случае.

Долженствование может быть не только внешне обязывающим, но и свободно принимаемым. В гражданском праве исходя из дозволительного порядка правового регулирования должное определяется участниками отношений и на основании данного государством дозволения.

Должный характер норм права ставит вопрос об их обязательности. Норма гражданского права, в отличие от индивидуального правового предписания, не просто обязательна, а общеобязательна. Несмотря на видимую очевидность этого признака, он также не является сегодня бесспорным [4, с. 30]. Общеобязательность управомочивающих норм гражданского права вызывает сомнения у С. С. Алексеева [3, с. 289], поскольку их адресаты могут по выбору использовать или не использовать права. Необходимо иметь в виду представительно-обязывающий характер указанных норм: из предоставления кому-то определенных прав вытекают соответствующие встречные обязанности другой стороны правоотношения. Даже нормы, которые устанавливают права, являются велением, поскольку этому праву, как справедливо указывает А. С. Пиголкин, «соответствует властное указание по отношению к другим лицам обеспечить своими действиями (или, наоборот, воздержанием от них) осуществление этой возможности» [15, с. 161]. Еще Г. Кельзен обращал внимание на особое понимание термина «должен»: «Глагол „должен“ (sollen) употребляется здесь в более широком, нежели обычно, смысле. В обычном словоупотреблении только приказанию соответствует „должен“, а „позволению“ — „может“, „уполномочиванию“ — „имеет право“. Но здесь „должен“ выражает нормативный смысл акта, интенционально направленного на поведение других. Понятие долженствования („должен“) включает здесь также „может“ и „имеет право“; ведь норма может не только предписывать (приказывать), но также позволять, и особенно, уполномочивать» [21, с. 12].

Таким образом, управомочивающая норма становится обязательной не только для непосредственного адресата, но и для иных субъектов, связанных с ним в рамках соответствующего правоотношения. Так, в соответствии с п. 2 ст. 520 ГК РФ «Покупатель (получатель) вправе отказаться от оплаты товаров ненадлежащего качества и некомплектных товаров, а если такие товары оплачены, потребовать возврата уплаченных сумм впредь до устранения недостатков и докомплектования товаров либо их замены»[1]. Для управомоченной стороны эти правила не являются обязательными, однако на основе этой нормы у продавца появляются обязанности либо не препятствовать покупателю в его отказе от сделки, либо в соответствии с его требованием вернуть полученную денежную сумму. Обязательность этой нормы, таким образом, обращена к продавцу.

2. Предмет и цель гражданско-правовой деятельности по созданию гражданско-правовых норм

Предмет гражданско-правовой деятельности по созданию норм гражданского права — то, по поводу чего возникает и протекает указанная деятельность. В. Н. Карташов считает, что объектом правотворческой деятельности

[1] *Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».*

выступают «...те или иные общественные отношения, подлежащие нормативно-правовому регулированию» [9]. Однако под предметом деятельности по созданию нормы гражданского права мы должны понимать нечто иное. В науковедении это достаточно давно осознано. Н. Яхиел отмечает: «Главное отличие объекта от предмета заключается не в том, что объект — это общее, целое, а предмет — это частное, часть целого. Важно понять, что объект (в отличие от предмета) не принадлежит науке, а тем более данному исследованию, а находится вне этой формы общественного сознания. Объект потому и объект, что существует объективно, независимо от чьего-либо сознания, воли или желания» [23].

Перенеся общенаучные рассуждения на исследование гражданско-правовой деятельности по созданию норм гражданского права, приходим к выводу, что предмет — это всего лишь способ видения объекта с позиции данной деятельности. Это означает, что предмет всегда идеален (в отличие от объекта), поскольку существует только в нашем (или общественном) сознании. Форма существования объекта — реальность (общественные отношения), форма существования предмета — знания об этой реальности.

В качестве предмета исследуемой деятельности выступают не общественные отношения, а идеи упорядочения деятельности, складывающейся по поводу имущественных и личных неимущественных отношений. Источниками таких идей могут быть опыт (собственный или заимствованный) и теоретические построения. Например, действующий Гражданский кодекс РФ — плод частной инициативы. Коллектив ученых, объединенных Центром частного права, в период с весны по осень 1993 г. подготовил проект части первой кодекса [2, с. 30]. При подготовке проекта «достаточно скрупулезно были учтены международные документы по вопросам собственности, купли-продажи и, что особо существенно, прав и свобод человека. Консультации велись ведущими юристами Германии, Нидерландов, Италии, США. Было использовано все лучшее из зарубежного опыта. Однако, как отмечает С. С. Алексеев, «в самой трактовке кодексом собственности, иных вещных прав, купли-продажи, аренды, всего комплекса договорных и внедоговорных обязательств, наследования, в их нормативной проработке, терминологии, других технико-юридических элементах и гранях — везде присутствует российская (русская) правовая материя» [2, с. 38].

Целью гражданско-правовой деятельности в целом, как было указано, является создание юридических условий для обеспечения осуществления имущественных и личных неимущественных интересов субъектов общественных отношений. Обеспечить осуществление прав и законных интересов означает в первую очередь сделать их реально возможными для каждого субъекта гражданского права. Реальность деятельности — действия. Поэтому для достижения цели гражданско-правовой деятельности, необходимо определить такой порядок действий, выполнение которого позволит всем лицам осуществлять права и законные интересы в полном объеме. Очень точно определял эту необходимость Н. М. Коркунов. Он писал: «...не может быть безусловного подчинения интересов одного интересам другого, а осуществлению интересов каждого должна быть отграничена известная сфера, или, другими словами, интересы эти для возможности их совместного неосуществления должны быть так или иначе разграничены» [11]. Такой порядок *действий, разграничивающий интересы, и закрепляется в норме гражданского права.*

3. Средства и действия гражданско-правовой деятельности по созданию норм гражданского права

Средства и действия деятельности по созданию норм гражданского права в теории государства и права объединяют в рамках категории правотворческой техники [8; 17; 19; 20; 22]. Под правотворческой техникой обычно понимают совокупность (систему средств, приемов, правил и методик, используемых при подготовке, издании и опубликовании нормативных актов) [14, с. 123]. Как верно отмечает В. Н. Карташов, средства юридической техники могут быть разделены на общесоциальные, специально-юридические и технические [9, с. 250—251]. К общесоциальным следует отнести язык (отечественный и иностранный), выражающие его знаки и языковые единицы (слова, словосочетания, предложения, графические конструкции и т. п.), общеупотребляемые термины, а также научные категории и законы, социальные нормы и т. д. Специально-юридические средства — это юридические понятия, термины, конструкции, нормативно-правовые предписания, категории и научные законы, выработанные в процессе развития правовой системы общества, правотворческой практики и юриспруденции [13]. Технические средства (множительная и телевизионная техника, компьютеры и пр.) используются в процессе подготовки и принятия документов, содержащих нормы гражданского права, выраженных в форме нормативного правового акта.

Действия, совершаемые в процессе гражданско-правовой деятельности по созданию норм гражданского права, представляют собой внешне выраженные акты по использованию со-

ответствующих средств. Предмет рассматриваемой деятельности, как указывалось выше, является идеальным образованием — явлением правосознания. В связи с этим наибольшую важность для создания нормы гражданского права имеют действия по использованию научных категорий и законов, такие как логические операции, прежде всего обобщение.

Норма гражданского права не конкретное правило поведения, а *обобщенное*, поэтому любая правовая норма, в том числе и гражданско-правовая, — «результат обобщения типических и видовых качеств общественных отношений, ...участников этих отношений, ...действий и событий, влекущих правовые последствия, ...объектов права...» [12].

Будучи обобщением, норма гражданского права противоположна индивидуальному правовому предписанию, поскольку рассчитана на оценку отдельного, разового отношения, не на каких-либо конкретных лиц, а на множество отношений определенного вида и индивидуально неперсонифицированных лиц, попадающих под условия ее действия [5].

С нашей точки зрения подобная интерпретация нормы права не соответствует действительности, поскольку эта характеристика нормы гражданского права — результат ее генезиса как правового явления.

Категория нормы права возникла как ответ на потребность обобщения всех правил поведения, которые складывались в обществе. Г. Дж. Берман отмечал, что «римские юристы классического и послеклассического периодов воспринимали правовую норму как обобщение общих элементов решений по ограниченному классу дел» [6, с. 141]. Норма была значима не сама по себе, а только как средство классификации скопившегося правового материала, необходимого для рационализации и упрощения вынесения судебного решения. В то время она еще не представляла собой истины и соответственно могла измениться в связи с трансформацией судебной практики. Только западноевропейские юристы XI—XII вв. стали считать римские нормы правовыми максимами. В XII в. великий логик П. Абеляр в «Диалектике» описывал максиму как посылку, которая суммирует смысл и логику, общие для подразумеваемых в ней отдельных посылок [1, с. 106]. Так же юристы средневековой Болоньи индуцировали универсальные принципы из отдельных случаев. Кроме того, они были уверены, что каждое правовое решение или норма — это вид рода «право», поэтому смогли использовать все части права для построения целого и одновременно использовать целое для толкования каждой из частей [6, с. 143]. Такое понимание нормы права сохраняется и сегодня. В исследованиях компаративистов отмечается: «Правовая норма романо-германской правовой семьи является чем-то средним между решением спора — конкретным применением нормы — и общими принципами права» [7, с. 70]. Суть нормы права не в том, чтобы ее многократно реализовывать (это следствие), а в том, чтобы под норму подходило как можно больше конфликтных ситуаций, требующих правового разрешения. Поэтому нельзя не согласиться с О. Э. Лейстом в том, что норма права, без сомнения, — *результат обобщения* типических и видовых качеств общественных отношений, участников этих отношений, действий и событий, влекущих правовые последствия, объектов права [12, с. 52]. Следовательно, *норма гражданского права может быть определена как обобщение порядков гражданско-правовой деятельности субъектов гражданского права, эффективно разграничивающих их интересы.*

Однако при этом подчеркивается, что норма права не может быть беспредельным обобщением. Исследователи в области сравнительного правоведения обоснованно считают, что «нормы права не должны быть слишком общими, так как в этом случае они перестают быть достаточно надежным руководством для практики; но в то же время нормы должны быть настолько обобщенными, чтобы регулировать определенный тип отношений, а не применяться, подобно судебному решению, лишь к конкретной ситуации» [7, с. 71]. Однако баланс между конкретикой и обобщением не обязательно должен быть одинаковым во всех отраслях права: большая конкретизация допустима в таких отраслях, как уголовное или налоговое право, «где стремятся максимально сократить произвол администрации» [7, с. 71]. Напротив, большая степень обобщения необходима в отраслях, где нет нужды в однозначных и жестких предписаниях. *Для гражданско-правовых норм характерна большая степень обобщенности*, поскольку круг регулируемых общественных отношений очень широк, а количество норм должно быть оптимальным.

Результатом исследуемой деятельности выступает норма гражданского права. Она несет отпечатки каждого элемента этой деятельности. Поэтому она не может быть ничем иным, как вырабатываемым в ходе совместной деятельности социальных общностей и государства общеобязательным обобщением порядков деятельности, направленным на разграничение имущественных и личных неимущественных интересов субъектов гражданского права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Абеляр П.** Диалектика. Предикаменты. Книга о частях речи, которые мы называем высказываниями / П. Абеляр // Теологические трактаты. — М., 1995. — С. 38.

2. **Алексеев С. С.** Гражданский кодекс. Заметки из истории подготовки проекта. Замечания о содержании Кодекса, его значении и судьбе / С. С. Алексеев // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика : сб. памяти С. А. Хохлова / отв. ред. А. Л. Маковский ; Исследоват. центр частн. права. — М., 1998. — С. 21—42.

3. **Алексеев С. С.** Общая теория права / С. С. Алексеев. — М. : ТК Велби ; Проспект, 2008. — 576 с.

4. **Афанасьева Л. В.** Нормы права и их действие (вопросы теория) : дис. канд. юрид. наук : 12.00.01. — М., 2000. — 177 с.

5. **Байтин М. И.** Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. — Саратов : СГАП, 2001. — 413 с.

6. **Берман Г. Дж.** Западная традиция права : эпоха формирования / Г. Дж. Берман. — М., 1998. — 624 с.

7. **Давид Р.** Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози ; пер. с фр. В. А. Туманова. — М. : Междунарол. отношения, 1996. — 400 с.

8. Законотворческая техника современной России : состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. В 2 т. / Ин-т «Открытое общество» (Фонд Сороса — Россия) ; Нижегород. академия МВД РФ ; под ред. В. М. Баранова. — Н. Новгород, 2001. — Т. 1. — 544 с. ; Т. 2. — 543 с.

9. **Карташов В. Н.** Теория правовой системы общества : учеб. пособие. В 2 т. Т. 1 / В. Н. Карташов. — Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 2005. — 574 с.

10. **Кашанина Т. В.** Корпоративное (внутрифирменное) право : учеб. пособие / Т. В. Кашанина. — М. : Норма, 2003. — 320 с.

11. **Коркунов Н. М.** Лекции по общей теории права / Н. М.Коркунов. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — 430 с. — (Теория и история государства и права).

12. **Лейст О. Э.** Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст. — М. : Зерцало, 2008. 352 с.

13. Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов (направлены письмом Аппарата ГД РФ от 18 ноября 2003 г. N вн2-18/490) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://base.consultant.ru. — Загл. с экрана.

14. Общая теория права и государства : учеб. для юрид. вузов / авт. кол. : В. С. Афанасьев, А. Г. Братко, В. И. Гойман [и др.] ; под ред. В. В. Лазарев. — М. : Юристъ, 1994. — 360 с.

15. **Пиголкин А. С.** Нормы советского социалистического права и их структура / А. С. Пиголкин // Вопросы общей теории советского права : сб. ст. / Всесоюз. ин-т юрид. наук ; под ред. С. Н. Братуся. — М., 1960. — С. 148—193.

16. **Поляков А. В.** Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. Курс лекций / А.В. Поляков. — СПб. : Издат. дом С.-Петербург. гос. ун-та ; Изд-во юрид. ф-та С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. — 864 с.

17. Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. — Н. Новгород, 2000. — 823 с.

18. Теория государства и права : учебник / под ред. М. Н. Марченко. — М. : Зерцало, 2001. — 624 с.

19. **Хабибулина Н. И.** Юридическая техника и язык закона : монография / Н. И. Хабибулина. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2000. 92 с.

20. **Чигидин Б. В.** Юридическая техника российского законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Б. В. Чигидин. — М., 2002. — 23 с.

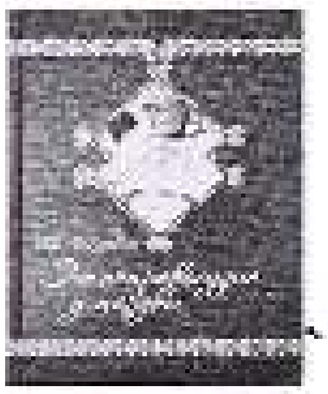
21. Чистое учение о праве Ганса Кельзена : К XIII конгрессу Международной ассоциации правовой и социальной философии (Токио, 1987) : сб. переводов. Вып. 1 / Академия наук СССР. Ин-т науч. инф. по обществ. наукам ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Разумович ; пер. С. В. Лезов, Ю. С. Пивоваров. — М. : Изд-во ИНИОН РАН, 1987. — 195 с. — (Поблемы государства и право за рубежом).

22. Юридическая техника : сборник : пер. с нем. / Рудольф фон Иеринг ; сост. А. В. Поляков. — М. : Статут, 2008. — 230 с.

23. **Яхиел Н.** Социология науки. Теоретические и методологические проблемы / Н. Яхиел ; пер. с болг. — М. : Прогресс, 1977. — 272 с. — (Общественные науки за рубежом. Философия и социология).

Поступила 30.09.09.

МОНОГРАФИИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ УЧЕНЫХ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

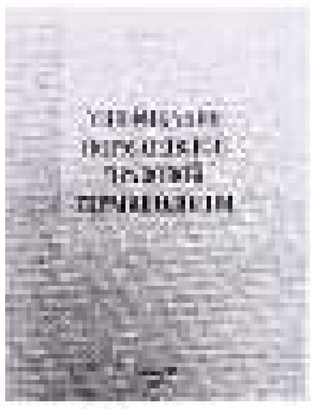

1. **Сушкова Ю. Н.** Этноправосудие у мордвы : монография / Ю. Н. Сушкова. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. — 576 с.

Тираж 500 экз. Усл. печ. л. 36.

Впервые в юридической антропологии на базе широкого круга источников, среди которых особую значимость имеют полевые экспедиционные материалы, обстоятельно анализируются правовые традиции мордвы с древнейших времен по настоящее время.

Для этнографов, юристов, историков, религиоведов, культурологов, социологов, политологов, краеведов, студентов и всех, кто интересуется прошлым и настоящим мордовского народа.

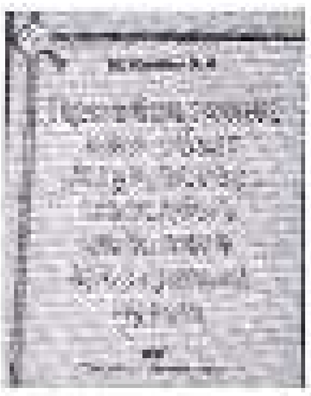

2. **Фомина Л. Ю.** Унификация нормативной правовой терминологии / Л. Ю. Фомина. — Саранск : Вектор-Принт, 2009. — 152 с.

Тираж 100 экз. Усл. печ. л. 8,9.

Излагаются теоретические и практические проблемы унификации нормативной правовой терминологии. Исследование начинается с рассмотрения понятия и правовой природы унификации нормативной правовой терминологии. Анализируются структура унификации нормативной правовой терминологии и перспективы ее осуществления в Российской Федерации.

Предназначается для ученых, юристов-практиков, преподавателей и студентов юридических вузов, а также для всех интересующихся данной проблематикой.

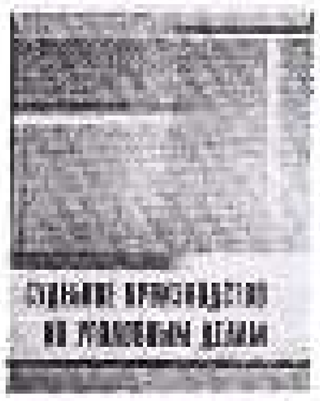

3. **Крапивина О. Н.** Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем / О. Н. Крапивина ; под науч. ред. Н. А. Лопашенко. — М. : Юрлитинформ, 2009. — 240 с.

Тираж 2 000 экз. Усл. печ. л. 15.

На основании доктринального и судебного толкования автор проводит комплексное междисциплинарное сравнительно-правовое, уголовно-правовое, уголовно-политическое и криминологическое исследование приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ). Сформулированы предложения по совершенствованию уголовного закона, выработаны правила квалификации преступного приобретения или сбыта имущества.

Работа предназначена для сотрудников правоприменительных органов, научных работников, преподавателей и студентов юридических учебных заведений.

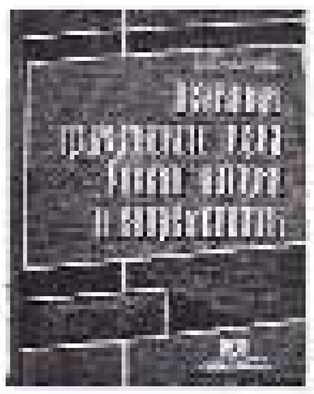

4. Судебное производство по уголовным делам : монография / под общ. ред. Л. Д. Калинкиной. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. — 272 с.

Тираж 300 экз. Усл. печ. л. 15,81.

На основе действующего уголовно-процессуального законодательства РФ, практики его применения с использованием достижений уголовно-процессуальной науки в проблемном ключе анализируются судебные стадии российского уголовного процесса. Дана характеристика наиболее важных вопросов порядка отдельных видов судебных производств в российском уголовном судопроизводстве: в порядке ст. 125 УПК РФ, по уголовным делам, подсудным мировому судье. Рассмотрены особенности судебного производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц и судебного разбирательства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Исследуются вопросы о процессуальных гарантиях обеспечения прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Для научных и практических работников, студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, всех, кто интересуется проблемами российского уголовного процесса.

5. **Родионова О. М.** Источники гражданского права России : история и современность / О. М. Родионова. — М. : Юрлитинформ, 2009. — 184 с.

Тираж 3 000 экз. Усл. печ. л. 11,5.

В работе анализируется развитие представлений об источниках гражданского права, исследуются основные виды источников зарубежного и отечественного гражданского права.

Книга адресована научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, практикующим юристам, а также всем читателям, интересующимся вопросами гражданского права.

6. **Емелькина И. А.** Теоретические проблемы вещных прав на недвижимое имущество : монография / И. А. Емелькина. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. — 184 с.

Тираж 200 экз. Усл. печ. л. 10,7.

В монографии освещаются актуальные проблемы современной теории вещного права и практики применения законодательства о вещных правах на недвижимое имущество, изложены основные теоретические подходы к понятию категории вещного права, выявлению его признаков, определению правового режима недвижимости. Особое внимание уделено разрешению проблемы «единого объекта» недвижимости, приобретения вещного права на бесхозяйные недвижимые вещи, находящиеся в фактическом владении.

Издание адресовано научным работникам, практикующим юристам, студентам и аспирантам юридических специальностей.

7. **Калинкин Ю. А.** Производство по уголовным делам в окружных судах Российской империи / Ю. А. Калинкин. — М. : Юрлитинформ, 2009. — 208 с.

Тираж 2 000 экз. Усл. печ. л. 13.

Работа посвящена окружным судам как основному звену пореформенной судебной системы Российской империи, главному органу ее преобразований. Опыт устройства и деятельности этих судов весьма интересен и полезен современному законодателю. На обширном историко-правовом материале автор рассматривает структуру, функции, общую организацию работы окружных судов, основные этапы производства в них уголовных дел.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, студентов-практиков.

8. **Калинкин Ю. А.** Компетенция, структура и функции окружных судов Российской империи : монография / Ю. А. Калинкин. — Саранск : Вектор Принт, 2009. — 56 с.

Тираж 100 экз. Усл. печ. л. 3,07.

Работа посвящена окружному суду как основному звену пореформенной судебной системы Российской империи, главному органу ее преобразований. Опыт организации и деятельности этих судов весьма интересен и полезен не только историку права, но и современному законодателю. На обширном историко-правовом материале автор рассматривает компетенцию, структуру и функции окружных судов.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, юристов-практиков.

9. Специальные курсы Особенной части уголовного права : учеб. пособие / сост. : С. Н. Помнина, О. Н. Крапивина, П. В. Малышкин, С. В. Петрикова. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. — 324 с.

Тираж 250 экз. Усл. печ. л. 18,83.

Учебное пособие по специальным курсам Особенной части уголовного права, читаемым на кафедре уголовного права, криминалистики и криминологии ГОУВПО «МГУ им. Н. П. Огарева», составлено в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности «Юриспруденция». В нем содержатся тематика дисциплин, аннотация к темам, ключевые понятия, планы семинарских занятий, вопросы для самоконтроля, практические и тестовые задания, графики самостоятельной работы, списки основной и дополнительной литературы, проверочные ма-

териалы и разъяснения постановлений Пленума Верховного Суда РФ (РСФСР). Рассматриваются как основные теоретические вопросы отдельных видов преступлений, так и проблемные вопросы квалификации.

Предназначено для студентов, преподавателей и аспирантов юридических вузов и факультетов, а также практических работников.

10. **Малышкин П. В.** Судебная экспертология : учеб. пособие / П. В. Малышкин, Н. А. Подольный. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. — 124 с.

Тираж 300 экз. Усл. печ. л. 6,74.

В учебном пособии рассматриваются процессуальные и организационно-методические вопросы, связанные с назначением и производством экспертиз, даются рекомендации по формулированию во- просов, которые ставятся перед экспертами при их назначении, освещаются и анализируются возможности разных видов судебных экспертиз: криминалистических, автотехнических, инженерно-технических и др., особенности проведения повторных, дополнительных, комплексных и комиссионных экспертиз.

Предназначено для студентов юридических вузов. Может быть использовано также следователями, судьями, прокурорами в их практической деятельности.

11. **Практикум** по уголовному праву. Особенная часть : учеб. пособие / С. В. Анощенкова, С. В. Петрикова, С. Н. Помнина [и др.]. — Саранск : Вектор-Принт, 2009. — 116 с.

Тираж 250 экз. Усл. печ. л. 6,77.

Учебное пособие подготовлено коллективом преподавателей кафедры уголовного права и процесса СВФ РПА Минюста России в соответствии с учебным планом по дисциплине «Уголовное право. Особенная часть».

В издании изложены темы занятий, рекомендуемая литература, вопросы и ситуационные задачи по отдельным темам, основные нормативные акты.

Рассчитано на использование при проведении занятий по дисциплине «Уголовное право. Особенная часть» у студентов очной и заочной форм обучения по специальности 030501 «Юриспруденция».

Сведения об авторах

Абрамов В. Г., кандидат юридических наук.

Алехин А. Е., кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Алямкин С. Н., кандидат философских наук.

Анопченкова С. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Артемьева И. В., студентка юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Бурдина Е. В., кандидат юридических наук, доцент, МГУ им. Н. П. Огарева.

Вилайкин А. В., студент МГУ им. Н. П. Огарева.

Гладышева И. П., старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Дудко И. Г., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и административного права юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Еремин А. Р., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Жадаева М. А., аспирант МГУ им. Н. П. Огарева.

Жочкина И. Н., старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Калинкина Л. Д., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Крапивина О. Н., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии МГУ им. Н. П. Огарева.

Крылова Ю. А., старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Крысин В. В., студент МГУ им. Н. П. Огарева.

Кусайкин В. Б., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Лезина Е. П., кандидат исторических наук, доцент, юридический факультет МГУ им. Н. П. Огарева.

Луконькина О. В., старший преподаватель кафедры международного и европейского права юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Любушкин В. А., преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Малыхин П. В., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, криминалистики и криминологии юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Мамаев И. Н., аспирант МГУ им. Н. П. Огарева.

Митяева Е. В., соискатель кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Мухудинова Н. Р., кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Назаров А. П., аспирант МГУ им. Н. П. Огарева.

Назарова Н. Б., кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник кафедры педагогики МГУ им. Н. П. Огарева.

Нестерова Т. И., доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Осипова Т. А., аспирант МГУ им. Н. П. Огарева.

Останков Д. Б., преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Пальчикова М. В., аспирант МГУ им. Н. П. Огарева.

Петрикова С. В., доцент кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии МГУ им. Н. П. Огарева.

Пилипенко С. Г., доцент кафедры государственного и административного права юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Полольный Н. А., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Помнина С. Н., доцент кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Потапов А. П., кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и административного права юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Потапова С. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Родионова О. М., доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Санина О. В., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры правовых дисциплин юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Санина Н. В., специалист 1-го разряда отдела административной реформы Министерства экономики РМ, соискатель кафедры государственного и муниципального управления.

Сарлаева О. Г., студентка МГУ им. Н. П. Огарева.

Сафонова Л. И., студентка МГУ им. Н. П. Огарева.

Смирнова В. В., кандидат юридических наук, доцент, Московская государственная академия водного транспорта.

Степайкина Е. В., преподаватель кафедры правовых дисциплин юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Сухов Э. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Сухова О. А., кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Сушкова Ю. Н., декан юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева, доктор исторических наук, заведующий кафедрой международного и европейского права.

Уздимаева Н. И., кандидат юридических наук, юридический факультет МГУ им. Н. П. Огарева.

Фадеева Е. И., аспирант МГУ им. Н. П. Огарева.

Хохлова Е. М., кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Худойкина Т. В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правовых дисциплин юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Чебуренков А. А., кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, криминалистики и криминологии юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Червонюк В. И., доктор юридических наук, профессор, Московский университет МВД России.

Чудайкин В. А., аспирант МГУ им. Н. П. Огарева.

Чукуров А. В., соискатель кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Шекшаева Е. В., аспирант, преподаватель кафедры правовых дисциплин юридического факультета МГУ им. Н. П. Огарева.

Шигуров А. В., доцент кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии юридического факультета МГУ им. Н. П.Огарева.

Шигурова Е. И., доцент кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии юридического факультета МГУ им. Н. П.Огарева.

Якомаскина В. В., преподаватель кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ им. Н. П. Огарева.

Ямашкин А. С., аспирант МГУ им. Н. П. Огарева.

Редакторы *Т. Б. Гутова, Е. В. Савейская*
Технический редактор *Т. А. Сальникова*
Компьютерная верстка *Е. Ф. Рогачевой, Л. В. Тростиной*

Подписано в печать 18.05.10. Формат 70×100 ¼. Усл. печ. л. 18,53.
Тираж 200 экз. Заказ № 806.

Издательство Мордовского университета
Типография Издательства Мордовского университета
430005, г. Саранск, ул. Советская, 24

ISSN 0236—2910.
ВЕСТН. МОРД. УН-ТА. 2009. № 4. С. 1—228.